

Г. ЭМАР

Г. ЭМАР

Scan Kreyder - 30.10.2017 - STERLITAMAK

Γ.ΘΜΑΡ

Г. ЭМАР

собрание сочинений
в двадцати пяти томах

МОСКВА
«ТЕРРА» — «TERRA»
1993

Г. ЭМАР

собрание сочинений
в двадцати пяти томах

том одиннадцатый

Тунеядцы Нового моста

МОСКВА
«ТЕРРА» — «TERRA»
1993

Текст печатается по изданию:
«Тунеядцы Нового моста»
Типография Ф. Х. Иордана. С-Пб, 1878

Составитель М. Секей
Художник Е. Сапожкова
Оформление И. Галкиной

Редактирование текста и подготовка оригинал-макета
осуществлены МП ТОО «Астра».

Эмар Гюстав.

Э 54 Собрание сочинений. В 25-ти т. Т. 11. Тунеядцы Нового моста: Роман/ Пер. с франц. — М.: ТЕРРА, 1993. — 464 с.: ил.

ISBN 5-85255-351-4 (т. 11)

ISBN 5-85255-092-2

В одиннадцатый том Собрания сочинений известного французского писателя Гюстава Эмара (1818—1883) вошел исторический роман «Тунеядцы Нового моста», описывающий первые годы царствования Людовика XIII.

Э $\frac{4703010100-111}{А30(03)-93}$ Подписное

ББК 84.4 Фр

ISBN 5-85255-351-4 (т. 11)

ISBN 5-85255-092-2

© Издательский центр «ТЕРРА», 1993

Тунеядцы Нового моста

ПРОЛОГ

Истребители

ГЛАВА I

Как несколько путешественников случайно встретились в гостинице «Олений Рог» и что из этого вышло

Вторая половина шестнадцатого века была для Франции, пожалуй, самой тяжелой эпохой в ее истории. Различные войны, и междоусобные и религиозные, едва не истребили французскую нацию. Несколько раз страна была на краю гибели; только гений Генриха IV спас ее. Гигантскими усилиями ему удалось возродить ее и вернуть ей прежнее положение в Европе, которым она пользовалась до Генриха II, этого театрального короля, не сумевшего сделать ничего лучше, как дать убить себя на каком-то глупом турнире. Он два года царил в Париже, который купил за наличные деньги, торжественно отрекшись перед тем от кальвинизма.

Лига, лишенная главных своих вождей, погибала. Тридцать лет государство наслаждалось миром. Вдруг ни с того ни с сего поднялась так называемая Жакерия — народное восстание, самый ужасный бич всякой страны, Жакерия, повторяющая события двухвековой давности, когда пламя народной войны полыхало по всей Франции.

Генриху IV выпало нанести последний удар умиравшим средним векам, дав народным правам первенство над правами знатных вассалов и уничтожая сословные различия ради национального единства.

До него первое основание этому уравниванию положил Людовик XI из эгоизма и кровавой тирании, а после — Арман дю Плесси, кардинал Ришелье, продолжал это гигантское

дело частью из личного честолюбия, частью в интересах абсолютной монархии.

Несмотря ни на какие старания королей, многочисленные разбойничьи шайки, опустошавшие самые богатые провинции в мрачную эпоху нашего рассказа, никак не могли быть истреблены. Они только видоизменялись, принаравливаясь к обстоятельствам. Их вожаки выбирались наугад, ловили рыбу в мутной воде, служили тем, кто лучше платил, а чаще всего воевали из личных выгод под драгоценным предлогом действия в интересах общего блага.

Эти шайки появлялись под разными названиями, но все носили один характер; наконец, появились так называемые *Опоздавшие*, или *Истребители*.

Это были настоящие Жаки, нескрывающие своей Жакерии!

Они хвастались своим происхождением и делали то же, что и их предшественники, не церемонясь в выборе средств.

Вскоре их шайка разрослась до полутора тысяч человек, охватила многие провинции и наконец превратилась в целую пятитысячную армию, отлично вооруженную, с прекрасной дисциплиной и опытными вождями. Начавшись во имя справедливости и законной обороны, это восстание неизбежно приняло потом наступательный характер и служило источником различных жестокостей.

Король Генрих IV хотел сначала ограничиться мягкими мерами, но это только усилило смелость Истребителей; тогда он перешел к более энергичным действиям, и Истребителям пришлось если не сложить оружие, то думать только об обороне.

Всякое восстание, которому приходится рассчитывать единственно на свои собственные силы и бороться в одиночестве посреди общего равнодушия, чувствует себя нравственно побежденным, а за этим вскоре следует и полное его подавление.

Вот в каком положении была Жакерия Истребителей в начале нашего рассказа.

Восемнадцатого июня 1595 года, часу в седьмом вечера, к гостинице, стоящей на перекрестке двух дорог, на полпути между Гурдоном и Сальвиакон, в одно время подъехали верхами два путешественника. Они прибыли с двух противоположных сторон, закутанные в широкие плащи и в надетых на лоб шляпах с большими полями, бросая друг на друга исподлобья далеко не дружелюбные взгляды.

— Эй, хозяин! — одновременно крикнули оба, остановившись у дверей.

Явился хозяин, маленький человечек с румяным лицом, умевший во всем угодать посетителям и в случае надобности заставить уважать себя. Он подошел с самой медовой миной, держа шляпу в руках. На его вопрос, заданный самым мягким голосом, не собираются ли господа остановиться у него переночевать, путешественники отвечали утвердительно, отрывистым, повелительным тоном. Хозяин с разными обиняками, но все тем же медовым голосом, объявил им, что именно сегодня никак не может исполнить их желания, хотя в любое другое время готов отдать в их распоряжение весь свой дом.

Путешественники переглянулись, как бы советуясь. Один из них подъехал вплотную к маленькому человечку, схватил его за шиворот и швырнул на середину дороги. Затем оба путника соскочили с лошадей, без дальних околичностей бросили ему под нос поводья, крикнув: «В конюшню!» — и вошли в гостиницу.

— Ну, пусть пеняют на себя! — прошептал хозяин гостиницы, оставшись один. — Я свое дело сделал.

— Маглуар! Маглуар! — крикнул он и, велев выбежавшему поджарому слуге взять лошадей, медленно вошел в дом.

В большой, низкой комнате, пропитанной запахом дыма и освещенной чадившей лампой в три рожка да пылавшим огнем очага, перед которым жарились дичь и мясо, сидели только двое крестьян за бутылкой и стаканами. Хозяйка, проворная молоденькая особа лет восемнадцати, с лукавым и живым лицом, хлопотала около очага и бранила слуг, беспрестанно бегавших с блюдами и тарелками на верхний этаж по лестнице, находившейся в глубине комнаты.

Едва путники вошли, хозяйка покраснела, словно пион, сделала испуганное движение и с минуту стояла в замешательстве, теребя край передника. Путешественники между тем уселись в противоположных концах комнаты, спиной к очагу, подняв до самых глаз воротники плащей. Крестьяне только взглянули на них исподлобья и спокойно продолжали прерванный разговор. В это время вошел хозяин.

Гостиница «Олений Рог», бывшая прежде совсем захудалым заведением, при мэтре Гриппнаре просто преобразилась и ныне процветала. Но хозяина это не удовлетворяло: он стремился уехать в Париж и открыть там дело.

Муж и жена быстрым шепотом перемолвились о чем-то, затем она направилась к тому из вновь прибывших, который сидел справа, а хозяин — к тому, что слева, стараясь рассеять мрачное облако, вероятно навеянное на его красноватое лицо словами жены.

В эту самую минуту у крыльца послышался топот нескольких лошадей, лай собак и крики.

— Черт их всех возьми! — пробормотал хозяин, отходя опять к дверям.

Но его чуть не сбили с ног человек семь молодых охотников в великолепных костюмах. Они ворвались в комнату вместе со сворой гончих, поднявших такой лай, что невозможно было двух слов разобрать. В конце концов собак уняли, и их хозяева потребовали вина и ужин.

Ответа хозяина гостиницы все еще нельзя было расслышать за их восклицаниями и смехом.

— Господа, — удалось ему наконец возвысить голос, — я в отчаянии, но мне решительно нечего подать вам.

Жаркое у очага так ясно противоречило его словам, что сначала посетители опешили от ответа хозяина, но затем кинулись на несчастного, собираясь хорошенько его отделать.

Он отбивался изо всех сил, защищая готовившийся ужин, хозяйка размахивала суповой ложкой направо и налево, молодежь, то смеясь, то угрожая, старалась завладеть жарким.

Это был настоящий содом.

Вдруг раздался такой пронзительный свист, что и осаждающие, и осажденные разом умолкли и точно остолбенели.

На нижней ступеньке лестницы показался человек среднего роста, с фигурой атлета, целым лесом рыжих волос на голове, с лицом, напоминавшим бульдога и ястреба, но с выражением до некоторой степени силы и власти на этом лице. Он был в потертом, заплатанном крестьянском платье.

— Эй! — крикнул он. — Кого здесь убивают?

Все обернулись в его сторону.

— Жан Ферре! — вскричали разом охотники. — Смерть Истребителю!

И, столпившись посреди комнаты, они схватились за шпаги.

Он продолжал хладнокровно стоять на лестнице.

— Боже Всевышний! — иронично сказал он. — Вы слишком шумите, господа вельможи, в таком месте, куда бы вам не следовало и заглядывать! Вы хотите съесть ужин Истребителей? Увидим! А прежде не угодно ли вам спрятать шпаги?!

Из толпы охотников вышел один.

— Нам не угодно спрятать шпаги, — надменно заявил он, — здесь гостиница, и за деньги каждый имеет право спрашивать себе что хочет... Вот тебе деньги, плут, — прибавил он, бросив кошелек хозяину, — и давай нам ужин!

Владелец гостиницы попятился.

— А, так-то! — произнес Истребитель. — Мне очень жаль вас, господин граф дю Люк, я вам не желал зла. Вы-то добрый вельможа.

— Не отставайте, господа! — призвал граф. — Если случай отдает нам в руки этого негодяя, не стоит упускать его!

Охотники бросились вперед, но в эту самую минуту Бог весть откуда выскочили человек двадцать Истребителей, которые мигом окружили их и обезоружили.

— Что прикажете делать, командир? — обратился один из Истребителей к Жану Ферре.

— Сколько их, О'Бриен? — холодно поинтересовался тот, не двинувшись с места.

— Семеро, да восемь человек слуг, связанных в конюшне.

— Прекрасно! Повесить всех, господ над слугами: всякому почет по заслугам!

Он повернулся и хотел уйти наверх.

Один из двух путешественников, о которых мы говорили раньше, встал и подошел к Истребителю.

— Ферре! — очень спокойно позвал он его. — На одно слово.

Предводитель Жаков удивленно обернулся.

— Кто ты? — спросил он.

— Смотри, — отвечал путешественник, отбросив плащ так, что только Ферре мог видеть его лицо.

— Хорошо! — проговорил Ферре. — Что тебе нужно?

— Жизнь этих людей.

Наступило мертвое молчание. Незнакомец наклонился к Ферре и шепнул ему несколько слов.

— Пожалуй! — громко согласился наконец Истребитель. — Господа, вы мои пленники. Даете вы мне слово не пытаться бежать, пока я не решу вашу участь?

— Даем, — засмеялся граф дю Люк, славный малый лет тридцати восьми, — если вы отдадите нам шпаги, которые мы клянемся не пускать в ход, и если вы согласны, чтобы мэтр Грипнар подал нам ужин... Если же нет — мы несогласны!..

— Отдайте им шпаги! Слышите, мэтр Грипнар? Я приглашаю этих господ ужинать. Граф дю Люк, возьмите ваш кошелек. Господа, я полагаюсь на ваше слово.

Охотники поклонились.

По знаку Жана Ферре Истребители сейчас же ушли, и в комнате остались только охотники, двое крестьян, продолжавших свой разговор, и двое путешественников, из которых один стоял возле предводителя Жаков.

— Пойдемте! — пригласил его последний, тронув незнакомца за плечо.

— Ступайте, я иду за вами, — заверил его тот.

Они поднялись наверх и исчезли в темноте.

ГЛАВА II

О том, как полезно слушать разговор охотников после выпивки

ойско Истребителей, как мы уже говорили, отличалось хорошей организацией, им командовали прекрасные офицеры, но не было талантливых генералов — вернее, там все хотели быть генералами. Истребители нуждались в вожде, который принадлежал бы к высшему классу общества и был бы знаком с воинским искусством; вожаки Истребителей хорошо знали этот недостаток своей армии и прилагали все усилия, чтобы исправить положение.

Но ни дворянство, ни среднее сословие не хотели вести войну себе во вред, входя в соглашение с Жаками, цель которых состояла в уничтожении привилегий этих классов и в достижении равных с ними прав в отношении почестей, должностей и богатств государства. Мягкие меры короля не привели ни к чему, и он решил повернуть круче.

Ходили смутные слухи, будто бы из Парижа послан лазутчик с поручением переговорить с властями в трех восставших провинциях — Лимузене, Перигоре и Сентоже и будто многочисленное войско, быстро идущее против мятежников.

Необходимо было как можно скорее нанести решительный удар, пока королевская армия еще не успела дать сражение.

В тот вечер, которым начинается наш рассказ, предводители Жаков провинции Лимузен, сосредоточив в окрестностях сильные отряды, собрались на военный совет в гостинице «Олений Рог», велев хозяину никого не впускать после заката солнца.

Но мы видели, что случилось.

После ухода Жана Ферре охотники разразились бранью в его адрес и досадовали, что сами сунули головы в петлю. Решив, однако, что сделанного не изменишь, они хотели отдать должное винам и ужину.

— Одно только меня интригует, — заметил граф де Ланжак, — что это за таинственная личность там, в углу, закутанная в плащ?

Охотники пытались расспросить хозяина, но он отвечал, что и сам впервые видит этого человека и не успел еще обменяться с ним и парой слов. Посмеявшись над осторожностью мэтра Грипнара, охотники вскоре забыли о таинственном путешественнике. Он не принимал участия в происходившем. Во время начинавшейся было драки хозяйка случайно или нарочно встала перед ним так, что никто его не заметил.

Он уже несколько минут тихо беседовал с ней, пока охотники ужинали, но вдруг одна фраза из их разговора заставила его замолчать и прислушаться.

— Вы с ума сошли, де Сурди! — вскричал дю Люк. — Никогда маркиз де Кевр не согласится отдать в монастырь свою единственную дочь.

— А между тем в будущий четверг она примет постриг в монастыре урсулинок в Гурдоне. Все вокруг только об этом и говорят.

— Странно!

— Такая богатая!

— Так хороша собой!

— И молода... едва шестнадцать лет!

— Но что же, однако, послужило этому причиной?

— Всякое говорят; но есть, конечно, и более определенные слухи.

— Расскажите! Расскажите! — закричали со всех сторон.

— Помните только, господа: за что принял, за то и выдаю, — сказал граф. — После смерти сына, убитого при Арке, маркиз де Кевр полностью отдался воспитанию дочери и перенес на нее всю свою любовь. Он ревностный католик, как вы знаете, и в одну из осад попал в руки гугенотов, собравшихся его повесить. Какой-то гугенотский офицер вступился за него и спас маркиза, рискуя собственной жизнью. Это был бедный провинциальный дворянин Ги де Монбрен. С этого дня маркиз и Монбрен не расставались, уехали вместе в Гурдон и жили в большой дружбе, несмотря на разницу в состоянии. Монбрен стал заведовать имениями де Кевра и удвоил их доходы. У Монбрена был сын — Стефан, красавец и человек благородного сердца. Он и Луиза де Кевр были тогда детьми — ему лет десять, ей лет пять, их воспитывали вместе, как брата и сестру. Потом они полюбили друг друга, и маркиз одобрял эту любовь; его мечтой сделалось поженить их. В одном только расходились друзья: в религиозных вопросах. Ревностный католик де Кевр и горячий гугенот Монбрен часто спорили, но споры всегда кончались мирно. Стефан между тем стал молодым человеком и поступил на военную службу поручиком. Ему пришла пора ехать в полк; маркиз экипировал его. Луизе тогда было четырнадцать лет, Стефану — девятнадцать. Конечно, они поклялись друг другу в вечной любви, и Стефан уехал. Прошел год, молодые люди переписывались. В это время король произнес свое отречение от веры и вошел в Париж. Маркиз де Кевр был назначен губернатором Лимузена, и все изменилось. Религиозные споры между друзьями возникали все чаще и становились сильнее. Маркиз говорил, что если уж король отрекся, то и Монбрен может бросить свою проклятую ересь. Монбрен не соглашался. Кончилось полным разрывом, поправить который было уже невозможно. Вы знаете страшный характер маркиза; тут он перешел всякие границы и до того преследовал своего прежнего друга, что довел его до отчаяния, и тот умер, проклиная его. В это время вернулся ничего не подозревавший молодой Монбрен и явился к маркизу. Между ними произошла страшная сцена, и сын бывшего друга де Кевра был позорно выгнан из замка, в котором больше не показывался.

— Это плохо! — заметил дю Люк. — Стефан не спустит подобной обиды.

— Он ведет теперь какую-то таинственную жизнь, ни с кем не видится, и никто не знает, что он делает.

— Это плохо кончится, — изрек де Ланжак.

— Да, — продолжал де Сурди, — все боятся, и я в том числе, как бы Монбрэн не попал в какую-нибудь скверную историю.

— А что же девушка? — спросил дю Люк.

— А как она могла противиться отцу? Она горевала, плакала и наконец покорилась, поклявшись, что ни за кого другого не выйдет. Но отец решил иначе, он выбрал ей другого жениха, молодого, богатого, красивого. Это чудо света зовется де Фаржи, он бригадир королевской армии и любим королем. Маркиз устроил все это, не посвящая в подробности дочь, и только дней десять тому назад хладнокровно объявил ей, что она должна готовиться встречать жениха, который вскоре приедет. Девушка ничего не ответила, но на другой же день убежала из дома и явилась в монастырь урсулинок, к своей тетке, аббатисе. Никому не известно, что она ей говорила, но тетка горячо приняла ее сторону, и девушка на днях примет постриг.

— Вот жалость-то, господа! Право! Ну, а что же маркиз?

— Маркиз заявляет, что предпочитает скорее видеть ее монахиней, нежели женой гугенота.

— *Ventre de biche!*¹ Он истый католик!

— Что до меня, так мне очень жаль и жениха, и невесту, — заключил дю Люк.

— Какого жениха?

— Во-первых, Монбрена.

— О нем нет ни слуху ни духу.

— Тем хуже! Значит, затевает какую-нибудь злую штуку. Он злопамятен и энергичен.

— А бедный граф де Фаржи?

— О, его мне не жаль. Сам навязался.

— Навязался? — удивился дю Люк. — Ему предложили жениться на прелестной молоденькой девушке, и он, разумеется, не стал отказываться, как на его месте поступил бы любой. О нем все отзываются как о честном человеке, он тут ни в чем не виноват. Разве его вина, что девушка любит

¹ Брюхо оленихи! (*фр.*)

другого? Ее отец должен был предупредить его, а не заставлять играть такую незавидную роль.

— Это правда! Он нисколько не виноват! — подтвердили охотники.

Таинственный путешественник встал и подошел к ним, сняв шляпу и опустив воротник плаща.

— Граф дю Люк, — обратился он к нему, очень вежливо и низко поклонившись, — позвольте поблагодарить вас за то, что вы приняли мою сторону, не зная меня. Я — граф Гектор де Фаржи.

Охотники встали и раскланялись.

— Извините, господа, — продолжал он, — что я невольно слышал ваш разговор, но он подсказывает мне, по крайней мере, как я должен поступить.

Молодые люди, застигнутые врасплох, смутились. Дю Люк нашелся первым и, улыбаясь, извинился за резко высказанную правду, но прибавил, что графу необходимо было знать ее.

Граф де Фаржи полностью с этим согласился и на вопрос дю Люка, неужели он поедет после этого в замок, отвечал утвердительно.

— А вы знаете, где вы? — шепотом спросил его дю Люк.

— Знаю.

— Окрестности оцеплены. Вас не пропустят.

— Никто, кроме вас и ваших товарищей, не подозревает о моем присутствии здесь, — ответил де Фаржи.

— А эти двое крестьян?

— Они за меня. Далеко еще до Гурдона?

— Около четырех миль.

— На хороших лошадях можно доехать за какой-нибудь час.

— Так вы едете?

— Сейчас же.

По его знаку крестьяне вышли.

— Уверены ли вы в них? — повторил дю Люк.

— Они мне преданы душой и телом и, кроме того, заодно с мятежниками. Еще раз благодарю вас, господа, и прощайте. Я не сомневаюсь, что все вы — верные слуги короля.

— Вы сами видели, что здесь произошло.

— Да, видел. До свидания, мы еще увидимся.

— Когда?

— После узнаете, — произнес де Фаржи, выразительно улыбнувшись.

Через несколько минут на улице послышался топот удалявшихся лошадей.

На лестнице показался Жан Ферре; остановившись на последней ступени, он оглядел комнату и подошел к охотникам.

ГЛАВА III

Кого Истребители выбрали своим вождем

Лестница внутри нижней залы гостиницы «Олений Рог» запиралась небольшой дверью; в верхней зале, над которой возвышался чердак с соломенной крышей, было по три окна с каждой лицевой стороны; вся обстановка ее состояла из большого дубового стола, скамеек по стенам и буфета с посудой.

За столом сидело человек тридцать в крестьянском платье, вооруженных с головы до ног; перед ними стояло множество обильных, изысканных блюд; они ели и пили с большим аппетитом.

В углу залы было прислонено к стене тридцать мушкетов; возле открытого окна, одного из двух средних, стоял часовой с ружьем у плеча; он ел, не спуская глаз с улицы, на подоконнике стояли тарелка, бутылка и стакан и лежал хлеб.

Здесь находились начальники Истребителей, собравшиеся для совещания. К чести мэтра Грипнара надо сказать, что он охотно обошелся бы без доверия, которым удостоили его эти люди, но у него не было выбора. Когда Жан Ферре вошел к ним с незнакомцем, они поднялись со своих мест.

— Сидите, успокойтесь! — сказал он. — Все кончено.

— Что же такое было?

— Пустяки. Несколько знатных господ хотели насильно захватить в свое распоряжение гостиницу, но я заставил их притихнуть. Одного моего слова было достаточно.

Все опять уселись, не спуская, однако, глаз с незнакомца. Жан Ферре поклонился ему, сняв шляпу.

— Вы можете сбросить плащ, — почтительно предложил он, — здесь скрываться не надо — все преданные люди.

Незнакомец сбросил плащ и шляпу.

— Мсье Стефан! — вскричали Жаки.

— Да, господа; Стефан де Монбрен, друг, явившийся по вашему зову, — спокойно отвечал незнакомец.

Начальники радостно столпились около него.

Стефан де Монбрен был молодой человек лет двадцати двух, с красивой, горделивой наружностью, высокий, стройный, с изящными манерами; на нем был черный бархатный костюм, длинная рапира и два пистолета у пояса и легкая кираса, без которой в то смутное время никто не обходился. Резкие черты лица выражали неутомимую энергию и железную волю; черные глаза с открытым выражением горели магнетическим блеском; усы были кокетливо закручены вверх, подбородок прикрывала эспаньолка.

В эту минуту он был спокоен и бледен. На приглашение отужинать он откровенно признался, что целый день ничего не ел, выехав с восьми часов утра, чтоб не опоздать к назначенному времени.

Жакам очень понравилась его открытая манера. Он чокнулся со всеми и выпил за уничтожение привилегий, равенство и правосудие.

Но внимательный наблюдатель заметил бы, что он играет роль. Конечно, он не скрывал от себя важности того, на что шел; он, дворянин, бросил вызов дворянству, безвозвратно порвал с ним всякие отношения и пристал к инсургентам не зря, а после долгих размышлений, взвесив все страшные последствия своего поступка. Но внутренне он страдал от этого, так как не чувствовал ни убеждения, ни надежды, ни желания успеха. Он, может быть, не смел и себе самому признаться, что им руководила исключительно одна страсть, дошедшая до отчаяния.

Один Жан Ферре подметил внутреннюю борьбу молодого человека и посматривал на него со злобной, насмешливой радостью. Долго они разговаривали, распивая вино, но Жан Ферре не забывал, зачем они собрались.

— Любезные товарищи и сообщники, — призвал он к вниманию, постучав по столу рукояткой своего кинжала, — теперь, когда ужин окончен, приступим к делу.

Истребители мигом оттолкнули тарелки и стаканы и приготовились слушать вожака лимузенских инсургентов.

— Не стану говорить об успешном ходе нашего восстания, — начал он, — вы все ему храбро содействовали и знаете, каких блестящих результатов оно достигло. Начатое несколькими бедными крестьянами, оно широко развернулось

и охватит скоро, надеюсь, всю Францию. Мы сила, на которую правительство принуждено обращать серьезное внимание. Но до сих пор мы имели дело со слабыми, плохо вооруженными, плохо управляемыми отрядами, которые нетрудно было победить и рассеять. Теперь же против нас не одно оружие, но и знание. Король добр, он сначала признавал справедливость наших требований и давал полную свободу действий; но его обманывает окружающая знать, по ее настояниям он высылает против нас войско; мы становимся лицом к лицу со старыми, опытными солдатами и искусными генералами, борьба будет не на жизнь, а на смерть. Мы должны или умереть, или победить. Я убежден, что мы победим, но нам нужен вождь, один вождь, которому мы бы повиновались, который направлял бы нас. Ведь как ни справедливо наше дело, что мы такое? Бедные крестьяне без всякого образования, мы умеем только беззаветно жертвовать собой, но не в состоянии составить толковый план. Мы, конечно, не отступим, прольем всю свою кровь, до последней капли, но надо, чтобы это принесло пользу делу. Для этого нам нужно выбрать вождя не из своей среды, потому что он должен управлять нами один, а мы — беспрекословно слушаться даже его знака, а когда наступит время говорить с посланцами короля, он должен суметь поддержать нас, отстоять словами наши права, добытые кровью. На последнем собрании вы уполномочили главных начальников трех провинций выбрать вам этого вождя, обещая заранее принять выбор и поклясться в повиновении.

Все взглянули на Монбрена, слушавшего с серьезным вниманием.

Жана Ферре в эту минуту нельзя было узнать — так он воодушевился. Он выглядел как настоящее олицетворение народа, такого сильного, терпеливого, так простодушно сознающего, чего он стоит, и после веками пережитой тяжелой борьбы, едва выйдя из пеленок, заявляющего наконец свои права на место в обществе, в котором до сих пор был парией.

— Да, да! Клянемся! — вскричали Жаки. — Где же этот вождь?

— Вот он! — произнес Жан Ферре, указывая на Монбрена.

— Да здравствует Монбрен! — с фанатичным энтузиазмом воскликнули Жаки.

— Господа, — сказал, поднимаясь, Монбрен, — будьте осторожны; дело ваше не забава, а серьезная, жестокая борьба, в которой надо или умереть, или победить.

— Мы умрем или победим!

— Вы ведь знаете меня? Ведь я сам дворянин, следовательно, принадлежу к тому классу, который вы проклинаете.

— Да, да!

— Значит, между нами нет никаких недоразумений. Вы знаете, что меня только ненависть побудила принять опасную честь, которую вы мне предлагаете?..

— Это нас не касается, — перебил Жан Ферре, — мы хотим знать одно: принимаете вы над нами начальство или нет?

— Принимаю с одним условием: чтоб вы поклялись мне в беспрекословном повиновении.

— Клянемся, клянемся!

— Хорошо; теперь я ваш начальник; вам нечего бояться, хвала Всевышнему! Мы скоро так объясним наше дело сторонникам короля, что они должны будут серьезно принять во внимание наши предложения. А теперь, товарищи, — он возвысил голос, — клянусь быть вам верным и служить вашим интересам, которые делаются и моими также, рискуя даже своей жизнью, до тех пор, пока вы сами не освободите меня от слова, которое я свободно даю вам здесь.

Истребители отвечали криками бешеной радости; они давно знали Монбрена и были уверены в том, что на него можно положиться.

— Будьте готовы, — прибавил молодой человек, — я скоро сообщу вам мой план действий. Позаботьтесь, чтоб у вас к этому времени было довольно боевых припасов, чтоб оружие было в порядке; скоро все это вам понадобится. Жан Ферре, О'Бриен и Пастурель будут моими адъютантами; через них я буду передавать свои приказания.

Монбрен еще раз провозгласил тост за уничтожение привилегий и успех дела и чокнулся с начальниками.

— Уезжайте теперь, — произнес он, — меньше чем через сутки вы услышите обо мне.

Еще раз поклявшись в верности, Истребители спустились на улицу через окно, по висевшей веревочной лестнице.

Молодой человек тихо сказал несколько слов Ферре, тот сейчас же сошел вниз и минут через десять вернулся.

— Ну что? — спросил Монбрен.

— Все устроилось. Мсье дю Люк — прекрасный господин; моя жена выкормила его сына, которому теперь уж шесть лет; мне жаль было бы, если бы с графом случилось несчастье. Я просил, чтоб он дал слово хранить нейтралитет во время войны, что бы ни случилось. Он и остальные господа дали это слово, и я позволил им ехать. Они уехали.

— Хорошо! А тот господин, который приехал вместе со мной?

— Какой господин? Я никого не видел.

Монбрен на минуту задумался.

— Берегись мэтра Грипнара, — предупредил он. — Это хитрая лисица; или я сильно ошибаюсь, или он играет двойную роль.

— Не посмеет... — протянул Ферре.

— Бедный глупец! — проговорил Монбрен, насмешливо улыбнувшись и пожимая плечами. — Знаете ли вы, кто этот господин, уехавший так, что его никто и не заметил? Это граф Гектор де Фаржи, чрезвычайный комиссар его величества в провинции Лимузен. Помните, друг мой Жан Ферре, — он ласково хлопнул по плечу озадаченного Истребителя — что мы все должны видеть и слышать.

— Я буду помнить, — отвечал тот глухим голосом.

— Хорошо, а теперь едем; нам ночью будет дело.

И они вышли из комнаты.

ГЛАВА IV

Как Истребители овладели городом Гурдоном и что из этого вышло

урдон, теперь просто большая деревня, живописно расположенная на берегу реки Бле, в конце XVI века был прелестным городком; сюда свозилась большая часть товаров провинции Лимузен; он отличался упорством и гордостью своего дворянства, а главное — чудотворным образом святого Амадура, к которому сходились на богомолье, и громадной шпагой, висевшей в церкви аббатства и принадлежавшей, говорят, паладину Роланду, который нанизывал на нее сарацин и махом перерубал горы язычником.

Дней пять или шесть спустя после описанных нами происшествий город Гурдон, всегда очень рано вечером стихавший и пустевший, был в необыкновенном волнении.

Улицы, площади, перекрестки кипели народом и солдатами, расположившимися биваком на открытом воздухе.

Всюду стояли форпосты и аванпосты; караулы расставлены были даже за стенами города. В городскую ратушу беспрестанно поступали эстафеты, и оттуда рассылались бесчисленные приказания командирам расположенных на разных позициях войск.

Самая ратуша походила на крепость, так она была вооружена.

Накануне утром в город приехал губернатор, монсеньор маркиз де Кевр, с многочисленным блестящим штабом. Сейчас же отправившись в ратушу, он сообщил старшинам королевские грамоты, которые, вероятно, были очень важны, потому что у старшин жалобно вытянулись лица, когда они выслушали их; некоторые даже побледнели.

Никто, однако, кроме присутствовавших на совете, не знал, в чем дело.

Два часа спустя стали понемногу прибывать войска; вскоре в городе стояло уже более трех тысяч человек кавалерии, пехоты и артиллерии.

Собрали крестьян, раздали им лопаты и заставили под наблюдением офицеров возводить ретраншементы вокруг города; между тем конные патрули разъезжали по деревням, собирая быков, коров, баранов, рожь, ячмень, каштаны — одним словом, все необходимое для обеспечения города продовольствием. Сверх того, начальникам городской милиции велено было по первому зову набата быть готовыми братья за оружие.

Жители Гурдона, не следившие за политикой и знавшие обычно одну свою торговлю, ничего тут не понимали и только ужасались, не зная, чему приписать такие приготовления, заставлявшие ожидать, по крайней мере, осады, хотя и неприятель был им неизвестен.

В то же самое время особняк маркиза де Кевра сиял огнями; там раздавалась веселая музыка; в окнах мелькали танцующие пары; лестница была усыпана цветами; за длинным рядом комнат отеля, наполненных гостями, в совершенно отдаленной гостиной, слабо освещенной лампой с абажуром, сидели трое — две дамы и мужчина.

Старшая, лет сорока пяти, была красивая женщина с бледным, худым лицом и блестящими черными глазами;

монашеский костюм придавал величественность ее осанке; на груди сиял бриллиантовый крест.

Это была настоятельница Гурдонского монастыря урсулинок, младшая сестра маркиза де Кевра. Мужчина был сам маркиз — здоровый старик лет шестидесяти пяти, с гордым взглядом и спесивым, загорелым в частых войнах лицом.

Он тревожно ходил взад и вперед по комнате, поглаживая длинную седую бороду.

Вторая дама была девушка лет семнадцати с нежными правильными чертами и большими, полными слез голубыми глазами; толстые пепельные косы красиво обрамляли овальное личико, бледное, как полотно; руки ее казались тоже мертвенно бледными от траурного платья. Это была мадмуазель Луиза де Кевр, единственная наследница маркиза.

Сюда только изредка долетала музыка, опущенные толстые портьеры заглушали звуки.

Обе дамы молча следили глазами за маркизом.

— Ну, если вы требуете объяснения, — сказал он, вдруг остановившись и нахмутив брови, — так я скажу. Впрочем, и лучше разом кончить. Я не дамский угодник и не какой-нибудь сумасброд паж; я делаю то, что мне приказывает честь... Э, Боже мой! — прибавил он с суровым добродушием. — Я его люблю ведь, этого мальчика, почти родившегося при мне, я бы ему, может быть, простил.

— Говорите, ради Бога, отец! — горячо воскликнула девушка, сложив руки.

— Мы ждем, маркиз, — твердо произнесла аббатиса, остановив ее ласковым и вместе повелительным взглядом.

— Ну, хорошо! Так знайте же, что молодой человек, увлеченный дурными советами...

— Или доведенный отчаянием, — грустно проговорила девушка.

— Стефан де Монбрен, — продолжал маркиз, притворяясь, что не расслышал, — сын моего лучшего друга, превосходного, храброго солдата, не раз проливавшего кровь за нашего короля... сделался негодяем, бунтовщиком, он заодно с восставшими крестьянами. Он стоит во главе их.

— О! — с отчаянием простонала девушка, задрожала, словно в лихорадке, и без памяти упала на руки к тетке.

— Маркиз, маркиз, вы убили вашу дочь! — с горьким упреком обратилась она к нему.

— Я! — вскричал, побледнев, маркиз и с ужасом бросился к дочери, которую боготворил.

— Уйдите, мне нужно остаться с ней одной...

— Но умоляю вас, сестра!

— Уйдите, брат, если не хотите, чтоб она умерла на ваших глазах.

Маркиз не знал, на что решиться. В эту минуту за дверьми послышался страшный шум, и несколько мужчин вбежали в комнату с обнаженными шпагами.

— Маркиз, скорее! — призвал его граф де Фаржи. — Истребители перерезали наши форпосты и аванпосты и ворвались в город! Идите или все погибло!

— Как!.. Что?..

— Слушайте, — сказал де Фаржи.

На улице стоял страшный шум; гремели выстрелы, бил набат, стоны смешались с бранью. Отчаянные крики «Да здравствует король!» заглушались криками «Свобода! Свобода! Грабьте! Город взят!»

Времени терять было нельзя. В маркизе проснулась преданность вассала, и солдат сменил отца. Еще раз грустно взглянув на лежавшую в обмороке дочь, он выбежал, размахивая шпагой и крича: — Вперед, господа! За короля!

Истребители действительно с неожиданным для такого, как их, войска искусством оцепили город и, по данному знаку разом бросившись на часовых, стоявших небрежно, полагаясь на свою численность, перерезали их и вошли в Гурдон. Они направлялись к главной площади, где сосредоточивался центр обороны.

Положение королевских войск становилось критическим: они лишились почти всей своей артиллерии, потому что, несмотря на все мужество, не в состоянии были противиться давившему их железному натиску.

Солдаты, не видя нигде поддержки, уже начинали подаваться, когда явившийся вдруг со своей свитой маркиз де Кевр поддержал их мужество.

Стефан де Монбрен командовал, бросаясь на своем вороном коне в самый пыл схватки, но ни один выстрел не задевал его. Королевские солдаты, стыдясь своей неловкости, а главное под влиянием суеверного страха крестились и переставали целиться в этого точно заколдованного человека, перенося огонь на других противников. И маркиз де Кевр совершал чудеса храбрости; даже неприятели любовались

им и только парировали его удары, не нанося их в свою очередь.

Несколько раз он пробивался к Монбрену, чтоб покончить наконец с этим опасным вождем и вдобавок его личным врагом, но всякий раз между ними бросалась толпа сражающихся и отделяла их друг от друга.

Битва принимала все более и более ужасные размеры и превратилась наконец в рукопашную резню. Королевские солдаты видели неминуемую гибель и старались только подороже продать жизнь.

— Господин де Фаржи, — произнес скороговоркой маркиз де Кевр, — через десять минут ни одного из нас не останется в живых; эти дьяволы непобедимы. Пока я буду стараться собрать около себя несколько уцелевших человек, чтоб с их помощью пробиться сквозь ряды неприятеля, приведите моих сестру и дочь, мы их поставим в середину, между нами, и спасемся или погибнем вместе.

— Хорошо, маркиз, через две минуты я вернусь.

Де Фаржи бросился в отель.

Маркиз между тем отдал приказание, и войска, узнав голос своего командира, сгруппировались вокруг него, образуя плотную массу; защищенные с тыла отелем, они подставили неприятелю свои мушкеты. Штыков тогда еще не было.

Наступило минутное страшное затишье, предвестник последнего, предсмертного усилия.

В это время вернулся граф де Фаржи, бледный, растерянный.

— А где же дочь... сестра? — вскричал маркиз, предчувствуя беду.

— Пропали, — с отчаянием отвечал граф, — и невозможно понять, каким образом!

— О, надо мной проклятие! — мрачно прошептал маркиз. — Этот дьявол велел увести их!.. Смерть врагам! — крикнул он вдруг, энергично выпрямившись в седле. — Им не удастся восторжествовать! Вперед! Вперед! Да здравствует король!

— Да здравствует король! — подхватили солдаты и бросились на Истребителей.

Те храбро встретили их, не отступив ни на пядь. Завязалась опять страшная борьба; бились с отчаянием. Маркиз, забывая личное горе, думал только, как бы спасти своих солдат. Он уже видел, что дальше сопротивляться невозмож-

но, как вдруг раздался пронзительный свист, заглушивший крики сражавшихся. В ту же минуту мятежники расступились и свободно пропустили королевских солдат, которые бросились вперед с радостными криками. Они были спасены. Неприятель исчез и появился снова уже позади их линий.

Истребители удовольствовались взятием города и не хотели совершенно уничтожать врагов. Маркиз де Кевр со своей свитой, увлеченные толпой, вышли из Гурдона. Неприятель преследовал их по пятам и отогнал мили на четыре от города. Тут им удалось восстановить боевой порядок и они стали в начале одного узкого прохода, который легко могли бы отстоять, если бы мятежникам вздумалось довершить свою победу, но они ушли.

Освободившись от неприятеля, маркиз отдал графу де Фаржи приказания насчет войска, и тут только генерал уступил место отцу. Сердце старика разрывалось от горя, он рыдал, как ребенок, ему не на что было даже надеяться.

Через неделю королевские войска были выгнаны из провинции Лимузен, которой вполне завладели Истребители. Новый начальник сдержал слово: он совершил чудеса.

ГЛАВА V

Как граф де Фаржи женился на мадмуазель Луизе де Кевр

Благодаря распоряжениям Стефана де Монбрена мятеж принял новый, опасный вид. Меньше чем через месяц после всего описанного нами в Лимузене не оставалось ни одного королевского солдата.

Между тем отцовская гордость маркиза де Кевра страшно страдала, тем более что он чувствовал свое полное бессилие перед неуловимым врагом.

Через десять дней после взятия Гурдона маркиз каким-то таинственным путем получил коротенькую записку от своей сестры, аббатисы. В ней говорилось, что ее и племянницу неожиданно похитили во время осады города и передали Стефану де Монброну, у которого они и остаются, что к ним относятся с большим уважением и вниманием, и они живут спокойно и хорошо; аббатиса прибавляла в постскриптуме, что здоровье племянницы значительно поправилось и она переносит свою неволю с таким терпением и покорностью, которые заставляют дивиться и причины которых она не

может понять. Этот постскрипtum доводил маркиза до бешенства, несмотря на все утешения графа де Фаржи; до него доходили насмешливые толки об этом похищении; кроме того, старик понимал, что всему виной одна его нестерпимая гордость. Между тем положение мятежников, несмотря на их беспрестанные успехи, становилось критическим. Генрих IV решился наконец покончить с ними, пока их силы не приняли слишком опасных размеров.

Он отличался удивительной мягкостью характера и прежде всего был политик, поэтому и тут во избежание кровопролития решился прибегнуть к дипломатии.

Истребители были большей частью католики, и королю удалось вызвать между ими и гугенотами религиозные споры, вскоре принявшие крайне резкий характер и кончившиеся полной распрей. Огромная армия инсургентов разделилась на два корпуса: гугенотский, или протестантский, и католический; каждый действовал в своих интересах и со своей точки зрения.

Добившись этого, король послал господина д'Альбена, помощника губернатора Ламарша, в Лимузен, центр мятежа, на помощь господину де Шамбаре, получившему там губернаторство после маркиза де Кевра.

Маркиз отказался от этой должности, оставив за собой только командование войском, ради выполнения своей цели — отомстить Истребителям вообще и Стефану де Монбрёну в особенности.

Господин д'Альбен, старый солдат, участвовавший в войнах Лиги, как раз подходил для трудного дела усмирения; это был мягкий, снисходительный человек и вместе с тем опытный, энергичный военачальник.

Приняв все меры для того, чтоб сдержать крестьян в своей собственной губернии, он собрал две тысячи человек пехоты и тысячу — кавалерии и тринадцатого июня смог войти в Лимуран, усмирив все за собой.

Оба губернатора соединили свои войска, война вспыхнула с новой силой и велась обеими сторонами очень активно.

Маленькая королевская армия брала перевес мужеством, дисциплиной и привычкой к военному делу, а главное — горячим желанием отплатить врагу за прошлые неудачи.

Она двинулась на инсургентов через шесть дней после распри между Истребителями-католиками и Истребителями-реформатами. Католики, превосходившие численно-

стью королевское войско, но застигнутые врасплох, не имея времени серьезно организовать, испугались и, несмотря на просьбы и угрозы командиров, разбежались.

Полторы тысячи человек из них все же заперлись в местечке Нессон, около замка д'Эскар, и храбро ждали атаки.

Господин д'Альбен со своей обычной гуманностью дважды предлагал Истребителям сдаться, обещая, что их тогда не будут преследовать за мятеж.

Истребители отвечали насмешками и отказались.

Чтоб покончить с ними, миролюбивый д'Альбен решил послать против них кавалерию, которая разогнала бы этот сброд, не прибегая к крайностям.

Но, к несчастью, ему помешало следующее.

Авангардом королевской армии командовал маркиз де Кевр, имея под своим непосредственным началом сына господина д'Альбена.

Авангарду назначалось произвести рекогносцировку в окрестностях Нессона, где, как говорили, крепко стояло большое войско Истребителей.

Этого случая маркиз ждал с самого начала неприязненных действий; он знал, что Стефан де Монбрэн в пылу своего природного великодушия, забывая неблагодарность инсургентов-католиков, накануне ночью прорвался с маленьким отрядом в местечко Нессон и поклялся защищать его до последней возможности.

Д'Альбен, зная кипучий характер сына, поручил ему и маркизу ограничиться одной лишь рекогносцировкой окрестностей, не производя никакого нападения.

Но они задались совсем другим, они решили энергично атаковать местечко и, если можно, взять его силой.

В девятом часу авангард приблизился к Нессону. Местечко было отлично укреплено; Истребители зорко стерегли его. Напасть врасплох нечего было и думать.

Маркиз де Кевр предложил инсургентам сдаться, но они отказались и прогнали парламентаров с гиканьем и свистом.

На одной из баррикад явился их начальник и, прекратив шум и крики, обратился к неприятелю, снял шляпу, с иронической вежливостью поклонился и очень громко сказал:

— Всегда к вашим услугам, господа роялисты!

Маркиз де Кевр привскочил в седле от гнева. Он узнал Монбрэна. Не желая принимать на себя всю ответственность

за нарушение приказаний главнокомандующего, маркиз обернулся к своему адъютанту д'Альбену.

— Как вам кажется такая дерзость? — оставаясь с виду хладнокровным, спросил он.

Молодой человек был бледен и, крутя одной рукой усы, другой сжимал шпагу.

— По-моему, этого нельзя оставить безнаказанным, — отвечал он.

— А вы знаете приказание вашего отца?

— Мой отец не мог предвидеть такое оскорбление; кроме того, победа оправдывает нас.

— Так вы думаете...

— Что надо стрелять по этому сброду, *parbleu!*¹ — горячо вскричал молодой человек.

Его так же горячо поддержали все остальные, и маркиз, по-видимому, только уступая общему желанию, бросился с обнаженной шпагой на неприятеля, велел дать сигнал к атаке.

Но Истребители твердо встретили врага.

Стефан де Монбрен, стоя на верху баррикады, внимательно следил за движениями роялистов и распоряжался. Дав им подойти на пистолетный выстрел, он приказал:

— Стреляй!

Раздался страшный залп; кавалерия в беспорядке налетела на ретраншементы и через секунду бросилась назад при криках и свисте Истребителей.

— Вперед, вперед! — призывал маркиз. — Они наши!

Д'Альбену удалось восстановить порядок; он велел стрелять.

Их встретили другим залпом. Д'Альбен покачнулся, выронил шпагу и упал с лошади. Ему разнесло череп. У маркиза была разбита правая рука и пуля засела в бедре. Де Фаржи и еще кто-то из свиты с трудом поддерживали его на лошади.

При виде убитого адъютанта, раненого командира и сотни мертвых товарищей солдаты пришли в неопишемую ярость.

— Бей, бей! Вперед! Да здравствует король! — кричали они, полосуя саблями мятежников...

— Вперед! Ради Бога, вперед! — взывал маркиз, чувствовавший, что силы оставляют его, и не хотевший умереть неотомщенным.

¹ Черт возьми! (фр.)

Кавалерия опять бросилась к ретраншементам.

— Смелей, братья! — крикнул Стефан, каждым ударом кладя кого-нибудь на месте.

Истребители храбро выдержали натиск, но на этот раз роялисты были неустойчивы. Они перескочили укрепления, и завязалась рукопашная. Бунтовщики, однако ж, отступали очень туго, едва заметно.

У одного из первых домов местечка Стефан де Монбрэн, Жан Ферре, Пастурель и еще человек десять около двадцати минут сдерживали натиск; вокруг них образовалась баррикада из убитых вышиной до пояса. Между тем королевские войска уже заняли местечко. Истребители, совершенно расстрелявшись, в ужасе начали бежать.

Битва давно была проиграна и местечко взято королевскими войсками, а начальники Истребителей не переставали биться, удивляя неприятеля таким мужеством и твердостью.

Наступила, однако, минута, когда всякое сопротивление сделалось невозможно. Стефан понял это, шепнул несколько слов Ферре, и они вдруг, все разом перескочив через груды тел, пробились сквозь ряды неприятеля, не дав ему опомниться, и исчезли в узеньких, извилистых улицах Нессона.

Борьба была кончена; королевские войска остались победителями, хотя победа очень дорого им стоила. Правда, около четырех тысяч крестьян легли на месте, остальные разбежались, чтобы никогда больше не соединяться, и великая война Истребителей в Лимузене была кончена; но мятежники славно отомстили за себя.

По желанию маркиза де Кевра его отнесли в тот дом, который так упорно защищали бунтовщики.

Его внесли в довольно большую комнату, окна ее были разбиты, мебель поломана, а на полу валялось несколько трупов.

Посредине стояли на коленях возле обезображенного ружейным выстрелом трупа две женщины с опущенными на лицо вуалями и молились. По костюму убитого можно было почти наверное узнать Стефана де Монбрэна; судорожно сжатая рука еще держала эфес длинной шпаги.

Маркиз сразу узнал сестру и дочь.

На его искаженном от страдания лице появилась страшная улыбка; знаком велел положить себя на разостланный на полу матрац, он велел всем уйти, кроме де Фаржи. Женщины, увидев его, поднялись и подбежали к маркизу. Он

сделал знак сестре отойти и с трудом обернулся лицом к дочери:

— Наконец-то я нашел вас!.. — глухо прошептал он и грозно спросил: — Сохранилась ли честь моего имени?

— Монсеньор!.. — сквозь слезы тихо произнесла девушка.

— Ах! — горько продолжал маркиз. — Неужели и в минуту моей смерти вы не покоритесь?

Граф де Фаржи, пристально посмотрев на стоявшую на коленях, плакавшую девушку, взял ее руку, которой она не отнимала, не сознавая сама, что делает.

— Маркиз, — сказал он, опускаясь возле нее на колени, — благословите ваших детей, которые скоро будут соединены.

Девушка быстро откинулась в сторону, бросив на него раздирающий душу взгляд.

— Я все знаю, — едва внятно шепнул он ей на ухо, — ваш муж умер или должен быть умершим, — многозначительно прибавил он. — Никогда больше он не явится.

Аббатиса, молча, сложив руки, горячим взглядом, казалось, молила племянницу.

— Ну что же, дочь моя? — чуть слышно обратился к ней маркиз. — Вы не отвечаете?

— Смелее, мадмуазель, — с невыразимой нежностью шепотом подбодрил ее граф, — облегчите смерть старику. О, клянусь вам, я так буду любить вас обоих, — с намерением подчеркнул он, — что когда-нибудь вы простите мне, может быть, что я заставляю вас принять мою любовь!

Девушка с глубокой благодарностью взглянула на него и едва внятно промолвила, целуя руку отца:

— Ваши дети ждут вашего благословения.

— Да благословит вас Бог! — тихо проговорил старик. Лицо его озарилось радостной улыбкой, и он умер.

— Поднимите голову, мадам! — воскликнул граф де Фаржи, обращаясь к своей невесте. — Клянусь вам еще раз над телом вашего отца: вы теперь графиня де Фаржи; вы будете счастливы и уважаемы всеми!

Через неделю они обвенчались. Свадьба была совершенно тихая; это объяснялось трауром невесты и политическими событиями.

Война Истребителей окончилась в Лимузене, но еще год продолжалась в Перигоре, Керси и Аженуа.

В числе вождей мятежников никогда больше не слышали имени Стефана де Монбрена.

Все считали его убитым при Нессоне.

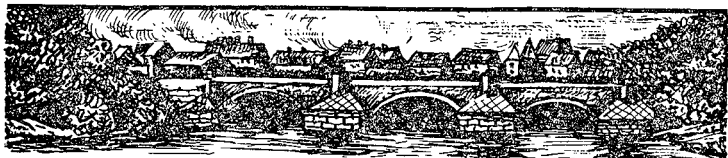
Самым знаменитым вождем теперь был какой-то капитан Ватан.

Луиза де Фаржи, слыша это имя, всякий раз бледнела. Граф наклонялся к уху жены, говорил ей шепотом несколько слов, и она успокаивалась и ласково ему улыбалась.

Чуть меньше семи месяцев спустя после свадьбы графиня де Фаржи умерла, дав жизнь дочери.

Накануне смерти она сняла с шеи четки, благословленные папой, которые достались ей от матери, и отдала их одной из своих служанок, пользовавшейся полным ее доверием, присоединив к этому какое-то поручение, о котором даже муж ее ничего не знал.

Граф де Фаржи сдержал слово, данное матери ребенка: он воспитал девочку с той нежностью, на которую способны только отцы и влюбленные.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Утонченные

ГЛАВА I

*Как жили в замках в 1620 году
от Рождества Христова*

В начале семнадцатого века существовал древний феодальный замок, взгромоздившийся, как орлиное гнездо, на самую вершину холма; у подножья его, по берегам Сены, ютились кокетливые домики деревни Аблон, лениво глядясь в прозрачную

воду реки.

Замок этот, постепенно разрушаемый временем, Ришелье и крестьянами, в 1793 году окончательно был разрушен Черной бандой, и теперь от него никаких следов не осталось.

Он назывался замком Мовер.

Деревня Аблон принадлежала ему, и ее жители были вассалами его владельца, графа дю Люка.

Граф был ревностный протестант; его отец, верный товарищ Генриха IV, сопровождал его во всех походах, но после отречения короля уехал к себе в Мовер и больше не показывался при дворе.

Он гораздо дороже ценил свою веру, нежели почести и выстроил в Аблоне протестантскую церковь, куда гугеноты каждую неделю целой процессией сходились слушать проповедь. Теперь ничего подобного не существует.

Но в 1620 году от Рождества Христова все было по-иному. Никто не мог думать, чтоб когда-нибудь случилось что-то подобное, хотя уже готовились втихомолку великие события.

Бурбоны были новым родом, многими поколениями отделенным от корней великого дерева Капетингов.

Вступление на престол Генриха IV так часто и ожесточенно оспаривалось всеми, что ему пришлось завоевать собственную корону и заставить признать законность своих прав.

По какой-то роковой случайности единственной поддержкой монархических принципов в этих критических обстоятельствах были именно те самые протестанты, сущность учения которых вела к тому, чтоб создать противников трону; поколебав основы католицизма, они внесли таким образом республику в самый центр королевства, не вассалкой, а скорее повелительницей, которой принадлежало право проповедовать свободу мысли, превозносимую в наше время, — свободу, которую тогда каждый мог применять к делу со своей точки зрения и которая тогда стала не только несчастьем для королевской власти, но вскоре и коренным пороком, червем, подточившим могущество и дома Бурбонов, и всего государства.

Понял ли страшную опасность своего положения молодой Людовик XIII, дрессировавший с любимым фаворитом де Люинем сорок в Тюильри? Или всю жизнь действовал под влиянием религиозных чувств и бессознательной любви к церкви? Сказать трудно. Как бы то ни было, но, достигнув совершеннолетия, он сейчас же выказал желание покончить с гугенотами. Он забыл короля Наваррского, чтоб только быть благочестивейшим королем. Знать, с которой Бурбоны стояли почти наравне, не могла заставить себя склониться перед ними и покориться им. Ее буйная независимость, некоторое время сдерживаемая железной рукой Генриха IV, под слабой, нетвердой рукой регента и молодого короля быстро подняла голову.

Начались непрерывные мятежи. За криками «Да здравствует король!» у всех скрывалась одна цель: захватить власть в свои руки, свергнуть короля и править его именем.

Франция переживала мрачные, критические минуты; на ее счастье явилась новая личность на политическом поприще. По протекции Марии Медичи, помилившейся с сыном, в королевский совет был принят епископ Люсонский.

Это явилось прелюдией к кардиналу Ришелье, к абсолютной монархии Людовика XIV.

Корнелю исполнилось четырнадцать лет. Через год один за другим должны были родиться Лафонтен, Мольер и Паскаль. Занималась заря нового века.

В один четверг в конце июля 1620 года уголок земли между замком Мовер, Сеной и деревней Аблон являл собой живописнейшую картину.

Наступил вечер. На колокольне замка пробило семь; по реке, сплавляя лес, плыли, распевая и лениво растянувшись на бревнах, судовщики; их тихонько несло течением к Парижу.

По деревенской дороге лихо скакал солдат, любезно улыбаясь вышедшим поглазеть на него бабам; целые толпы ребятишек бежали по обеим сторонам его лошади. Он остановился у трактира с еловой веткой вместо вывески; его приветливо встретила хозяйка, красивая бабенка лет тридцати пяти, румяная, загорелая, с немного сильно развитыми формами.

По склону холма медленно взбирались пастухи; они вязали шерстяные чулки и поглядывали за стадами коров, коз и баранов, возвращавшихся с пастбища под надзором взъерошенных рыжих собак со стоячими ушами.

Подъемный мост замка был опущен, у входа с гербами графов дю Люков стоял высокий, худощавый, уже пожилой человек со строгим, холодным лицом, в ливрее; на шее у него висел на золотой цепи медальон с гербом.

Это был, по всей вероятности, мажордом. На поклон каждого проходившего пастуха он отвечал легким жестом руки и записывал входивший в ворота скот, считая по головам.

Солнце спускалось над горизонтом, озарив ярко-красным светом верхушки деревьев и величественно скрываясь в золотисто-пурпурных облаках.

Необыкновенное умиротворение навевала на душу эта простая, спокойная картина.

Когда скот весь вошел в ограду замка, мост подняли, и почти вслед за тем прозвонил колокол, призывавший к ужину.

По патриархальным обычаям того времени слуги ели вместе с господами.

В огромной столовой замка стоял большой стол. На стенах были висели олени рога, шкуры разных животных и старинные портреты улыбающихся дам и нахмуренных кавалеров, почерневшие от времени.

Сквозь разрисованные стекла стрельчатых окон едва проникал свет.

Над главным местом стола был раскинут балдахин; голландского полотна скатерть покрывала ту часть, где сидели

господа и где стояли фарфор и массивное серебро; в серебряных канделябрах горели восковые свечи; простые темные фаянсовые приборы прислуги расставлялись прямо на столе, без скатерти; перед каждым возвышалась кружка с вином и лежал огромный, аппетитный ломоть хлеба.

И в кушаньях была разница: слугам подавались просто приготовленные блюда, хотя большими порциями, а господам — самые изысканные.

Войдя в залу, все молча встали каждый у своего места. Прислуга вышла той дверью, которая вела со двора; потом отворились высокие двустворчатые двери с тяжелыми портьерами по правую и левую стороны комнаты и явился тот самый мажордом, который пересчитывал скот у крыльца замка; следовавший за ним слуга громко назвал: господина графа дю Люка, графиню дю Люк, мадмуазель Диану де Сент-Ирем и его преподобие Роберта Грендоржа.

Граф Оливье дю Люк сел посредине, графиня — справа возле него, мадмуазель де Сент-Ирем — слева; затем на одном углу стола — его преподобие Роберт Грендорж, на другом — мессир Ресту, мажордом.

Потом вошли несколько человек слуг, вставших за креслами господ.

Роберт Грендорж прочел короткую молитву, и все сели ужинать.

Граф Оливье был красивый, стройный, изящно сложенный мужчина лет тридцати двух, с открытым взглядом больших, огненных черных глаз, с тонкими, правильными чертами, ослепительно белыми зубами и несколько чувственным ртом; темные волосы, по тогдашней моде уложенные спереди на прямой пробор, падали локонами по плечам, придавая еще более симпатичности прекрасному лицу графа. В его физиономии был только один недостаток: какая-то странная неуверенность и в то же время почти жестокая решительность.

Жанне де Латур де Фаржи было за двадцать пять, а на вид ей казалось едва семнадцать. Она была миниатюрна, нежна, с золотистыми волосами и большими голубыми глазами, в которых выражалось неизъяснимое счастье, когда она смотрела на мужа; хорошенький ротик открывался только для ласковых слов и милой улыбки; вся ее фигура дышала необыкновенной чистотой, в каждом невольно вызывая восхищение и почтение. Она была католичка и приняла протестантство, выйдя замуж.

Семь лет прожив с графом дю Люком и имея от него прелестного сынка, которого они оба боготворили, Жанна так же страстно любила мужа, как и в первый день свадьбы.

Мадмуазель де Сент-Ирем представляла резкий контраст с графиней.

Это была красавица лет двадцати трех, высокая, с поступью богини, с негой в каждом движении, бледная, черноглазая, с волнами черных кудрей по алебастровым плечам; упоительный голос ее мог, когда она хотела этого, заставить всю кровь отлить от сердца у того, к кому она обращалась; лукавые глаза как-то особенно глядели сквозь длинные бархатные ресницы, когда девушка говорила с кем-нибудь.

Диана была странное существо.

Ее, круглую сироту без всякого состояния, почти из милости воспитывали в одном монастыре с Жанной де Фаржи. Жанна еще молоденькой девочкой горячо и искренне привязалась к ней; ее влекло к этой несчастной, одинокой красавице. Выйдя из монастыря, чтоб сделаться женой графа дю Люка, она поставила непременно условием, чтоб Диана была на ее свадьбе, а затем не хотела уже больше и расставаться с ней. Диана отвечала дружбой на дружбу, умела хорошо говорить о своей признательности и совершенно завладела доверчивой подругой.

У мадмуазель де Сент-Ирем был единственный родственник — ее брат Жак, красивый молодой человек, несколькими годами старше ее. Чем он жил — неизвестно. Он был беден, как и сестра, а между тем то ходил голодный и чуть не оборванный, то начинал пригоршнями сыпать золото. Самые закадычные его друзья считали Жака ходячей загадкой.

Хотя граф Оливье принял его к себе в дом с распростертыми объятиями, граф де Сент-Ирем, как его все называли, очень редко бывал у дю Люков. И муж, и жена чувствовали к нему какую-то необъяснимую антипатию; графиня всегда внутренне дрожала, увидев его, точно это было какое-нибудь пресмыкающееся.

Они, конечно, никогда не показывали ему своих чувств, но Жаку и самому было как-то не по себе у них. Чувствуя ли нерасположение графа и графини или потому, что его предупредила сестра, только он стал ходить все реже и реже и наконец совсем перестал показываться.

О его преподобии Грендорже мы еще будем говорить в свое время.

Обед прошел тихо, молчаливо; только изредка хозяева обменивались с гостями какой-нибудь любезностью. Слуги, привыкшие к строгому соблюдению дисциплины в доме, тоже молча ели и пили.

Когда подали десерт, мажордом сделал знак, и они сейчас же встали и ушли.

Мажордом собирался уйти в свою очередь.

— Два слова, мэтр Ресту, — остановил его граф. — Вы были сегодня в конюшнях, как я вам говорил?

— Был, монсеньор.

— Какая лошадь лучше на вид?

— Роланд.

— Хорошо... так велите оседлать его.

— Сейчас, монсеньор?

— Нет... вечером, к десяти часам; и велите привести к главному подъезду... да чтоб положили пистолеты к седлу. Который теперь час?

— Восемь.

— Пусть через полчаса старшие копейщики Лаженес и Лабранш едут в Морсан, к графу де Шермону, с полусворой собак и шестью доезжачими.

— В котором часу прикажете им вернуться?

— Самое позднее — в двенадцать ночи.

— Слушаю, монсеньор.

— Запасных лошадей брать не надо, у графа в конюшнях множество чудесных коней. Пусть Лаженес и Лабранш условятся с копейщиками господина де Шермона, как расставить собак.

— А если они в чем-нибудь будут несогласны между собой?

— Мои копейщики должны уступить людям графа; впрочем, мэтр Ресту, ваше замечание вовсе некстати: граф, наверное, даст своим людям такие же приказания, какие и я даю. Можете идти теперь.

Мажордом поклонился и ушел.

— Вы уезжаете, граф? — поинтересовалась графиня.

— К сожалению, милая Жанна.

— Что же вас заставляет?

— Приличие. Граф де Шермон — старинный приятель моего отца; он пригласил меня на охоту на оленя; в ней будут участвовать люди самого высшего общества. Меня все упрекают в моем домоседстве. Ты ведь знаешь, милая, — приба-

вил он с нежной улыбкой, — ради кого я безвыходно сижу здесь, в замке.

— Да, и мне очень грустно, что ты сегодня уезжаешь.

— Сегодня никак нельзя было отказаться.

— А долго там останешься?

— Для меня долго, но, собственно говоря, немного.

— Один день? — спросила дрожащим голосом графиня.

— Нет, Жанна, — отвечал Оливье, взяв ее за руку, — дня четыре.

— Это очень долго! — тихо произнесла она, нежно взглянув на него.

— Клянусь честью, эти три слова трогают меня до глубины души! — весело сказал граф. — Благодарю вас за них, но уверяю, что всеми силами старался отклонить приглашение; еще отказываться было бы уже больше чем невежеством.

— Это правда, Оливье; извините меня, я глуллю.

Граф поцеловал ей руку, и разговор переменялся.

Диана, не спуская глаз с графа все время, пока он объяснял графине, почему должен непременно ехать, опустила голову, прошептав:

— Он лжет! Куда это он едет?

— Ей-Богу, графиня, я не в состоянии вам противиться! — вскричал вдруг граф посреди разговора, точно спеша разбить это молчаливое обвинение. — Может быть, именно потому, что вы предоставляете мне полную свободу ехать, я не поеду!

— Что вы, друг мой!

— Да, милая Жанна, вас огорчает, что я уезжаю, и я отменю свое приказание.

В мадмуазель де Сент-Ирем незаметно было ни радости, ни неудовольствия.

— Тысячу раз благодарю вас за такую жертву, — поспешно возразила графиня, — но теперь сама попрошу вас непременно ехать.

— Вы меня гоните, Жанна, — дю Люк вдруг почувствовал недоверие, что у него случалось очень часто, — вы сами...

— Я сама...

— Отчего же, дружок мой?

— Оттого что, как вы сами сейчас сказали, это было бы большим невежеством по отношению к графу де Шермону.

— Ну, этот вельможа и без меня обойдется! Да и если бы я непременно хотел охотиться, так у меня в своих лесах множество дичи. Нет, я остаюсь.

— Господин граф могли бы послать нарочного к господину де Шермону, — робко заметил капеллан, до тех пор не вмешивавшийся в разговор.

— В самом деле, — согласился граф и повернулся было к слуге, но его остановила Диана де Сент-Ирем.

— Не будет ли это слишком уж бесцеремонно? — с легкой иронией в голосе проговорила она.

— Господин де Шермон извинит меня.

— Так поезжайте лучше сами туда извиниться, граф; от Мовера до Морсана всего около трех миль; три мили туда да три оттуда — это пустяки для такого наездника, как вы.

Она наблюдала за ним втихомолку. Граф попался в сети.

— Отлично придумано! — вскричал он. — Я сейчас поеду и мигом вернусь.

— Я не ошиблась, — подумала Диана.

— Но чем же вы объясните столь неожиданный визит в Морсан? — печально спросила мадам дю Люк, все-таки не терявшая надежды удержать мужа, несмотря на то что сама уговаривала его ехать.

— Предлог для этого очень простой, — отвечала Диана.

— Какой?

— Ты больна, моя прелестная Жанна.

— Больна? — с беспокойством поспешно воскликнул граф.

— О, это пустяки! — сказала Жанна, поцеловав мадмуазель де Сент-Ирем. — Только твоя дружба может делать тебя такой проницательной, моя Диана; благодарю тебя.

— Утешься, сумасшедшая, — произнесла девушка самым ласковым тоном, — ваша разлука продлится недолго; вечером к тебе вернется твой прекрасный рыцарь. Довольна ты?

— Довольна и счастлива.

Дю Люк обернулся к слуге, неподвижно стоявшему за его стулом.

— Собак не нужно; скорее! Только оседлать мне Роланда, я сейчас еду!

Слуга ушел.

— Вернешься? — обратилась к мужу Жанна.

— Мигом, душа моя; чем скорей уеду, тем раньше вернусь.

— Только прежде поцелуй сына.

— Еще бы! Уехать без его поцелуя — все равно что не проститься с тобой.

— Говори так, мой Оливье, я не ревную.

Диана де Сент-Ирем побледнела и, несмотря на все усилия, не могла окончательно одолеть волнение.

Она ревновала, но к кому?

Его преподобие Грендорж немножко подозревал, к кому, и жадно следил за ней глазами.

Встали из-за стола.

— Я узнаю, зачем и куда он сегодня едет... — думала Диана, опираясь на предложенную ей графом руку, и прибавила: — А ко мне, моя Жанна, ты ревнуешь?

— Ты мой друг, моя сестра, и я люблю тебя, — заверила ее мадам дю Люк.

Они вышли из столовой.

ГЛАВА II

Где доказывается, что маленькое подспорье может принести большую пользу

олчаса спустя граф дю Люк выехал из замка. Но он не поехал по хребту холма, прямой дорогой в Морсан, а повернул на узкую, извилистую тропинку, которая спускалась в долину и упиралась в площадь деревни Аблон.

Граф так задумался, что не заметил белую фигуру, наклонившуюся со стены между двумя зубцами башни и пристально глядевшую ему вслед. Это стройное, воздушное виденье была Диана де Сент-Ирем.

Что ей был за интерес следить за графом? Она одна могла объяснить это: прелестный демон никому никогда не поверял своих мыслей.

Оливье ехал, опустив поводья и предоставляя лошади идти как знает.

Его семья, уроженцы Лимузена, пользовались некоторым влиянием в провинции во время смут, целое столетие волновавших королевство.

Отец Оливье, умерший за два года до начала нашего рассказа, оставил сыну громадное по тому времени состояние; Оливье, молодой, богатый, предприимчивый, не играл никакой роли ни в своей партии, ни в католической, а чувствовал между тем, что в нем начинает пробуждаться честолюбие и еще другое чувство, быть может; он не анализировал разнообразных ощущений, которые его волновали.

Отец был строг и никогда не допускал возражений; привычка покоряться его железной воле развила в молодом человеке слабость характера. Он отличался редкой добротой, замечательной отвагой и благороднейшим характером, но в нем навсегда осталась склонность слушаться чужих указаний, сомневаться в себе, и это сделало его беспокойным, подозрительным, нерешительным, как мы уже видели даже в пустом случае. При первом энергичном слове или намеке человека с более сильным характером он подчинялся и поступал часто против своего собственного желания.

Он и не думал получать никакого приглашения на охоту к графу де Шермону, и Бог знает, как бы ему удалось выпутаться из своей лжи, если б не вмешалась Диана. Но тут, когда дело уже обошлось и он был свободен поступить как знает, ему досадно стало и на свою собственную неловкость, и на девушку за ее вмешательство, и на графиню, зачем она так скоро согласилась с мнением мадмуазель де Сент-Ирем; мания во всем видеть непременно какую-нибудь тайную причину доводила его даже до сомнения в такой чистой, простодушно искренней любви жены, которую и сам он любил до безумия.

Мы немножко подробно описали графа дю Люка, но нам нужно хорошенько его узнать со всеми его достоинствами и недостатками, так как виновником своего несчастья был единственно он сам.

Доехав до подошвы холма, граф подогнал лошадь и остановился у трактира с ярко освещенными окнами.

На стук лошадиных копыт вышел слуга; луна светила очень ярко; узнав графа, слуга почтительно снял шапку и поспешил подхватить лошадь под уздцы. Оливье соскочил с седла.

— Подержи мою лошадь, Бенжамен, — ласково сказал он, — я на минуту.

Комната, в которую вошел граф Оливье, была большая и очень ярко освещенная; там сидел только тот солдат, которого мы видели вечером на деревенской дороге. За прилавком стояла хозяйка. Солдат сидел у стола, положив возле себя пистолеты и огромную рапиру, и аппетитно ужинал жареным кроликом, запивая страшно кислым вином, однако не морщась и, видимо, находя его даже очень вкусным. Ведь на вкус и цвет товарища нет.

Увидев графа, хозяйка подбежала к нему с почтительными поклонами. Солдат поднял было голову, равнодушно

взглянул на вошедшего, носейчас же опять перестал обращать на него внимание и деятельно принялся оканчивать ужин.

— Вы здесь, господин граф! — вскричала хозяйка.

— Тс-с, Мадлена! — отвечал он, приложив палец к губам. — Не называйте меня! Где ваш отец? Он, вероятно, меня ждет?

— Да, монсеньор.

— Опять? — с улыбкой упрекнул ее Оливье.

— Простите, сударь.

— Ну хорошо, дитя мое; дайте мне вина вон на тот стол, — показал он на стол против того, за которым сидел солдат, — и попросите старика ко мне.

— Сюда, сударь?

— Да, дитя мое.

— Иду, сударь!

И она убежала, легкая, как птичка.

Граф сел и для виду налил себе вина.

— Славная девушка! — проговорил солдат. — Всела, свежа, как весеннее утро. Один вид хорошенькой девушки завеселил меня!

Так как эти слова могли и не относиться к нему, граф ничего не ответил, но для развлечения стал рассматривать странного человека, на которого до той минуты не обращал никакого внимания.

Солдат был широкоплечий, мускулистый здоровяк, несмотря на свои пятьдесят с лишком лет. Физиономия его, представлявшая смесь смелости, хитрости, откровенности и беспечности, говорила, что это был опытный малый, не раз видевший смерть лицом к лицу в битвах и вынесший из них больше толчков и философии, чем богатства; загорелое лицо с иссохшей кожей, сверкающие черные глаза, крючковатый нос и длинные густые усы придавали ему оригинальный вид, но не имели ничего отталкивающего. Костюм был самый простой: легкая кираса прикрывала изношенную, потемневшую буйволовую куртку; толстые панталоны синего сукна были заправлены в громадные сапоги с железными шпорами; рядом с рапирой и шпагой на столе лежали войлочная шляпа с поблекшим пером и свернутый плащ; прежде он был, должно быть, темно-серый, но от дождя, солнца и частого употребления сделался какого-то неопределенного цвета.

Вообще, по мнению графа, это был такой человек, которого в дороге приятнее было бы иметь возле себя, нежели позади или впереди.

Кончив ужин и залпом проглотив вино, солдат громко кашлянул, причмокнул в знак удовольствия, достал из кармана почерневшую трубку, набил ее табаком и закурил, зажав в уголке губ, с видом человека, собирающегося отдохнуть вволю после чудесного ужина. Синеватое облако дыма мигом закрыло его с ног до головы.

Графа невольно влекло к этому человеку, и он уже соби-
рался приветливо заговорить с ним, как вошел трактирщик.

Хорошенькая Мадлена снова стала за прилавком, а отец
ее с шапкой в руке поспешно пошел к графу.

— Ну что? — спросил его Оливье.

— Я исполнил ваши приказания, — отвечал хозяин.

— Видел ты малого?

— Точно так, монсеньор.

— Что он тебе сообщил?

— Ничего путного. Правду сказать, монсеньор, при всем
моем почтении к вам, лучше бы вы поручили кому-нибудь
другому эти дела.

— Отчего? — нахмурил брови граф.

— Оттого что, с вашего позволения, монсеньор, я не верю
тут ни одному слову. Этот человек просто пройдоха, картеж-
ник и больше ничего. Кроме того, он водится с такой компа-
нией, от которой хорошего трудно ждать.

— Но ведь ты знаешь, старый упрямец, что он хлопочет
за другого?

— Пожалуй, так, монсеньор, но в таком случае господин
не лучше слуги!

Они все время говорили тихо. Граф подумал с минуту и
громко сказал:

— Строго говоря, это, может быть, и так.

— Наверное, так, монсеньор.

— Во всяком случае, я скоро увижу, чего мне держаться.

— Монсеньор едет в Париж?

— Да, сию минуту.

Трактирщик нахмурился.

— Простите старому слуге вашей семьи, монсеньор, чело-
веку, который видел вас крошкой и любит вас...

— Знаю, Бернар, — ласково произнес Оливье, — говори,
что такое?

— Монсеньор, вы бы лучше вернулись в Мовер; часто
приходится раскаиваться...

— Довольно, довольно, Бернар! — быстро перебил граф. —
Я еду в Париж, это необходимо; но успокойся, мне нужно

побывать там совсем по другому, серьезному делу; я не стану там заниматься тем, на что ты намекаешь, разве уж обстоятельства заставят.

— Как угодно, монсеньор; я ваш слуга и могу только повиноваться вам.

В эту минуту солдат докурил трубку и постучал ею о край стола, чтоб высыпать пепел.

— Девушка! — крикнул он.

— Я! — отозвалась Мадлена, встав и подходя.

— Моей лошади задавали овса?

— Двойную порцию, как вы приказывали.

— Прекрасно, сколько я вам должен?

— Ровно три ливра.

— И за себя, и за лошадь?

— Да.

— Ну, недорого, — рассмеялся он, вытащил из кармана довольно туго набитый кошелек и положил на стол три серебряные монеты. — Вот вам деньги, — промолвил он. — Велите скорей оседлать Габора; я не люблю дожидаться.

— Габора? — с удивлением повторила девушка.

— Ну да; это моя лошадь.

— Вы не переночуете в Аблоне, капитан? — поинтересовалась Мадлена.

— Сохрани Бог, красotka, ночь сегодня чудесная, лунная, я надеюсь скоро добраться до Парижа.

— Добраться-то доберетесь, капитан, — вмешался трактирщик, — но в город пробраться — это другое дело.

— Как другое дело?

— Dame!¹ Ворота заперты.

— А! Ну, это серьезная причина!

— Так останетесь?

— Ни за что на свете!.. Извините, милостивый государь! На одно слово, пожалуйста... — прибавил он, обращаясь к графу, уже взявшемуся за ручку двери.

Граф обернулся.

— Вы мне говорите? — спросил он.

— Да, но называйте меня капитаном, как вот этот добрый человек, я имею право на это.

— Извольте, капитан! Что же вам от меня угодно?

— Вы едете в Париж?

¹ Черт возьми! (фр.)

— Да, сейчас еду.

— Так! Не спорю с вами, потому что вы ведь полагаете проехать в город, несмотря на запертые ворота?

— Я уверен в этом.

— Вот и отлично! — вскричал солдат, опоясываясь рапирой. — Я еду с вами и буду служить вам конвоем, а вы мне поможете за это проехать в город.

— Позвольте, капитан, — возразил с улыбкой Оливье, — тут есть одна очень простая помеха.

— В том-то и беда, что они все просты, — заметил, закручивая усы, капитан. — В чем же заключается ваша?

— По особым причинам я вынужден ехать один.

— То есть, другими словами, вы отказываетесь от моего общества?

— К моему великому сожалению, капитан.

— Ну хорошо, дорога принадлежит всем одинаково; поезжайте вы своим путем, а я поеду своим.

Он надменно поклонился графу. Тот ответил легким кивком головы и ушел.

Через две минуты он уже летел галопом.

— Право, капитан, вам бы переночевать сегодня, — медовым голосом предложил трактирщик.

— Вы думаете? — переспросил капитан, надевая плащ.

— В эти часы дороги не спокойны.

— Ах, черт возьми! Вы наверно знаете? — продолжал капитан, осматривая пистолеты.

— Parbleu! Ни одной ночи не проходит, чтоб не нашли убитого путешественника.

— Скажите, пожалуйста! Это ужасно! Моя лошадь оседлана?

— Совсем готова, бедняжка.

— Бедняжка?

— Dame! Ведь и она рискует жизнью.

— Это правда, ну, да ведь и я своей рискую! Прощайте, хозяин! Сладких снов, красавица!

Капитан надел шляпу набекрень и ушел, громко звеня шпорами. Лошадь радостно заржала, увидев хозяина; он погладил ее, поцеловал в морду и умчался.

Граф тоже быстро летел по парижской дороге; ему хотелось приехать в город до десяти часов, то есть раньше, чем запрут ворота.

Без четверти девять он ехал уже по длинной, узкой и грязной улице деревни Вильжюив.

— Поспее, — прошептал он и, проехав деревню, не останавливаясь, но шагом, чтоб дать вздохнуть лошади, опять пустил ее скорой рысью, спускаясь под гору.

Дорога была совершенно пуста; от самой деревни Аблон ему не встретилось ни конного, ни пешего. От луны было светло, как днем.

Граф ехал, не глядя ни направо, ни налево, и думал. О чем? О невеселых вещах, вероятно, потому что лицо его было бледно и брови нахмурены.

Вдруг лошадь его так бросилась в сторону, что чуть не выбила графа из седла. Оливье быстро поднял голову и сразу понял, в каком критическом положении он находится.

Он уже спустился до самого конца деревни Вильжюив; вокруг него стояло человек восемь оборванцев, вооруженных с головы до ног и, видимо, решивших сыграть с ним плохую шутку.

Бой был неравный. Граф попробовал вступить в переговоры.

— Что вам от меня нужно, господа? Зачем вы останавливаете меня на дороге? — громко спросил он, потихоньку вынимая пистолеты и берясь за шпагу.

— *Parbleu!* — воскликнул один из негодяев. — Угадать нетрудно: нам нужны ваша лошадь, ваши плащ и кошелек!

— А! Так вы воры? — произнес граф.

— Скромные *tire-laine*, ваша милость, скромные *tire-laine*, которых *tire-soie*¹ совсем прогнали с Нового моста, — отвечал по-прежнему лукавым тоном бродяга, казавшийся вожаком остальных. — Верьте мне, отдайте добром то, что у вас просят; это вам убытка большого не причинит, а нам принесет существенную пользу. Клянусь, нам было бы слишком жаль прибегнуть к крайним мерам по отношению к такому славному вельможе, каким вы кажетесь.

Граф поднял лошадь на дыбы.

— Прочь, негодяи! — крикнул он. — Прочь, или я вам размозжу головы!

¹ Точный смысл этих названий будет объяснен ниже. Пока же скажем, что речь идет о ночных ворах, снимавших верхнее платье с прохожих в Париже. — *Примеч. автора.*

Оливье старался прорваться вперед, опустив поводья и держа одной рукой шпагу, другой — пистолет.

— А! Так вы вот как! — бешено закричал разбойник. — Долой его, ребята! Смерть ему!

Вся ватага бросилась на графа. Но с ним нелегко было справиться. Двумя выстрелами он убил двоих и храбро отделивал остальную компанию, действуя и пистолетом, и шпагой.

Бандиты, видя, с кем имеют дело, переменили тактику; сгрудившись вокруг графа, они нападали на него все сразу, стараясь выбить его из седла, ранив или убив под ним лошадь.

Положение становилось все более и более критическим; Оливье начинал уставать и уже мысленно рассчитывал, на сколько минут его еще хватит, как вдруг раздался пронзительный крик:

— Не поддавайтесь, не поддавайтесь! Я помогу!

В ту же минуту какой-то человек, или, вернее, демон, бросился с поднятой шпагой на разбойников, меньше чем в минуту положил троих на месте и навел такой ужас на остальных, что они бросились бежать.

— Похоже, я поспел вовремя? — спокойно спросил он, обтирая шпагу о гриву своей лошади и снова вкладывая ее в ножны.

— Так это вы, капитан! — с радостью вскричал граф. — Вы ведь мне жизнь спасли!

— Очень рад, милостивейший государь, хотя и не вы тому причиной, — отвечал капитан, злопамятно намекая на недавний отказ графа от совместного путешествия.

— Не сердитесь на меня, капитан; я не знал, что вы за человек.

— А теперь разве знаете? — насмешливо проговорил тот.

— Сознаюсь в своей вине, милостивый государь. Я граф дю Люк де Мовер; во вам моя рука! Примите мою дружбу и дайте мне свою.

Капитан как-то нерешительно взял и пожал руку графа.

— Принимаю вашу дружбу, господин граф дю Люк де Мовер, — сказал он, — я капитан Ватан, но, с вашего позволения, подожду другой встречи с вами, чтобы знать, могу ли отвечать вам дружбой со своей стороны. Низко кланяюсь, господин граф!

Пришпорив лошадь, он ускакал, оставив озадаченного графа посреди дороги.

— Надо во что бы то ни стало отыскать этого человека, — подумал граф и легкой рысью поехал в Париж.

Через полчаса он без дальнейших приключений приехал в город.

ГЛАВА III

Как понимали гостеприимство в семнадцатом веке

Через час после того как граф Оливье уехал из дому, на расстоянии мушкетного выстрела от стен замка остановились двое всадников, повсей видимости господин и слуга, и, став за группой деревьев, как будто советовались между собой.

Они были плотно закутаны в широкие плащи, и поля надвинутых на лоб шляп закрывали им верхнюю часть лица; видимо, им не хотелось быть узнанными. Породистые, но забрызганные грязью лошади едва шли, вероятно проделав большой и тяжелый путь.

— Лектур, — спросил господин, — далеко ли еще до Парижа?

— Три с половиной мили, монсеньор, — почтительно доложил его спутник.

— Далеко, дружище! — с нетерпеливым жестом произнес незнакомец.

— Да, монсеньор, особенно с измученными двухдневной дорогой лошадьми.

— А между тем мне непременно надо в город; что делать? Ах, мой бедный Лектур, не везет нам в нашем предприятии! Жаль, что я не послушался твоего совета!

— Не жалеете, монсеньор, — успокаивал его спутник, стараясь придать веселость тону, — может быть, в эту самую минуту Бог помогает нам больше, чем вы думаете.

— Что ты хочешь сказать, друг мой? — полюбопытствовал незнакомец.

— Посмотрите, монсеньор, вы видите, что это перед вами?

— Да что? Высокие стены замка, который, насколько я могу судить отсюда, должен быть значительным и в хороших руках мог бы в случае надобности славно выдержать осаду.

— Он в хороших руках, монсеньор. Это замок Мовер, принадлежащий графу Оливье дю Люку.

— Неужели, Лектур?! — быстро вскричал незнакомец. — Но в таком случае мы спасены! Ведь граф дю Люк, помнится, один из самых ревностных наших единоверцев?

— И один из самых преданных ваших сторонников, монсеньор.

— Так, так, мой друг; хотя я и не знаю графа лично, но мой брат де Субиз очень хвалит его. Не думаю, чтобы он отказал нам в гостеприимстве.

— Ваше имя, монсеньор, откроет вам...

— Тс-с, Лектур! Мое имя не должно произноситься! Мы беглецы, мой друг, не забывай этого. Если бы мсье де Люинь знал, как мы близко, он бы живо арестовал нас. Надо быть осторожными; как ни честен и благороден граф дю Люк, мы должны хранить самое строгое инкогнито.

— Это правда, монсеньор; не будем вводить ближнего в искушение, как говорит своим медовым голосом епископ Люсонский, — отвечал, смеясь, де Лектур.

— Конечно, — весело сказал незнакомец. — Ведь граф не один живет в замке.

— А в наше несчастное время деньгами самого честного можно подкупить.

— Разумеется.

— Так мы отправимся прямо в замок, монсеньор?

— Я — да; а ты поезжай в деревню, вон там, на берегу реки, и добудь лошадь, а если нельзя, переночуй в трактире и завтра чуть свет незаметно проберись в Париж. Ты имеешь мои словесные инструкции, ты мой молочный брат; все знают, что у меня нет от тебя секретов; мои друзья хорошо тебя примут и поверят тебе.

— Но вы как же, монсеньор?

— Я буду ждать здесь, в замке; тут я в безопасности и по первому твоему знаку явлюсь к тебе.

— Хорошо, монсеньор, тогда я уйду; завтра до полудня повидаясь с вашими друзьями и узнаю, насколько можно верить их обещаниям.

— Да постой же, ветреник, дай прежде руку!

— Ах, простите, монсеньор! — вскричал де Лектур, почтительно прикасаясь губами к протянутой руке.

— Эх, дитя мое, разве мы не братья по душе? — ласково промолвил незнакомец. — Не забывай же, что я пока барон де Серак!

— Слушаю, монсеньор; не забуду, тем более что вы ведь уже не в первый раз барон де Серак, — лукаво прибавил де Лектур.

— Ты несносный болтун, но добрый малый, поэтому я тебя прощаю, — засмеялся незнакомец.

— Благодарю вас и до свидания! Счастливого успеха, монсеньор!

— И тебе также, мой неизменный друг! Только, пожалуйста, не заставляй меня долго сидеть в этом замке. Ты знаешь, окрестности Парижа небезопасны для нас теперь. Кроме того, и время не терпит.

— Будьте спокойны, монсеньор, ни секунды терять не стану.

Незнакомец сделал легкий дружеский знак рукой и шагом поехал к замку, а де Лектур — к деревне, огни которой сверкали, точно звезды, в ночной темноте.

— Кто идет? — окликнул через минуту часовой.

Незнакомец остановился.

— Эй, друг мой! — крикнул он ему. — Один из единоверцев графа дю Люка желает его видеть и передать ему письма.

— Потрудитесь подождать немного, ваша милость, я сейчас позову кого-нибудь, — ответил часовой.

— Хорошо, мой друг; но я издалека, лошадь моя измучилась, и я тоже.

— Всего только несколько минут!

Через пять минут приотворилась калитка, и в нее проскользнул человек, весь в черном. Это был мэтр Ресту, моверский мажордом.

— С кем имею честь говорить? — спросил он, почтительно кланяясь.

— Я барон де Серак, — представился приезжий, — единоведец графа дю Люка, и прошу впустить меня в замок; я приехал издалека с важными письмами.

— Господина графа нет дома в настоящую минуту, но сохрани Бог, чтобы двери замка не открылись перед таким почтенным вельможей, как господин барон де Серак.

Мост сейчас же был опущен, и мнимый барон въехал на парадный двор замка, где его встретил тот же мажордом, вошедший через калитку.

— Добро пожаловать в Мовер, господин барон, — сказал он с поклоном, — и позвольте попросить вас распоряжаться, как у себя дома.

— Благодарю вас за гостеприимство, *mon maitre*¹, — отвечал барон. — Не могу ли я засвидетельствовать свое почтение графине, так как графа нет дома?

— Графиня ушла к себе, сударь; в отсутствие графа она никого не принимает, но все желания господина барона будут исполнены.

— В таком случае нельзя ли передать графине вот этот пакет?

Барон достал несколько писем, запечатанных по тогдашним обычаям шелковинкой; одно из них он подал мажордому, с поклоном взявшему его и передавшему слуге.

— Пожалуйста, — продолжал приезжий, — распорядитесь, чтоб позаботились о моей лошади; она отличной породы, и я очень дорожу ею.

— Не беспокойтесь, господин барон, мы знаем толк в дорогих лошадях. Какова бы ни была ваша лошадь, уход за ней будет хороший.

— Так покажите мне дорогу, *mon maitre*!

Мажордом провел барона по ярко освещенным коридорам в большую и высокую комнату, отлично убранную, с огромной кроватью на возвышении, ярко пылавшим камином и обильным ужином на столе.

Приезжий улыбнулся.

— Вот так гостеприимство! — весело воскликнул он.

— Гость всегда посылается Богом, — с почтительным поклоном произнес мажордом. — Все, что есть лучшего в доме, должно быть к его услугам.

— Друг мой, — обратился к нему барон, — у меня есть слуга тут, в деревне, около Парижа... возможно, он будет меня спрашивать.

— Его сейчас же проведут к вам, господин барон, в любое время дня и ночи.

— Я его жду дня через два. А долго не приедет господин дю Люк?

— Мы ждем господина сегодня ночью.

— Прекрасно! Так если бы граф приехал ночью и пожелал меня видеть, я буду готов и счастлив явиться к нему, несмотря ни на какой поздний час.

В эту минуту вернулся слуга, относивший графине письмо, и низко поклонился.

¹ Мой господин (*фр.*).

— Графиня, — доложил он, — получила письмо господина барона. Графиня благодарит, что господин барон удостоил принять ее скромное гостеприимство, и за отсутствием господина графа дю Люка сама будет иметь честь пожаловать к господину барону после ужина, если господин барон согласен принять их на несколько минут, прежде чем ляжет почивать.

— Передайте мое глубочайшее почтение графине, мой друг, за ее любезность; скажите, что я полностью к ее услугам и сочту за счастье лично извиниться перед ней за беспокойство, которое произвел в ее доме своим неожиданным приездом.

Слуга поклонился и ушел за мажордомом. Барон принялся ужинать, бросив на стул шляпу, плащ и рапиру. Он с самого рассвета скакал, не останавливаясь перекусить чего-нибудь.

Барон де Серак, как мы его будем называть пока, по наружности был настоящий принц, путешествующий инкогнито. Он был высок и, несмотря на свои пятьдесят лет, очень строен; манеры ясно обличали в нем придворного. У него были каштановые волосы, белая, нежная кожа с легким румянцем, чудесные зубы, пунцовые губы, большие, блестящие глаза, немножко длинный нос и высокий лоб; маленькие, изящные руки и ноги свидетельствовали о хорошем происхождении.

Костюм был в высшей степени прост, но сшит с большим вкусом.

Утолив немножко голод, барон глубоко и серьезно задумался, так глубоко, что по временам поднимал вилку взять кусок дичи и снова опускал ее на тарелку, не замечая, что ничего не взял; стакан стоял перед ним пустой. Наконец, вынув из потайного кармана какие-то бумаги, он стал внимательно, с лихорадочной поспешностью просматривать их; они были все шифрованные. Глубокое внимание к своему делу не мешало ему, однако, быть настороже, потому что при послышавшемся за дверью легком шуме он быстро поднял голову, скомкал и спрятал письма в карман и опять принялся за ужин.

Почти вслед за тем поднялась портьера, и вошел слуга; доложив о графине дю Люк, он мигом скрылся, и портьера опустилась за молодой женщиной.

Барон бросил салфетку и поспешил к ней навстречу.

— Графиня, — сказал он, слегка кланяясь, — мне совестно...

— Что я так бесцеремонно принимаю такого достойного вельможу, как вы! — перебила она. — Господин барон, я пришла лично извиниться перед вами.

Слегка опершись кончиками пальцев на протянутую руку барона, она подошла к креслу у камина и села. Барон почтительно стоял перед ней.

— Прошу вас сесть, — проговорила она, — ведь вы здесь дома!

Он сел.

— Барон, — продолжала графиня, — я обычно никого не принимаю без мужа, но делаю исключение для вас, потому что вы приехали с письмом от одной из самых близких моих подруг.

— От мадмуазель де Росни, нынешней герцогини де Роган, — добавил барон.

— Да. Мы с Мари де Росни вместе воспитывались и очень дружны между собой; я знаю свою подругу и, читая ее письмо, заключила, что человек, которого она так горячо мне рекомендует, должен быть или хороший друг ее, или очень близок ей.

— Действительно, графиня, я имею честь принадлежать к самому интимному кружку мадам де Роган и могу подтвердить, что очень близок ей, — отвечал, тонко улыбнувшись, барон.

— Я все хорошо знаю из письма, барон, и хотела показать вам, как высоко ценю рекомендацию своей подруги, принимая вас сама в отсутствие графа!

— Я не знаю, как выразить вам свою благодарность за такую честь, графиня.

— Приняв мое гостеприимство так же чистосердечно и с таким же удовольствием, как я предложила его вам, и пользоваться им, сколько угодно.

— Благодарю вас, графиня, но не решусь злоупотреблять вашей любезностью; я пробуду в замке не больше двух-трех дней.

— Позвольте надеяться, барон, что графу удастся уговорить вас остаться подольше.

Барон низко поклонился прелестной женщине, которая, казалось, действительно так счастлива была принять его в своем доме.

— Граф дю Люк, — сказал он, помолчав с минуту, — благородный, прекрасный вельможа и пользуется большим уважением между единоверцами; я знаю, что герцог де Роган, по лестным отзывам о нем своего брата, господина де Субиза, очень хотел бы с ним познакомиться.

— Дружба, с которой господину де Субизу угодно относиться к графу, делает его снисходительным.

— Нисколько, графиня; господин де Субиз в этом отношении только отголосок общего мнения всех вождей нашей партии; мне очень жаль, что отсутствие графа лишает меня чести засвидетельствовать ему мое почтение.

— Он скоро вернется, барон, сегодня ночью, вероятно, и завтра утром будет к вашим услугам.

Поговорив таким образом еще некоторое время, графиня простилась и встала. По свистку явились ее горничные. Барон почтительно проводил графиню до дверей и низко поклонился. Поблагодарив его за любезность милой улыбкой, она ушла.

Через несколько минут вошли слуги, убрали со стола, освежили воздух в комнате, открыв и потом снова закрыв окна, подложили дров в камин, поставили у постели вазу с розмариновой веткой в вине, смешанном с медом, и ушли, спросив сначала, не нужно ли еще чего-нибудь барону.

Он поблагодарил их и остался один, но не лег спать, а, надев приготовленный для него великолепный парчовый халат, снова принялся за чтение зашифрованных бумаг, прерванное приходом графини.

Несколько часов сряду барон читал, приводил бумаги в порядок и написал несколько, большей частью тоже зашифрованных, писем. Только в четвертом часу утра он лег, не имея больше сил выдерживать, положил бумаги под подушку, придвинул на всякий случай пистолеты и шпагу и крепко заснул.

На другой день, рано утром, приехал от графа нарочный сказать графине, что, к своему большому сожалению, по не зависящим от него обстоятельствам граф не может быть раньше чем дня через три.

Графине это было очень неприятно, но пришлось покориться. Она любезно извинилась перед гостем; он, боясь показаться назойливым, собрался было уехать, но графиня просила его остаться подождать возвращения графа в полной уверенности, что муж одобрит ее поступок.

Познакомившись ближе, они перестали церемониться между собой и изгнали скучный этикет. Графиня и Диана всеми силами старались сделать жизнь в замке приятной гостю, болтали с ним, гуляли в моверском парке и окрестностях, устраивали рыбную ловлю с факелами — одним словом окружали его всевозможным вниманием, как умеют это делать только женщины, когда захотят.

Прошло пять дней, а о графе не было ни слуху, ни духу; графиня тревожилась, не зная, чему приписать такое продолжительное отсутствие и упорное молчание.

Раз утром мэтр Ресту доложил барону де Сераку, что его спрашивает какой-то господин, называющий себя де Лектуром.

Барон велел сейчас же привести его. Они долго о чем-то говорили между собой; после этого секретного разговора барон сделался очень серьезным и собрался ехать в тот же день.

Ни графиня, ни Диана не могли убедить его остаться. Он уехал вместе с де Лектуром.

ГЛАВА IV

К кому прежде всего отправился граф дю Люк, и что из этого вышло

Все писатели того времени единодушно подтверждают, что при Людовике XIII, особенно в первые годы его царствования, столица Франции хранила еще почти нетронутым свое древнее варварство в его главных чертах, то есть гадкий, почти грязный и крайне феодальный вид.

Гражданские войны, беспечность вождей Лиги и внесенные ими беспорядки и неурядицы оставили глубокие следы на несчастном городе; Генриху IV, несмотря на все усилия, не удавалось сгладить их: он пробивал улицы, обстраивал площади, возводил общественные здания, расширял набережные и кончил постройку Нового моста, начатую при Генрихе III, но прерванную Днем Баррикад.

Правление умного и храброго Беарнца было во всех отношениях слишком коротко для осуществления и десятой доли его проектов.

Париж, и теперь еще не вполне освободившийся от грязи, тогда был настоящей мусорной ямой.

В эпоху нашего рассказа он состоял из целого лабиринта узеньких, извилистых, частью немощеных улиц с ветхими, полуразвалившимися домами, между которыми кое-где только поднимались богатые здания; потоки грязной воды и всевозможные сваленные в кучу нечистоты запружали нередко дорогу; а если прибавить к этому отсутствие всякого освещения, кроме лунного, бродячих собак и ночных воров, так будешь иметь верную, невеселую картину Парижа в начале семнадцатого века.

На всех городских часах пробило десять, когда граф дю Люк приехал в город. Он хорошо его знал, так как долго жил там с отцом, и потому без труда нашел дорогу в лабиринте улиц.

Кроме того, ночь была лунная, и граф смело ехал, не замедляя шага лошади; у берега Сены, на его счастье, случился паромщик, согласившийся за хорошую плату, несмотря на поздний час, перевезти путешественника и его лошадь на другую сторону; затем граф отправился на улицу Короля Сицилии.

Эта дорога отняла у него не меньше часа, на протяжении которого ему встречались подозрительные личности с поднятыми до носу воротниками плащей и в опущенных на самые глаза шляпах; однако они не решились или просто не захотели напасть на него; голодные стаи собак долго преследовали его своим воем.

Граф пустил лошадь шагом и остановился почти против улицы Дежюиф, у крыльца старого, мрачного особняка. Это был особняк герцога Делафорса.

Дю Люк осмотрелся кругом, не следит ли за ним кто-нибудь, и эфесом шпаги три раза стукнул в калитку, сделанную в двери, — два раза сряду, потом один раз. Калитка сейчас же отворилась, и на пороге явился огромный детина с длинным бердышом в руке.

— Хвала Богу! — сказал он мрачным голосом, точно говоря сам с собой.

— И мир на земле людям с твердой волей! — отвечал граф и подал в горсти левой руки как-то особенно обрезанную золотую монету.

Тот внимательно осмотрел ее и важно поклонился.

— Войдите, монсеньор! — произнес он с явным оттенком почтения в голосе. — Привет всем входящим от имени Божия!

Граф сошел с лошади, взяв ее под уздцы, ввел во двор особняка. Калитка сейчас же заперлась за ним.

Человек с бердышом свистнул; на свист мигом явился другой человек, точно выросший из-под земли.

— Идите за ним, — лаконично проговорил первый, взяв у графа лошадь.

Оливье молча сделал второму слуге знак идти вперед. Везде было темно в особняке, который казался вымершим. Граф прошел за своим молчаливым проводником широкий двор, поднялся по заросшим мхом ступенькам крыльца и вошел на широкую мраморную лестницу. Долго еще они шли по разным ходам и переходам, наконец проводник остановился, поднял портьеру, отворил двери, прошел большую переднюю, освещенную лампой, спускавшейся с потолка, подошел к другой двери, тоже тяжелой портьерой, обернулся к графу и почтительно спросил:

— Как прикажете доложить, монсеньор?

— Граф Оливье дю Люк де Мовер.

Проводник поднял портьеру, отворил дверь и громко повторил имя и титул прибывшего, потом отошел, пропустив гостя.

Граф вошел, волоча перьями шляпы по полу и молодецки опершись на эфес шпаги. Он очутился в громадной ярко освещенной зале, заполненной множеством вельмож всех возрастов; одни были в роскошных придворных мундирах, другие — в военных доспехах, а некоторые, как и сам граф, — в дорожных костюмах.

При входе графа разговоры умолкли, все взгляды обратилось на него; старик вельможа, одетый по старинной моде времен покойного короля, отделился от группы разговаривавших и поспешно подошел к дю Люку.

— Милости просим, граф, — приветствовал он его, кланясь с самой утонченной вежливостью, — мы все здесь с нетерпением вас ждали.

— Ваша просьба для меня закон, монсеньор, — так же вежливо отвечал Оливье, — и я бросил все, чтобы явиться к вам.

— Благодарю вас, граф; впрочем, мы в вас и не сомневались; нам известна ваша преданность нашему святому делу и непоколебимость вашей веры.

— Послушайте, любезный Делафорс, — весело вмешался другой вельможа, дружески пожимая руку графа, — не бро-

сайте, пожалуйста, камни в мой огород! Я здесь у вас немножко волк в овчарне: хоть и не из истых католиков, но все-таки католик, а между тем нахожусь между вами. Прелезабавно, не правда ли, граф?

— Господин де Бассомпьер, — проговорил, поклонившись, Оливье, — был слишком предан покойному королю, чтоб не находиться между нами.

— Тс-с, милый граф! Тише! Не говорите так! Если бы здесь случился кто-нибудь из шпионов Люиной, то сочли бы, что мы составляем заговор, — прибавил он, расхохотавшись.

Оливье был тут в кругу высшей знати королевства и главных вождей реформатской партии. Большую часть их он знал, с остальными его познакомил герцог Делафорс; все любезно обошлись с ним.

Жаку Номпару де Комону, герцогу Делафорсу и маркизу де Кастельно, родившемуся в 1559 году, было в то время немного за пятьдесят.

Это был высокий, еще бодрый старик с аристократической физиономией и манерами, человек высокого ума и больших военных дарований. Еще подростком чудом спасшийся во время Варфоломеевской резни благодаря тому, что притворился мертвым, он пристал к партии короля Наваррского и был одним из самых преданных его товарищей; и король Наваррский оценил его по заслугам. Беспокойный, деятельный, а главное, искренне ненавидевший католиков, герцог, несмотря на свои лета, душой и телом посвятил себя протестантской партии и сделался одним из самых влиятельных ее вожakov.

Бассомпьер, которому было едва сорок лет, не имел никакой серьезной неприязни к двору, так как три года перед этим был произведен в генерал-фельдцейхмейстеры¹; но это был ветреный, опрометчивый человек, и присоединился он к протестантской партии, сам не зная, почему; может быть, потому, что все его старинные друзья принадлежали к ней; кроме того, ему, как он выражался, ненавистна была эта клика Каденетов, Брантов и Морна, этих нищих, которые пришли в Париж без сапог, лгали, уверяя, что они потомки Альберти Флорентийских, и за короткий срок составили себе при французском дворе состояние очень подозрительного

¹ Генерал-фельдцейхмейстер — титул и должность главного начальника артиллерии в армиях ряда европейских стран XVI—нач. XX вв.

свойства. Короче, Бассомпьер, не решаясь сознаться самому себе, завидовал герцогу Люиню, который пользовался при Людовике XIII такими же привилегиями, какими он обладал при покойном Генрихе IV, если еще не большими.

Между тем разговор, прерванный приходом графа, возобновился с прежним жаром: спорили, высказывали каждый свое мнение и старались доказать его.

Пробило полночь.

В огромной зале разом все смолкло; все обернулись к герцогу Делафорсу, видимо ожидая, что он скажет.

Выйдя в середину и сделав общий поклон, старик начал так:

— Единоверцы и друзья! Теперь уже слишком поздно ждать нашего благородного вождя и друга, герцога де Рогана. Вероятно, ему не удалось проехать в город, или, вернее, благоразумие не допустило его показаться в Париже сегодня вечером. Во всяком случае, мы, наверное, вскоре получим от него какое-нибудь известие; по-моему, однако, его невольное отсутствие, так много значащее для высоких интересов, которые мы обязаны охранять, не должно останавливать нас от обсуждения мер, необходимых для укрепления религии и государства в критических обстоятельствах, в которых мы очутились поневоле.

Все отвечали единодушным согласием.

— Руководите спорами, герцог, — воскликнул Бассомпьер, — вы одни способны уладить дело.

— Господа, это и ваше мнение? — спросил герцог.

— Да, да, говорите, герцог Делафорс! — отвечал за всех один из присутствующих. — Вы осторожны и ловки; в отсутствие герцога де Рогана вы одни можете хорошо повести дело.

— Тем более, — прибавил другой, — что принц Конде, который мог бы, кроме вас, иметь право на первенство между нами, уже три года сидит в Бастилии.

— Мы надеемся, что через несколько дней он будет освобожден, — сказал герцог.

— Тем хуже! — заметил барон де Круасси. — Монсеньор де Конде известен пером, а не шпагой. Нам в настоящее время нужен не такой человек.

Все рассмеялись.

— Настоящее положение дел действительно очень серьезно, господа, — продолжал герцог Делафорс. — Наши враги

сильно восстанавливают против нас короля; ходят слухи о кое-каких указах, готовящихся втихомолку. Королева-мать охладевает к нашим интересам и готова оставить нас.

— Говорят, готовится вторая Варфоломеевская ночь, — поспешно вставил де Круасси.

— Ну, вы слишком уж далеко заходите! — воскликнул Бассомпьер. — Это смахивает на клевету.

— Тише, Бассомпьер, — мягко остановил его герцог Делафорс, — барон де Круасси правду говорит; у меня есть в руках доказательства этого гнусного заговора. К счастью, теперь не тысяча пятьсот семьдесят второй год, Екатерины Медичи нет больше на свете.

— Да, — с видимой неприязнью произнес граф д'Орваль, очень уважаемый всеми протестантами и особо близкий друг герцога де Рогана, — да, но Мария Медичи царствует, а она тоже флорентийка.

Эти слова, сказанные мрачным тоном, произвели впечатление на всех.

— Да, — подтвердил Малозон, — несмотря на смерть Кончини, итальянская политика все еще существует.

— Что делать? — прошептали некоторые.

— Как знать! Может быть, герцог де Роган тайно арестован по приказанию двора? — предположил граф де Леран.

— Не посмеют! — горячо возразил герцог Делафорс.

— Люинь все смеет, — изрек граф д'Орваль.

В эту минуту вошел секретарь герцога Паризо и, подойдя прямо к нему, тихо обмолвился с ним несколькими словами. Паризо был его дальний родственник и вполне ему предан.

— Господа, — объявил Делафорс, обращаясь к гостям, с любопытством ждавшим, когда кончится этот секретный разговор. — Паризо принес нам известие от герцога де Рогана.

— Он приехал? — громко спросил граф д'Орваль.

— Нет, он в нескольких милях отсюда и прислал к нам надежного человека.

— Было бы лучше, если бы он приехал сам — промолвил де Круасси.

— Тут не его вина; но вы хорошо знаете его посланного: это мессир де Лектур.

— Его молочный брат?

— Да.

— В таком случае, господа, мы можем вполне довериться известию; де Лектура все мы знаем как честного человека.

— Преданного герцогу, — прибавил барон де Сент-Ромм.

— Пусть войдет! Пусть войдет! — закричали все.

Паризо ушел и через минуту вернулся с де Лектуром.

Де Лектур был весь в грязи и в пыли, но очень важно поклонился, держа в одной руке шляпу, а другую положил на рукоятку рапиры.

— Очень рад вас видеть, мессир де Лектур, — приветливо встретил его герцог, — тем более что вы принесли нам известие от герцога де Рогана, отсутствие которого очень чувствительно сегодня, когда мы обсуждаем самые важные вопросы веры.

— Господа, — сообщил де Лектур, — герцог де Роган остановился почти у парижских ворот вследствие обстоятельств, рассказывать о которых было бы слишком долго; кроме того, они будут для вас и малоинтересны. Скажу только, что он в безопасности и готов служить вам.

— Больше он ничего не поручал сказать?

— Напротив, герцог, он дал мне очень подробные словесные инструкции.

— Говорите.

В зале все стихло; все обступили де Лектура.

— Господа, — начал он, — герцог де Роган мчался во весь дух в Париж, чтоб переговорить с вами о мерах для предотвращения несчастий, которые грозят нам вследствие беспрестанных измен господина де Люиня. Король, или, вернее, его фаворит, несмотря на данное слово, лишил беарнцев их привилегий. Мессир де Фава остается при дворе; хотя у нас нет против него улик, но мы подозреваем его в двойной игре; господин де Люинь посылал с особыми поручениями к герцогу Неверскому, шевалье дю Меню и графу Суассону; они явились ко двору, и он устроил соглашение между кардиналом Гизом и герцогом Неверским; измена комендантов крепостей в Пуату, частью в Гиени и Нижнем Лангедоке почти несомненна; присутствие герцога Лесдильера при дворе утверждает Дофине за королем, Дюплесси-Морнэ лишили командования Сомюром; наконец, герцог де Люинь назначен коннетаблем, хотя еще негласно.

— Но ведь это означает войну! — вскричал граф д'Орваль.

— Гибель религии! — прозвучало несколько голосов.

— И то, и другое, господа, — подтвердил де Лектур.

— Как смотрит на это герцог де Роган?

— Он говорит, что надо начать войну и спасти веру!

— Да! Война! Война! — с энтузиазмом закричали все.

— Война, конечно, господа, — сказал граф дю Люк, — потому что при настоящем положении дела она, к несчастью, неизбежна; но если б мне позволили выразить свое мнение...

— Говорите, говорите, граф! — раздалось со всех сторон.

— Я думаю, господа, — поклонившись, приступил он к изложению собственного мнения, — что нашему решению надо дать основательный предлог, который доказал бы, что за нами право, расположил бы к нам не только тайно сочувствующих, но и всех честных людей государства; одним словом, чтобы нам пришлось принять эту войну братьев с братьями как необходимость, а не самим объявлять ее.

Его очень внимательно слушали.

Все посмотрели затем на де Лектура. Он улыбался.

— Граф, — обратился он к дю Люку, — монсеньор де Роган совершенно одинакового мнения с вами, и вот, что он советует сделать: трое депутатов, выбранных из участников собрания, должны отправиться к королеве и почтительно заявить ей о притеснениях, которым подвергаются ежедневно реформаты, заверить в своих верноподданнических чувствах к королю, но просить, чтоб ее величество дала гарантии, которые избавили бы их в будущем от новых притеснений и обвинений в измене.

— Какие же это гарантии? — спросил граф.

— Полное исполнение Нантского эдикта в том смысле, в котором он был издан покойным королем Генрихом Четвертого тринадцатого апреля 1598 года¹.

Все согласились; выбрано было пять депутатов вместо трех, чтобы отправиться к королеве. Это были: герцог Делафорс, граф д'Орваль, де Лектур, граф дю Люк и барон де Круасси. Они условились идти на другой же день, в двенадцать часов пополудни.

Так и сделали.

Но Мария Медичи, догадываясь, с чем явились к ней депутаты, отказалась, хотя очень любезно, принять их и назначила аудиенцию через три дня.

¹ Нантским эдиктом гугенотам предоставлялась свобода отправления культа, они получили политические права, за ними также было оставлено около 200 замков и крепостей. Нантский эдикт завершил религиозные войны 1562—94 гг.

ГЛАВА V

Как капитан Ватан приехал в Париж и как его отлично приняли в гостинице, где он остановился

ернемся к капитану Ватану.

Оставив посреди дороги озадаченного графа дю Люка, он во весь опор помчался в город и проехал воротами Сен-Виктор.

Капитан очень воинственно сидел на своем Габоре, покручивая усы и напевая какую-то казарменную песенку, от которой покраснел бы любой солдат.

Он знал Париж вдоль и поперек и направился прямо к Тиктонской улице, к гостинице, над дверьми которой красовалась вывеска, покачиваясь и скрипя на железном пруте. На зеленом фоне этой громадной вывески изображалось какое-то диковинное красное животное с грозно торчащим посреди лба рогом, на котором было нанизано множество жареных пулярок. Внизу стояла надпись-ребус яркими буквами в четыре дюйма величины: *A la Chere lie Corne*¹

Капитан поглядел на вывеску, потом на ярко освещенные окна гостиницы, из которой неслись всевозможные вакхические напевы.

— Вот раскричались-то! — проговорил он про себя, закрутив кверху усы, что делал всегда, когда был в веселом расположении духа. — Эй! — крикнул он. — Кто-нибудь!

Выбежал толстый, краснощекий, улыбающийся малый.

— Пожалуйте, господин! — пригласил он, взяв лошадь капитана под уздцы.

— От него так и пышет здоровьем, — подумал Ватан и громко спросил: — А что, разве в гостинице «Единорог» уже другой хозяин?

— Никак нет, а я уже десять лет служу здесь.

— А! Называйте меня капитаном, друг мой, — снисходительно сказал Ватан. — Как вас зовут?

— Бонифаций, к вашим услугам.

— Так хозяин этой гостиницы по-прежнему...

— Мэтр Гриппнар и его жена, капитан, — отвечал с низким поклоном слуга.

— Его жену зовут Фаншета?

¹ *Licorne (фр.) — единорог. — Примеч. перев.*

— Да, капитан.

— Превосходно!

Капитан величественно сошел с лошади.

— Бонифаций, друг мой, — обратился он к слуге, — поставь мою лошадь сейчас же в конюшню, задал ей побольше овса и подложи целую грудусоломы под ноги. Слышишь?

— Слушаю, капитан; мигом все сделаю.

Капитан вошел в гостиницу.

Огромная зала гостиницы «Единорог» представляла приятный вид, особенно для усталого, проголодавшегося путешественника. В глубине ее, перед пылавшим огнем огромного очага жарилось на четырех вертелах множество дичи, мяса, кур, и жир с таким аппетитным треском падал на большой противень, стоявший под ними, что слюнки текли...

Справа и слева шли полки с темной глиняной посудой и блестящими медными кастрюлями и котелками. Около дюжины столов, занимавших отдельную часть комнаты, было занято более или менее упившимися посетителями.

У полка с правой стороны, за прилавком, заставленным всевозможными бутылками, рюмками и стаканами, стояла свежая, красивая бабенка лет сорока, в кокетливо надетом чепчике, с пышным бюстом, лукаво смотревшими из-под бархатных ресниц глазами, ослепительно белыми зубами и пунцовым ротиком. Много привлекала сюда народу такая хозяйка!

Четверо гарсонов, очень похожих на Бонифация, хлопотливо бегали вокруг столов, подавая вино.

У очага наблюдал за жареньем толстяк, но из всей его фигуры видна была одна спина. Все это было освещено, кроме огня очага, лампами в три рожка, висевшими на потолке.

Капитан вошел, звеня шпорами, волоча за собой рапиру и не обращая внимания на сердито посматривавших на него посетителей.

Остановившись у прилавка, он снял шляпу и любезно поклонился хозяйке.

— Здравствуйте, Фаншета, дитя мое! — приветствовал он ее. — Как поживали в продолжении пятнадцати—двадцати лет, что мы с вами не виделись?

Женщина вздрогнула, точно увидав привидение, внимательно посмотрела минуты с три на странного посетителя,

потом вдруг подняла руки к небу и, бросившись, как сумасшедшая, в объятия капитана, стала обнимать и целовать его, плача и смеясь.

— Возможно ли! — воскликнула она. — Вы! Это вы!

— Должно быть, милое дитя, — произнес он, отвечая ей скромными ласками, — постарел, переменялся я немножко, но в душе все тот же.

— Я бы вас из тысячи узнала, ей-Богу, вы совсем не настолько переменялись, как говорите!

— Полно льстить, душечка, — отвечал он, смеясь. — А Грипнар?

— Вот он! — она указала на толстяка перед очагом, не шевельнувшегося даже посмотреть, что случилось.

Между тем посетителям, большая часть которых была завсегдатаями трактира, стало досадно, что такая осторожная с ними хозяйка с восторгом бросилась на шею этому верзиле, которого они никогда не видали; сначала они точно онемели от удивления, но потом начали грозно перешептываться и наконец дали полную волю своему бешенству.

Человек пять, похрабрее, встали, осторожно оставаясь за столом, как за валом, и стали громко кричать, посылая капитану далеко не лестные эпитеты.

Сначала капитан не обратил внимания на шум, но наконец заметил, что крики относились к нему, холодно обернулся, смерил глазами противников и улыбнулся своей обычной насмешливой улыбкой.

— Это что значит, дурачье? — вскричал он голосом, который сразу покрыл крики. — Не окатили ли вас вдруг святой водой, что вы так взволновались и так страшно гримасничаете? Черт побери, господа! Не угоднo ли вам немножко утихнуть, или мне придется взять на себя труд образумить вас?

Великолепная речь капитана произвела совершенно не то действие, которого он ожидал. Крики перешли в рев; пьяницы вскочили и, вооружившись жбанами, кружками, тарелками, собирались броситься на общего врага. Однако в последнюю минуту они вдруг приостановились и как будто советовались между собой взглядами.

Короче сказать, их пугала длинная рапира капитана, хотя он еще и не вынимал ее из ножен.

— *Ventre de biche*, господа! — сказал капитан, нимало не волнуясь. — Порядочные вы неучи, надо вам сказать! Так разве нынче принимают приезжих в добром городе Пари-

же?! Так как вам угодно, чтоб я вас проучил, — не беспокойтесь, я беру это на себя, и вы долго сохраните об этом уроке трогательное воспоминание!

Говоря таким образом, капитан схватил своими длинными, мохнатыми руками — с баранью лопатку шириной каждая — ближайший к прилавку стол, поднял его, как перышко, хотя он был очень тяжел, и сразу опрокинул на своих противников со всеми блюдами и жбанами, которые на нем стояли.

Пьяницы, испуганные такой неслыханной силой, бросились бежать, толкая друг друга и вереща от боли. А капитан покатывался со смеху.

Хозяйка гостиницы между тем, зная плутов, предвидела исход ссоры, и, как благоразумная женщина, бросилась к мужу.

— Эй, мэтр Грипнар! — закричала она, теребя его за рукав. — Да оставьте на минуту вертела и оглянитесь. Неужели вы позволите, чтоб у вас в доме убивали ваших старинных друзей?

— А? Что такое, душа моя? — вскричал толстяк, точно спросонок.

— Да вы поглядите! — продолжала жена.

Грипнар обернулся. И надо отдать ему справедливость, не успел он признать капитана, как вся его апатия разом исчезла, уступив место сильнейшему гневу.

Красное лицо сделалось зеленым, глаза засверкали, как раскаленные уголья. Схватив огромный ухват, он бросился на своих посетителей, крича во все горло:

— Сюда, Бонифаций, Маглуар, Ларио, Пато! Сюда! Долой этих негодяев!

Прислуга сбежалась на зов хозяина и, вооружившись чем попало, храбро поддержала его.

Битва мигом кончилась за неимением воинов, так как противники Грипнара и его гарсонов благоразумно искали спасения в бегстве.

В зале остались только капитан, севший на скамейку, потому что не в состоянии был держаться на ногах от смеха, да человек шесть мирных буржуа, не принимавших участия в битве.

Когда все утихло, а гарсоны привели в порядок комнату, мэтр Грипнар положил на место ухват, отер лоб, снял бумажный колпак и почтительно поклонился капитану.

— Простите за такую встречу, дорогой покровитель, — сказал он, — эти шалопаи теперь проучены, как заслужили, и больше не повторяют проделки, будьте уверены; они ведь больше шумливы, чем злы.

— Я это заметил, хозяин, — отвечал, продолжая смеяться, капитан.

— Вы, надеюсь, не сердитесь на них?

— Я? Нисколько, хозяин.

— И отлично. А теперь позвольте надеяться, что вы удостоите остановиться в моей гостинице?

— Я только что приехал в Париж и явился прямо к вам, мэтр Гриппнар, поэтому прошу у вас ночлега и ужина. Вы не смотрите, что я одет слегка небрежно; мой кошелек тем не менее хорошо снабжен.

— Я отведу вам лучшую комнату, подам лучшее вино и лучшие блюда.

— С условием, чтоб о деньгах не было и помину, капитан, — прибавила трактирщица.

— Мадам Фаншета Гриппнар, моя супруга, удачно дополнила мою мысль, — сказал толстяк, с довольным видом потирая подбородок.

— Если так, друзья мои, — произнес капитан, вставая и оправляя портупею, — от души благодарю вас и прощайте!

— Вы уходите? — с беспокойством спросила Фаншета.

— Сию минуту, милое дитя.

— Отчего же? — удивился мэтр Гриппнар.

— Оттого что не имею обыкновения останавливаться в гостиницах даром; каждый живет своим ремеслом.

— Те-те-те! — воскликнул Гриппнар. — Все это так, если б вы не были нашим кумом, крестным отцом нашего ребенка, пренежного мальчишки, надо заметить.

— В своего крестного, — заметил, смеясь, капитан.

— Правда, правда! То есть, нет! — спохватился мэтр Гриппнар. — Что это я болтаю! Язык замолелся, не обращайтесь на это внимания, капитан. Я хотел сказать, что мы всем вам обязаны, и все, что имеем, — ваше.

— Благодарю вас, мэтр Гриппнар, от души благодарю, и прощайте!

— Э! Да вы все-таки уходите?

— Конечно!

Фаншета подмигнула мужу и встала у двери.

— Ну хорошо, капитан! Если уж вы непременно хотите, чтоб мы относились к вам, как к чужому, так платите, как всякий посетитель, но не обижайте, уходя в другую гостиницу, где вам будет не так удобно.

— Где о вас не позаботятся так, как вы этого заслуживаете! — прибавил Грипнар. — С упрямыми ведь ничего не поделаешь; ну, пусть будет по-вашему!

— Отлично, друзья мои! Теперь поужинаем, *parbleu*! Я умираю с голоду; за ужином потолкуем.

— И разопьем бутылочку анжуйского, от которого вам все будет казаться в розовом свете.

— Четыре их разопьем, мэтр Грипнар!

— Сколько хотите, капитан! — отвечал, радостно потирая руки, хозяин гостиницы.

Через четверть часа они втроем сидели за столом, уставленным множеством всевозможных блюд. Последние посетители ушли, и мэтр Грипнар запер дверь, чтобы быть свободнее.

Капитан так здорово ел, что никому бы и в голову не пришло, что он уже плотно перекусил в Аблоне.

— Ну, скажите-ка, — спросил капитан, утолив аппетит, — каким образом вы очутились в Париже, когда у вас двадцать лет тому назад так хорошо шли дела на Гурдонской дороге?

— В этом виноваты вы, капитан, — сказала Фаншета.

— Положительно! — воскликнул Грипнар. — Жена, по своему обыкновению, отлично сказала.

— Я вас не понимаю.

— Объясни это, пожалуйста, капитану, Фаншета, дитя мое, — величественно распорядился Грипнар.

— Да вы ведь такой щепетильный, капитан, я, право, не смею.

— Смейте, смейте, милая Фаншета! — засмеялся капитан, залпом осушив стакан вина. — Даю вам полное разрешение!

— О, в таком случае я решаюсь! Вы помните, конечно, что, согласившись крестить нашего ребенка...

— Которого я назвал Жаном-Стефаном, если не ошибаюсь?

— Да, да; вы дали нам десять тысяч ливров на его воспитание, как говорили.

— Может быть, Фаншета, но это в сторону! Ваше здоровье, кум!

— Ваше здоровье, капитан! А как вы находите наше анжуйское?

— Чудесное! Так приятно щекотать горло! Дальше, Фаншета!

— Эти десять тысяч и еще две, которые вы прибавили после, помогли нам обзавестись кое-каким хозяйством, — продолжала она. — Прошло три или четыре года; начался мятеж Истребителей.

— Да, да, — подтвердил капитан, нахмутив брови и отвернувшись, чтоб скрыть бледность, вдруг разлившуюся по его лицу.

— Помните, как вы раз ночью неожиданно явились к нам в гостиницу?

— Меня преследовали со всех сторон; моя голова была оценена; я так хорошо это помню, точно сегодня все случилось, — мрачно отвечал он. — Полиция гналась за мной по пятам; я едва успел спрятаться в шкаф и пролежал там целую ночь под грудой белья и платья, между тем как эти дураки обыскивали весь дом от амбара до погреба.

— Тогда...

— Дайте мне договорить, Фаншета, — перебил он с лихорадочным оживлением. — Я не часто роюсь в своих воспоминаниях; сегодня мне отраднo припомнить то, что уже так давно прошло. Только через два дня полицейские, выжидавшие меня поблизости от гостиницы, думая, что мне удалось бежать, наконец ушли. Тогда ваш муж дал мне платье, лошадь и непременно сам захотел быть моим проводником в горах; целых пять дней мы шли такими тропинками, по которым и зверь неохотно решится пройти; нам удалось наконец добраться до границы, но мэтр Грипнар только тогда простился со мной, когда уверился, что я в полной безопасности. Я вам обязан жизнью, мои добрые, мои милые друзья. О, поверьте мне, такие вещи сладко вспомнить! И, что бы ни случилось, они никогда не забываются.

Капитан с таким искренним чувством, так трогательно произнес эти слова, что у мужа и жены навернулись на глазах сладкие слезы. Но наш герой никогда не поддавался умилению; он живо налил себе еще стакан вина, выпил и сказал, смеясь:

— Но все это мне нисколько не объясняет, почему вы очутились здесь?

— Оттого что вы о себе всегда забываете, капитан, — проговорила Фаншета.

— Правда, *par bleu*! Ну, так и не станем об этом больше говорить!

— Нет, извините, если я начала, так и кончу.

— Эге, кум! Да и ваша жена, кажется, тоже из упрямых, правда?

— Не вам ее в этом упрекать, капитан.

— Так, так, кум! Правда ваша; кончайте, Фаншета!

— С вашего позволения, — улыбнулась она. — Вы не забыли, а нарочно оставили в своей комнате очень тяжелый чемодан...

Капитан, желая скрыть смущение, выбивал ножом какой-то небывалый марш.

— Знаю, знаю... — нетерпеливо проворчал он.

— На нем лежала сложенная вчетверо бумага, — с намерением продолжала Фаншета, — на которой было написано: «Этот чемодан и все, что в нем есть, отдается мною в полное распоряжение куму моему Грипнару и его жене; они могут делать с этим, что хотят». Я открыла чемодан и нашла там завернутые в простое платье тридцать тысяч ливров золотом...

— Тридцать тысяч ливров, да, капитан, — подтвердил мэтр Грипнар, кивнув головой.

— Э, да знаю! Что же дальше?

— Ну, а дальше, — рассказывала Фаншета, — край наш разорился, вас больше не было... вас, нашего друга и покровителя. Мы чувствовали себя грустными, несчастливыми; муж продал дом. «Если нам суждено когда-нибудь опять с ним свидеться, — сказал он мне, — так только разве в Париже». — «Поедем в Париж», — отвечала я. Вот как мы очутились на Тиктонской улице — по вашей вине, капитан, — прибавила она с улыбкой.

— Пардон, кум! Она настояла на своем: досказала все до конца.

— Чего Богу угодно, капитан...

— Того и человек должен желать?

— Да.

— Выпьем, кум!

— Выпьем, капитан!

Они чокнулись.

ГЛАВА VI

Где капитан Ватан начинает обнаруживать себя

продолжение нескольких минут разговор, по-видимому, совершенно отклонился от направления, которое ему дали сначала; друзья ели, пили, смеялись и ни о чем другом не думали. Это был антракт между двумя большими пьесами.

Мэтр Грипнар совершенно неумышленно навел на прежнее незначительным, по-видимому, вопросом, который неожиданно задал капитану.

— Какими же судьбами, — спросил он, — считая нас в Гурдоне, вы, приехав в Париж, прямо остановились у нашей гостиницы, на Тиктонской улице? Ведь оттуда сюда далеко!

— Правда, кум, — согласился капитан с притворным равнодушием, — однако же не так далеко, как вы полагаете.

— Но я ведь проехал эту дорогу, — уверенно произнес Грипнар.

— Не спорю, только вы не понимаете меня, и я вам сейчас объясню. Приехав во Францию месяц тому назад, я, как лисица, горящая по своей норе, прежде всего отправился в нашу милую провинцию.

— Понимаю это.

— Да не мешайте же ему говорить, мэтр Грипнар, — сказала с заметным нетерпением Фаншета.

— Прежде всего, — продолжал капитан, — я пошел в вашу гостиницу и справился о вас. Толстяк-хозяин указал, как вас найти. Водном отношении только он не мог удовлетворить мое любопытство.

— В каком же?

— А! Это уж было чисто одно любопытство, и совершенно бескорыстное, — проговорил капитан, небрежно играя ножом, хотя лицо его было бледно, как полотно.

— Не сомневаюсь, капитан; я знаю, вы не из тех, которые любят вмешиваться в чужие дела.

— Это правда, — тем же развязным тоном подтвердил капитан, — но согласитесь, что, двадцать лет не бывав на родине, хочется узнать не только о друзьях, но и о простых знакомых.

— Конечно, конечно. Так вы справлялись о друзьях и знакомых у нашего преемника?

— Именно!

— И он ничего не мог рассказать вам?

— Ничего.

— Значит, он действительно ничего не знал, капитан, потому что вообще-то он болтун, впрочем, многие ведь умерли, а другие уехали совсем с той стороны.

— Странно.

— А между тем это так, капитан; вот я, например: я ведь простой, незначительный человек, но все мои гурдонские посетители, кроме тех, конечно, которые умерли, и до сих пор бывают у меня почти каждый день.

— Ба! Вы шутите?

— Нисколько. По нашей улице живет множество банщиков и цирюльников, к которым почти каждое утро и каждый вечер приходят придворные господа, *утонченные*, как их здесь называют; это у них место сходов. Но сначала они всегда заходят ко мне напиться чего-нибудь; пришли бы часом раньше, так застали бы кучу знакомых, по имени только, конечно, потому что это ведь уже все сыновья тех, которых вы могли знать раньше.

— А! — произнес капитан, чтобы сказать что-нибудь.

В продолжение этого незначительного, по-видимому, разговора Фаншета не спускала глаз с капитана, с трудом скрывая тревогу.

— Сегодня здесь были де Сурди, де Ланжак, — невозможно продолжал хозяин, — и еще двое-трое, да вот и еще один есть, которого вы, наверное, помните.

— Кто же это?

— Граф дю Люк.

— А!.. Граф дю Люк!.. — повторил, сверкнув глазами, капитан. — Действительно припоминаю... Смутно. Так он был здесь сегодня вечером?

— Нет, нет. Черт возьми! Какой вы скорый, капитан! Граф дю Люк ревностный гугенот, *diantre!*¹ Он никогда не принимает участия в этих пустяках.

— Так отчего же вы его называли?

— Оттого что граф дю Люк при каждом из своих редких приездов в Париж всегда делает мне честь остановиться у меня в гостинице, где ему отведена особая комната.

¹ Черт! (фр.)

— А! Этот, по крайней мере, остался верен нашей бедной, доброй провинции, кум.

— Ошибаетесь, капитан; он первый уехал оттуда, женившись, и живет теперь с женой, которую боготворит, в своем замке, в нескольких лье от Парижа.

— Те-те-те! Так граф женат!

— Как же! И на прелестной женщине, как говорят, конечно, потому что ее никто никогда не видал; и ревнив, говорят, как черт.

— А! Так она хорошенькая!

— Прелестная; но об этой свадьбе ходят странные слухи, чтоб не сказать больше, и никто не знает тут ничего верного.

— А вы, кум, знаете? — спросил капитан таким странным голосом, что Гриппар посмотрел на него с недоумением, не зная, продолжать ему или замолчать.

Капитан выпил большой стакан вина, вероятно нечаянно, и прибавил с натянутой улыбкой:

— Расскажите-ка нам об этом, кум; это, должно быть, интересно!

— Еще бы! Представьте себе...

Но в эту минуту он увидел, что жена делает ему отчаянные знаки, и сразу остановился.

— Ну, говорите же, я слушаю, — обратился к нему капитан.

— Ей-Богу, позабыл все эти подробности, капитан! — отвечал он самым простодушным тоном. — Меня ведь это мало интересовало.

— Жаль, — сказал авантюрист, — а я бы не прочь послушать.

— Да вот спросите жену, она ведь почти выросла в доме дю Люков и знает все до ниточки.

Толстяк глубоко вздохнул, точно у него гора с плеч свалилась, и залпом осушил стакан.

— Правда, добрая Фаншета? Вы все знаете?

— Знаю, капитан; это очень грустная история, только вряд ли она вас заинтересует.

— Отчего же вы так думаете?

— Оттого, — проговорила Фаншета с ударением на каждом слове, — что вы тут ровно ни при чем.

— Конечно, — согласился он, невольно опуская глаза под ее пристальным взглядом, — но когда-то я был в довольно

близких отношениях с этой семьей и не могу оставаться равнодушным к тому, что ее касается.

— История эта не длинная; сам граф дю Люк ничего тут не знает. Это, собственно, слухи, просто злые толки, и преглупые, если их разобрать хорошенько, так что верить им положительно нельзя.

— Фаншета, к чему столько оговорок в таком простом деле, которое, вы сами знаете, нисколько меня не интересует? — с горькой насмешкой в голосе произнес капитан.

Фаншету это задело за живое. Она как-то особенно взглянула на капитана и сейчас же сообщила:

— Граф Оливье дю Люк женился чуть больше трех лет тому назад на мадмуазель Жанне де Фаржи.

— Дочери графа де Фаржи, капитана конвоя его величества, покойного короля Генриха Четвертого, — холодно добавил капитан.

— Да, — несколько нетерпеливо подтвердила Фаншета, — но хроника, или как хотите назовите этот лживый слух, говорит, что Жанна де Фаржи, внучка маркиза де Кевра...

— Бывшего губернатора Лимузена; это всем известно, — заявил капитан, небрежно играя ножом.

— Но не всем известно, — грустно продолжала Фаншета, — что Луиза де Кевр, ее мать, до замужества была невестой одного провинциального дворянина, Стефана де Монбрена. Вы помните это имя, капитан?

— Смутно, — признался он, прямо глядя ей в лицо, точно показывая, что не боится ее слов, — гугенот, вероятно?

— Да, гугенот; это-то и погубило его и ее, бедняжку.

— Вы говорите загадками, милая Фаншета.

— Неужели? — насмешливо переспросила она. — Так выслушайте до конца.

— Говорите!

Женщина пристально посмотрела на него исподлобья, тихонько вздохнула, отерла дрожавшую на реснице слезу и энергично продолжала:

— Маркиз де Кевр принял католическую веру в одно время с Генрихом Четвертым и требовал того же от молодого человека, прежде нежели он сделается его зятем; тот отказался; свадьба расстроилась; маркиз сделался неумолимым врагом графа де Монбрена, которого между тем почти воспитал. Давнишняя, глубокая дружба превратилась в страшную ненависть. Видите, я все рассказываю?

— Да, все, что говорит хроника, — иронично заметил капитан.

— Конечно. Грянуло восстание Истребителей; Стефан де Монбрэн сделался их вождем с единственной целью отомстить маркизу.

— О, это уже гнусная ложь! — вскричал капитан, стукнув кулаком по столу.

— Может быть, капитан, но не забудьте, что я ведь только повторяю слухи.

— Да, да! — машинально согласился он. — Продолжайте, Фаншета.

— Не лучше ли не говорить больше? — необычно мягко сказала она.

Капитан посмотрел на нее со странным выражением.

— Нет, Фаншета, — возразил он, сделав умоляющий жест, — я хочу, я должен все выслушать! Лучше мне знать, до какой степени злобы может дойти человеческая глупость.

— Извольте, если вы этого требуете.

— Я не требую, а прошу, Фаншета.

— Хорошо! Так хроника прибавляет, что графу Монбрэну, неизвестно, каким образом, удалось похитить несчастную дочь маркиза де Кевра, и, когда она от него освободилась, она была возвращена отцу...

— Ну, дальше! Что же вы остановились? — воскликнул он прерывающимся от тяжелого внутреннего волнения голосом. — Ведь я говорю вам, что все хочу знать!

— Похититель Луизы де Кевр хладнокровно, подло обесчестил ее. Она носила под сердцем доказательство этого ужасного злодейства, совершенного титулованным дворянином, который, несмотря на то что низко упал в общем мнении, сохранил, однако, в глазах всех репутацию хотя очень вспыльчивого, необузданного человека, но честного и великодушного.

Капитан, опустив голову на руки, несколько минут неподвижно сидел, подавленный, казалось, горем, которого не могли не хотеть показать. Когда он поднял голову, лицо его было бледно, как мертвое, и глаза какие-то рассеянные.

— Как же, Фаншета, — насмешливо произнес он, стараясь улыбнуться, — вы говорите, что эта молодая женщина была обесчещена? Ведь граф де Фаржи женился на ней?

— Да, — жестко подтвердила трактирщица, — потому что по неизреченной благодати Божьей рядом с преступником

всегда найдется и человек доброй души. Мадмуазель де Кевр благородно призналась во всем графу де Фаржи, и он все таки женился на ней, во-первых, чтоб не отравлять последних минут умиравшего от раны маркиза, а во-вторых, потому, что его благородной душе было невыносимо видеть такое незаслуженное несчастье.

Он скрыл страшную тайну, любил и воспитал ребенка обольстителя, как свое родное дитя; это была девочка; он выдал ее замуж за графа дю Люка и, умирая, завещал ей все свое состояние. Вот, капитан, — горько прибавила она, — история, которую вы заставили меня вам рассказать.

Наступило долгое, грустное молчание.

Грипнар и его жена значительно переглянулись.

Капитан был бледнее смерти. Глаза сердито бегали, бесцельно оглядываясь вокруг; на лбу выступили капли пота; рука судорожно сжимала ручку ножа.

— Да, — произнес он наконец, — граф де Фаржи был достойным уважения человеком. Дочь его не знает о своем происхождении?

— Кто бы ей об этом сказал? — поспешила ответить Фаншета. — Мать ее умерла от стыда и горя, дав ей жизнь; а граф слишком любил ее, чтоб довести до отчаяния таким открытием.

— Все это прекрасно! Бог сжалился над матерью, так как она была не виновата; но разве отец не имеет права ждать любви от своего ребенка?

— Какой отец? — холодно спросила Фаншета.

— Да этот Стефан, граф де Монбрэн?

— Ведь вы знаете, капитан, что недостаточно произвести на свет несчастное, беспомощное дитя, чтоб называться его отцом; заботы о ребенке, жертвы, которые приносятся для того, чтоб воспитать и устроить его, наконец отцовские права, которые можно громко заявить перед всеми, вот что составляет звание отца. У мадам дю Люк был только один настоящий отец — граф де Фаржи.

— Но если бы вдруг явился тот, другой и, справедливо или несправедливо, заявил о правах, которые он за собой предполагает?

— Он не только сделал бы дурное дело, — отвечала Фаншета, — но даже подлость, преступление.

— Преступление? — вскричал капитан, приподнявшись и сверкнув глазами на мужественную женщину.

— Конечно, — спокойно подтвердила она, — и вы, я уверена, разделите мое мнение.

— Не думаю, — глухо прошептал капитан, снова опускаясь на стул.

— Да, он совершил бы преступление, — повторила Фаншета, — потому что из эгоизма — не скажу, из алчности — навсегда разбил бы счастье двух существ, которые ему ничем не обязаны, совершенно чужды, свято любят друг друга и в свою очередь имеют детей, которых подобное открытие если б не погубило, так сделало бы несчастными. Впрочем, этого и быть не может, не станем же об этом говорить!

— А! — угрожающим тоном сказал капитан. — Отчего же так, Фаншета?

— Оттого, капитан, — медленной холодно проговорила она, прямо глядя ему в лицо, — что граф де Монбрен, которого мы с мужем хорошо знали и очень любили, был честный, мужественный человек и благородный господин; в минуту заблуждения он мог совершить преступление, но неспособен был бы на такое гадкое, низкое дело, о котором вы говорите. — Кроме того... он умер.

— Умер! — воскликнул капитан.

— Он должен быть умершим! — холодно заключила Фаншета, продолжая пристально глядеть на своего гостя.

Капитан опустил голову, несколько раз провел рукой по лбу и, схватив стоявший перед ним полный стакан вина, залпом выпил его.

Муж и жена все с большей тревогой глядели на него.

Авантюрист поставил стакан на стол и заставил себя улыбнуться.

— Вы правы, мои добрые друзья, — объявил он по-прежнему твердым, слегка насмешливым голосом, — граф де Монбрен умер, умер! Его никогда больше не увидят; так будет лучше для всех; пусть же графиня дю Люк живет спокойно! Они молоды, любят друг друга, будущее кажется им ясным, безоблачным; они заслуживают счастья! Э-э, *parbleu!* — прибавил он, смеясь. — Не я им могу помешать. Давайте говорить о чем-нибудь повеселее; тема всегда найдется, черт подери!

Опять звонко зачокались стаканы, быстро наполняясь и осушаясь, и как будто бы померкшая веселость снова расцвела на лицах друзей.

— Капитан, — обратился к нему Грипнар, — так как мы опять развеселились, позвольте мне предложить вам один вопрос.

— Сколько угодно, кум.

— Хорошо! Представьте себе, что меня страшно мучает любопытство.

— Любопытство есть только желание поучаться.

— Так, так, капитан. Вот и мой вопрос так и вертится у меня на языке с той самой минуты, как я вас увидел, но я никак не могу решиться предложить его вам.

— Ба! Что же вы такое хотите знать?

— Вы ведь извините меня, капитан?

— Говорите, говорите.

— Видите ли, уже двадцать лет мы с вами не встречались...

— И вы бы не прочь узнать, что со мной за это время было? Так, что ли, любопытный толстяк? — перебил его, смеясь, капитан.

— Именно...

— Отчего ж; извольте! Рассказ мой будет, впрочем, не длинен. Вы ведь знаете, кум, что благодаря Богу в последние лет сорок везде в Европе нет-нет, да и дерутся. Поэтому авантюристу, как я, нетрудно было шпагой добыть себе порядочное положение. По совести могу сказать, что служил многим европейским государям, бился по очереди под начальством многих генералов. Три месяца тому назад я участвовал в знаменитой битве при Белой Горе, которую некоторые называют Пражской битвой и которую Фридрих Пятый проиграл после страшной резни с Католической лигой¹. Недели две тому назад только я оставил службу в войске короля Богемского, чтоб стать под знамя Лиги. Славно я заручился и деньгами, и драгоценностями! Двадцать лет я переносил и голод, и холод, и жажду; был в плену, ранен, на волоске от виселицы и топора. Наконец меня стала утомлять такая

¹ В мае 1618 г. в Чехии вспыхнуло восстание против владычества австрийского императорского дома Габсбургов, носившее характер религиозной борьбы чехов-протестантов, поддерживаемых немецкой Евангелической унией во главе с курфюрстом Фридрихом V Пфальцским, против объединенных сил императорской армии и Католической лиги, возглавляемой Максимилианом Баварским. 8 ноября 1620 г. чешское войско потерпело сокрушительное поражение в битве у Белой Горы, приведшее к окончательной утрате Чехией политической самостоятельности. События 1618 г. послужили началом Тридцатилетней войны, сотрясавшей Европу до 1648 г.

жизнь; я был богат, а это главное; меня потянуло на родину, и я отправился во Францию. Германию я проехал, останавливаясь очень немного, так, кое-где, когда в голову приходило; торопиться мне было некуда; все, кого я любил, кроме вас, умерли или разбредлись в разные стороны. Прежде всего я стал разыскивать вас; никто в нашей стороне не узнал меня, имя Ватана было всем совершенно незнакомо. Может быть, я мог бы присоединить к нему и другое, но не знаю, почему удержался; и хорошо сделал, как вижу; теперь этого имени никогда больше не услышат, пока я жив. Узнав, что вы в Париже, я отправился сюда, и теперь перед вами. Все это очень просто, как видите.

— Да, да, капитан, очень просто; тем более что вы не вдавались много в подробности, — согласился, смеясь, владелец «Единорога».

— Что делать, кум! Все рассказы о войне на один лад; это всегда описания осад, битв и т. п.; вам бы наскучили такие вещи. Кроме того, и поздно уже, но, прежде чем пожелаю вам спокойной ночи, не могу ли узнать, что мой крестник? Он ведь уже настоящий мужчина, я думаю?

— Как же! Ему уже за двадцать три года; не мне дурно говорить о сыне; он ушел от нас, мы его редко видим, вы, вероятно, встретите его на Новом мосту или где-нибудь в другом месте и лучше сами составите себе о нем мнение.

— Пожалуй, вы и правы, кум. Ну, прощайте же, спокойной ночи!

— Я вас провожу в вашу комнату, — сказала хозяйка, взяв свечу, и пошла впереди капитана.

Поднявшись на второй этаж, она ввела его в небольшую чистенькую комнату, кокетливо убранную, с альковом и уборной.

— Parbleu! Да здесь великолепно! — с восхищением вскричал капитан. — Благодарю вас, дружок мой Фаншета. Кстати, если увидите графа дю Люка, не говорите ему обо мне.

— А! Да вы его разве знаете?

— Немного. Я встретился с ним первый раз сегодня вечером.

— Он разве в Париже?

— Очень вероятно.

— Но ваша встреча?..

— Успокойтесь, дружок Фаншета, — заверил ее капитан, поцеловав в обе розовые щеки, — все обошлось отлично. Я даже, кажется, отчасти спас ему жизнь.

Взяв из рук озадаченной трактирщицы свечу, он, смеясь, запер дверь.

ГЛАВА VII

История Нового моста

Мысль о постройке Нового моста родилась в правление Генриха II: жители просили его выстроить мост, чтобы облегчить усиливавшееся сообщение между различными частями города. Король призвал купеческого прево¹, без которого ничего не мог сделать в этом отношении, но прево наотрез отказал, говоря, что, кому нужен мост, те пусть строят его на свой счет.

Двадцать лет спустя купеческий же прево обратился к Генриху III с просьбой о постройке этого самого моста. Мост несколько раз начинали строить, и всякий раз являлись какие-нибудь препятствия к окончанию его. Наконец при Генрихе IV он был построен и сейчас же сделался центром парижской жизни. Его запрудили толпы празднующихся всех классов общества, певцы, фокусники и мошенники, делившиеся на две категории: на так называемых *tire-soie*, то есть воров-дворян, и *tire-laine* — простых мазуриков.

Общество мошенников было отлично организовано и имело свои уставы, за нарушение которых наказывались плетью, подвергались выговорам или казнились. Суд состоял из самих же мошенников и совершался в лодках, на реке; заслуживших смерть закалывали кинжалом и бросали в воду. Правительство ничего не могло сделать с ними; такого рода вещи, казалось, были назначением Нового моста.

До Генриха IV Тюильри и Лувр терпели недостаток в воде; какой-то фламандец взялся провести воду машиной своего изобретения, которую надо было приладить к мосту; три года спустя, воду в Тюильри действительно провели. Новозобретенный водопровод прозвали *Самаритянкой*, потому что установленная на нем скульптурная группа изображала Иисуса и самаритянку у колодца Иакова. Над группой были

¹ Прево — должностное лицо в средневековой Франции. В Париже и Лионе в XIII—XVIII вв. «купеческий прево» — глава городского совета.

часы с курантами, бой которых слышался издалека; маленький бронзовый Звонарь, как его прозвал восхищенный народ, выбивал каждый час.

На мосту беспрестанно устраивались разные балаганы; многие фокусники и балаганщики приобрели даже известность, как, например, знаменитый Шут и сеньор Иеронимо, его предшественник. Стояла также на Новом мосту конная статуя Генриха IV.

Трудно себе представить, что за гвалт здесь постоянно происходил! Тут показывали фокусы, давали представления диких зверей, ходили взад и вперед прохожие, ездили экипажи, выступали солдаты с музыкой, играли часы у водопровода Самаритянки; мошенники нарочно устраивали толкотню, чтобы ловчее очищать зазевавшихся крестьян и провинциалов; женщины кричали, мужчины ругались; наконец, тут происходили ссоры и даже драки, потому что *утонченные* не стеснялись пускать в ход шпаги где бы то ни было. Иногда эти дуэли были хитростью, чтобы произвести побольше толкотни и в суматохе обирать народ.

Только в одиннадцать часов вечера все стихало на Новом мосту, но в этой-то тишине и совершались всевозможные злодеяния. В Сенарском лесу, известном притоне самых страшных разбойников, стало не так опасно, как тут. Беда, бывало, и часовому, прибегавшему на крики убиваемых!

Иногда воры-дворяне и простые мазурики ссорились между собой за место на мосту, а иногда соединялись на время с какой-нибудь общей целью.

Мы сейчас объясним причину разногласий между этими *tire-soie* и *tire-laine*.

Tire-soie были самые знатные вельможи и даже люди, пользовавшиеся известностью при дворе. Нередко после хорошей выпивки и кутежа в какой-нибудь гостинице они собирались человек по двенадцать и отправлялись на Новый мост сдергивать верхнее платье с проходящих буржуа; и делали они это, не скрываясь, громко хохотали над испугом и криками своих жертв и держали пари, кто больше сдернет плащей. Они нападали всегда на таких буржуа, которые казались побогаче.

Tire-laine, или простым ночным мазурикам, не нравилась такая конкуренция, и они при случае громко выражали свое неудовольствие, но *tire-soie* не обращали на это внимание.

Вот что такое был Новый мост в эпоху нашего рассказа.

Шут дает представление с факелами

ак мы уже говорили, больше всего привлекали публику на Новом мосту балаганы и разные шарлатанства.

Первое место между шарлатанами занимал некто сеньор Иеронимо. Он продавал какой-то бальзам, мгновенно исцелявший ожоги и самые опасные раны. Фокусник при публике жег себе руки на огне до пузырей, наносил раны шпагой и прикладывал свой бальзам. На другой день от ран и ожогов не оставалось никаких следов.

К сожалению, ничто не вечно под луной, и в начале 1620 года Иеронимо заменил другой шарлатан — Мондор; у него был слуга, или, скорее, клоун в шутовском колпаке, которого за этот колпак и прозвали шутом!

Мондор продавал разные бальзамы и мази и не показывал никаких фокусов, но славился только своими разговорами с шутом, всегда очень остроумно отвечавшим на вопросы своего господина; оба держались при этом очень серьезно и важно, отчего разговор их становился еще смешнее.

Публики собиралось всегда огромное множество послушать Мондора и его шута, так что, когда раз Мондор соблаговолит устроить беседу при факелах, народу собралось столько, что, как говорится, яблоку некуда было упасть. Множество, конечно, было при этом передано и взято записочек, назначено свиданий и вытащено портмоне. Каждому ведь свое.

Уже почти две недели капитан Ватан жил в гостинице мэтра Грипнара. Он знал от Фаншеты, что комната графа дю Люка была прямо против его дверей, на одной площадке, но, зная также, в какие часы граф обычно приходил и уходил, старался избегать встречи с ним.

Граф дю Люк в продолжение этих двух недель вел довольно таинственную жизнь; раз даже уезжал на несколько дней и возвратился очень грустный; Фаншета была в отчаянии и не знала, чем бы развлечь мрачного господина.

Раз вечером капитан от нечего делать пошел пройтись и машинально направился к Новому мосту. Ему все уши прожужжали шутом Мондора, и он вздумал посмотреть на него.

Беседа только что начиналась, когда он пришел; толпа собралась страшная, но капитану благодаря его геркулесо-

вой силе, удалось пробраться в первые ряды; огромный рост давал ему возможность все видеть через головы.

Внимание его при этом сразу обратили на себя два молодых человека, стоявших к нему ближе всех. Один был лет двадцати восьми, с красивым лицом и нахальным взглядом, выражавшим и злость, и хитрость. Он был одет по последней моде, невысок ростом, но строен; изящные манеры ясно обличали в нем *утонченного*, который в известные часы ночи мог превратиться в вора из дворян или кого-нибудь и похуже.

Товарищ его был предриная личность, не потому что он был дурно одет — его платье выглядело с иголки и на шляпе при каждом движении змеилось длинное пунцовое перо, — но по физиономии, на которой ясно читалось слово «преступление».

Несмотря на свои неполные тридцать лет, его очень красивое когда-то лицо было бледно, как у мертвеца, и имело страшно изможденный вид. Большие черные глаза горели, как уголья, из-под мохнатых черных бровей.

Эти два человека тихо разговаривали между собой.

Капитан вскоре и позабыл о них. В ту минуту, как все головы подались вперед, чтобы лучше расслышать какой-то смешной ответ шута, ему показалось, что один из двоих его соседей несколько раз повторил имя графа дю Люка. Он наклонился тоже, любопытствуя узнать, что за отношения могли быть у графа с подобными личностями, но в ту же минуту быстро выпрямился, как уколотый, и, сверкая глазами, схватился левой рукой за карман панталон.

— *Morbleu!*¹ — вскричал он. — Любезнейший, да вы, кажется, нечаянно попали в мой карман вместо своего!

— Очень может быть, — отвечал, посмеиваясь, вор, — в этой давке руками и ногами прямо-таки переплестись можно.

Говоря так, он старался освободить кисть руки из кулака капитана.

— Ну, уж извините, товарищ, — сказал наш герой, не выпуская его, — мы с вами этого так не кончим!

— Ба-а! Да ведь не съедите же вы меня, высокий господин? — очень спокойно спросил пойманный *tire-laine*.

¹ Черт побери! (фр.)

— Ладно, бездельник! — воскликнул взбешенный авантюрист. — Я вот тебя проучу! Ну, поворачивайся!

И, схватив вора за шиворот, он потащил его за собой.

— Эй, вы! Давайте дорогу! — крикнул он толпе.

Все поспешно повиновались.

Шут и Мондор, привыкшие к подобного рода сценам, невозмутимо продолжали свой разговор.

Капитан и его пленник дошли между тем до бронзовой лошади в сопровождении большой толпы любопытных, чужавших, что дело без драки не обойдется. Многие шли с фонарями, которые повесили на решетку, окружавшую бронзового коня; им не хотелось, чтобы противники выкололи себе глаза в темноте.

Авантюриста это даже тронуло.

— Славные люди! — прошептал он и закричал своему пленнику, чтоб тот вынимал шпагу.

Tire-laine был громадный, худой, как скелет, детина с остроконечным лицом и круглыми хитрыми серыми глазами. Вытащив длиннейшую рапиру, он стал защищаться.

— Ты по-итальянски действуешь! — заметил ему, смеясь, капитан.

— Так точно, капитан, — согласился тот.

Они дрались и разговаривали.

— Ты разве знаешь меня? — полюбопытствовал авантюрист.

— Может быть.

— Так сними шляпу, чтобы я мог разглядеть твое лицо.

— Сейчас.

— Нет, сию минуту!

С этими словами капитан ожесточенно бросился вперед. Зрители ликовали. *Tire-laine*, однако, действовал осторожно, видя, что имеет дело с ловким противником. Ему все-таки не устоять бы, шпага капитана проткнула бы его насквозь, если бы он не поскользнулся в грязи и не упал навзничь; шпага выпала у него из рук. Капитан наступил ему коленом на грудь и кольнул горло рапирой.

— О! — невозмутимо произнес мошенник. — Капитан убивает своего солдата.

— Что? — возопил авантюрист, отдернув рапиру.

— Старый гурдонский знакомый, — спокойно продолжал тот.

Капитан сбросил ему шляпу со лба, схватил за руку и, разом подняв на ноги, внимательно стал всматриваться в него.

— Что за сила руки! Все прежний! — бормотал мошенник и радостно улыбнулся.

— *Morbleu!* — вскричал наконец капитан. — Да это Клер-де-Люнь или сам черт!

— Ну, ну! — сказал, потирая руки, мошенник. — Я думал, что вы меня не узнаете.

— Как? Ты еще не повешен, бездельник?

— Да нет, капитан, хотя я все сделал для этого.

— Ну, уж конечно! Ах плут! Так ты узнал меня?

— Так точно, благородный капитан.

— Так чего же ты молчал? А вам что тут надо? — прибавил он, обращаясь к окружавшим буржуа. — Проваливайте-ка!

Буржуа испуганно разбежались, и авантюристы остались вдвоем.

— Ну, отвечай же, дурень! — приказал капитан.

— Да, — блаженным голосом проговорил Клер-де-Люнь, — кулак и характер все те же. Он не изменился!

— Да я ведь жду! — крикнул капитан, сердито топнув.

— Я имел глупость принять вас за полицейского, — отвечал Клер-де-Люнь, — и попробовал вытащить у вас портмоне; но я хотел понести и наказание за свою вину, вы мне дали хороший урок.

— Да ведь я мог убить тебя, негодяй!

— Конечно, рискованно было, капитан, но я хорошо знал, что этого не случится; кроме того, радость встречи с вами совсем сбила меня с толку.

— Сама судьба нас столкнула, — мрачно произнес капитан. — Я искал тебя, ты мне нужен.

— И отлично, капитан, я перед вами! Что прикажете?

— Нет, не здесь, мне много надо сказать. Могу я на тебя положиться? По-прежнему ли ты мне предан?

— Душой и телом, капитан. Все мое горе состояло в том, что я вас потерял из виду, теперь я опять счастлив и могу, вероятно, больше услужить вам, нежели вы думаете.

— Дай Бог! Однако же, Клер-де-Люнь, ты мне сейчас сильно помешал! Я следил за двумя подозрительными молодчиками, которые стояли передо мной, теперь я их не найду, пожалуй.

— Только-то, капитан?

- Ты шутишь, а для меня это очень серьезное дело.
- Я берусь найти вам этих господ.
- Ты? Да разве ты их знаешь?
- Только их и знаю.
- А! Кто же они?
- Не знаю.
- Как их зовут?
- Тоже не знаю.
- Да ты смеешься, что ли, надо мной! Смотри, Клер-де-Люнь! Ты знаешь, я ведь не из терпеливых.
- *Parbleu!* Знаю, знаю, капитан, и вовсе не шучу, клянусь вам! Мне хорошо известно, где этих господ можно найти каждый вечер, в одиннадцать часов.
- А! Где же, любезный друг?
- В таверне, капитан, недалеко отсюда, на улице Прувель, там всегда собираются *утонченные* и *tire-soie*.
- Что такое?
- *Tire-soie*, капитан, их называют так в отличие от нас, *tire-laine*.
- А! Понимаю. Ты занят теперь?
- Нет, капитан, вы видели, я шлялся.
- Да, по чужим карманам.
- Что делать, привычка!
- Ну так пойдем, потолкуем.
- А далеко?
- Ко мне.
- Понимаю, да куда к вам?
- На Тиктонскую улицу, в гостиницу «Единорог».
- Знаю, хозяин мне земляк.
- Так идем?
- Нет, капитан, с вашего позволения, пойдемте лучше ко мне, это ближе.
- Куда же?
- А вот сюда, посмотрите!
- Зайдя за бронзового коня, он наклонился через перила моста и как-то особенно крикнул. Такой же крик отвечал ему с воды.
- Все в порядке, можем хоть сейчас идти, капитан.
- Как же пройти?
- А вот!
- Клер-де-Люнь указал ему лестницу, верхним краем упиравшуюся в перила моста.

— Это наша обычная дорога, капитан, извольте идти вперед!

Авантюрист выразительно посмотрел на него.

— Это что значит, дурень? — спросил он обычным насмешливым тоном. — Что же ты такое теперь?

— Предводитель Тунеядцев Нового моста, к вашим услугам, капитан, — отвечал он, низко поклонившись. — Не угодно ли пройти?

Авантюрист засмеялся и смело перешагнул через перила. Клер-де-Люнь последовал за ним. Оба вскоре исчезли в темноте.

На собрании гугенотов в особняке Делафорса граф дю Люк был выбран членом их депутации для объяснения с королевой-матерью. К сожалению своему, он видел, что ему придется задержаться в Париже дня на два. Однако не так вышло.

Мария Медичи отложила аудиенцию сначала на три дня, а потом прислала сказать, что по важным обстоятельствам не может принять депутатов раньше десятого августа, то есть через две недели.

Протестантам приходилось, скрепя сердце, покориться. Они понимали, что все это дело де Люиня, что им грозит страшная опасность, но предотвратить ее не могли, не зная, откуда и в какой форме ее ждать.

Граф дю Люк, помня, как инстинктивно боялась графиня всего, что сколько-нибудь касалось мрачной политики того времени, не хотел посылать второго нарочного в замок Мовер, чтобы не встревожить ее слишком.

Он дал ей формальное обещание не вмешиваться в страшную борьбу, делившую Францию на две партии. Когда аудиенцию отложили до десятого августа, он решился уехать в Мовер, боясь, чтобы тревога его дорогой Жанны не приняла слишком серьезных размеров; были у него, может быть, и другие еще причины, но он не смел и себе самому признаться в них.

От Парижа до Аблона всего каких-нибудь три лье, это просто прогулка, в случае крайности он через несколько часов мог вернуться. Простившись с герцогом Делафорсом и объяснив ему необходимость уехать, граф отправился в Париж.

Был десятый час утра, погода стояла чудесная, богатый, разнообразный ландшафт точно улыбался.

У графа была мечтательная, поэтическая натура, вид природы и ароматы леса ободряли его.

Он решил все сказать графине, рассчитывая, что хорошо знает ее высокую душу и доводами своими убедит сейчас же. Он объяснит ей, что положение его между гугенотами ставит ему в долг чести присоединиться к своим собратьям для защиты религии против врагов, которые действовали тем вернее, что действовали из-за угла.

Думая таким образом, граф приехал в Мовер около двенадцати часов, он не торопился, ему хотелось насладиться чистым деревенским воздухом.

Мажордом уже ждал его с несколькими слугами, и мост был опущен. Но графиня не вышла, как делала обычно, навстречу ему, это его удивило, но он не показал виду и, отпустив слуг, прошел к себе, чтобы прежде переодеться, а потом идти к жене.

За ним шел его камердинер и молочный брат Мишель Ферре. Переодеваясь, граф по обыкновению разговаривал с ним.

— Что нового, Мишель? — спросил граф.

— Ничего, монсеньор, — отвечал камердинер.

У Мишеля была одна привычка: он никогда ничего не знал, но если граф начинал его расспрашивать, он зачастую высказывал даже больше, чем от него хотели знать. Граф знал это и потому спокойно продолжал:

— Так все благополучно в деревне?

— Все, монсеньор, никогда у нас не было так спокойно.

— Очень рад.

— Третьего дня только слуги и пажи поссорились с гугенотами при выходе из церкви.

— Скажите, пожалуйста! Но ничего особенного не случилось?

— Да не стоит и говорить, монсеньор, такие пустяки; расшибли несколько голов, больше ничего. Эти пажи сущие демоны. Одного наповал убили камнем, двоих-троих славно отделили, но больше ничего!

— И этого, я думаю, довольно, Мишель?

— Что делать, монсеньор! — сказал камердинер, слегка передернув плечами. — Эти каналы точно назло задевают наших по всей дороге от Парижа сюда.

— Правда, Мишель, но будем надеяться, что скоро это прекратится и каждый во Франции будет иметь возможность свободно исповедовать свою веру.

— И то же говорил нам вчера его преподобие Роберт Грендорж, — добавил Мишель. — Он произнес проповедь и называл этих людей амаликитянами, слугами Ваала. Мы не много тут поняли, но, должно быть, это было очень хорошо, мы все горько плакали.

— Да, — смеясь, согласился граф. — Должно быть, очень хорошо, в самом деле. Никто не приезжал в замок?

— Нет, монсеньор, потому что нельзя назвать гостем незнакомого господина, который приехал через два часа после вашего отъезда.

— Что ты, Мишель? Какой господин?

— Как же, монсеньор! Красивый господин, любезный, веселый и очень щедрый, мы о нем все жалели, он несколько дней гостил в замке, потом за ним приехал какой-то приятель, и они уехали.

— Ах, да! — сказал, сдерживая волнение, граф (ему ни за что не хотелось показать этого даже такому доверенному слуге). — Я и позабыл, мы ведь ждали его!

— Я это сразу понял, монсеньор, графиня приняла его не только как старого знакомого, но как друга.

— Я поблагодарю графиню, Мишель, — произнес Оливье, для которого эти слова были точно удар ножа.

— Какое несчастье, что графини нет дома! Она была бы так счастлива встретить вас, монсеньор.

— Как?.. Что ты говоришь?.. Графини нет дома?

— Уже два дня как нет, монсеньор.

— А ты говорил, что ничего нет нового, Мишель!

— Dame! Монсеньор!

— Ссора с католиками, убийство, приезд моего приятеля, внезапный отъезд графини, которая до сих пор никуда, кроме церкви, не выходила... Parbleu! Да тут только пожара и грабежа не хватает, Мишель.

Он говорил отрывисто, с явно напускной веселостью, так что камердинер совсем растерялся и не знал, что делать. В дверь кто-то тихонько постучался. Мишель пошел отворить.

— Что там еще? — спросил граф, когда он вернулся.

— Ничего, монсеньор. Камеристка мадмуазель де Сент-Ирем пришла просить вас на несколько минут к барышне.

— А! — со странным выражением протянул Оливье. — Так мадмуазель де Сент-Ирем дома?

— Да, монсеньор. Что прикажете сказать?

— Камеристка тут?

— Точно так.

— Скажи, что я сейчас буду иметь честь прийти к мадмуазель де Сент-Ирем.

Мишель вышел.

Граф несколько минут стоял, опершись на спинку кресла, бледный, с опущенными глазами, со страшной болью в сердце.

Оливье ревновал, ревновал без всякого основания, сознавая в душе всю смешную сторону этой ревности.

Он разговорился с Мишелем просто для того, чтобы позабавиться его чудачествами, но ни за что на свете не стал бы расспрашивать слугу о том, что делала его жена. Только графине принадлежало право объяснить ему, основательны ли его подозрения. Если она виновата, он разойдется с ней без огласки и упреков.

— А если она невиновна? — мелькнуло у него вслед за тем, и сжатые губы слабо улыбнулись. — Жанна меня любит, я в этом уверен; она так же нежно любит и свое дитя — мое дитя. Я с ума схожу. Это все моя проклятая ревность. Что за вздор! Брошу все эти глупые мысли... Надо скорей идти к мадмуазель де Сент-Ирем, она меня ждет... А ведь хороша, слишком хороша мадмуазель де Сент-Ирем! — прибавил он через минуту, улыбнулся, пожал плечами, заглянул на себя в зеркало, закрутил кончики темных усов и ушел, звеня шпорами.

Граф немножко побаивался мадмуазель Дианы. Отчего? И сам не знал.

Строго воспитанный отцом, никогда не выпускавшим его из виду, он совершенно незнаком был с безнравственной жизнью молодежи своего круга и возраста. Жену свою он глубоко любил, и эта любовь заменяла ему все. Поэтому многого он не знал. Это была большая редкость в то время, когда на женитьбу смотрели почти только как на неизбежное зло для поправления расстроенного состояния. Друзья часто смеялись над его пуританством, но он не обращал на это внимания и не понимал их намеков на блестящую красоту Дианы, составлявшую, — прибавляли они с улыбкой, — счастливый контраст с красотой графини.

Тем не менее он не без некоторого внутреннего содрогания шел к мадмуазель де Сент-Ирем.

Комнаты девушки были во флигеле, прямо против комнат графа, и соединялись с ними длинным, темным коридором, пробитом в стене и упиравшемся в альков спальни Дианы. Они были убраны очень пышно и с большим вкусом.

Камеристка доложила о графе, и он вошел вслед за ней в душистый, маленький будуар, где царствовал нежный, искусно устроенный полусвет.

Диана полулежала на груди подушек, в самом кокетливом, соблазнительном неглиже, правая рука, белая, тонкая, небрежно свесилась с кушетки, левая держала полуоткрытую книгу, которую Диана, наверное, не читала.

При имени графа она быстро приподнялась, знаком велела камеристке выйти, слегка повернула к нему голову, и, взглянув на него из-под длинных бархатных ресниц, улыбнулась.

Оливье молча поклонился. Они помолчали с минуту, исподтишка посматривая друг на друга.

Но в некоторых случаях женщина бывает в десять раз сильнее и решительнее самого храброго мужчины. Девушка доказала это, первая начав разговор.

— Только несколько минут тому назад я узнала, что вы вернулись, граф; благодарю вас за то, что вам угодно было самому прийти ко мне, а не ждать меня к себе.

— Мадмуазель, — отвечал он, поклонившись, — вы женщина, любимая подруга моей жены и наша гостья, я обязан был сам прийти к вам. Вам угодно было видеть меня и сказать мне что-то?

Девушка исподлобья взглянула на него и лукаво улыбнулась.

— Прежде всего, граф, прошу вас сесть. Я не в состоянии буду говорить с вами, — прибавила она, видя, что Оливье колеблется. — Если вы будете стоять передо мной, вы, пожалуй, от меня убежите. Наш разговор может быть длиннее, нежели вы предполагаете.

Она придвинула стул к своим подушкам и указала на него графу. Он сел с видимой неохотой. Хитрая девушка заметила это и опять исподтишка улыбнулась.

— Ну, вот так мне больше нравится, — сказала она. — Поговорим теперь, мне многое нужно сказать вам.

— Мне, мадмуазель?

— Да, вам, что же вы так удивляетесь? Во-первых, я должна успокоить вас. Жанна два дня тому назад уехала.

— Я знаю, мадмуазель.

— А!.. Но вы не знаете, что за ней приезжал нарочный от господина де Барбантана, ее деда, он при смерти.

— Этого я действительно не знал.

— Его, кажется, ранил кабан на охоте. Господин де Барбантан ведь страстный охотник. В настоящую минуту он, вероятно, умирает, если уже не умер. Вот письмо из замка Вири.

Она подала графу письмо, которое тот тихонько отстранил, и руки их при этом встретились — случайно или нет, неизвестно. Это подействовало, как электрический удар, рука графа осталась в руке девушки. Он пристально поглядел на нее, они помолчали минуту. Граф хотел высвободить руку, девушка тихонько придержала ее.

— Зачем же бежать от меня? — томно произнесла она. — Разве вы не догадались, что я вас люблю, Оливье?

Диана, казалось, говорила разбитым от волнения голосом. Граф вздрогнул.

— О, молчите, молчите, Диана! — вскричал он. — Не говорите так, ради Бога!

— Отчего же? Разве истинная, преданная любовь такая обыкновенная вещь, что на нее не стоит обращать внимания, когда встречаешь ее в жизни?

— Диана!

— Я люблю тебя, — прошептала она. — Люблю!

Она наклонилась к графу, волосы ее распустились, глаза блестели, грудь высоко вздымалась, горячие пунцовые губы протянулись к нему, точно прося долгого, страстного поцелуя. Граф, как очарованный, склонился к ней, они поцеловались.

— Ах, ты любишь меня, Оливье! — воскликнула Диана с непередаваемым выражением, обняв его обеими руками за шею. — Ты мой, мой наконец!

Это слово заставило графа очнуться.

Он быстро откинулся, оттолкнул девушку и важно поклонился.

— Прощайте, мадмуазель де Сент-Ирем, — проговорил он неволью дрожащим от внутреннего волнения голосом, — я уезжаю к графине дю Люк, своей жене! — еще раз поклонившись, он вышел из комнаты.

Страшное бешенство овладело на минуту Дианой; она, как пантера, вскочила и хотела броситься за ним, но потом опять томно опустилась на подушки и посмотрела на затворившуюся за графом дверь; взгляд ее был полон ненависти и стыда, а на побледневших губах скользнула страшная улыбка.

— Ты ускользнул на этот раз, — глухо промолвила она. — Ну, ступай к своей жене, бессердечный глупец! Но, клянусь Богом, ты будешь мне принадлежать, хотя бы мне пришлось перешагнуть через труп той, которую ты мне предпочитаешь!

Как только стемнело, граф дю Люк уехал верхом, в сопровождении одного слуги, в замок Вири, к господину де Барбантану.

Сцена с мадмуазель де Сент-Ирем заставила Оливье забыть ревность, он чувствовал только свою первую вину перед женой, на его губах горели поцелуи Дианы, и он спешил стереть их святыми, чистыми поцелуями и ласками Жанны, ему хотелось увидеть ее, прижать к своему сердцу.

Он наказал себя тем, что ни слова не говорил с графиней о происшедшем в Мовере во время его отсутствия, а это было ему очень тяжело.

Неожиданный приезд графа в замок Вири был радостным сюрпризом для Жанны. Оливье, чувствуя себя несколько виноватым, был необыкновенно мил с нею.

Рана господина де Барбантана была серьезна, но после первой же перемены повязки доктор сказал, что ручается за выздоровление, хотя оно пойдет и нескоро. Граф и графиня провели у больного несколько дней и затем уехали в Мовер.

Дорогой граф подробно рассказал жене, почему ему необходимо принять участие в борьбе гугенотов, и передал о назначении, которое ему дали, отправиться с объяснениями к королеве-матери.

Мадам дю Люк несколько раз менялась в лице, слушая мужа, грустное предчувствие сжимало ей сердце, но благородство не позволяло отвлекать Оливье от того, что он считал своим долгом.

— Розы нашего счастья опали до последнего лепестка, — кротко, жалобно прошептала она, заглушая вздох, — теперь мне беспрестанно придется дрожать за вас, милый граф!

— Я надеюсь, что все это кончится лучше, нежели мы предполагаем, — сказал граф, сам не веря тому, что говорил. — Король поймет справедливость наших заявлений, увидит

бездну, в которую толкают нашу несчастную родину фавориты, и послушает нас.

— Нет, Оливье, — отвечала Жанна, грустно покачав головой. — Не обольщайся ложной надеждой! Все это кончится войной, тем более ужасной, что это война братьев с братьями.

— Война! О, Жанна, ты ошибаешься!

— Нет, не ошибаюсь, Оливье, вот скоро ты и сам увидишь...

— Да почему ты так думаешь?

— Послушай, Оливье, ведь мой отец, граф де Фаржи, был человек со смыслом, не правда ли?

— Еще бы, Жанна! Это был человек обширного ума.

— Ну так послушай, что он всегда говорил... Я так часто слышала это, что невольно запомнила. Слушай внимательно, Оливье.

— Слушаю, дорогая Жанна.

— Франция по своему географическому положению, по климату и нравам — страна исключительно католическая и требует управления одним лицом. Протестанты, сами того не подозревая, подрывают основы монархии, оспаривают факты, уравнивают права и обязанности, зажигают такое пламя, от которого непременно сгорят сами. Они хотят, чтобы в управлении государством приняли участие все, и этим страшно подстрекают алчность и честолюбие.

Как бы ни велика была сила протестантов во Франции, они непременно будут побеждены, потому что страна твердо стоит за свои старинные верования и всем пожертвует, чтобы поддержать их.

Протестантство возможно в гористой Швейцарии, в холодной эгоистической Англии, в туманной Германии, но мы, французы, имеем слишком горячее сердце и живой ум, чтобы протестантство могло быть у нас чем-нибудь иным, кроме незначительного раскола между слабым меньшинством нации. Генрих Четвертый хорошо понимал это, он видел, что если не обратится в католичество, так никогда не будет королем Франции. Вот что говорил мой отец, Оливье, товарищ Генриха Четвертого, проливавший кровь в двадцати битвах, богатый опытом, беспристрастно судивший о вещах и людях. Подумай об этих словах, голубчик.

Грустная улыбка скользнула по губам графа, он опустил голову и ничего не ответил.

Целый час они ехали молча. Оба были заняты своими думами. Наконец показался замок Мовер.

— А между тем, милая Жанна, — сказал Оливье, наклонясь к жене и как будто продолжая прерванный разговор, — честь заставляет меня стать в ряды моих единоверцев, что бы из этого ни вышло.

— Милый граф, — отвечала она с кроткой, грустной улыбкой. — Я далека от мысли отвлекать тебя от твоего долга, ты должен слушаться только голоса своей совести. Девизом одного из твоих предков, мужественно умершего в битве при Пуатье, возле короля Иоанна, было: Вперед! Все ради чести! И ты поступай так же.

— Благодарю тебя за эти слова, милая Жанна, я, признаюсь, боялся сказать тебе о новых обязанностях, налагаемых на меня доверием моих единоверцев.

— Отчего же, милый граф?

— Прежде всего оттого, что это может привести меня к страшным последствиям, о которых я заранее и подумать не смею, но которые вселяют в меня страх за наше счастье.

— Милый Оливье, счастье наше в руках Божьих, без Его воли ничего не случится, мы только орудие в Его руках, которое служит Ему для какого-нибудь великого дела, невидимого для наших слабых глаз и непонятного нашему слишком узкому разуму.

Граф остановил лошадь и минуты две со странным выражением смотрел на жену.

— Что ты, друг мой? — спросила она, вся вспыхнув.

— Ничего, Жанна, — ласково проговорил он. — Я только восхищаюсь тобой. Каждый день я тебя лучше узнаю. В твоей душе скрываются такие сокровища, о которых я и не подозревал, хотя от меня у тебя нет секретов. Где ты берешь все это?

— В своем сердце, мой друг, оно меня учит и мною руководит.

— Да, Жанна, для таких женщин, как ты, сердце всегда лучший руководитель.

— Постараюсь не загордиться от твоих комплиментов, милый Оливье. Но почему же еще ты боялся сказать мне о своих проектах?

— Сейчас скажу, только эта причина очень щекотливого свойства, и я заранее прошу тебя быть снисходительной.

— Изволь, милый Оливье, — весело улыбнулась она.

— Видишь ли, я думал, что тебе, хотя ты и протестантка, не понравится мое намерение служить интересам веры.

— А, понимаю! Оттого что я прежде была католичкой?

— Да, я рад, что ты сама догадалась.

— Ты ошибочно думал, милый Оливье, мы, женщины, вполне отдаемся любимому человеку, мы ведь живем любовью. Так как и хорошее, и дурное у нас всегда доходит до крайностей, мы делаемся горячими католичками или ревностными протестантками, смотря по тому, католика или протестанта любим. Не бойся же, что я стану удерживать тебя, Оливье, — прибавила она с особенным оживлением, — напротив, я в случае необходимости даже буду вызывать в тебе энергию. Видишь, я откровенна. Да будет же воля Божия, мой друг! А я сумею покориться. Ты, вероятно, долго не вернешься?

— Не думаю, разве что вожди обеих партий решатся опять прибегнуть к оружию.

— Это неизбежно, друг мой, протестанты слишком сильны; приближенные Людовика Тринадцатого, управляющие несчастной Францией от его имени, так как он еще очень молод, чтобы управлять самому, боятся их влияния и принимают все, чтобы одолеть его.

— Да, Жанна, это правда. Я рад, что ты так прямо со мной говоришь, это дает мне возможность по мере сил послужить своей партии.

— Долго ты пробудешь дома, милый Оливье?

— К сожалению, нет; дня через два придется уехать. Но не бойся, моя дорогая Жанна, в случае, если бы дело дошло до оружия, я прежде всего прибегу к тебе, чтобы оградить тебя от всякой тревоги. У нас, слава Богу, довольно замков, а если понадобится — и друзей, чтобы я без затруднения мог найти тебе надежное убежище.

— Если бы у меня не было сына, милый Оливье, я ни за что не согласилась бы разлучиться с тобой в минуты опасности. Но прежде всего я должна заботиться о своем ребенке, мое сердце делится надвое: большая часть твоя, меньшая — сына...

— Ну, Жанна, так все идет хорошо! — весело вскричал он. — Ты, право, настоящая героиня!

— Нет, мой друг, — кротко отвечала она. — Я только любящая тебя женщина. Не теряй никогда веры в меня, тогда, что бы ни случилось, несчастье не коснется нас.

— О, посмеет оно когда-нибудь подойти к нам! — пылко воскликнул граф.

— Как знать, — прошептала она с грустной улыбкой.

В эту минуту они подъезжали к замку. Их издали увидели.

Мост был опущен, и несколько человек стояли на подъезде. Впереди всех была Диана. Граф увидел ее и покраснел.

Графиня тоже ее заметила и радостно захлопала в ладоши.

— Вон Диана! — сказала она. — Как я рада увидеться с ней опять, столько времени не бывши дома! Посмотри, Оливье, она берет на руки Жоржа; о, она хорошо знает, что это для меня главное! Какая она добрая! Как я ее люблю! И ты ведь тоже ее любишь, Оливье?

— Я! — он вздрогнул, но сейчас же оправился. — Конечно, Жанна, — равнодушно прибавил граф, не глядя на жену.

— Ты очень строг к Диане, Оливье, вспомни, что она ведь бедная сирота, что у нее никого на свете нет, кроме нас, будь добр к ней, пожалуйста.

— Хорошо, Жанна, только я, право, не знаю, как...

— Да, — быстро перебила она. — Ты всегда с ней серьезен, едва говоришь.

— Разве мадмуазель де Сент-Ирем тебе...

— О нет! Она мне не жаловалась, напротив, всегда так хвалит тебя, она ведь тебя очень любит!

— Слишком, может быть, — подумал он и, как будто уступая какому-то чувству, прищипорив лошадь, скорой рысью проехал мост.

Графиня сначала с удивлением посмотрела ему вслед, но потом, вероятно думая, что поняла его, улыбнулась и поспешила за ним.

Диана шла им навстречу с прелестным белокурым, розовощеким мальчиком на руках, но вдруг быстро кинулась в сторону: ее чуть не сбила с ног лошадь графа, которую он с трудом сдержал.

— Ах, граф! — вскричала она с насмешливой улыбкой, глядя ему прямо в лицо. — На кого это вы сердитесь? На Жоржа или на меня?

— Извините, мадмуазель, — проговорил Оливье, стыдясь, что поддался такому смешному чувству гнева. — Это моя лошадь виновата.

Девушка пожала плечами и, звонко рассмеявшись, без церемоний повернулась к нему спиной. Ее смех неприятно отозвался в ушах Оливье.

В эту минуту и Жанна въехала во двор. Диана подала дитя графине.

— Здравствуй, Жанна, — сказала она. — Жорж, поцелуй маму за меня, голубчик.

Графиня осыпала мальчугана горячими ласками, которые для ребенка — целая жизнь, и, наклонившись к Диане, поцеловала ее в лоб.

— Не бранишь меня, Диана? — спросила она со слезами на глазах. — Ты всегда одинаково добрая. Спасибо, спасибо!

— За что же благодарить, Жанна? Разве я не сестра твоя?

— О да! Сестра, милая сестра!

— Ну, так нечему и удивляться! Ты этим почти оскорбляешь меня.

— У! Гадкая! Никогда ты не изменишься?

— Да уж что делать! Надо или любить меня такой, какая я есть, или совсем оттолкнуть.

— Что ты это говоришь, злая! — с укоризной в голосе произнесла Жанна. — Не угодно ли вам сейчас попросить у меня прощения!

Диана улыбнулась.

— Это правда! — согласилась она. — Прости меня, моя Жанна, я виновата.

— Ну, и отлично! Теперь помирились, давай руку и пойдем.

Графиня, говоря так, передала ребенка Диане, сошла с лошади, и они с Дианой вышли на крыльцо. Жорж на все лады теребил мать и оглашал двор веселым смехом.

— Что такое случилось? — тихонько спросила Диана подругу. — Твой муж, кажется, не в духе?

— Муж? — с удивлением переспросила графиня. — Напротив, я его никогда не видала таким спокойным, как сегодня, всю дорогу мы смеялись и шутили.

— Странно, значит, я ошиблась, или, может быть, ему неприятно меня видеть?

— О, как ты можешь это думать!

— Даме! Послушай, милая, твой муж немножко дикарь, может быть, я совершенно невольно, конечно, напугала его?

— Злая!

— Нисколько, но признаюсь, твой муженск часто бывает очень угрюм.

— Я этого не нахожу.

— Очень понятно, милая, он ведь только одну тебя и видит и слышит, остальные для него не существуют.

Жанна с удивлением посмотрела на нее. Диана поняла, что сплеховала и почти возбудила подозрение в подруге. Она закусила губу.

— Dame! — продолжала она самым простодушным тоном. — Ведь это вовсе не весело, согласишься, милая, под предлогом, что он знал меня девочкой, он и теперь воображает, что я все еще ребенок. Мне это, право, очень неприятно. Да на кого же я похожа?

— На девчонку, когда ты так говоришь, мой ангел, — отвечала, смеясь, графиня. — Муж, напротив, очень любит тебя.

— Он тебе говорил это? — вскричала Диана.

— Конечно, вот сейчас только уверял меня, что любит тебя, как брат любимую сестру.

— А! — как-то странно протянула Диана со злой улыбкой.

На том разговор и остановился.

Вечером за ужином они втроем опять сидели рядом и весело, долго разговаривали. На другой день, после завтрака, граф сказал, что уезжает вечером, потом заперся с женой, и они часов до двух о чем-то тихо говорили.

Диана была тут же в комнате, но сидела, не вмешиваясь в разговор и не слыша даже ни слова, на другом конце, в глубокой амбразуре окна и вышивала.

Сейчас же после ужина, то есть около восьми часов, граф велел оседлать Роланда.

Наступила минута отъезда.

Графиня была бледна, покрасневшие глаза доказывали, что она плакала. Однако она сумела сдержаться во время прощания.

Привели Жоржа, отец обнял его с каким-то безотчетным содроганием сердца.

Диана, по-видимому, равнодушно смотрела на эту сцену.

Граф встал, все пошли за ним.

У крыльца ржал и топотал Роланд. Мишель Ферре неподвижно и прямо сидел на другой лошади.

Оливье еще раз поцеловал жену, поклонился девушке и сел на лошадь.

— Прощайте, прощайте все! — сказал он. — Будьте здоровы!

Он двинулся вперед, но на первом же шаге лошадь его оступилась; если бы он не успел быстро поддержать ее, он бы упал.

— Римлянин вернулся бы назад, — колко заметила Диана.

— Я французский дворянин, — с горечью в тоне возразил он. — Не верю в предзнаменования и еду вперед, не останавливаясь!

Граф прищипорил лошадь и умчался.

Мишель мерно следовал за ним, спрашивая себя, какая муха вдруг укусила его господина.

ГЛАВА IX

Кто такой был Магом и как он поступил в услужение к Диане де Сент-Ирем

редоставим пока графу Оливье дю Люку спокойно ехать в Париж, где мы с ним еще увидимся, и скажем в нескольких словах, что делала мадмуазель Диана де Сент-Ирем в продолжение четырех дней, которые граф провел с женой у де Барбантана.

Она не теряла времени.

У нее был паж и доверенный слуга, данный для ее услуг братом; злость, хитрость и дьявольские проделки этого молодого человека приводили в отчаяние всю замковую прислугу.

О нем надо непременно рассказать.

Несколько лет перед тем граф Жак де Сент-Ирем — Сент-Иремы были старинного рода — возвращался из путешествия в Италию, куда он уехал из-за не совсем честного поступка в карточной игре.

Уличенный своим партнером в плутовстве, он не нашел ничем больше ответить ему, кроме следующей фразы:

— Очень может быть, но я нахожу весьма скверным с вашей стороны, что вы мне это заметили.

И с этими словами он бросил ему в лицо карты. Партнер вызвал его на дуэль. Граф убил его наповал. Но так как он был хорошо известен при дворе, дуэльнаделала много шума, и графу оставалось одно — уехать в Италию, дать времени замять дело.

Это происходило через два-три месяца после убийства Генриха IV.

Графу было в то время около двадцати двух лет. Пробыв с год в Италии, он возвращался во Францию, и в один вечер проезжал по какой-то захудалой деревушке, милях в двух от Пиньероля.

Жаку де Сент-Ирему приятнее было бы добраться до города, но уже наступила ночь, начинал накрапывать дождь и измученная лошадь едва шла. Поневоле пришлось остановиться в скверном трактире, скорее походившем на притон разбойников, чем на трактир.

Но граф был не трусливого десятка, храбро вошел и против всякого ожидания встретил отличный уход и предупредительную внимательность. Это хотя и порадовало его, но, как человека опытного, заставило быть осторожнее.

И он хорошо сделал, как после оказалось.

Трактир был полон путешественников всякого сорта, но все очень подозрительных на вид личностей. В сарае и на дороге вокруг больших костров расположился табор цыган, по-видимому мало обращавших внимание на дождь и холод.

Они искоса поглядывали на графа, когда он проезжал посреди них к трактиру, но граф притворился, что ничего не замечает.

Часа два прошло спокойно.

Проголодавшийся граф с аппетитом пообедал, тем более что обед ему подали отличный, и, по-видимому, не обращал никакого внимания на беспрестанно слонявшихся вокруг его стола подозрительных личностей; так как эти люди не заговаривали с ним и вроде бы не искали ссоры, он наконец и в самом деле позабыл о них, в полной уверенности, что все обойдется благополучно.

Но он ошибался.

Хозяйка, проворная молодая женщина с быстрыми глазами, услужливо подавала ему все, что он спрашивал, и в то же время хлопотала около другого путешественника, приехавшего несколькими минутами позже графа и севшего за другим столом, против него. Это был атлет с энергичным лицом и решительным видом, евший за четверых.

Оба путешественника не обменялись ни одним словом, но взглядами яснее слов сказали друг другу:

— Мы здесь в вертепе, в случае нужды я рассчитываю на вас, как и вы можете рассчитывать на меня.

Хозяйка, поставив путешественнику-атлету бутылку монте-фальконе, шепнула ему несколько слов, потом, по-

дойдя к столу графа и убирая тарелки, сказала вполголоса, как будто не к нему обращаясь:

— Осторожнее!

Граф искоса взглянул на незнакомого путешественника. Тот, как будто без всякого умысла, затянул покрепче портупею рапиры, которую вначале отстегнул, чтобы быть свободнее. Граф сделал то же.

Вдруг, точно по данному знаку, в комнату ворвались цыгане — женщины, мужчины, старики, дети, грязные, оборванные, отвратительные.

Граф и другой путешественник, точно сговорившись, схватили свои столы и придвинули к прилавок, потом с быстротой, которую придает только неминуемая опасность, нагромодили на них все, что попадало под руку, — скамейки, стулья, табуреты, соорудив таким образом высокую баррикаду, занявшую целый угол комнаты; позади них была дверь во внутреннюю часть трактира, дававшая им возможность отступить в случае надобности.

У графа были рапира, нож и два длинных пистолета за поясом, а у другого путешественника, кроме того, короткий карабин. К ним присоединился хозяин со своими пятью слугами, тоже хорошо вооруженные и сбежавшиеся на крики хозяйки.

Хозяин был старый контрабандист, живший главным образом своей контрабандой и привыкший к разным схваткам.

— Славно! — весело крикнул он, прибежав. — Потешимся же мы, если только вы с нами, господа, не правда ли?

— Morbleu! — сказал атлет. — Да ведь дело идет о нашей шкуре.

— И о моей тоже, но их много!

— Тем лучше, — промолвил граф. — Больше убьем!

— Отлично сказано, господин! Но, клянусь Бахусом, нам не так плохо, как эти негодяи думают. Терезина, — прибавил хозяин, обращаясь к жене, — тебя не заметят в свалке, сбегай-ка, да скажи Бомба о том, что здесь происходит.

— О, это правда! — весело вскричала она.

— Ну, то-то! Беги, моя газель, что есть духу!

Молодая женщина мигом исчезла.

— Ну, господа, — обратился он к ним, — будем смотреть в оба, нас восемь, мы все храбры, веселую сарабанду пропляшут у нас эти молодцы!

Время, весьма интересные стороны которого мы здесь описываем, было эпохой общего разрушения.

Средние века погружались в бездну прошедшего, новые зарождались, обещая блестящие надежды в будущем, мало, к сожалению, осуществившиеся до сих пор.

Смерть Генриха IV и наступившие за ней смуты открыли границы Франции всякого рода отщепенцам старой Европы, которые, точно сговорившись, кинулись на несчастную страну, как на верную добычу. Оттого и появилось в то время столько разбойников, грабивших и резавших без милосердия.

Напавшие в трактире на путешественников были цыгане, целое племя которых явилось неизвестно откуда и направилось во Францию.

Длинный кровавый след оставляли они за собой, пройдя большую часть Европы, ускользя от преследований благодаря то смелости, то численности, а то и страху, который наводили на мирных жителей.

Племя состояло человек из двухсот пятидесяти, считая женщин, детей и стариков, да почти столько же осталось на дороге, потому что по мере приближения к Франции им встречались жители, уже смелее защищавшие свою собственность; приходилось драться, и цыгане большей частью искали при этом спасения в бегстве.

Тогда они придумали другой образ действия: представились мирными людьми, ремесленниками, кузнецами, медниками, гадалками и т. п. Придя в деревню, они не собирались грабить, а располагались лагерем; не обходилось, конечно, без украденных кур или зарезанных баранов, но это были пустяки по сравнению с тем, что они обычно делали и что оставалось безнаказанным.

Мысль о нападении пришла им в голову только тогда, когда они увидели двоих путешественников с большими чемоданами, неосторожно подъехавших к трактиру.

В них мигом проснулась природная алчность. Они посоветовались и быстро решили исполнить план, тем более что путешественников было всего двое.

Но они, правду сказать, не ожидали, что хозяин и трактирная прислуга бросятся на помощь, а это были отчаянные контрабандисты, для которых драка становилась праздником.

Хотя и восемь человек для целого племени было все-таки немного, но цыгане, однако же, призадумались.

Это ведь воры, в тонкости обладающие умением воровать, но всегда отступающие перед дракой, они знают, что им при этом достанется немало тумачков, да еще и добыча ускользнет. Поэтому они сначала решили вступить в переговоры.

Парламентарем выступил высокий, немножко согбенный старик с пронырливой физиономией, хоботобразным носом, круглыми глазами, бородой клином и серебристо-белыми волосами. Это, видимо, был один из патриархов племени.

Он сделал несколько шагов вперед и хитро улыбнулся. В комнате сейчас же все смолкло.

— Что вам нужно? — спросил трактирщик, в качестве хозяина дома взявший на себя командование импровизированной крепостью.

— Переговорить, — отвечал тот, низко поклонившись.

— Да разве так поступают с мирными людьми? — иронично произнес хозяин. — Разве вы здесь в дикой стране, что нападаете на мой дом?

— Это не к вам относится, почтенный хозяин, — медовым голосом заверил цыган. — Вас мы любим и уважаем и не хотим делать вам вреда.

— Так чего же вы врываетесь, как бешеные волки?

— Ошибаетесь, почтенный хозяин, право, у нас не худые намерения, по крайней мере относительно вас. Уйдите с вашей прислугой, вы не раскаетесь.

— Да чего вам наконец нужно? — повторил хозяин, хотевший, главное, выиграть время.

— Мы хотим поговорить вот с этими знатными приезжими.

— Эти господа, знатные они или нет, здесь — у меня в доме, под моим покровительством.

— Нехорошо рассудили, почтенный хозяин; вы и себя погубите, и их не спасете; посмотрите, сколько нас и сколько вас, и увидите, что я говорю правду.

— Нечего тут толковать; говорю вам, убирайтесь отсюда!

— Берегитесь, почтенный хозяин!

— Сами лучше берегитесь! Не сердите меня, а то вам несдобровать!

— Угроза не ответ. Отвечайте прямо: согласны выдать нам этих приезжих?

— Нет, говорят вам! Да и что вам с ними делать?

— Это уже их и наше дело.

— Ну, довольно болтать, дуралей! — крикнул граф. — Проваливай, или я убью тебя, как собаку!

Парламентер робко взглянул на баррикаду.

— Это ваше последнее слово? — спросил он.

— Да!

— Ну, так да падет ваша кровь на вашу же голову! — вскричал он, откинувшись в сторону.

— И на твою, morbleu! — прокричал путешественник-атлет и выстрелил.

Седой цыган упал мертвый.

Позади него многие были более и менее серьезно ранены. Племя с бешеными криками бросилось к баррикаде.

Их встретили еще выстрелами.

Цыгане, толпясь, вредили сами себе; кроме того, они все были, как на ладони, тогда как противники их, почти совершенно скрытые за баррикадой, стреляли наверняка.

Прошло несколько минут в страшной суматохе, затем цыгане вдруг в бессильной ярости отступили.

Больше двадцати человек у них было убито. Стыд и злоба придали им мужества; врагов было всего восьмеро, а их целая толпа.

Они опять бросились, уже в большем порядке, с большей силой, и началась рукопашная, в которой осаждающие и осажденные действовали с одинаковым мужеством. Однако цыганам пришлось отступить в беспорядке.

Путешественник-атлет одним взмахом руки открыл проход в баррикаде и бросился на цыган, потрясая рапирой и громко крича:

— Вперед, morbleu!

Остальные храбро последовали за ним.

Тут началась страшная, отвратительная резня.

Негодяи, испугавшись такой силы и смелости, бросились бежать, почти не пытаясь защищаться и думая бегством спастись от сыпавшихся на них ударов; но и бегство сделалось невозможным. Окна и двери совершенно загородили женщины, дети и старики, толкавшие друг друга, стараясь каждый выбежать раньше.

Вдруг и на улице раздались выстрелы. Цыгане очутились между двумя огнями.

Разбойники обезумели от отчаяния; опасность пробудила в них последний проблеск мужества; снова началась борьба, еще ужаснее, еще ожесточеннее.

— Смелей! — воззвал хозяин. — Ко мне, Бомба, сюда!

— Иду, иду, кум! — отвечал с улицы насмешливый голос.

Битва длилась еще несколько минут и затем разом прекратилась.

Цыгане были перебиты. Некоторые из уцелевших бежали через поля и луга, другие лежали вперемешку с убитыми по дороге и в трактире.

Бомба торжественно вошел в комнату во главе тридцати контрабандистов. Победители, не желая затруднять себя пленниками, пристреливали тех, которые подавали еще признаки жизни.

Граф, хоть и не отличавшийся нежным сердцем, не мог без возмущения смотреть на это и спешил выйти. В ту минуту, как он шагал через трупы, кто-то вдруг уцепился за полу его платья. Он обернулся.

Это был мальчик лет шестнадцати, бледный, как смерть, с полными слез глазами.

— Спасите меня, добрый господин! — умолял он душераздирающим голосом. — Спасите меня, ради всего святого!

— Спасти тебя! — машинально прошептал граф.

— Я вас буду любить, служить вам, буду вашим рабом, вашей собакой... только спасите!

Граф улыбнулся. Ему невольно стало жаль мальчика.

— Пожалуй, — отвечал он, — не будешь ли ты благодарен?

— Моя жизнь принадлежит вам, монсеньор; я отдам ее за вас, когда только вы потребуете.

— Хорошо! Встань. Опасна твоя рана?

— Нет, монсеньор; пуля только царапнула по черепу.

— Ну, так через два дня ты выздоровеешь.

— А! — крикнул Бомба, увидев, что цыган вылезает из-под груды трупов. — Еще один! Постой, постой, чертенок!

Он зарядил пистолет.

— Сеньор, я беру этого мальчика под свое покровительство! — вскричал граф.

— Напрасно, граф! — предупредил контрабандист. — Это разбойничье отродье! Их всех надо бить!

— Пожалуйста, оставьте мне его!

— Как угодно, сеньор, это ваше дело.

Он хладнокровно разрядил пистолет, пристрелив другого цыгана, машинально поднявшего голову.

На другой день граф собрался ехать дальше, он сел на лошадь, а его новый слуга — на мула, принадлежавшего кому-то из убитых цыган.

— Как тебя зовут, мальчик? — спросил граф.

— Си-аль-Эддин, монсеньор, — проговорил цыганенок.

— Ну, это слишком длинно; теперь ты будешь зваться Магомом.

— Как угодно, монсеньор, — произнес тот, опустив голову. Вот каким образом Магом поступил в услужение к графу. И путешественник-атлет вышел из трактира.

— Прощайте! — сказал он графу.

— Куда вы едете? — поинтересовался Жак.

— В Венгрию. А вы?

— Во Францию.

— Счастливого пути! Может быть, увидимся. Позвольте узнать вашу фамилию?

— Граф Жак де Сент-Ирем; а ваша?

— Капитан Ватан. До скорого свидания.

Они пожали друг другу руку и поехали в разные стороны.

Магом сдержал слово; он был безгранично предан своему господину. Когда Диана вышла из монастыря и стала жить с графиней дю Люк, граф счел самым лучшим подарком сестре уступить ей Магома. Он так и сделал.

Цыган и к девушке отнесся с такой же преданностью, доходившей часто до невозможного.

Это был драгоценный слуга для такой женщины, как Диана.

ГЛАВА X

Как Диана де Сент-Ирем предложила брату оборонительный и наступательный союз и как тот, закрыв глаза, принял предложенные сестрой условия

а другой день после описанной нами сцены между Дианой и графом дю Люком, проснувшись в десятом часу утра, красавица позвала своих горничных, велела отворить окна спальни и, лениво потягиваясь в постели, улыбаясь солнцу, обливавшему золотыми лучами ее лицо и нежно ласкавшему белую грудь, спросила, зевая, вышел ли граф из своих комнат.

Узнав, что он уже давно уехал в замок Вири, девушка сверкнула глазами и, быстро вскочив, мигом очутилась посреди комнаты, к величайшему изумлению горничных, не понимавших, что это значит. Она, однако, сейчас же спохватилась, накинула капот и подбитые мехом туфли и стала причесываться и умываться.

— Я выеду со двора, — объявила она.

Ей подали чудесный костюм для верховой езды.

Никогда еще девушка так не спешила.

Она оделась меньше чем в полчаса, приведя этим в восхищение горничных, но не разговаривала с ними, как делала обычно, и, велев послать к себе в будуар Магома, прошла туда сама.

Магом, как видно, был недалеко, потому что почти тотчас явился и, поклонившись, скрестил руки на груди, ожидая приказаний.

Магом был двадцатилетний высокий, стройный мужчина, с красновато-смуглым лицом, слегка горбатым носом, хитрыми, быстрыми, черными глазами, большим ртом с чудесными зубами, редкой бородой и иссиня-черными густыми волосами, которые, беспорядочно падая на широкие плечи, придавали ему дикий вид. Лицо можно было бы назвать красивым, если бы его не портило выражение злости и алчности.

Он был одет, как все слуги хороших домов. За кожаным поясом были заткнуты прямая короткая сабля и длинный нож в роговой оправе.

— Здравствуй, Магом! — сказала Диана, протянув ему руку.

— Здравствуйте, госпожа, — отвечал он, поклонившись и почтительно поцеловав белую аристократическую ручку девушки.

Глаза его при этом сверкнули радостью.

— Слушай, — проговорила она, — через десять минут мы едем в Париж. Оседлай мула.

— Я оседлаю Мышонка; этот лучше всех.

— Хорошо! Если мажордом станет спрашивать, скажи, что я велела; только не говори ему, куда я еду, слышишь!

— Он ничего не узнает, госпожа.

— Ну, ступай же скорей!

— Через десять минут мул будет у крыльца.

Он поклонился и ушел.

Девушка завернулась в плащ, надела шляпку с большими полями, защищавшими от солнца, маску, как тогда все делали, еще раз взглянула на себя в зеркало, тихонько произнеся:

— Начнем! — и вышла из комнаты.

В передней две горничные ждали ее приказаний.

— Я поеду покататься, — объяснила она, — не ждите меня раньше обеда.

Но, вместо того, чтобы спуститься вниз, она прошла в комнату графини и отперла стоявшую на тумбочке шкатулку, от которой у нее был свой ключ.

Тут Жанна держала деньги, которые муж давал ей на булавки; она требовала, чтоб Диана брала тоже, когда вздумается, и та широко пользовалась этим, но подруга никогда не делала ей ни малейшего замечания за немножко крупные иногда издержки для молодой девушки, которой даже в прихотях никогда не отказывалось.

— Не надо забывать существенного, — промолвила Диана, положив в кошелек несколько горстей золота. — Бедный Жак! Давно я ему ничего не давала; он, наверное, нуждается.

Заперев шкатулку, она опустила кошелек в карман и ушла.

Магом дожидался у крыльца; по знаку госпожи он вскочил в седло. Диана встала на приготовленный для этого табурет, села позади Магома, и они поехали.

В то время в экипажах ездили только принцы и самые знатные вельможи королевства; всякая поездка совершалась так, как мы сейчас описали. Даже члены парламента так ездили, и самые знатные придворные дамы, отправляясь в гости к знакомым, садились на лошадь позади конюха.

Выехав из ворот, Магом повернул направо.

— Что же ты делаешь? — спросила девушка.

— Выведь не хотите, госпожа, чтобы знали, куда мы едем? А мажордом хитер и любопытен, он подсматривает; но я хитрее его; я его проведу.

— А! Ну хорошо, понимаю! — согласилась Диана, засмеявшись.

Скрывшись за деревьями, цыган, зная, что теперь уже никто их не увидит, повернул на одну из поперечных тропинок и через несколько минут выехал на Парижскую дорогу.

— Провели, госпожа! — воскликнул он.

— Ну, теперь в галоп! Нам до двенадцати надо быть у брата.

— Будем, госпожа, — заверил Магом и как-то особенно свистнул.

Мул насторожил уши и помчался, как стрела. Не больше часа спустя они миновали ворота Сен-Марсель.

Граф де Сент-Ирем жил на углу улиц Претери и Сен-Дени, в доме, к которому приделано было искусственное дерево с двенадцатью ветками; на каждой в чашечке цветка стояло по апостолу, а на вершине — Божья Матерь. Дом с этим деревом существует и до сих пор.

Квартира графа, состоявшая из четырех комнат окнами на обе улицы, была убрана с редкой в то время изысканностью, но везде носила следы оргий: мебель была поломана, изорвана, в пятнах.

Жак де Сент-Ирем был одним из самых страшных *утонченных*; его дуэлям и ссорам конца не было; но, несмотря на скверную репутацию, его окружало множество друзей или льстецов; немногие решались косо посмотреть на него.

Это был красивый мужчина лет около тридцати двух, с надменным взглядом, презрительным выражением рта и аристократическими манерами; женщины его любили, мужчины боялись. В ту минуту как на соседней церкви пробило десять, у дверей графа постучались.

Молодой, здоровенный слуга, видимо исполнявший все должности в доме, лениво поднялся с подушек, на которых лежал, растянувшись во весь рост, и пошел отворить.

Вошел граф. Молча пройдя через все комнаты в спальню, он бросил на один стул шляпу, на другой — шпагу и плащ и, самодовольно крикнув, опустился в кресло.

Спальня была немножко попригляднее остальных комнат; главное, тут бросалось в глаза множество всевозможного рода оружия, развешанного по стенам; вид был престранный, но оригинальный, сразу характеризовавший хозяина.

— Никто не приходил? — спросил граф почтительно согнувшегося перед ним слугу.

— Нет, очень много народу, господин граф.

— А! Кто же!

— Целая толпа кредиторов; точно сговорившись, так гуськом и тянулись.

— Э! Да разве я о них спрашивал, дуралей! Ведь для того ты и здесь, чтобы их выгонять!

— Точно так; но осмелюсь доложить, что их становится уж слишком много; через несколько дней мне будет не под силу справляться.

— Ба! — сказал граф, указывая на развешанное оружие.

— А разве у тебя тут мало под рукой, чем прогнать их?

— Мне это не пришло в голову, — с восторгом ответил слуга.

— Тебе ничего в голову не приходит; ну, да это в сторону... кто еще у меня был?

— Никого.

— Как никого? Де Местра разве не приходил?

— Я не имел чести видеть господина шеваляе.

— Странно. Уж не имел ли он глупость попасть в руки дозорных? — произнес граф, как бы говоря с самим собой.

— Господину графу пришлось, верно, участвовать в каком-нибудь деле?

— Ты меня, кажется, спрашиваешь, плут?

— Простите, господин граф. Моя преданность...

— Да, а главное — твое любопытство. Ну, да я добрый человек, расскажу тебе, что случилось.

— Так много чести, господин граф...

— Вчера после кутежа нам с несколькими из знатных особ вздумалось пойти из «Клинка шпаги», где мы ужинали, на Новый мост посрывать плащи. И де Местра был с нами. Отправились. Дело шло, как по маслу; тьма была такая, что хоть глаз выколи; черт бы себе на хвост наступил. Напугали мы нескольких зевак, не ожидавших такой благодати. К несчастью, подвернулся тут какой-то буржуа, величественно выступавший под руку с женой; впереди с фонарем шла служанка. Презабавная это была пара, брат Лабрюйер! Де Местра хотел сдернуть плащ с буржуа, а я обнял служанку, потому что она была хорошенькая и молоденькая; она защищалась только для виду, но буржуа и его жена орали, как сумасшедшие; подоспели дозорные в ту минуту, когда мы их меньше всего ожидали. Завязалась драка; буржуа, воспользовавшись этим, убежали; нам помогли *tire-laine*, и мы прогнали дозорных, наградив их порядочными тумачами. После драки я стал искать де Местра, но его не было, и никто не мог мне сказать, куда он девался. Однако нет худа без добра: я вдруг наступил на кошелек; поднял его, гляжу — полный золота.

— Ого! — воскликнул Лабрюйер, потирая руки. — Славно!

— Не правда ли? А между тем чуть не случилось скверно.

— Господин граф шутит!

— Нисколько. Возвратясь в «Клинок шпаги», мы стали играть. Я вынул кошелек, чтобы сделать ставку; вдруг мар-

киз де Валэ заявляет, что это его кошелек, и требует, чтобы я ему отдал. Можешь себе представить! Я, разумеется, сейчас же рассказываю, каким образом нашел его, и говорю, что это теперь моя законная собственность.

Со мной не согласились.

— Неужели, господин граф!.. О! — озадаченно протянул Лабрюйер.

— Да; все стали против меня.

— Какой недостойный поступок; и еще господа!..

— Я, однако, не уступал; так как маркиз де Валэ кричал громче всех, я сказал ему, что кошелек привязан к рукоятке моей рапиры.

— Ага!

— Он понял, спор прекратился, и мы весело продолжали пить и играть всю ночь. На рассвете мы вышли из «Клинка шпаги» и дрались; славная была драка! Маркиз любил дуэли.

— Любил, господин граф?

— Да, я убил его, — небрежно произнес Жак. — Но, падая, он сознался, что кошелек принадлежал вовсе не ему.

— Он хотел украсть его у вас!

— Ну да! Эта скверная мысль дорого ему стоила. Однако де Местра я так и не видал; боюсь, что он попался дозорным.

— Но господин шевалье ведь очень ловок.

— Это правда, и я решительно не понимаю, куда он пропал; меня это очень беспокоит, он может каждую минуту быть мне нужен. Без него не знаю, как и вывернуться из лап этого проклятого Дефонкти. Черт бы взял это дело!

— Господин граф... напрасно беспокоитесь... господин шевалье слишком ловок, чтобы попасться... господин граф... забываете, верно...

— Ах, sang Dieu!¹ Ты мне напомнил! — вскричал, рассмеявшись, Жак. — Нет, конечно, его не взяли! Я вспоминаю, что мы ведь до прихода дозорных отдали ему на сохранение сдернутые плащи.

— А господин шевалье, — продолжал слуга, — очень аккуратный господин; он же в суматохе, наверное, думал только о том, как бы понадежнее спрятать их.

— И снести сегодня утром к торговцу старым платьем, на улицу Тиршап, — сказал граф — так, так, parbleu!

¹ Кровь Господня! (фр.)

— Приятель господина графа, наверное, вскоре придет сюда.

— Хотелось бы мне этого. Признаюсь, Лабрюйер, мне очень было бы жаль, если бы он не оправдал моего хорошего мнения о нем. Он хоть и не из знати, но все-таки дворянин, и в нем есть несколько капель хорошей крови.

В эту минуту у дверей постучались.

— Вот и господин шевалье! — объявил слуга. — Я узнаю его по стуку.

— Отвори скорей!

Лабрюйер ушел.

Это действительно был де Местра, тот самый человек, который тихо разговаривал с графом де Сент-Иремом перед балаганом Мондора.

— Господин дома, дуралей? — спросил он слугу, покручивая усы.

— Господин граф ждет господина шевалье у себя в спальне.

Шевалье пошел туда.

— Parbleu! — вскричал, увидев его, граф. — Наконец-то ты пришел! Откуда? Я думал, что тебя схватили, и уже собирался служить за тебя молебны.

— Спасибо за внимание, любезный друг, но пока это еще совершенно лишние издержки, — отвечал он, усаживаясь поудобнее в кресло.

— Да говори же, что с тобой такое было! Куда ты пропал?.. Ах, Боже мой! Да ты весь в новом! Только от тебя можно ждать таких чудес. Что это значит?

— Угадай! — воскликнул де Местра, вытягивая ноги и лукаво улыбаясь.

— Не могу! Лучше уж буду верить в чудо.

— Ну, так я тебе скажу: я принес тебе денег!

— Ты? Что это? Конец мира наступил?

— Нет еще, надеюсь.

— И кругленькая сумма?

— Сорок пистолей.

— Черт возьми! Стоит труда! Не взял ли ты приступом особняк испанского посланника?

— Нет, уверяю тебя, эти деньги твои по праву!

— Что ж, наследство, что ли, я получил, сам того не зная?

— Именно. Ты получил половину сдернутых сегодня ночью плащей.

— Sang Dieu! Я почти догадывался. Сорок пистолей! Гм! Славная сумма!

— Плащи были чудесные; по крайней мере, двести пистолей стоили; но я торопился сбыть их и отдал за девяносто, да вот и это новое платье, что ты видишь на мне; мое старое уже давно вон просилось.

— Ну и отлично! И платье очень хорошо на тебе сидит.

— Не правда ли? Вот, возьми деньги.

— Спасибо, — поблагодарил его граф, опустив деньги в кошелек.

— Заметили, что меня не было?

— Parbleu! Оплакивают тебя.

— Ну, мы их утешим. А главное, ничего не рассказывай о нашем деле.

— Конечно.

— Что нового?

— Да почти ничего; сегодня утром я убил маркиза де Валэ.

— Ба! Бедный маркиз! Его брат будет этим очень доволен.

За что вы дрались?

— Да и сам не знаю; так себе, только чтобы подраться.

— А propos¹, не пойдём ли вместе завтракать?

— С удовольствием.

— Представь себе, я обнаружил чудесное заведение в двух шагах отсюда, на Тиктонской улице.

— А! Знаю! Это «Единорог». Там хорошо.

— Да ты все хорошие места знаешь, кажется?

— Dame! Это ведь немножко моя специальность. Ну, идем!

Они встали, взяли шляпы и надели плащи, как вдруг вошел Лабрюйер и сказал шепотом несколько слов графу. Тот вздрогнул и не мог сдержать удивленного восклицания.

— Что такое? — спросил де Местра.

— Ничего, или, вернее, очень много; я должен остаться. Завтракай один.

— А! Понимаю; до свидания, сегодня вечером в «Клинке шпаги»!

— Хорошо.

Шевалье ушел, заглядывая по дороге в каждый темный угол комнат, по которым проходил. Но Лабрюйер был слишком осторожен. Шевалье ничего не увидел.

¹ Кстати (лат.).

— Наверное, женщина, — подумал он, спускаясь с лестницы. — Но которая?.. Ба! Вечером он мне скажет.

Не успел шевалье де Местра уйти, как в стене что-то слегка щелкнуло, отворилась тихонько потайная дверь, и вошла дама. В одну минуту скинув маску и плащ, она бросилась в объятия графа.

Это была Диана де Сент-Ирем.

Брат и сестра нежно любили друг друга. Они были сироты и не имели ни семьи, ни родных.

— Ах, Диана! Моя добрая Диана! — вскричал граф, прижимая ее к груди и отвечая горячими ласками на ее ласки. — Какой прелестный сюрприз! Как я рад тебя видеть! Мы так давно не виделись!

— Так ты доволен?..

— В восхищении. Тебе удалось вырваться из этого вороньего гнезда?

— Не говори о них дурно, Жак; это ведь будет источник нашего богатства.

— Дай-то Бог! Впрочем, я знаю, они к тебе очень хороши. Долго ты у меня посидишь?

— Часа три-четыре; я спешу — к обеду надо быть дома.

— Мало!

— Что делать! Нельзя больше; но я тебя, кажется, стесняю?

— Меня? Нисколько.

— Ты собирался куда-то?

— Да, завтракать; но — *sang Dieu!* — ты ко мне приехала, сестрица, и я остаюсь; мы позавтракаем здесь вдвоем.

— Хорошо, тем более что мне надо с тобой поговорить.

— Отлично. Лабрюйер!

Слуга был, вероятно, недалеко, потому что сейчас же явился.

— Самый лучший легкий завтрак и тонкие вина! У меня в гостях сестра! — приказал граф, бросив ему несколько пистолей.

Слуга подхватил их налету и быстро выбежал из комнаты.

— Ого! Да ты богат? — заметила, улыбаясь, девушка.

— Счастливый случай, милая, в карты выиграл.

— Тем лучше! А вот тебе еще на разные разности.

Она положила ему в руку кошелек с деньгами, которые взяла у графини.

— Э! Что это такое? — весело воскликнул он. — Никогда у меня не было столько денег. О! Да тут по крайней мере пятьсот пистолей?

— Не знаю, братец, я не считала.

— Скажи, пожалуйста! Милая, да ты клад, что ли, нашла? Ты ведь откроешь, где, а?

— Это от тебя зависит, братец.

— Так дело в шляпе, Диана!

— Тебе очень хочется быть богатым?

— Душу бы отдал за это!

— Ну, хорошо! Значит, мы с тобой сговоримся.

— Да ведь между нами разногласия никогда, кажется, не бывает.

— Правда; однако идет Лабрюйер, спрячь кошелек.

— Да, ему не надо знать, что я богат.

Заперев деньги в комод, он положил ключ к себе в карман.

— Ну, а что Магом? Ты им по-прежнему довольна?

— Да, он очень предан мне.

— Прекрасно.

Вошел Лабрюйер, а за ним два мальчика с блюдами и бутылками.

Стол был живо накрыт.

— Остались еще у тебя деньги? — спросил граф.

— Нет, господин граф, я все издержал, — поспешно отвечал Лабрюйер.

— Вот тебе два пистоля. Там внизу Магом; ступайте завтракать в трактир напротив, да сядьте так, чтоб я мог видеть вас из окна и позвать, если понадобится.

— Слушаю, господин граф, — сказал слуга, с радостью положив деньги в карман.

— Вот еще два пистоля, — добавила Диана, — выпейте за мое здоровье; а главное, скажите Магому, что бы он покормил мула.

— Графиня, можете быть спокойны, — заверил ее, почтительно кланяясь, слуга.

— Ну, проваливай, дуралей, с глаз долой!

— Сию минуту! — воскликнул Лабрюйер и веселым прыжком очутился за дверью.

— А мы, сестрица, за стол! Sang Dieu! Я умираю с голоду, а ты?

— И я тоже; дорога придала мне аппетита.

Они весело принялись за завтрак. Лабрюйер добросовестно исполнил поручение: он истратил почти все деньги; завтрак был отличный, вина превосходные.

Сначала Диана и Жак больше молчали, изредка только похваливая блюда и вина; но когда они немножко утолили голод, разговор сделался оживленнее.

Граф слишком хорошо знал сестру, чтобы подумать, будто она, несмотря на всю свою дружбу к нему, проехала больше трех миль единственно ради удовольствия позавтракать с ним; поэтому он нетерпеливо ждал, что она скажет.

И девушке не меньше хотелось скорей приступить к цели визита.

— Ну, Жак, — обратилась Диана к брату, отодвигая тарелку, — ты говорил, что душу бы отдал за богатство?

— Да, сестрица; а ты сказала, что это от меня зависит.

— И опять то же скажу.

— Объясни, пожалуйста, каким образом?

— Жак, занимаешься ты иногда политикой?

— Я! А ты, сестричка?

— На досуге.

— Ну, а я так ни капли.

— Говори совершенно откровенно; я ведь предложу тебе союз.

— Говори по чистой совести, Диана, я принимаю заранее твои условия. Все, что ты скажешь, я сделаю беспрекословно.

— Не будешь ни минуты колебаться?

— Не буду!

— Клянешься?

— Клянусь своим именем и нашей дружбой, Диана!

— Вот моя рука.

— Вот моя.

— Хорошо, я верю. Теперь я тебе клянусь, брат, что дело или удастся нам, или мы, проиграв его, лишимся жизни.

— Лишимся жизни — пустяки, а удача — все! Но что же это нам может удалиться?

— Быть богатыми, осыпанными почестями, возбуждать общую зависть.

— Отлично сказано, продолжай, сестрица, ты напоминаешь героиню древности.

— И мне, признаюсь, надоела жалкая жизнь, которую я веду; мне во что бы то ни стало хочется покончить с ней.

— Я тебе помогу всеми силами, будь спокойна.

— Хорошо! Ты за кого — за короля или за королеву?

— Я за графа Жака де Сент-Ирема и его сестру; а ты?

— И я тоже. Так ты не сочувствуешь ни одной партии?

— Ни одной.

— Отлично! А относительно религии ты за кого, за протестантов или за католиков?

— И до тех и до других мне нет никакого дела. У меня один Бог — золото!

— Превосходно! Слушай же теперь внимательно; я дошла до главного. Политическое положение у нас следующее. Король, стоящий всей душой за Люиня, который терпеть не может королеву-мать, всеми силами старается вырваться из-под ее опеки и удалить ее от управления государством. Королева, в свою очередь, терпеть не может Люиня, презирает сына и всячески хочет сохранить власть. Следовательно, между партиями идет ожесточенная борьба, которая могла бы продлиться еще долго, если бы королева-мать не заручилась уже несколько месяцев тому назад сильным помощником.

— О ком ты говоришь?

— О епископе Люсонском, Армане Ришелье, которого она сделала членом совета.

— Да, да, я слышал об этом человеке, о нем говорят мало хорошего; он из мелких дворян, интриган и очень честолюбив.

— Да, но все судят о нем ошибочно. Помни, Жак, что я тебе скажу: этот человек — гигант; все, кто будет за него, неизмеримо высоко поднимутся; те же, которые попробуют загородить ему дорогу, неминуемо погибнут!

— Sang Dieu! Это серьезно, сестрица; но откуда ты знаешь такие вещи?

— Что тебе за дело, если я их знаю и говорю правду? — с лукавой улыбкой сказала она.

— Конечно; виноват, продолжай, Диана.

— Арман Ришелье, который через полгода будет кардиналом, не стоит ни за Люиня, ни за короля, ни за королеву.

— Ба! А за кого же?

— Да как и мы — за себя самого.

— За себя самого?

— Впрочем, я не так говорю: он за Францию; ему хочется сделать ее богатой, великой, грозной, такой, какой она была

при Генрихе Четвертом; он хочет осуществить все проекты покойного короля, с пренебрежением отвергнутые людьми, захватившими в настоящее время власть в свои руки; его цель — унижить дворянство, поднять народ и, главное, навсегда уничтожить протестантов, которые точно из-под земли вырастают и беспрестанно подвергают государство гибели.

— Это широкие, благородные планы, сестра, но они невозможны или, по крайней мере, очень трудновыполнимы.

— Может быть, все-таки ему будет принадлежать честь попытки.

— Конечно, но его раздавит такое бремя.

— Вот увидим. Теперь скажи, за кого ты?

— А ты?

— За Ришелье.

— Ну, и я тоже. Ведь я тебе дал слово!

— Конечно; но, признаюсь, я была раньше уверена в твоём согласии и обещала за тебя, еще не переговорив с тобой.

— Хорошо сделала. Теперь скажи, в чем же состоит твой план? Ведь он у тебя наверняка имеется.

— Разумеется!

— У меня, правду сказать, от всего этого голова не на месте, и я действую ощупью.

— Сейчас все поймешь. План мой так же прост, как все, что я тебе до сих пор говорила.

— *Peste!*¹ Вот увидим-то мы славные штуки, госпожа дипломатка! Еще немножко, мой ангел, и ты, право, будешь ловчее даже твоего хваленного Ришелье.

— Ты надо мной смеешься, милый братец, но напрасно, мне так мало дела до политики...

— Это и видно; что же было бы — *sang Dieu!* — если бы ты ею начала серьезно заниматься?

— Опять!

— Не буду, дорогая. Продолжай, я не шучу больше.

— Слушай, вот наш план. Поссорить короля с королевой, самим внешне оставаясь в хороших отношениях с обеими партиями; ничего самим не вызывать и бить наверняка; поднять при этом войну с гугенотами, чтобы сделаться необходимыми; до такой степени подзадорить их, чтобы вожди

¹ Тьфу, пропасть! (*фр.*)

перессорились между собой и солдаты не знали, кого слушаться.

— Все это прекрасно, сестрица, но мы-то, ничтожные, что можем сделать?

— Братец Жак, друг мой, — произнесла девушка, от души рассмеявшись, — ты простодушно сказал самое главное слово!.. Да, мы ничтожны, но потому-то и страшны. Ну, кто нас станет остерегаться, не так ли?

— Никто, конечно.

— А в этом-то и заключается наша сила; наша работа никому не заметна и не слышна и от этого опасна.

— Диана, честное слово, ты пугаешь меня!

— Ребенок! — воскликнула она, презрительно улыбнувшись. — И ты еще называешься женщиной? Да ты ничего еще не знаешь.

— Как ничего не знаю?

— Конечно!

— Пощади, сестрица, я не привык к таким головоломным задачам; у меня голова трещит. Sang Dieu! Это-то называется политикой?

— Напрасно пугаешься, милый Жак; я не злая женщина: если хочешь, можешь еще отступить.

— Нет, ни за что! Я дал честное слово; но я ведь буду богат, да, голубчик?

— Или умрешь... да, братец.

— Что смерть! Богатство — вот главное. Я весь в твоём распоряжении: дело слишком соблазнительно.

— Ну, вот теперь я тебя узнаю: как всегда, любишь опасность.

— И золото, дорогая, золото, не забудь!

— Видишь ли: кроме главы партии, герцога де Рогана, есть еще другие, которые если и пользуются только второстепенным влиянием, так зато играют большую роль своим именем, знатностью, а главное — богатством.

— Да, я многих из них знаю.

— Не о тех речь.

— Да я еще их и не назвал.

— Дай договорить, пожалуйста.

— Слушаюсь, господин президент!

— Гадкий шутник! Замолчишь ли ты? — она погрозила ему пальцем.

— Ну, говори, говори!

— Между этими второстепенными вождями есть один, играющий значительную роль, хотя и против своего желания. Это граф дю Люк.

— Графдю Люк! — с удивлением вскричал Жак. — Влюбленный в свою жену и скрывшийся в своем замке, поклявшись не вмешиваться в политику!

— Да.

— Странно!

— Теперь вокруг нас много странного делается, братец.

— Это правда, *sang Dieu*! Я и сам начинаю так думать.

— Граф дю Люк выбран гугенотами идти с депутацией представить объяснения королеве-матери.

— Те-те-те! Он хорошо начинает, как кажется?

— Это тебя удивляет, брат? Граф дю Люк, как горячая лошадь, если уж примется за что-нибудь, так бьется не на жизнь, а на смерть, не щадя ни себя, ни других.

— Ну, хорошо, что же дальше? Я тут кое-что начинаю смекать.

— Что такое?

— Сказать?

— Если я сама тебя спрашиваю!

— Его надо сделать шпионом Ришелье?

— Не совсем, но врагом де Рогана; я берусь за это с твоей помощью.

— В чем дело? Оно, кажется, нелегко.

— Легче, нежели ты думаешь.

— Да? Де Роган — кумир этих гугенотов.

— Да, но ведь всякий удар можно парировать.

— Конечно, только тут, не понимаю, каким образом.

— Ты глупец, Жак.

— Согласен, мой ангел, но это ведь не ответ.

— Для парирования послужит Жанна дю Люк.

— Не понимаю!

— Ты сегодня очень непонятлив!

— Что делать! Плохо спал.

— Оливье дю Люк до безумия влюблен в свою жену.

— *Sang Dieu*! Она стоит того!

— Приторная блондинка!

— Ты говоришь, потому что сама — роскошная брюнетка. Ревность, мой ангел!

— Ты с ума сошел! Наконец, граф ревнив, как тигр.

— Скажите! Бедняга! Но чего ему бояться?

— Всего.

— Полно! У него неприступный замок.

— Не такой неприступный, как ты думаешь. Несколько дней тому назад, когда графа не было дома, явился какой-то господин, по всей вероятности бежавший от преследования, и просил убежища в замке Мовер. Его приняли.

— А как его фамилия?

— Какой-то барон де Серак.

— Совершенно незнакомое имя.

— Может быть, но дело вот в чем: барон передал графине письмо — рекомендательное, как он говорил; прочтя его, графиня, до тех пор холодная и сдержанная, вдруг сделалась мила и любезна до такой степени, что барон де Серак вместо одной ночи провел в замке пять дней.

— Ого!

— И уж не знаю, какими только любезностями его в это время не осыпали.

— Они знакомы?

— Я подумала это.

— Что-то похоже на любовника.

— Да, как будто.

— Одним словом...

— Одним словом, барон де Серак отлично может помочь нам поссорить графа с женой.

— Что же нам из этого?

— Ну, и с протестантской партией вместе с тем.

— Опять теряюсь.

— Ах, какой ты бестолковый! Да ведь барон де Серак — один из главных вождей партии, если не самый главный.

— А! Как же его настоящее имя?

— Это тебя пока не касается.

— Ну, все равно, с меня и без того довольно, моя дорогая. Итак, когда граф поссорится со своей партией...

— Он будет наш.

— Да, но я думал, что ты его любила?

— Это, Жак, опять другое дело.

— А!

— Да, и касается меня одной.

— Как хочешь. Но как же довести до ссоры?

— Очень легко. Через несколько дней граф будет в Париже.

— Ты знаешь, где останавливаются приезжие в городе?

— На Тиктонской улице, в гостинице «Единорог».

- Знаю.
 - Впрочем, он там не станет долго сидеть.
 - Очень может быть.
 - Есть такие места, где бы часто собиралась знать?
 - Очень много; «Клинок шпаги», например.
 - Ну, так твое дело встретиться с ним и строить все.
 - Не беспокойся, милочка, не пройдет десяти минут после того, как мы с ним увидимся, и граф так поссорится с женой, что никогда больше не сойдется, клянусь тебе!
 - Как же ты сделаешь?
 - Это уж мое дело.
 - Ну, хорошо! Даю тебе карт-бланш.
 - Sang Dieu, я ею широко воспользуюсь.
 - Сколько душе угодно!
 - Но ведь каждая война требует капитала. Когда разрыв совершится, кто будет платить?
 - Епископ Люсонский.
 - Сколько?
 - Семь тысяч экю даст в задаток.
 - Sang Dieu! Вот почтенный человек! Но чем же я докажу свое право на получение?
 - Покажи вот эту половинку венецианского цехина и скажи свое имя.
 - И достаточно будет?
 - Совершенно.
 - Благодарю. Дело теперь в шляпе, будь спокойна; семь тысяч экю, sang Dieu! Этот Ришелье положительно великий человек!
 - Ты скоро убедишься в этом на деле.
 - Надеюсь.
 - А теперь прощай!
 - Уже уезжаешь?
 - Надо.
 - Когда я тебя опять увижу?
 - Не знаю, будет зависеть от обстоятельств.
 - Ну! Что Бог даст! Поцелуй меня, голубчик, и не забывай, что мы неизменны друг к другу, что бы ни случилось.
 - Конечно, братец, прощай!
 - Прощай, моя дорогая Диана!
- Пять минут спустя Диана де Сент-Ирем ехала, сидя за спиной Магома, обратно в замок Мовер.
- Было три часа пополудни.

ГЛАВА XI

Капитан Ватан беспрестанно натывается на неожиданности, одна другой необыкновеннее

ернемся теперь к капитану Ватану, которого оставили на веревочной лестнице над водой Сены, в совершенной темноте.

Капитан Ватан был из числа решительных, смелых людей, которые находят особенную прелесть во всем неизвестном и неожиданном, потому что вполне самоуверены и чувствуют себя всегда в состоянии все одолеть.

Авантюрист совершенно спокойно спускался по веревочной лестнице, которой в темноте не видно было конца.

Не прошло, однако, и двух минут, как он почувствовал под ногами какую-то твердую точку опоры; это было дно довольно большой лодки.

Когда он выпустил из рук лестницу, Клер-де-Люнь взял его за руку.

— Позвольте, я вас поведу, капитан, — сказал он, — и главное, не бойтесь!

— А? Ты что это говоришь, дуралей? — резко воскликнул капитан. — Не смеяться ли вздумал надо мной?

— Виноват, капитан, обмолвился. Пожалуйте!

— Ладно, да смотри у меня, чтобы больше не обмолвиться!

— Слушаю, капитан. Черт возьми! Вы не изменились, надо вам отдать справедливость, все такой же терпеливый.

Капитан засмеялся.

— Я тебе пошучу! — пригрозил он. — Ну, когда же конец? Где мы теперь?

— Под аркой Нового моста, капитан.

— Ты тут живешь?

— Не совсем тут, вот увидите; поднимитесь по этой лестнице.

— Опять?

— Это последняя.

— Не стоило спускаться, чтобы сейчас же опять подниматься.

— Может быть, капитан, но поднимитесь все-таки.

— Да я тут ни зги не вижу, morbleu!

— Не обращайтесь на это внимание.

— Ну, ладно, коли нужно! Только черт бы побрал эту такую прогулку!

Клер-де-Люнь засмеялся и тихонько свистнул.

В ту же минуту на расстоянии футов двенадцати над ними заблестела, как звезда, светлая точка.

— А! Вот теперь вижу, куда идти, — произнес капитан и стал взбираться по лестнице.

Клер-де-Люнь следовал за ним, по-видимому забавляясь колебаниями своего бывшего командира.

В лестнице было всего перекадин десять; взобравшись наверх, капитан, к своему величайшему изумлению, очутился перед отверстием, сделанным в самом своде арки.

— Проходите! — ободрил его Клер-де-Люнь.

— Прошел! — отвечал капитан.

Клер-де-Люнь последовал за ним и нажал какую-то невидимую пружину.

В отверстие без шума вдвинулась каменная масса и герметически закрыла его.

— Ну, вот мы и дома! — довольно сказал Клер-де-Люнь. — Теперь, капитан, позвольте указать вам дорогу.

— Показывай, мой любезный, не церемонься; ты ведь здесь у себя дома. Странное только помещение ты выбрал.

— Надежное, по крайней мере.

— Конечно; но я не понимаю, как ты мог устроить это, не возбудив ничьего внимания?

— Это не я устроил, капитан; это подземелье существовало раньше меня; и я его только дополнил.

Говоря таким образом, авантюристы шли при неясном свете чадившей лампы, достаточно, однако же, освещавшей подземелье, чтобы можно было его рассмотреть.

Оно имело шесть футов вышины и четыре — ширины, образуя множество галерей с выходом в разные стороны, запертых в некоторых местах толстыми железными решетками с зубьями наверху; такие же решетки шли местами и по главному коридору, где проходили авантюристы.

— Да это, брат, настоящая крепость!

— Parbleu, капитан! И неприступная крепость.

— А разве ты не знаешь, что крепости для того и сделаны, чтобы их брать?

— Только не эта, капитан. Ведь тут совершенно свободно могут спрятаться пятьсот человек так, что их и не найдешь!

— Даже если бы нашли вход, через который мы сейчас прошли?

— *Parbleu!* Да таких входов целых шесть.

— Черт возьми!

— Да; чтобы захватить нас, надо было бы взорвать мост, да и то не удалось бы, пожалуй.

— Послушай, а что же это за шум над нами?

— Это мы идем теперь под Самаритянкой.

— А! Но куда же мы идем?

— В одну из моих квартир.

— Как! Да их разве несколько у тебя?

— Точно так, капитан.

— Скажите, пожалуйста! Сколько же именно?

— Три главные, не считая той, которую я занимаю в самом подземелье.

— Черт тебя подери! Да ты, точно сам его величество Людовик Тринадцатый, можешь выбирать резиденцию!

— Да, капитан; только меня все здесь слушаются по одному знаку; мои подданные слепо повинуются мне.

— А про нашего бедного короля этого нельзя сказать, а? И много у тебя подданных?

— Ну, каких-нибудь несколько тысяч человек, не больше.

— Неплохо! Да ты, значит, король всех парижских оборванцев?

— К вашим услугам, капитан.

— Не отказываюсь. Все может случиться; не надо никем пренебрегать.

— Справедливо сказали, капитан.

— Но где же твоя квартира, в которую ты меня ведешь?

— На набережной Сольнери, в доме банщика Дубль-Эпе.

— Известного банщика, у которого собирается вся знать?

— Того самого, капитан; это один из моих адъютантов.

Ватан остановился, снял шляпу и с иронической важностью поклонился.

— Что это вы, капитан?

— Кланяюсь тебе, *monbleu!* Клер-де-Люнь, друг мой, ты великий человек! Предсказываю тебе, что, если не будешь повешен, далеко пойдешь.

— Или высоко поднимусь! Аминь и благодарю вас, капитан. Но вот мы и пришли. Потрудитесь войти.

Клер-де-Люнь прижал пружину; отворилась невидимая дверь, и они очутились в светлой, богато убранной комнате.

Капитан оглянулся; дверь исчезла.

— Вы что-нибудь ищете? — лукаво спросил Клер-де-Люнь.

— Нет, ничего; право, ты великий человек! Так мы в доме банщика?

— Да, капитан; на первом этаже. Взгляните, в окно виден Новый мост.

— Чудесно! Ты ведь расскажешь мне, надеюсь, историю этого подземелья?

— Вам интересно знать?

— Я очень любопытен.

— Извольте! Я расскажу за ужином, если вам угодно.

— С удовольствием; дорога придала мне аппетиту.

— Так пожалуйста в столовую.

— А это какая же комната?

— Мой будуар! — с гордой самоуверенностью отвечал Клер-де-Люнь.

Капитан посмотрел на него во все глаза. Его совсем сбило с толку.

— Там, позади будуара, моя спальня и уборная; затем у меня есть еще столовая и передняя. Видите, как скромно?

— Peste! Хороша скромность! Ты говоришь, у тебя три такие квартиры?

— Точно такие; немножко лучше, может быть, устроенные.

— Но ведь это тебе, должно быть, стоит громадных денег?

— Да нет же, капитан! Ведь это моя собственность.

— Так у тебя свой дом?

— И не один, капитан.

— Послушай, Клер-де-Люнь, это ведь дерзкие шутки!

— Да я нисколько не шучу, капитан. Вы спрашиваете, я только отвечаю.

— И правду говоришь?

— Честное слово!

— Ну ладно! Пойдем в столовую, друг мой.

— Идемте, капитан, — сказал Клер-де-Люнь, приподнимая тяжелую портьеру.

Столовая была большая комната, уставленная буфетами, полными золота, серебра и хрусталя.

С потолка спускалась громадная люстра на золотой цепи. Посредине стояли треугольником три стула, и возле каждого

служанка с корзинкой, в которой лежали тарелки, ножи, вилки, ложки и хлеб.

Только стола не было.

Напрасно искал его глазами капитан.

— А я вам приготовил сюрприз, капитан, — объявил Клер-де-Люнь.

— Еще? Да я и так на каждом шагу вижу сюрпризы.

— Этот вам доставит удовольствие, капитан.

— Не сомневаюсь. Не ужин ли, который ты мне обещал и которого я все еще не вижу?

— Нет, капитан; ужин явится в свое время.

— Так что же это?

— Гость... приглашенный.

— Когда же ты успел его пригласить? Ты ни на секунду не отходил от меня.

— Я послал за ним.

— Кто же этот гость?

— Дубль-Эпе, капитан.

— Твой адъютант?

— Он самый; славный малый; вы будете им довольны.

— Гм! Странное у него имя.

— Он очень недурно владеет шпагой¹. Впрочем, сами увидите.

— Как знаешь, друг; я в настоящую минуту хочу только поскорей поужинать.

— Вот и наш гость, — произнес Клер-де-Люнь, — войди, сын мой! Очень тебе рады!

Отворилась дверь, и вошел красивый молодой человек лет двадцати двух, с тонкими, благородными чертами лица, живым взглядом и насмешливым выражением рта.

— Милый Дубль-Эпе, — обратился к нему Клер-де-Люнь, — рекомендую тебе капитана Ватана; капитан, это мой друг и товарищ Дубль-Эпе.

Живая радость выразилась на лице молодого человека; он с распростертыми объятиями бросился к капитану, неподвижно стоявшему посреди комнаты.

— Крестный, обнимите же вашего крестника Стефана! — взволнованно воскликнул он.

Капитан не успел опомниться, как очутился в объятиях Дубль-Эпе.

¹ Double epee (фр.) — двойная шпага. — Примеч. перев.

— Черт тебя возьми, шалопай! — вскричал капитан, обрадованный в душе. — Ну, я рад тебя видеть... но объясни, пожалуйста...

— Все, что угодно, крестный! — весело заявил Дубль-Эпе.

— Что скажете о сюрпризе, капитан?

— Скажу... скажу... Э, к черту ложный стыд! От души спасибо, Клер-де-Люнь! Ведь хоть этот чертенок и сделался дрянью, но все-таки он мой крестник, и я люблю его.

— И я, крестный, люблю вас, как родного отца.

— Ну, довольно об этом. Уметь помолчать никогда не бывает худо.

— Справедливо, крестный.

— Да, Стефан, но от разговора ведь в горле пересыхает и есть начинает хотеться.

— А вот мы сейчас будем и есть, и пить, крестный.

— Но до сих пор я что-то ничего еще не вижу.

— Постойте, крестный; садитесь!

— Да где? Ведь стола нет!

— За столом дело не станет; сядьте на один вот из этих стульев.

Капитан неохотно сел.

— Что ж дальше-то? — проворчал он.

Молодой человек топнул; одна половица отодвинулась, и из открывшегося отверстия поднялся стол, уставленный кушаньями.

— Это что такое? — изумился капитан, поспешно отодвинувшись.

— Обещанный ужин, капитан.

— Ну, признаю себя побежденным, — добродушно произнес он. — Я старею, вы слишком хитры для меня, детки, не злоупотребляйте своим преимуществом!

— Как вы можете так говорить, крестный! Вы такой храбрый солдат!

— Да, — проговорил он, покачав головой, — я старый, храбрый солдат, я это доказал; но столько мне пришлось видеть необыкновенных вещей с тех пор, как я приехал в Париж, что, ей-Богу, не знаю уж, что и делать; я совсем точно в каком-то чужом городе.

— Ба! Это пустяки! Ведь в появлении стола, например, нет ничего необыкновенного, это уже старая вещь. Вспомните, что вы у банщика, то есть в таком месте, где особенно соблюдается тайна.

— Так; ну, а подземелье, которым я сюда пришел?

— Это, капитан, еще проще. Впрочем, я ведь обещал рассказать вам его историю.

— Так, так, братец! Говори же, я слушаю; за твое здоровье!

— За ваше, капитан! Как вам нравится это кипрское?

— Чудесно!

— Вам известно, капитан, что Новый мост начат при Генрихе Третьем, а закончен после многих остановок только при Генрихе Четвертом. В смутные времена Лиги было не до него.

— Так! За твое здоровье! Право, какое чудесное вино!

— За ваше здоровье, капитан! Толпа ирландцев и разных мошенников завладела тогда некоторыми оконченными арками моста и поселилась там.

— А! Так это они устроили подземелье с его ходами и переходами?

— Именно, капитан. Они воспользовались смутами гражданской войны и особенно горячо работали во время осады Парижа, этой страшной осады, когда за разными бедствиями никто и не замечал даже их работ.

— Да, бедственное это было время; столько людей погибло от голода... Ну, подальше это воспоминание! За твое здоровье! И за твое, крестник!

Они чокнулись.

— Наконец король вступил в Париж, проданный ему Бриссаком и компанией. Заключили мир. Новый мост стали достраивать; между рабочими было много оборванцев, и я в том числе.

— А! И ты был?

— Да, после всех наших бед! Эти рабочие стакнулись с ирландцами, и под моим надзором подземные галереи были проведены по всем направлениям, как вы сегодня видели. Никто этого и не подозревал.

В один прекрасный день дозорный накрыл ирландцев, и всех их сейчас же отправили на родину. Вот и все, капитан. Дело, как видите, простое.

— Очень простое, братец; но уверен ли ты, что ни полиция, ни купеческий старшина ничего не подозревают?

— Parbleu! Да ведь у нас шпионы между ними же!

— А! Да у тебя, как видно, и своя полиция, Клер-де-Люнь?

— Надо всегда быть настороже.

— Конечно, я тебя и не порицаю за это. Ты защищаешь самого себя, и ты прав; однако ж...

— Что, капитан?

— Ведь тот, кто продаст такой драгоценный секрет купеческому старшине или кому-нибудь из полиции, сделает выгодное дело?

— Нисколько, капитан.

— Отчего же?

— Оттого что через час он не будет существовать.

— А! Ты действуешь быстро, братец.

— У нас нельзя иначе; впрочем, между нами изменников нет.

— Смотри, не говори больше такого слова! Ну, а предположим, что кто-нибудь посторонний знает вашу тайну и выдаст ее?

— Никто ее не знает, кроме вас, а так как уж вы-то, конечно, не выдадите, я спокоен.

— Спасибо за хорошее мнение, Клер-де-Люнь. Ну, а вот это ты знаешь? — спросил капитан, вынимая из кармана бумагу и показывая ее *tire-laine*.

— Что это такое?

— Утверждение в должности полицейского чиновника.

— На ваше имя?

— Посмотри подпись! Видишь?

— Да! — озадаченно произнес *tire-laine*.

— За твое здоровье, Клер-де-Люнь!

Но тот не имел сил ответить ему.

Капитан медленно допил стакан, как-то нехорошо улыбаясь. Долго собеседники молчали. Клер-де-Люнь и Дубль-Эпе искоса переглядывались, и их взгляды говорили не в пользу капитана.

Тот, не показывая вида, что замечает, и потягивая маленькими глотками вино, следил за ними.

— Что ж вы вдруг так примолкли, детки? — любопытствовал он через минуту. — Жаль! Вы так славно говорите!

— О, капитан! — пробормотал Клер-де-Люнь. — Кто бы этого мог ожидать?

— Чего, дитя мое?

— Чтоб такой человек, как вы, стал помогать полиции?

— Что? Как ты это говоришь, малец?

— Вы, капитан, человек таких редких достоинств, вдруг сделались простым полицейским чиновником!

— А почему бы и нет, куманек? Ведь должность честная!

— Преследовать бедняков!

— Да я их очень жалею, — сказал капитан, обводя ироническим взглядом комнату.

— Все равно, капитан, я этого от вас не ожидал.

— Чего, скажи, пожалуйста, дитя мое?

— Чтобы вы нам изменили.

— Да кой черт тебе сказал это?

— Dame! А я так доверял вам, ничего от вас не скрывал!

— Берегись, Клер-де-Люнь! Ты плохо выбираешь выражения, любезный!

— Как так, капитан?

— Ты говоришь, что я изменяю тебе?

— Да оно так ведь, кажется?

— Тебе худо кажется. Рассуди сам. Разве я принадлежу к вашей шайке? Нет ведь. Я поймал тебя, когда ты залез в мой карман; вместо того чтобы убить, я тебя пощадил. Где тут измена?

— Так, капитан, но потом?

— Что потом? Я хотел поговорить с тобой и звал тебя к себе; ты отказался, находя более удобным, чтобы шел к тебе; я согласился исполнить твоё желание. Ты начал сыпать передо мной сюрпризами. Я ведь ни слова не говорил. Наконец и мне захотелось доставить тебе сюрприз. Ты вдруг рассердился, надулся, стал сурово на меня поглядывать и обвинять в измене. Ну, скажи, разве ты был прав? Не думаю.

— Да, капитан, я виноват, простите; я не подумал, что вы способны...

— Воспользоваться неожиданно представившимся случаем? Ошибаешься, братец.

— А? Что вы хотите сказать, капитан?

— Вот что: я тебе предлагаю условие, но предупреждаю — выбирай и решай сам, я же ничего не изменю со своей стороны.

— Заранее принимаю, капитан; уговор, во всяком случае, будет мне выгоден.

— Не торопись, подумай!

— Я уже обдумал и соглашаюсь, закрыв глаза. Вы такой человек, с которым ничего не выиграешь, тягаясь в хитрости, а которому лучше отдаться в руки.

- Ты, может быть, прав, братец!
- *Parbleu!* Конечно, прав, капитан.
- Заметь, однако ж, что мой уговор будет касаться не только тебя, но и всех твоих сообщников.
- Об этом и говорить нечего; я знал это заранее, капитан.
- И все-таки согласен?
- Больше, чем когда-нибудь.
- Ну, давай руку, братец! Я опять уважаю тебя.
- Благодарю вас, капитан, и я даю слово; вы знаете, умею ли я держать его.
- Я тебя знаю; будь спокоен; а ты, крестник, что скажешь?
- Мне, крестный, нечего сказать. Ведь вы знаете, я ваш душой и телом, что бы ни случилось! Вы благодетель моей семьи.
- Об этом не будем говорить, дитя мое.
- Напротив, крестный. Я могу быть негодяем, но, поверьте, не такой уж я гадкий, как говорят: у меня еще есть кое-что в сердце.
- Я и не сомневаюсь, дитя мое, поэтому тут не о чем и говорить. Я живу у твоего отца; не скрою, он сильно жалуется на тебя. Я не хотел ничего сказать ни за, ни против. Расскажи мне, что такое у вас было, чтоб я мог рассудить.
- Извольте, крестный, но тут и рассказывать-то нечего; дело очень обыкновенное.
- Все равно, говори; выслушав, я могу сказать тебе свое мнение!
- Виноват, я вас перебью, капитан; не лучше ли нам прежде переговорить окончательно насчет нашего уговора?
- Не беспокойся, друг Клер-де-Люнь; время еще не ушло. Мы ведь не торопимся по домам?
- Конечно, нет.
- Ну, так дай мне выслушать малого, дружище, и поступай, как я: пей, слушай его.
- Как угодно, капитан, я ведь сказал...
- Чтоб знать, чего держаться; успокойся, кум, скоро все узнаешь, обещаю тебе.
- Так за ваше здоровье, капитан.
- За твое, Клер-де-Люнь. Говори, Стефан, мы тебя слушаем, сын мой.
- Если уж вы требуете, крестный...
- Нет, я прошу тебя.

— Это для меня одинаково значит. Видите ли, крестный, у меня с самого детства отвращение ко всему, что сколько-нибудь пахнет лакейством.

— Понимаю.

— Первое удовольствие для меня составляло убежать из дому и бегать с товарищами по полям и лугам; я вечно дрался, бил и был бит, орудовал и ножами, и кинжалами, и всем, что только под руку попало. С летами эта склонность страшно во мне развилась; я никогда не мог понять искусства сварить соус или суп, но оружием владел с редким умением; мне наконец мало стало одной шпаги, я непременно должен был держать две — в обеих руках по шпаге.

— Morbleu! Какой чертенок!

— Я это не из хвастовства говорю, крестный, а потому что это правда.

— А что же говорил отец?

— Он был в отчаянии.

— И было от чего.

— Наш приезд в Париж довершил дело. Сначала я изредка только приходил домой, а вскоре и совсем перестал. Мать бросилась искать меня, умоляла вернуться; все было напрасно: я решил свою участь. Завелись у меня дурные товарищи, я ходил по кабакам, дрался на дуэли несколько раз со шпагой в каждой руке и выходил победителем; одним словом, был потерян для семьи. Меня так и прозвали — Дубль-Эпе; я был из первых щеголей Нового моста и с каждым днем все глубже и глубже погрязал. Наступил день наконец, когда я увидел, что не только проиграл свое небольшое, но и еще большую сумму на честное слово; я был пьян. Придя в себя, я понял, в какую бездну упал, и, решив покончить с жизнью, побегал на Новый мост.

— Отличное средство спастись из одной бездны, бросаясь в другую! — заметил с улыбкой капитан.

— Я совсем обезумел; забыл и семью, и друзей, и все на свете; была уже ночь; на мосту — никого; я посмотрел вниз: подо мной шумно рокотали грязные волны Сены; я невольно вздрогнул, но сейчас же оправился, перекрестился и бросился в воду, прошептав имя матери; в эту самую минуту кто-то сильно схватил меня за платье и отдернул назад.

— И вовремя, крестник! Кто же это тебе помог?

— Вот кто, крестный! — отвечал Дубль-Эпе, протягивая руку *tire-laine*.

— Клер-де-Люнь?

— Он. Он не только спас мне жизнь, но спас меня и от нищеты, дав средства на устройство моего заведения, без всяких процентов, без условий, без всякой задней мысли.

— Однако ты ведь его адъютант?

— Против его желания, крестный; он всеми силами старался не дать мне войти в его шайку, но я настоял на своем. Я ему всем обязан, но не справедливо ли было бы, чтобы посреди окружающих его разбойников, готовых продать самого Бога, около него был хоть один друг, на которого он мог бы рассчитывать!

— Хорошо! Я доволен всем, что слышал, и помирю тебя с отцом, крестник.

— О, крестный, если б это вам удалось!

— Да ведь говорю же тебе, *morgbleu*! Что я, ребенок, что ли? Я очень рад, Клер-де-Люнь, что у тебя в душе еще остались добрые чувства. Спасибо тебе за добро, которое ты сделал этому малому.

— За что же, капитан? Ведь это было совершенно естественно. Мальчуган чуть не при мне родился, как мне было не спасти его!

— Не старайся уменьшать достоинство твоего поступка. Ты ведь послушался голоса сердца; ты не знал человека, которого спасал.

— Только после, капитан; я только после...

— Да, с удовольствием увидел, что спас не чужого; еще раз спасибо!

— Право, капитан; вы так всегда ставите дело, что не знаешь, что вам отвечать; но вы довольны, а это главное.

— И тем более я рад слышать все это, что, значит, могу положиться на вас обоих.

— В этом случае, капитан...

— Постой, друг Клер-де-Люнь; если у тебя в жизни есть две-три черты, которыми ты можешь гордиться, так есть множество других, которые, к несчастью, должны тяжело лежать на твоей совести.

— Что? — проговорил Клер-де-Люнь, смущенно отвернувшись.

— Да, так ведь, старый товарищ? — продолжал капитан с грустным добродушием. — И между этими и дурными поступками — будем говорить прямо, между этими преступлениями есть одно дело, в которое и меня запутала судьба, в

котором я сделался твоим невинным, почти бессознательным сообщником. Помнишь ты это?

Клер-де-Люнь молча опустил голову.

— Помнишь ты, — спросил авантюрист, — ту ночь, когда был взят Гурдон? Это одно из самых отдаленных твоих воспоминаний, правда...

— Довольно, капитан! — глухим голосом перебил его *tire-laine*. — Это дело вечно будет лежать на моей совести. Бедное дитя! Такая прекрасная, благородная, чистая, невинная! А я, подлец, дикий зверь, не пожалел ее слез и просьб и отдал ее, лишившуюся чувств, в руки человека, которому вино отуманило рассудок. Сжалитесь, капитан, не напоминайте мне об этом преступлении!

— Ты его помнишь, раскаиваешься?

— О да! Если б вы могли читать в моем сердце!..

— Я верю твоему раскаянию, Клер-де-Люнь.

— А что же стало с ней, бедняжкой? Простила ли она меня?

— Она умерла.

— Умерла! — повторил ошеломленный Клер-де-Люнь.

— Да, умерла, дав жизнь ребенку, плоду гнусного преступления, которое над ней совершили. Умирая, она простила того, кто злоупотребил ее слабостью, и его сообщников.

— Благодарю вас за эти слова, капитан, — сказал с мрачной энергией Клер-де-Люнь. — Но если этот ангел простил мне, так я сам себе никогда не прощу. Ах, капитан, что угодно, но у меня есть сердце, черт возьми! В этом деле я был подлецом!

— Хорошо, Клер-де-Люнь!

— Если б я мог, — произнес он, — не исправить зло — оно непоправимо, а отдать свою жизнь за...

— Ты можешь это сделать, — поспешно предложил капитан.

— Неужели!

— Да; выслушай. Дитя живо; оно сделалось женщиной, увы! Такой же прекрасной и чистой, как была ее мать, и, боюсь, такой же несчастной.

— О! Вы знаете ее?

— Нет. И она не знает о моем существовании и никогда не узнает, какие узы нас связывают. Знаю только, что она богатая, знатная дама, замужем за любимым человеком и мать прелестного, как говорят, ребенка.

— Так вы дедушка, капитан?

— Послушай, Клер-де-Люнь, — холодно проговорил капитан, — на этот раз я прощаю тебя, но если ты еще позволишь себе сказать на этот счет хоть одно двусмысленное слово, я тебе череп раскрою, понял?

— Совершенно, капитан; я вас ведь хорошо знаю.

— Так теперь эта дама счастлива? — поинтересовался Дубль-Эпе, чтобы вернуть разговор в прежнее русло.

— Да, но боюсь, что это счастье скоро смутится или даже разрушится. Я решил оберегать ее и спасти от горя во что бы то ни стало. Она считает себя дочерью воспитавшего ее человека и никогда намека даже не слыхала насчет своего настоящего происхождения; граф, ее муж, тоже ничего не подозревает. Я один все знаю. Мне уже раз удалось спасти жизнь ее мужу, следовательно, я спокойно могу явиться к нему, меня хорошо примут; я выжидаю удобного случая, который, наверное, не замедлит явиться.

— Так вы что же хотите сделать?

— Стать другом графа, его собакой, его рабом, если нужно, и иметь таким образом возможность защищать его жену против всех на свете, против него самого в случае необходимости. Говорю тебе, я хочу, чтобы она была счастлива!

Он помолчал с минуту, как бы обдумывая, и продолжал:

— Теперь слушайте, дети, вот уговор, который я вам предлагаю и который ты, Клер-де-Люнь, должен подписать. Ведь на твоей совести самая тяжелая часть преступления.

— Подписываю от всей души, капитан, к каким бы результатам это не привело меня самого!

— И я тоже, крестный; не только потому, что люблю вас, как отца, но и потому, что хотел бы кинуться за вас в огонь и воду и отплатить за покровительство, которое вы постоянно оказываете моей семье! Говорите же, я каждую минуту готов повиноваться малейшему вашему знаку, клянусь вам!

— Хорошо, детки! Я был уверен в вас, — сказал глубоко тронутый капитан, пожав им руки, — три таких верных, самоотверженных сердца, как наши, непременно должны одолеть все препятствия, единодушно идя к одной цели, особенно если это добрая цель. Сам Бог будет за нас. Итак, решено! Мы втроем станем действовать, как один человек.

— Да, да, капитан!

— Непременно, крестный!

— Теперь я могу сказать вам все и назову графа; это будет вашей первой наградой; это имя веками уважается в нашей старом добром Лимузене. Люди, которым мы собираемся служить, — граф Оливье и графиня Жанна дю Люк.

— Граф дю Люк! — вскричал Дубль-Эпе. — Сын человека, который был так добр к моей семье!

— Он самый.

— Ах, *parbleu!* Нам везет! — воскликнул Клер-де-Люнь. — Семья дю Люк всегда была провидением несчастных.

— Да, детки! Вот кого нам придется оберегать от всего дурного.

— Клянемся, капитан!

— Что же касается назначения меня в полицию, так это условно; я богат, мне ничего не нужно. Обер-полицмейстер в хороших отношениях со мной, я ему много раз услуживал, и он по моей просьбе дал мне эту бумагу больше для моей же безопасности в случае нужды; но это ни к чему меня не обязывает. И вам нечего тут бояться; эта бумага даст мне возможность предупредить вас, если бы полиция что-нибудь против вас задумала; только, ради Бога, будьте осторожны, детки. Слушайте, ищите, высматривайте, но ни словом, ни делом не давайте никому заметить. Сам граф даже не должен ничего подозревать. Поняли вы меня?

— Совершенно! — в один голос отвечали они.

— У вас, капитан, верно, есть какие-нибудь подозрения, — спросил Клер-де-Люнь, — иначе вы не принялись бы за дело так горячо?

— Да, есть, это правда; но беда в том, что я все-таки ничего не знаю верного! Граф дю Люк, до сих пор уединенно живший в замке с женой, вдруг почему-то изменился, сошелся опять с гугенотами и сделался одним из их вождей. Говорят даже, что он выбран идти с депутацией для представления объяснений королеве-матери.

— Слышал я об этих объяснениях; господа, посещающие мое заведение, говорили о них при мне. Дело-то, как видно, запутанное.

— И очень, но это бы все равно, если б тут не был замешан граф. К черту политику и политиков!

— А вы все еще исповедуете протестантскую веру, капитан?

— Я? — переспросил он, иронически улыбнувшись и пожав плечами. — Есть мне время этим заниматься! Я никакой веры не исповедую. Сегодня вечером, когда ты так некстати залез в

мой карман, я следил за двумя молодчиками; они несколько раз упоминали имя графа; наверное, что-нибудь затевают против него. Но что именно? Вот что бы мне нужно знать!

— Я ведь обещал отыскать вам их, капитан.

— Знаю, и это меня немножко утешает; только бы не опоздать!

— Да хоть сейчас найду, капитан; я знаю, где они.

— Пока еще торопиться незачем; графа нет в Париже. В заключение вот что я вам скажу: вам может иногда случиться надобность передать что-нибудь друг другу через посланного, так тот, к кому посланный явится, должен так предлагать ему вопросы, чтоб в ответе пришлось употребить три слова: Париж, горе, удовольствие.

— Хорошо, будем помнить!

— И у посланного должно быть красное с черным перо на шляпе.

— Хорошо!

— А теперь, детки, пора и уходить; уже поздно становится. Если что-нибудь случится, вы знаете, где меня найти.

— Во всем будем давать вам отчет, капитан.

— Ладно, пойдем же!

Они надели плащи, шляпы и ушли.

ГЛАВА XII

Господин де Бассомпьер играет презабавную шутку с герцогом де Люинем

Прошло несколько дней без всякой перемены.

Граф дю Люк вернулся в Париж и почти безвыходно жил в особняке Делафорса, где была главная квартира протестантов.

Партия была в сильной тревоге.

Втихомолку ходили самые противоречивые и довольно мрачные слухи о намерениях двора.

Аудиенцию несколько раз откладывали. Говорили, что королева нарочно это делала, чтобы вернее нанести решительный удар протестантским вождям.

По приказанию герцога де Люиня в Париж вошли два полка швейцарцев и стояли в предместьях, готовясь по первому знаку вступить в город.

Людовик XIII, за несколько дней перед тем приехавший из Сен-Жермена, уединенно жил в Лувре, не принимая ни-

кого, кроме своего фаворита, герцога де Люиня, и Анжели, придворного шута.

Королева поступала буквально так же. Придворные решительно были сбиты с толку. Но всего серьезнее и страшнее был слух о том, что по особому приказанию короля парламент готовился судить герцога де Рогана как виновника смут, врага короля и католицизма и изменника.

Но герцог де Роган держался настороже; никто не знал, где он живет, хотя сильно подозревали, что он скрывается где-нибудь в самом Париже.

Бассомпьер был католик и не собирался отставать от партии короля, но, ненавидя герцога де Люиня и будучи в дружбе с некоторыми гугенотскими вождями, особенно с герцогом Делафорсом, одним из его самых давнишних друзей, не мог не предупреждать их обо всем, что против них замышлялось, чтоб они могли вовремя принять меры.

В таком положении были дела, когда однажды в десятом часу утра в большую гостиную особняка Делафорса, где собралась значительная часть вождей партии, вошел мажордом и доложил о Бассомпьере.

Приезд его в такой ранний час удивил всех.

Бассомпьер был слишком ревностный придворный, чтобы нарушить обязанность присутствовать на утреннем приеме короля и лишиться хоть раз его взгляда или улыбки. Что же сегодня заставило его уехать из Лувра?

Делафорс и его друзья терялись в догадках; но удивление их перешло в сильное беспокойство, когда они увидели мрачное, тревожное лицо и сдвинутые брови Бассомпьера.

После первых приветствий он сел на приготовленное ему кресло, по правую руку от Делафорса.

— Признайтесь, господа, — произнес он, — что вы меньше всего ожидали меня сегодня?

— Это правда, — отвечал герцог, — но тем не менее очень рады вас видеть, любезный полковник.

— Благодарю и принимаю комплимент единственно как простую вежливость. Не правда ли, господа, вам хотелось бы в настоящую минуту послать меня ко всем чертям?

— Полноте, что вы!

— *Parbleu!* Я ведь, как бомба, влетел к вам посреди ваших совещаний. Но осторожнее, господа заговорщики! — прибавил он, смеясь. — Если не ошибаюсь, король собирается славно подрезать вам крылья.

— Король?

— Или его фаворит, не все ли равно?

— Значит, есть что-нибудь новое?

— И очень много. Иначе разве я стал бы беспокоиться?

— Так вы для...

— Постойте, любезный герцог, не торопитесь, пожалуйста, — перебил он со своей вечной улыбкой, — прежде всего я являюсь посланцем от его величества короля Людовика Тринадцатого. Я мог бы для этого приехать к вам и двумя часами позже, но мне хотелось поскорей сообщить вам все. Предупреждаю, я привез нерадостные известия.

— Этому нетрудно верить. От кого вы их знаете?

— От лица, которому все очень хорошо известно: от самого короля.

— От короля? — с удивлением вскричали все.

— Ну да! Сегодня я должен был раньше обычного явиться в Лувр по службе; вы знаете, что в предместьях стоят два полка швейцарцев? А сегодня ночью вступили еще три.

— Три полка швейцарцев!

— Да; так как я имею честь командовать швейцарцами, я отправился сегодня утром в Лувр спросить короля, куда он прикажет поставить эти вновь прибывшие полки. Его величество выбивал на стекле какой-то небывалый марш и спорил с Анжели. Увидев меня, он подбежал с самой приветливой улыбкой. «Ах, Бассомпьер, здравствуйте, — сказал он, — я ужасно скучаю, мой друг!» Вы ведь знаете, что король всегда и везде скучает. «Да, — продолжал он, — Анжели сегодня невыносим, мне очень хотелось бы отослать его на конюшни к монсеньору де Конде». — «Зачем же, ваше величество? — быстро спросил шут. — Я ведь так же хорошо умею чистить ослов, как и лошадей, а в вашей передней немало и тех, и других». Король рассмеялся. Видя, что он в добром расположении духа, я заговорил о швейцарцах.

— «Хорошо, — проговорил он, — где они?» — «В Пантене и на Монмартре». — «Ну, и пусть они там стоят; может быть, они нам и не понадобятся; а кстати...» Заметьте, господа, как вставлено было это *кстати*, — «...кстати, вы ведь по-прежнему хороши с гугенотами?» Я хотел ответить, но король перебил меня. «Я вас не обвиняю, Бассомпьер, — поспешно проговорил он, — я знаю, что вы нам верны, а только говорю то, что есть; поэтому вам незначает оправдываться. Сделайте

мне удовольствие, съездите к ним и скажите, что моя мать примет их завтра в восемь часов утра».

— В восемь часов утра! — с удивлением воскликнул герцог Делафорс.

— Я скромно заметил его величеству, что это немножко рано. «Знаю, — отвечал король, — но я в девять уезжаю в Сен-Жермен, а мне бы хотелось быть при аудиенции».

— Не все ли равно, в какое время нас примут? — заметил граф дю Люк, — только бы приняли.

— Так, любезный граф, но знаете ли вы, кто будет присутствовать на аудиенции, кроме их величеств? Герцог де Люинь и монсеньор епископ Люсонский, то есть два самых ожесточенных врага вашей веры.

— Ого! Что же это значит? — поинтересовался герцог.

— Только то, что вы должны ожидать дурной встречи; хорошо еще, если вас не арестуют тут же.

— Неужели это возможно? Неужели они осмелятся?

— Как знать! Я не стану ничего утверждать, но только предупреждаю вас; действуйте теперь сообразно с этим. Главное, остерегайтесь епископа Люсонского; боюсь я этого священника; он необычайно быстро начинает входить в милость; поговаривают, что его сделают кардиналом.

— Кардиналом! Его, епископа Люсонского!

— Да, господа; и вспомните мои слова: если когда-нибудь этот человек заменит де Люиня и захватит власть в свои руки, он не расстанется с ней до смерти; и, как ни невероятно это вам покажется, вам придется пожалеть о тирании де Люиня.

— О, вы уж слишком далеко заходите, господин Бассомпьер!

— Нет, клянусь вам! Увидите сами. Может быть, мне придется больше, чем всем вам, пожалеть о бедном коннетабле, а я, Бог свидетель, сильно его ненавижу¹. Теперь скажите, господа, как вы думаете поступить? Со мной, вы знаете, можете говорить смело.

— Отвечать не мне, любезный Бассомпьер, а этим господам.

— Все равно!

— Наш ответ короток, — сказал, вставая, дю Люк. — Вожди партии назначили выборных идти к ее величеству;

¹ Известно, что предсказание это исполнилось: в 1631 г. маршал Бассомпьер был заключен Ришелье в Бастилию и вышел оттуда только по смерти кардинала, то есть через двенадцать лет, в 1643 г. — *Примеч. автора.*

депутаты приняли на себя священную обязанность, которую честь и совесть заставляют их нести до конца.

— Хорошо, граф! — вскричал герцог Делафорс, пожимая ему руку; остальные депутаты обступили его тесной толпой. — От такого человека, как вы, нельзя было ожидать менее благородного и гордого ответа.

— Все это прекрасно, мои почтенные друзья, — произнес Бассомпьер, печально качая головой. — *Parbleu!* Я предвидел ваш ответ; он меня не удивляет; но я еще не все вам сообщил.

— Что же еще?

— Очень серьезные и даже страшные вещи, клянусь Господом Богом! Право, вы лучше поступите, обдумав, прежде чем решиться на что-нибудь окончательно. Дело идет о герцоге де Рогане!

— Как! — воскликнули столпившиеся вокруг него протестанты.

В это время тихонько приоткрылась секретная дверь, но никто этого не заметил.

— Как я вам сейчас говорю, господа, — продолжал Бассомпьер, — король, что редко с ним случается, был сегодня в большом ударе. Дав мне поручение, которое вам уже известно, он, не глядя мне прямо в глаза, сказал своим насмешливым тоном с едва заметной улыбкой: «Бестейн¹, друг мой, вы ведь из Лотарингии?» — «Да, ваше величество», — отвечал я, не понимая, к чему он клонит, потому что король лучше, чем кто-нибудь, знает генеалогию знатных домов Франции. — «Ах, — говорил он, — много бедной Франции пришлось потерпеть от лотарингских принцев, начиная со времен Франциска Второго до моего покойного отца Генриха Четвертого! — и он вздохнул. — Великие Генрихи Гизы один за другим делали неприятности моим предшественникам. Благодарение Богу, мы с ними теперь покончили. Сейчас, — горько прибавил он, пристально поглядев на меня, — наступила очередь Бретани выслать нам своего Генриха. Как вы об этом думаете, друг мой, Бассомпьер? Только на этот раз уже не с Генрихом Гизом нам приходится иметь дело, а с Генрихом де Роганом; и этот тоже принц, но происходит, к счастью, не от Карла Великого; его генеалогия яснее, зна-

¹ Людовик XIII называл так Бассомпьера в дружеском разговоре наедине. — *Примеч. автора.*

ешь, по крайней мере, чего держаться. Кроме того, ведь и государством теперь управляет не юбка, не правда ли, Бассомпьер? Екатерина Медичи умерла; у нас есть парламент, объявляющий приговоры. Ступайте в парламент, друг мой, ступайте в парламент! Там вы узнаете многое о великом Генрихе де Рогане, об этом Маккавее протестантов!» — Говоря так, король тихонько толкал меня к двери и наконец, засмеявшись мне в лицо, повернулся ко мне спиной.

— И что же? — тревожно спросили все.

— Да что, господа? Я и был в парламенте... приговор объявлен.

— Объявлен!

— Я пришел как раз в ту минуту, когда президент встал прочесть его. Увидав меня, он любезно выждал, пока я сяду, чтобы дать мне возможность хорошенько прослушать.

— В чем же состоит приговор?

— Вы хотите знать?

— Умоляем вас!

— Пожалуй! Слушайте внимательно, господа, это стоит того! — сказал Бассомпьер глухим голосом, в котором слышалось сдержанное волнение.

Все головы повернулись к нему. В наступившей тишине слышно было, как муха пролетит. В полуоткрытую дверь просунулась красивая голова с умным, гордым лицом и пристально глядевшими на лотарингского дворянина большими голубыми глазами.

Бассомпьер помолчал с минуту и произнес разбитым от волнения голосом:

— Герцог Генрих де Роган приговорен к смерти!

— К смерти!

— Да, но так как он скрывается, казнь будет совершена сначала над его изображением.

— О, это ужасно!

— Но еще не все, господа! Голова герцога де Рогана оценена!

— Боже мой! Да у кого же хватит совести продать его?

— Если он не станет остерегаться, господа, так такой человек найдется; сумма назначена круглая. Парламент предлагает предателю от имени короля полтораста тысяч экю.

— О! — вскричали все.

— Итак, милый Генрих, — спокойно продолжал Бассомпьер, вдруг обернувшись к секретной двери, — если хотите

верить, скрывайтесь лучше, чем теперь скрываетесь, иначе вас скоро арестуют, друг мой!

— Parbleu, милый мой Бассомпьер, — весело ответил герцог, совсем отворив дверь и подходя к нему, — только вы умеете проникать в тайны...

— Которых от меня не скрывали, не так ли, Генрих? — дружески переспросил он.

— Так не вас же мне бояться!

— Конечно, нет, но других, мой друг. Parbleu! Через две недели мы, без сомнения, начнем перестрелку; но пока я очень рад, что еще раз могу пожать вам руку.

— И я также, милый Бассомпьер!

— Ну, довольно об этом! Теперь чувства в сторону. Надо бежать, Генрих!

— Бежать! — воскликнул герцог, отступая с негодованием.

— Просите его вы, господа! Втолкните ему, что в нем вся надежда протестантов; может быть, вы убедите его, я отказываюсь.

Все обступили герцога, осыпая самыми горячими просьбами.

Герцог слушал, улыбаясь, покачивая головой, но ничего не отвечая.

— Послушайте, это надо кончать! — вдруг нетерпеливо заявил Бассомпьер. — Генрих, или вы, поддаваясь своей гордости некстати, останетесь и будете арестованы, или...

— Франсуа, — перебил герцог — если б кто-нибудь другой, а не вы, мне это говорили!..

— Вы бы убили его, конечно! Но вы меня не убьете, Генрих; с вашего позволения, я продолжаю: вы скроетесь, чтоб отомстить; ведь со смертью де Рогана ваша партия навсегда погибнет. Сохранив же себе жизнь и свободу, вы можете победить. Неужели вы бросите друзей, которые пожертвовали всем для вас и готовы за вас умереть?

Наступило минутное молчание.

Герцог поднял голову; глаза его были полны слез.

— Жестоко вы говорите со мной, Франсуа, — взволнованно произнес он, — но сказали правду; благодарю вас; я не принадлежу себе. Моя смерть погубит мужественных людей, вступивших за святое дело веры. Простите мне минутную слабость, мои благородные друзья! Я согласен бежать.

— О, герцог! — вскричали все, бросившись к нему и целуя ему руки.

— С вами во главе мы победим! — с энтузиазмом произнес граф дю Люк.

— Но как бежать? — с тревогой поинтересовался герцог Делафорс.

— Любезный герцог, — сказал Бассомпьер, — не для одних же рассказов я приехал! Все уже готово для бегства монсеньора. К счастью, я команду швейцарцами; не надо только терять время. Через час уже может быть слишком поздно; о присутствии герцога в Париже и так подозревают; если я открыл его убежище, то могут открыть и другие.

— Говорите, Франсуа, что нужно делать?

— Мой экипаж во дворе; наденьте мундир швейцарского полка, и вот депеша в Корбейль, где стоит несколько батальонов; разумеется, она не имеет никакого значения. Вы поедете за моей коляской верхом; я объезжаю городские караулы. У Сен-Марсельской заставы я дам вам эту депешу, и вы уедете.

— Отлично! — согласился герцог. — Это совершенно безопасно.

— А я? — спросил де Лектур.

— Ты приедешь ко мне после, — ответил герцог и шепнул ему несколько слов.

— Хорошо, — прошептал в ответ де Лектур.

— А как же с костюмом? — полюбопытствовал де Роган.

— Вот, извольте, — подал ему мундир герцог Делафорс, взяв его у принесшего одежду секретаря.

Де Роган прошел за перегородку и стал переодеваться.

— Лошадь готова, — прибавил Делафорс.

— Все идет как по маслу, — засмеялся Бассомпьер. — Вот подосадует-то Люинь! Я заранее наслаждаюсь! Готовы ли вы, Генрих? Пора!

— Готов, Франсуа, — объявил герцог, выходя из-за перегородки.

Его нельзя было узнать.

— Отлично! Едем! Хитер будет тот, кто нас поймает!

— Сейчас, Франсуа, только два слова скажу этим господам.

— Скорее!

— Господа! Отъезд мой не должен мешать вам исполнять принятую на себя обязанность. Позорный приговор, которым хотят меня запятнать, должен служить вам стимулом. Меньше чем через десять дней вы получите от меня известие; может быть, мы опять примемся за прежнее, но, видит

Бог, клянусь вам, друзья, что если нас вынудят на войну, мы горячо поведем ее — не с королем, которого любим и уважаем, а с его недостойными фаворитами, которые его обманывают и губят нашу несчастную родину.

— Аминь! — весело заключил Бассомпьер.

— Господа, употребите сегодняшний день на то, чтоб повидаться с друзьями, условиться с ними и узнать общественное мнение. Если народ за нас, мы можем быть уверены в победе; а теперь до свидания! Я не прощаюсь с вами. Через десять дней мы опять увидимся, чтобы больше не разлучаться, а победить или умереть вместе. Обнимите меня все!

Они по очереди обнялись с герцогом, плача и повторяя уверения в полной преданности.

— Ну, я готов, Бассомпьер! — сказал герцог.

— Так едем!

— До свидания, господа!

— До свидания! — крикнули все в один голос.

Сделав еще прощальный жест рукой, де Роган вышел за Бассомпьером.

Пять минут спустя застучали колеса уезжавшего экипажа.

— Уехал! — произнес Делафорс. — Храни его Бог!

— Храни его Бог! — с чувством повторили все.

ГЛАВА XIII

Что представляла собой таверна «Клинок шпаги» на улице Прувель

В то время, о котором идет наш рассказ, на углу улицы Прувель, против церкви святого Евстафия, был дом в несколько этажей, с колоннами, образовавшими арку, под которой можно было отлично спастись и от дождя, и от снега, и от солнечных лучей; оттуда был виден только самый крошечный кусочек неба.

Над воротами этого дома качалась со скрипом вывеска с полустертыми изображениями чего-то непонятного. Это была таверна «Клинок шпаги». Эта таверна славилась известностью во всем Париже и окрестностях; как только, прозвонив, смолкал *Angelus*¹, туда собирались все самые

¹ «Ангелус», т.е. к вечерне (лат.). — *Примеч. перев.*

знатные придворные пить, нет, играть и драться в компании гуляк всякого сорта.

Впрочем, весь этот смешанный люд всегда находил в «Клинке шпаги» хорошее вино, сговорчивых женщин и хозяина, ради выгод делавшегося слепым, немым и глухим ко всему, что совершалось в его таверне поздними вечерами.

Дозорные давно и хорошо знали это место и тщательно избегали его; большая часть из них испытала кулаки его посетителей.

Днем, как и все подобные заведения, «Клинок шпаги» имел самый безобидный вид и манил роскошной обстановкой; только вечером таверна превращалась в разбойничий притон. Теперь трудно и подыскать что-нибудь подобное.

Мэтр Жером Бригар, хозяин ее, был высокий толстяк лет сорока пяти, с красным лицом, косыми глазами, мясистыми губами и вдавленным подбородком. Он замечательно напоминал своей физиономией барана, но в нравственном отношении не отличался бараньими свойствами. Он был силен, как бык, ловок, как обезьяна, и страшно зол.

Его боялись не только жители квартала, но даже многие из его посетителей, которые, однако, были вообще не трусливого десятка.

Отец Жерома Бригара участвовал в борьбе Лиги и приобрел грустную известность в качестве сторонника партии вроде Истребителей. Ему пришлось покинуть город, когда Бриссак продал Париж королю.

Однако он ушел не с пустыми руками; его патриотизм во время Лиги не мешал ему заботиться и о своих делах, и он оставил сыну хорошо обставленное торговое заведение.

Месяцев через шесть после бегства отца молодой Бригар, никому не объясняя причины, продал вдруг заведение и купил дом, о котором мы сейчас говорили.

Место он выбрал удачное; дело быстро пошло в ход, вся знать стала собираться в его таверну.

Почтенный хозяин радостно потирал руки; он давал полную свободу своим посетителям и даже подстрекал их в питье, игре и драках; он первый спешил зажигать факелы, если противники выходили драться на улицу, отодвигал столы и скамейки, очищая место, если дуэль происходила в самой таверне. После дуэли раненых уводили товарищи, мертвых переносили к церкви святого Евстафия, мыли пол — и все было кончено.

Враги содержателя таверны поговаривали втихомолку, что причиной этого была ненависть его к знати; что он мстил таким образом за изгнание отца; но вернее всего, что им просто руководила природная злость.

В тот самый день как герцог де Роган был приговорен к смерти парламентом, мэтр Жером Бригар расхаживал взад и вперед, бранил гарсонов и наблюдал, чтоб все было готово к приходу посетителей.

— Главное, — говорил он, — позаботьтесь о столе шеваляе де Гиза; он будет сегодня здесь ужинать с товарищами. Отодвиньте немножко от его стола стол господ де Шевреза и де Теминя; они с Гизами не в большом ладу, — заметил он, посмеиваясь. — Поставьте бутылки и стаканы на стол господина де Сент-Ирема, чтоб ему не приходилось ничего спрашивать. Так, хорошо! Теперь могут приходить сколько угодно.

Едва успел он это сказать, как отворилась дверь и вошли двое, по костюму — знатные. Это были капитан Ватан и Клер-де-Люнь.

Мэтр Бригар сейчас же подошел к ним как для того, чтоб показать внимание, так и для того, чтоб хорошенько рассмотреть. Он видел их первый раз.

— Что прикажете, господа? — спросил мэтр Бригар с самой подобострастной улыбкой.

— Четыре бутылки анжуйского, бутылку водки и два стакана, — отвечал капитан.

— Если что еще понадобится, мы скажем, — прибавил Клер-де-Люнь.

Они сели недалеко от двери; хозяин подал им все сам и, к своему удовольствию, услышал, как один из них сказал другому:

— За ваше здоровье, капитан!

— Это недавно приехавшие в Париж офицеры, — пробормотал, отходя, хозяин таверны.

Между тем комната начинала наполняться обычными посетителями, и вскоре все столы были заняты.

Собрался самый цвет знатной молодежи; все они пили, играли, смеялись, шутя позорили репутацию самых добродетельных придворных дам.

Только капитан и Клер-де-Люнь сидели молча и пили, вслушиваясь в то, что около них говорилось.

Вошли еще трое: граф де Сент-Ирем, шевалье де Местра и еще какая-то подозрительная личность и сели за приготовленный для графа стол. Жак де Сент-Ирем сделал при этом хозяину знак быть осторожным и молчать.

Действительно, де Сент-Ирема в этот вечер нельзя было узнать: из брюнета он сделался рыжим, почти красным; борода и усы стали вдвое длиннее и гуще.

Никто его не узнал, кроме двоих: хозяина гостиницы и Клер-де-Люня, слишком опытного в деле переодевания, чтоб его можно было обмануть.

— Вот кого нам надо! — шепнул он капитану.

— Будем пить! — лаконично отвечал авантюрист с нехорошей улыбкой.

— Господа, знаете новость? — громко спросил один из вновь пришедших.

— Какую? Их теперь много, — сказал де Сент-Ирем.

— Та, о которой я вам говорю, совсем свеженькая, — продолжал незнакомец, — опять, кажется, увидим, как запляшут гугеноты.

— Да, — подтвердил де Местра, прихлебывая вино, — король их недолюбливает.

— Так за здоровье короля! — воскликнул де Сент-Ирем.

— За здоровье короля! — повторили несколько человек, слышавших тост.

В это время вошли еще двое и сели за один стол с капитаном и Клер-де-Люнем.

Один из этих двоих сейчас же протянул руку капитану.

— Parbleu, — приветливо проговорил он, — очень рад встретиться с вами.

— Граф дю Люк! — отозвался капитан, и лицо его сделалось немножко мрачным.

— Да, я, капитан, и очень рад возобновить с вами знакомство.

— Morbleu! Граф, и я очень рад, но позвольте вам сказать, что мне приятнее было бы встретиться с вами где-нибудь в другом месте.

— Отчего же, любезный капитан?

— Простите, граф, но мне кажется, что вы, — произнес он с ударением на этом слове, — вы здесь не на своем месте.

— Может быть, вы правы, капитан. Правду сказать, первый раз в жизни я сюда зашел, и, по всей вероятности, это будет последний.

— Дай Бог! — прошептал авантюрист. — За ваше здоровье, граф!

— За ваше, капитан.

— Да, господа, — кричал в это время де Местра, — де Роганосужден на смерть!

— Хвала Господу! И поделом прекрасному Генриху! — вскричал кто-то другой из посетителей.

— Напрасно вы вздрогнули, граф. Что вам за дело до слов этих людей? Ведь вы видите, они наполовину пьяны.

— Это правда, капитан, я буду сдержаннее.

— Кроме того, — добавил, посмеиваясь, шевалье де Гиз, — завтра готовят славный прием господам гугенотам.

— И хорошо сделают!

— Да бросьте вы к черту все это гугенотство! — со смехом громко объявил еще очень молодой красивый господин. — К черту политику! Да здравствуют женщины! Пью за наших возлюбленных, господа!

— Прекрасный тост! — поддержал де Шеврез. — Но о каких женщинах вы говорите, любезный маркиз, — о католичках или гугенотках?

— Хвала Всевышнему! Конечно о католичках. Гугенотки разве знают, что такое любовь? Кроме того, почти все они гадкие, говорят. Я, клянусь, никогда с ними не имел дела, — прибавил он, смеясь.

— Ошибаетесь, маркиз де Лафар, — сказал, вставая, незнакомец, пришедший с де Сент-Иремом, — гугенотки отлично знают, что такое любовь; кроме того, между ними есть прелестные, я знаю.

Все рассмеялись.

— Уйдемте, граф! — предложил Ватан на ухо графу дю Люку. — Здесь так душно, и эта ватага такая несносная!

— Да, я с удовольствием бы ушел, — отвечал, горько улыбнувшись, граф, — мне противно слушать всю эту галиматью; но посмотрите, какой страшный ливень! Надо хоть переждать немножко.

Капитан, уж былое поднявшийся, опять с унынием опустился на стул.

— Судьба так хочет, — прошептал он.

Между тем разговор маркиза де Лафара с незнакомцем продолжался, к большому удовольствию окружающих.

— Э! Что же вы хотите этим сказать? — вскричал маркиз.

— То, что вы еще молоды, маркиз, — проговорил незнакомец.

— Я состарюсь, — важно заявил пьяница.

— Конечно, но пока вы все-таки молоды и еще неопытны.

— Ах, Боже мой! Да я всеми силами стараюсь набраться опыта. Просветите меня, пожалуйста!

— Извольте, маркиз; прежде всего разрешите вам сказать, что не все храмы Венеры одинаковы.

— А!

— Да, есть один, например, стоящий всех остальных.

— О, сжальтесь над моим неведением! Скажите, где этот храм, чтоб я мог пешком пойти туда поклониться его божеству!

— Вам недалеко придется идти; только предупреждаю, Венера его — гугенотка.

— Все равно, лишь бы она была хороша!

— Она очаровательна.

— В какой же благословенной стороне этот чудесный храм?

— В трех милях отсюда, на вершине холма, небрежно глядящегося в быстрые воды Сены.

— О, ради Бога, без поэзии!

— Знаете, маркиз, куда гугеноты ходят слушать проповеди? — насмешливо спросил незнакомец.

— В Аблон, кажется?

— Так вот, видите ли, я бы сказал вам: «Ступайте в Аблон!» — если б красавица, о которой идет речь, не была уже нежной любовницей одного из моих друзей.

Во время этого разговора у графа дю Люка холодный пот выступил на лбу; он с первого же слова хотел вскочить и заставить этого человека молчать, хотя еще не было названо ни одного имени.

— Счастливый шельма! — произнес де Лафар.

— Он гугенот, вероятно? — поинтересовался шевалье де Гиз.

— Угадали, монсеньор, — подтвердил своим крикливым голосом незнакомец, — гугеноты более ловкие стрелки, нежели вы думаете.

— Ах, плуты! Мне бы это и в голову никогда не пришло! — воскликнул де Шеврез.

— Все это прекрасно, мой любезнейший, — усомнился де Ланжак, — но нам недостаточно вашего рассказа, чтобы поверить делу.

— А чего же вам еще нужно, граф?

— Скажите имена, *parbleu!*

— А! — насмешливо заметил тот. — Это щекотливый вопрос, господа.

— Может быть, но пока вы не скажете, мы будем считать вас за...

— Позвольте! — поспешно возразил незнакомец. — Вы собираетесь оскорбить меня, но я с вами ссориться не хочу. Если вы требуете, пожалуйста! Фамилия гугенота — барон де Серак.

— Барон де Серак? — переспросил де Теминь. — Да я его знаю.

— Очень возможно.

— *Parbleu!* Да несколько дней тому назад я получил от него письмо из Бордо.

— Вероятно, он приехал...

— Впрочем, может быть; этот де Серак волокита...

— Ну, хорошо, — продолжал маркиз де Лафар, — мы знаем кавалера... а дама?

— Господа, это уж очень деликатный вопрос; имя женщины... добродетельной, — прибавил он с едкой иронией, — так как я вам должен сказать, что это самая чистая, целомудренная женщина.

— Довольно, довольно! — закричали все со смехом.

— Ба! Да ведь не больше, как гугенотка все-таки! — произнес шевалье де Гиз. — Мы добрые католики; ну, говорите имя!

— Вы требуете?

— Да, да!

— В таком случае извольте, как это мне ни прискорбно: любовница моего приятеля барона де Серака — знатная, добродетельная Жанна де Фаржи, графиня дю Люк де Мовер.

Едва он успел договорить эти слова, как граф дю Люк пощечиной свалил его со стула на пол, крикнув:

— Ты лжешь, негодяй!

На минуту все остолбенели. Никто не ожидал такого скандала.

— Запри дверь, Сириак, — спокойно приказал мэтр Бригар одному из гарсонов.

Незнакомец, одуревший от тяжелого удара, встал.

Мигом все столы и стулья отодвинулись к стене; все столпились, чтоб лучше видеть. Ватан и Клер-де-Люнь бросились к графу.

— Ну, красавец, и с тобой мы разделаемся, — объявил капитан, ударив по лицу де Местра.

— И с вами, белокурый вельможа, — добавил Клер-де-Люнь, подходя к де Сент-Ирему.

— Не убивай его, — шепнул ему Ватан, — он мне нужен.

— Хорошо, будьте спокойны.

— Милостивый государь, — сказал незнакомец графу дю Люку, — я не знаю вас, но убью.

— Без фанфаронства, — отвечал граф, — я знаю, что ты негодяй.

— По местам! — скомандовал Ватан.

Граф отступил на шаг.

— Капитан, вы знаете, что это дело касается лично меня, — заявил он.

— Полноте! — сурово прервал его авантюрист. — За кого вы меня принимаете? Разве вы не видите, что эти три мошенника пришли с намерением оскорбить вас? Вы попали в западню.

— Верю вам.

— Да, но надо было верить раньше; убьем этих негодяев, как бешеных собак, граф!

— Я вас жду, господа, — напомнил незнакомец. — Не трусили ли вы?

Они встали на места: граф — против незнакомца, Ватан — против де Местра, Клер-де-Люнь — против де Сент-Ирема.

В зале наступила глубокая тишина.

Противники, держа в одной руке шпагу, в другой — кинжал, мерили друг друга взглядами¹.

Они чувствовали, что будут биться на смерть, и у самых храбрых дрогнуло сердце, как перед неизбежной катастрофой.

— Деритесь, господа, никто вам не помешает! — с иронией объявил мэтр Бригар.

Шпаги скрестились.

¹ В первые годы царствования Людовика XIII дрались и на шпагах, и на кинжалах, когда дело шло о дуэли на смерть. — *Примеч. автора.*

*Славная дуэль в таверне «Клинок шпаги»
и что из этого вышло*

те времена дуэли происходили не так, как теперь. Во-первых, дуэль почти всегда велась на смерть, а во-вторых, и условия были иные. Бойцы раздевались по пояс и дрались со шпагой в одной руке, с кинжалом — в другой; кинжалом прикрывались, как щитом, и отбивали удары, а шпагой — наносили их. Бой сопровождался криком или смехом. Свидетелей тогда не было — только секунданты, которые дрались между собой в одно время с теми, чью сторону держали, и могли помогать им, если считали, что противники слишком их теснят.

Это было и страшно, и красиво, как всякая борьба, в которой человек, забывая свою так называемую цивилизованность, превращается в дикого зверя.

Шестеро противников, обнажившись по пояс, с минуту стояли смирно, а затем отчаянно бросились друг на друга.

Окружающие сразу увидели, что бойцы обладают высшей степенью искусства.

— Вы ведь, конечно, хотите убить этого негодяя? — успел шепнуть капитан графу Оливье.

— О, конечно! — с бешенством отвечал граф.

— Хорошо, тогда это уж мое дело.

— Что такое?

— Ничего, — сухо произнес капитан.

— Они сильны! — говорил между тем незнакомец де Сент-Ирему.

— Боюсь, что так, — согласился тот, — но мы справимся.

— Parbleu!

— Ловкие шельмецы! — весело воскликнул шевалье де Гиз, хлопая в ладоши. — Господи! Вот чудесная-то дуэль!

— Она недолго продлится, монсеньор, — заверил его Ватан своим насмешливым тоном.

Посреди этой ожесточенной борьбы случилось то, чего сначала даже окружающие не могли понять.

Ватан стоял по правую руку графа дю Люка. В ту минуту, как незнакомец нападал на Оливье, капитан с пронзительным криком бросился на своего противника — де Местра; отстранив его шпагу, он проткнул его своей, а кинжалом

между тем, быстро наклонившись вбок, отбросил шпагу незнакомца.

Оливье воспользовался этим и ударил своего противника. Незнакомец и де Местра упали мертвыми.

— Я вам говорил, — шепнул капитан графу.

— Благодарю вас, мой друг, вы еще раз спасли мне жизнь.

— И еще не последний, — обещал, улыбнувшись, капитан.

— Этот человек убил бы меня.

— Я догадался, оттого и помог вам.

— Вы мне настоящий брат.

— Нет, друг, — с чувством произнес капитан.

Между тем дуэль де Сент-Ирема с Клер-де-Люнем еще продолжалась.

— А! Уже кончили! — воскликнул Клер-де-Люнь. — Граф, как вы думаете, не пора ли и нам?

— Пожалуй! — отвечал тот, стиснув зубы.

— Хорошо, я ждал только вашего согласия.

Бросившись на противника, как дикий зверь, он выбил у него из рук шпагу, сбил его при этом с ног и стал ему коленом на грудь.

— Вот и все! — объявил он, смеясь. — Недолго, как видите.

— Демон! — вскричал граф, стараясь высвободиться.

— Тише, тише, не вертитесь так! Сдаетесь?

— Приходится, *sang Dieu!*

— Так я вам дарю жизнь! — величественно изрек Клер-де-Люнь. — Встаньте и забудьте все, граф.

Говоря так, он встал с колена, освободив грудь противника, и любезно помог ему подняться.

— Господа, — сказал, подходя и очень вежливо кланяясь, шевалье де Гиз, — я не имею чести быть с вами знаком, но позвольте поздравить: вы ловкие бойцы; я в этом знаю толк. У вас были серьезные противники.

— Мы употребили все старание, милостивый государь, — проговорил капитан, низко кланяясь.

— Вы, конечно, не уйдете, не выпив с нами?

— Сочту за честь.

— Господа, я шевалье де Гиз.

— Шевалье, я капитан Ватан; это мой брат, капитан Вермо, а это наш приятель, шевалье де Ларш-Нев.

— Очень рад познакомиться, господа. Эй, Бригар! Лучшего вина!

— Сию минуту, монсеньор! Крошечку подождите.

— Поскорей! Мне ждать некогда.

Бригарс помощью гарсонов, усердно осмотревших карманы убитых и отобравших их кошельки, переносил трупы к церкви святого Евстафия и смывал кровь с пола.

Граф де Сент-Ирем, воспользовавшись тем, что внимание всех было обращено на его противников, потихоньку ушел; но Клер-де-Люнь видел это и отправился за ним.

В нескольких шагах от таверны графа ждал слуга с лошастью; шепнув ему несколько слов, Жак умчался как стрела; Клер-де-Люнь вернулся в таверну.

Ватан, одеваясь, незаметно обшарил карманы де Местра и незнакомца и взял кое-какие найденные там бумаги, на которые гарсоны не обратили даже внимания.

Граф дю Люк по окончании дуэли сделался равнодушен ко всему происходившему вокруг.

Бледный, мрачный, с растерянным взглядом, он покорно дал Ватану и пришедшему с ним человеку, которым был не кто иной, как Мишель Ферре, одеть себя, машинально сел, машинально чокнулся и выпил с шевалье де Гизом и другими, по-видимому не сознавая того, что делает.

Только одно слово вырвалось у него во все это время:

— Серак!

— Господь Всемогуший! — шепнул шевалье де Гиз своим приятелям. — Этот господин не может забыть бедного барона де Серака; беда, если им случится встретиться!

— Он, верно, близкий родственник дамы, о которой говорили, — предположил, смеясь, де Шеврез.

— Или, скорее, один из ее поклонников, — засмеялся маркиз де Лафар.

В эту минуту граф поднял голову, провел рукой по лбу, на котором выступили крупные капли пота, и посмотрел на окружающих, точно спросонок.

— Простите, господа, — проговорил он, — что я побеспокоил всех вас своей выходкой. Я не хотел этого; благодарю вас за участие, с которым вы ко мне отнеслись.

— Полноте, — весело отвечал де Гиз, — вы отлично дрались; ваши противники получили заслуженное; за такие пустяки не стоит и извиняться.

Граф раскланялся со всеми и обратился к Ватану, протянув ему руку с едва заметной улыбкой:

— Вы не со мной, капитан?

— Конечно, с вами, граф! — поспешно согласился капитан. — Я ни за что не оставлю вас, пока вы не оправитесь от сегодняшнего потрясения.

— Благодарю вас, — сказал граф. — Ах, зачем я вам не поверил, капитан! Ну, да, может быть, лучше, что все так случилось? — прибавил он, точно говоря сам с собой.

— Граф, переломите себя, скройте свое страдание, будьте мужчиной!

— Да, да, капитан. О, если бы вы знали!

— Я все знаю.

— Вы! — с удивлением вскричал Оливье.

— Да, но здесь не место для таких интимных разговоров.

— Это правда; уйдемте скорее.

— Уйдемте; кроме того, и поздно уже становится.

Они ушли, а Клер-де-Люнь остался, шепнув капитану:

— Де Сент-Ирем умчался галопом по направлению к Нотр-Дам-де-Пари.

— Хорошо! Следи за ним и передай мне все, что он делает, до самых мелочей.

— Будьте спокойны; я узнаю каждое его слово.

— Я полагаюсь на тебя.

Граф с капитаном вышли из таверны.

— Вы в какую сторону идете, капитан? — спросил Оливье.

— Отчего вы меня об этом спрашиваете, граф?

— Я слишком взволнован, чтобы сейчас же идти к себе; я бы проводил вас к вам.

— Да нам ведь по одной дороге; мы оба живем на Тиктонской улице, — объявил, смеясь, капитан.

— Ба! Вы шутите?

— Нисколько. Мы даже, кажется, близкие соседи. Приехав в Париж, я остановился у одного старого знакомого, хозяина гостиницы «Единорог».

— А! У мэтра Гриппара?

— Именно.

— Да и я там же остановился.

— Знаю.

— Как так знаете? — граф вдруг замер на месте и поглядел ему прямо в лицо.

— Да так, — хладнокровно отвечал капитан, — очень хорошо знаю.

— Это плохо, капитан, — упрекнул его Оливье. — Мы живем Бог знает сколько времени в одном доме, и только сейчас я это узнаю, и то благодаря случаю!

— Не судите, не выслушав, граф.

— Объясните, пожалуйста.

— Любезный граф, я старый солдат-волонтер; жизнь была неласкова ко мне; двадцать лет я проливал кровь во всех европейских битвах, и ни разу смерть не вспомнила обо мне. Вернувшись на родину, я не нашел никого близких; те, кого я знал, умерли или забыли меня, что еще хуже. Несчастье делает злым и эгоистом. Гордость не позволила мне раскрывать перед всеми мои сердечные раны; я сосредоточился на самом себе, решившись ослепнуть и оглохнуть ко всему — и хорошему, и дурному вокруг меня и искать покоя в забвении и равнодушии. Случай свел меня с вами, и, не знаю почему, я с первого взгляда почувствовал к вам симпатию.

— Странно! — прошептал граф. — И я, увидев вас, почувствовал то же.

— Я решил бежать от вас, чувствуя, что симпатия моя превратится в горячую дружбу. Не умея ни ненавидеть, ни вполнину быть другом наполовину, я испугался, так как не хотел привязываться ни к кому на свете. Одним словом, я решил бежать.

— А теперь? — мягко спросил граф.

— Теперь? — повторил снова обычным насмешливым голосом капитан. — О, теперь, граф, судьба оказалась сильнее меня! Я снова увиделся с вами, и конец!

— Так вы согласны принять мою дружбу?

— Нет, вы должны принять мою со всем, что в ней есть дурного и хорошего. Что делать, граф? Судьба велит мне любить вас, и я подчиняюсь; если бы вы и захотели помешать этому, так вам не удастся.

— О, в этом отношении не беспокойтесь! — проговорил Оливье. — Если моя счастливая звезда, в настоящую минуту особенно, ставит на моем пути подобного вам человека, я остерегусь выпустить его из рук.

— Тем лучше, если вы думаете то, что говорите граф.

— А вы сомневаетесь разве, капитан?

— Нисколько; но признаюсь, мне все равно, любите вы меня или нет; дело в том, что я вас люблю; этого для меня довольно; вы, пожалуй, можете хоть ненавидеть меня. Моя дружба к вам есть тоже эгоистическое чувство; оно мне лично приятно, и потому я его допускаю.

— Что вы за странный человек, капитан!

— Dame! Надо принимать меня таким, каков я есть.

— Parbleu! Я так и делаю; начнем же с того, что у нас будет общий кошелек; я богат и...

— Позвольте, позвольте, граф! Между нами таких условий не может быть. Вы богаты, тем лучше для вас; но и я также богат, оставим каждый свое при себе.

— Вы богаты?

— Да; сравнительно, конечно. У меня скромные претензии; того немногого, что я имею, слишком достаточно для меня.

— Ну, хорошо! Не стану настаивать. В одном только я никак с вами не сойдуся.

— В чем же это? — с улыбкой спросил капитан.

— Вы свободный человек?

— Как птицы небесные.

— В таком случае мы с вами больше не расстанемся.

— Я и сам хотел вам это предложить.

— Неужели! — воскликнул с видимым удовольствием граф.

— Конечно!

— Даете слово?

— Клянусь честью! С одним только условием: чтобы у вас не было тайн от меня.

— Капитан, мы познакомились так оригинально, что знакомство наше совершенно выходит из ряда вон; честный человек не имеет тайн от своего друга и брата, а вы для меня и то, и другое.

— Ну хорошо, граф; вот вам моя рука.

— Вот и моя.

В это время они подошли к гостинице «Единорог».

Приветливая хозяйка, стоя у дверей, с удивлением глядела на своих постояльцев, шедших рядом и, по-видимому, очень дружно.

Капитан улыбнулся.

— Добрый вечер, Фаншета, дитя мое! — весело приветствовал он ее. — Не приходил ли к вам сегодня какой-нибудь гость?

— Да, да, капитан! — отвечала она со слезами на глазах. — Вы наше провиденье!

— Ну вот, опять за прежнее!

— Она правду говорит, и я то же скажу, — радостно подтвердил подошедший хозяин. — Ах, предобрый вы человек! Черт знает, где и найти такого другого. Честь имею кланяться, господин граф!

— Здравствуйте, любезный Гриппнар! — сказал Оливье. — Да что это у вас тут такое? Все вы какие-то праздничные!

— Ах, если бы вы знали, господин граф! — вскричал в голос муж и жена, всплеснув руками.

— Ну, что? — объяснил суть события капитан. — Под сердитую руку вы прогнали сына, потом поняли, что сами себя делаете несчастными, и снова открыли ему объятия, которых не должны были лишать его. Вот и все!

— Вот и все! Слышите! — произнесла, смеясь, хозяйка. — Бранитесь сколько хотите, мы не боимся вашего сердитого голоса; мы ведь вас знаем.

— Позвольте нам войти, мэтр Грипнар, и расскажите, как вы встретили вашего шалолая.

— Расцеловав его в обе щеки, крестный! — раздался веселый голос Дубль-Эпе. — Мы так счастливы теперь!

— Ну хорошо, поцелуй же и меня, друг мой Стефан; это доставит мне удовольствие.

— Да ведь и мне тоже!

Молодой человек бросился в объятия авантюриста.

Граф молча смотрел на эту сцену; он был очень тронут и не скрывал этого.

— У нас ведь сегодня праздничный ужин, вы знаете? — объявил Грипнар.

— Понимаю, *monbleu*! Блудный сын вернулся!

— Вы ведь отужинаете с нами, граф?

Оливье колебался.

— О, если бы господин граф сделал нам эту честь!

— Примите приглашение, граф, советую вам; вы доставите удовольствие этим добрым людям, которые вас любят и уважают; а кроме того, — шепнул капитан Ватан, — это прогонит ваши мрачные мысли, которым пока не надо давать волю.

— Ну, хорошо, я согласен; вы правы, капитан.

Сели за стол. Ужин был очень веселый. Около двух часов ночи, прощаясь с капитаном на площадке лестницы, граф сказал ему:

— Мне непременно надо съездить в одно место, не поедем ли вместе?

— Конечно. Куда и в котором часу?

— Очень близко отсюда. В восемь часов я буду на аудиенции у ее величества королевы в Лувре, а сразу же после аудиенции мы с вами отправимся.

— Хорошо; но так как никому не известно, чем кончится эта аудиенция, помните, граф, что я жду вас с двумя лошадьми у подъемного моста, возле рва.

— Хорошо!

Они пожали друг другу руки и разошлись по своим комнатам.

Неизвестно, как граф провел ночь, но на другое утро он вышел бодрый, свежий, по внешнему виду — счастливейший из дворян Франции.

В это утро, немножко позже семи часов, в особняке герцога Делафорса собралось множество знатных гугенотов.

На основании слухов, что король хочет нанести окончательный удар протестантам, они собрались сопровождать своих депутатов во дворец как для большего почета, так и для защиты их в случае нужды.

Воинственно и решительно шли эти люди, давно знавшие, что им угрожает вторая Варфоломеевская ночь; несмотря на грозную перспективу, они спокойно и твердо жертвовали своей жизнью за идеи, которые, справедливо или нет, считали единственно верными.

Сначала герцог Делафорс не соглашался на план своих единоверцев; но он и сам был неспокоен, к нему приходило много анонимных писем, смысл которых всегда был один:

Берегитесь!

Обстоятельства были серьезные, исключительные.

Герцог согласился, чтобы депутаты шли в Лувр не одни.

В ту самую минуту, как он сажился на лошадь, прискакал опрометью курьер и подал ему следующую коротенькую записку:

Я в безопасности, в трех милях от Парижа. Слежу за всем. Через три дня буду с вами. Кто за меня, пусть идет со мной! Надейтесь! Все для Бога и Франции.

Генрих де Роган

Герцог Делафорс сильно обрадовался; он нетерпеливо ждал этого известия. Он протянул руку, и все смолкло в толпе дворян, едва сдерживавших лошадей, с трудом соблюдая ряды.

Герцог Делафорс велел прочесть депешу; в ответ на нее раздались громкие крики «браво».

Теперь все были спокойны за своего вождя и чувствовали в себе силу бороться, сделать все, что бы ни задумал против них король.

Отворили ворота, и кортеж шумно выехал на улицу. Конвой депутатов состоял человек из пятисот самых решительных повстанцев, в полном вооружении, готовых защищать своих выборных против всех и каждого.

Народ, толпившийся у особняка, раздался перед ними; он не ожидал такой энергичной демонстрации и, пораженный, не крикнул ничего ни за, ни против....

Протестанты подвигались шагом; без четверти восемь они были у подъемного моста Лувра. Пятеро депутатов за несколько минут перед тем выехали вперед.

Шагах в десяти перед ними ехал герцог Делафорс. У него был спокойный, гордый, решительный вид, как у человека, знающего, что он ставит на карту жизнь, но в душе решившегося пожертвовать ею с тем самоотвержением, которое в страшные эпохи создает мучеников или героев.

Подъемный мост опустили; по обеим сторонам его стояли мушкетеры.

Командир отряда подошел к самому мосту.

— Что вам надо и кто вы такой? — спросил он, отдавая честь шпагой.

— Граф де Теминь, — объяснил ему герцог Делафорс, отвечая тем же, — мы депутаты протестантского дворянства; сегодня в половине девятого нам назначена аудиенция ее величеством королевой Марией Медичи, да хранит ее Бог!

— Амины! — сказал граф. — Но так много народа нельзя впустить. Лувр — крепость, когда там живет его величество король.

— Мы этого и не требуем, граф; мы просим впустить только наших депутатов; остальные будут ожидать здесь нашего возвращения.

— Это другое дело, герцог, — отвечал граф де Теминь, — позвольте спросить, сколько депутатов?

— Очень немного, граф, их всего пятеро, и я в том числе.

— *Peste!* Пари держу, все отборные, — произнес, посмеиваясь, граф.

— Оскорбление — не ответ, — строго, но совершенно спокойно проговорил герцог Делафорс.

Граф де Теминь был безукоризненный вельможа и пользовался отличной репутацией при дворе.

— Это правда, монсеньор, — согласился он, почтительно поклонившись, — я грубиян и тем более не прав, что мне

велено принять вас с почетом и впустить сейчас же. Извините, пожалуйста, вот все, что я могу вам сказать.

— Вам не надо и извиняться, любезный капитан, — приветливо промолвил герцог, — пожалуйста, велите только впустить нас.

Капитан подошел к нему ближе.

— Верьте мне, герцог Делафорс, — тихо предупредил он, — не входите за эти стены!

— Это невозможно.

— Как знать, что вас там ждет!

— Судьба наша в руках Божьих. Пропустите, пожалуйста!

— Исполняю ваше желание, монсеньор, но помните, что я дал вам добрый совет.

— Верю и благодарю вас, граф. Что бы ни случилось, вы всегда найдете во мне друга.

— Эй, вы, пропустите! — сурово крикнул граф мушкетерам, выстроившимся поперек моста.

Депутаты сошли с лошадей, отдали их слугам и стали позади своего вождя.

Они медленно перешли мост. За ними перешли скорым шагом мушкетеры, держа мушкеты «на плечо».

Потом мост подняли.

Протестанты отлично знали, что их не впустят в Лувр, и поэтому не спорили. Одно только показалось им странным и сильно встревожило их.

Луврский мост обычно опускался на рассвете и поднимался только вечером, после заката солнца; у него всегда стояли караульные.

Необыкновенные меры предосторожности, предпринятые в отношении депутатов, встревожили протестантов, но они не показали виду; не сходя с лошадей, они стояли, плотно столпившись у края рва, и не сводили глаз с мрачного здания, где в эту минуту решалась участь их партии; не слышали, казалось, рева толпы позади, осыпавшей их самыми возмутительными, даже грязными оскорблениями.

На склоне рва показался хорошо вооруженный всадник на здоровой саврасой лошади; он ехал мелкой рысью, ведя в поводу другую лошадь.

Никому не говоря ни слова, всадник остановился по правую сторону протестантов, шагах в десяти от них, сошел с лошади, привязал ее к случившемуся тут столбу и прехладнокровно осмотрел пистолеты у седла, насвистывая какой-то

венгерский марш. Затем, подойдя к самому мосту, он философски скрестил руки и стал ждать, как человек, решившийся не сходить со своего места ни под каким предлогом.

Гугеноты сейчас же догадались, что это свой, и предоставили ему поступать как заблагорассудится. Впрочем, они и не ошибались. Это был капитан Ватан.

Прошло с час времени.

Аудиенция продолжалась долго. Наконец заскрипел и медленно опустился мост.

Депутаты возвращались, со всех сторон окруженные мушкетерами. Они были бледны и мрачны.

Все подошли к ним ближе.

— Ну что? — тревожно спросил де Лектур.

— Над нами посмеялись, с нами обошлись, как с какими-нибудь оборванцами, — отвечал герцог Делафорс дрожащим от волнения голосом. — Нам объявлено, что нас арестуют, если через час мы не выедем из города.

— О, мы отомстим! — с негодованием вскричали все.

— Извините, господа, — насмешливо произнес граф де Теминь, раскланиваясь, — но здесь, я думаю, не место для совещаний. Потрудитесь поскорее уйти, иначе я принужден буду стрелять по вам, что меня, честное слово, очень огорчит!

Эта грубая шутка вызвала крики бешенства со стороны гугенотов. Герцогу Делафорсу с трудом удалось унять их.

— Уедем, господа! — убеждал он единоверцев. — Что нам здесь еще делать? Ведь вы видите, слуга берет пример с господина; это всегда так: господин был дерзок, и слуга грубит.

— Благодарю вас, герцог Делафорс, — проговорил граф де Теминь со злым смехом, — мы, надеюсь, скоро увидимся!

— Это мое искреннее желание, — внешне очень спокойно подтвердил герцог, — по крайней мере, мои псары проучат вас.

— Sang Dieu! — воскликнул граф, схватив у одного из солдат мушкет. — Это уж слишком! Впрочем, нет! — прибавил он, снова отдав оружие. — Это будет убийство. До свидания, господин герцог!

— До свидания, граф! Не забывайте хлыста моих псарей, — сказал по-прежнему невозмутимо герцог.

Де Теминь презрительно улыбнулся, пожал плечами и ушел со своими мушкетерами в Лувр. Мост сейчас же подняли.

— Господа и друзья мои, — обратился к гугенотам герцог Делафорс, — мы с вами заранее ведь знали, какой прием ожидал нас в этом дворце со стороны человека, отцу которого

мы доставили трон ценой нашей крови и нашего состояния. Мы исполнили свою обязанность, и нас не могут упрекнуть в том, что случится дальше. Теперь же, чтобы нас не арестовали, уйдем скорее за надежные стены. Уже отправлен приказ захватить живым или мертвым нашего вождя, герцога Генриха де Рогана; такие же приказы не замедлят разослать и относительно нас; может быть, король уже подписывает их в настоящую минуту. Едем же, господа и друзья мои! До свидания! Вы знаете, где мы все скоро сойдемся. Явимся аккуратно на свидание, назначенное нам нашим вождем! До скорого свидания!

Гугеноты, крикнув грозное прощанье старым стенам, на вершине которых блестели мушкеты солдат, сейчас же повернули назад и в стройном порядке проехали сквозь толпу, невольно пораженную таким гордым отступлением и не осмелившуюся прямо в лицо оскорблять уезжавших протестантов; только издали вслед им раздалось несколько свистков и восклицаний.

— Граф, сюда! — крикнул авантюрист. — Куда это вы так бежите?

— Ах, вы здесь, капитан! *Parbleu!* Я ищу свою лошадь, друг мой.

— Не ищите. Я ее отослал с Мишелем; он с ней будет ждать вас там.

— Хорошо, но посему же вы отослали ее?

— Оттого что теперь вам нужен добрый рысак, поздоровее вашего красавца. Посмотрите-ка на этого испанского жеребца, а, каков?

— Чудесный.

— Садитесь же скорее. Наши уже далеко, а эти мошенники не совсем дружелюбно поглядывают на нас.

— Да вы боитесь, что ли, капитан? — спросил, смеясь, граф, садясь на лошадь.

— Да, признаюсь, граф, я всегда ужасно боюсь, когда мне приходится защищаться против этой бессмысленной, ревущей своры, называемой чернью. Ну, куда же мы теперь? Вы ведь, конечно, уже не поедете на Тиктонскую улицу?

— Сохрани меня Бог, капитан! — отвечал граф, вдруг нахмурился. — Вы ведь со мной?

— Конечно.

— Благодарю вас, я не смел на это рассчитывать.

— Э! Не стоит благодарности, я обожаю путешествия. Так куда же мы?

— К Новому мосту, к Фонтенблоской дороге.

— Так едем! Назад, мразь!

Они умчались, как стрела; толпа расступалась перед ними, осыпая их ругательствами, на которые они и внимания не обращали. Через двадцать минут они проехали заставу Св. Виктора и поехали по Фонтенблоской дороге; тогда это была только узкая дорожка, непроходимо грязная зимой, но в данную минуту ровная и гладкая, как стекло.

Они все время ехали молча. Каждый думал свою думу.

Однако, поднимаясь к деревне Вильжюиф, они поневоле сдержали лошадей, чтобы дать им вздохнуть.

— Так мы едем?.. — спросил авантюрист, как бы продолжая прерванный разговор.

— Сначала в Аблон, капитан.

— Отчего сначала? Разве вы не там постоянно живете? Ведь у вас там замок, кажется?

— Да, замок Мовер.

— Ну, так разве вы не там остановитесь?

— Я там пробуду не больше часа.

— А потом?

— Потом... Куда глаза глядят!

Авантюрист покачал головой.

— Берегитесь, граф!

— Чего же беречься, капитан?

— Самого себя.

— Я вас не понимаю. Отчего самого себя?

— Оттого что в настоящую минуту у вас нет врага страшнее вас самих.

— Капитан!

— *Morbleu!* Я ваш друг и должен говорить вам правду, и скажу ее, во что бы то ни стало.

— Говорите!

— Обдумайте хорошенько то, что собираетесь делать, граф. Со вчерашнего дня вы под влиянием гнева. Я не знаю ваших планов, но боюсь их...

— Да вы всего боитесь! — перебил граф, стараясь обратить все в шутку.

— Уж таков я есть. Вчера вечером вас сильно оскорбили. Клеветник был наказан.

— Клеветник? — горько повторил Оливье.

— Да, клеветник; по какому праву вы больше верите словам негодяя, которогосовсем не знаете, нежели доказанной невинности дорогой вам особы? Не разбивайте трех жизней под минутным влиянием необдуманного гнева. Подумайте о сыне, о жене, о вас самих. Не губите безвозвратное счастье. Нельзя обвинять без доказательств и судить, не выслушав.

— У меня есть доказательства.

— Где они?

— Разве вы не слышали, что говорил этот человек?

— Клевета, повторяю вам. Послушайте, граф, вы теперь не в своем рассудке, и бесполезно было бы серьезно говорить с вами, иначе я бы многое вам сказал.

— Например, друг мой?

— Например, вот что: я ясно вижу, что вы были жертвой заговора, давно подготовленного против вас одним или несколькими неизвестными вам врагами.

— Неизвестными мне врагами, мне?

— *Morbleu!* Да неужели же вы воображаете, что у вас все только друзья? Клянусь честью, это было бы уж слишком смешно! Вы молоды, красивы, богаты, любимы и воображаете, что завистники — те люди, может быть, которым вы больше всего делаете добра, — дадут вам преспокойно наслаждаться вашим счастьем, не попытавшись смутить его? Полноте, граф, вы с ума сошли!

— Вы смотрите на все слишком мрачно, капитан.

— Ах, *morbleu!* Он бесподобен! Ну, а вы как же смотрите?

— Я?

— *Dame!* Из-за клеветы, сказанной после выпивки в таверне первым встречным...

— Может быть, вы правы, мой друг, — перебил он, — но если бы вы знали, как я страдаю!

— Да понимаю, понимаю! Вы молоды, а первые раны всегда особенно жестоки, но со временем сердце каменеет, к счастью. Это еще только цветочки!

— Сохрани меня Бог долго терпеть подобную муку!

— Бедное дитя! Вы никогда не страдали, — сказал с трогательной добротой в тоне капитан. — Мужайтесь, друг! Будьте мужчиной, не поддавайтесь первому удару злобы, а главное...

— Что главное?

— Никогда не обвиняйте, не получив неопровержимых доказательств, то есть не убедившись собственными глазами, да и то!..

— О, вы уж слишком далеко заходите, капитан!

— Нисколько; помните вот что, граф: в любовных делах глаза и уши часто обманывают, если не всегда. Вы это впоследствии узнаете; старайтесь не узнать собственным опытом!

— Ах!

— Новотмы и у деревни Вильжюиф, — объявил капитан, — теперь нам торопиться некуда. Дадим передохнуть лошадям; вон какой-то трактир! Зайдемте на несколько минут?

— Как хотите, капитан, — равнодушно обронил граф.

ГЛАВА XV

Смертельная рана, против которой нет средства

Капитан притворился, что принял безразличный ответ графа за согласие, и поехал к трактиру, стоявшему у самых ворот деревушки Вильжюиф. У дверей трактира в беседке из плюща и жимолости стояло несколько столов и скамеек.

Какой-то путешественник, приехавший, видимо, несколькими минутами раньше, сидел у стола на открытом воздухе.

Держа левой рукой лошадь за повод, он пил вино, вероятно измучившись жаждой от длинного пути.

Увидев остановившихся приезжих, он встал, вежливо поклонился и, пристально посмотрев с секунду на авантюриста, спросил:

— Из Парижа едете, милостивый государь?

— Да, — вежливо отвечал авантюрист, — а вы?

— Я возвращаюсь туда.

— А! Вы там, значит, живете?

— Пхе! Я везде живу понемножку — перелетная птица.

— А у вас славное перо на шляпе, — заметил капитан.

— Красное с черным, — объяснил, улыбнувшись, путешественник. — Это не в моде в Париже, но я ношу как эмблему горя и удовольствия вместе — одним словом, это последний подарок моей любовницы.

— А! — произнес авантюрист, исподлобья оглянувшись вокруг.

Граф сидел в беседке; трактирщик принес ему туда бутылку вина и два стакана. Трактирный слуга проводил лошадей. Никто не мог их услышать.

Капитан наклонился к незнакомцу.

— От кого вы? — поинтересовался он.

— От Клер-де-Люня, — сообщил тот.

— Узнали что-нибудь?

— Очень много.

— Говорите скорей.

— Граф де Сент-Ирем из «Клинка шпаги» во весь опор ускакал в Аблон. Остановившись в высокой роще, на два мушкетных выстрела от замка Мовер, он два раза особенно свистнул. Это, вероятно, был сигнал. Вышла женщина. Ее нельзя было рассмотреть под плотно окутывавшим все лицо капюшоном плаща; кроме того, и темнота ночи мешала.

— Я узнаю, кто это такая, — проворчал капитан. — Дальше.

— Они с полчаса говорили шепотом, потом женщина ушла. Граф сел на лошадь и ускакал в Париж, куда приехал, не останавливаясь нигде в дороге.

— Все?

— Нет еще.

— Так скорей, скорей говорите.

— Уже три дня в замке Мовер прячется какой-то мужчина.

— Кто такой?

— Не знаю. Он примчался во весь дух из Парижа около полудня.

— Что же это за человек?

— Вельможа, молодой, высокий, стройный, держится как принц. С час тому назад здесь прошло человек двенадцать солдат под начальством капитана. Не знаю, куда они шли, но говорили, что имеют приказ обыскать все замки, деревни и хижины на десять лье вокруг Парижа и найти каких-то вельмож, врагов короля и монсеньора де Люиня.

Авантюрист сдвинул брови.

— Все? — спросил он.

— Все, капитан.

— Возьмите это; благодарю вас, — он протянул несколько золотых монет.

Тот отступил.

— Мне приказано ничего не брать, капитан.

— Хорошо, так вот моя рука.

Тот почтительно пожал ее.

— Вы опять в Париж?

— Сейчас же.

— Пусть Клер-де-Люнь продолжает следить за графом!

— О, не беспокойтесь! Мы его постоянно караулим.

— Хорошо, прощайте!

— До свидания, капитан.

Капитан Ватан прошелся раз два перед трактиром, глубоко задумавшись, и наконец решился войти в беседку, прошептав:

— Обстоятельства против нас. Что делать? Кто знает? Ну, увидим!

— Куда это вы девались, мой друг? — сказал, увидев его, граф.

— Извините, граф; должен признаться, я преглупо бродил взад и вперед, чтобы размять ноги. За ваше здоровье!

Он сел и выпил.

— Это что? — полюбопытствовал Оливье, услышав топот удалявшейся лошади.

— Верно, уехал путешественник, который прибыл перед нами.

— Верно.

Оба, видимо, говорили только для того, чтобы говорить. Мысли их были в другом месте. Прошло несколько минут.

— Едем? — спросил наконец граф.

— Пожалуй, — отвечал авантюрист. — Эй! Кто-нибудь!

Прибежал трактирщик с шапкой в руках. Капитан Ватан расплатился и махнул слуге. Тот привел лошадей.

Через минуту путешественники уже мчались дальше. Казалось, их собственное нетерпение заразило и их лошадей.

Вскоре они достигли склона холма, поднимающегося над деревней Аблон, беленькие домики которой глядятся в реку.

Вдруг на повороте дороги показался отряд солдат человек в двадцать; они ехали по одному направлению с нашими героями. Сдержав немного лошадей и опередив отряд, граф и Ватан обменялись поклоном с офицером, ехавшим шагах в пятнадцати впереди.

— Видели вы этих солдат, капитан? — обратился к нему граф.

— Morbleu! Еще бы!

— Что это значит? Почему они здесь?

— Это следствие вашей сегодняшней аудиенции, граф.

— Вы шутите, мой друг?

— Нисколько.

— Но ведь мы опередили их?

— Это ничего не значит и доказывает одно: что распоряжения были сделаны заранее; все было предусмотрено. Господин де Люинь очень хитер! Он принял меры.

- О! Неужели это так?
- Да ведь это же очевидно!
- Но ведь это гнусная измена!

— Отчего же? Просто военная уловка. Впрочем, я, может быть, и ошибаюсь; может быть, дело идет только о герцоге де Рогане. Вы знаете, что его голова была оценена, и хорошо оценена. О, эти плуты отлично умеют вести свои дела.

— Да, все это возможно. Прибавим шагу, капитан!

— Зачем?

— Сам не знаю, мне хочется поскорей приехать в замок.

— Извольте.

Они помчались во весь опор.

Через двадцать минут мост был опущен. В ту минуту, когда граф въезжал на мост, капитан тронул его за руку.

— Что такое? — воскликнул, останавливаясь, Оливье.

— Посмотрите, — показал рукой Ватан.

Граф обернулся. Отряд, который они полчаса тому назад опередили, был в каких-нибудь пятистах шагах позади них и мчался во весь опор.

— Ого! — произнес Оливье. — Что это значит?

— Это значит, что они ищут герцога, что им отдан приказ обыскать все замки и хижины и что через пять минут они будут здесь.

— Ну и пусть!

— А если кто-нибудь, герцог, может быть, скрывается в вашем замке?

Граф побледнел, но сейчас же справился с собой.

— Если кто-нибудь, друг или недруг, искал приюта в моем доме, — сказал он, — моя честь заставляет меня оказать ему покровительство.

— Знаю, но поедem скорее.

Они галопом проехали мост.

— Поднимите! — крикнул граф.

Мост сейчас же подняли.

Граф сошел с лошади и, подойдя к графине, радостно выбежавшей ему навстречу, холодно спросил:

— Графиня, приняли вы какого-нибудь приезжего в замок?

— Монсеньор, — отвечала она дрожащим голосом и покраснев, — какой-то господин просил убежища, я думала, что можно...

— Вы хорошо сделали...

— Его фамилия де...

— Мне пока незачем знать имя; вы мне после его представите. Где вы его поместили?

— На половине для приезжих, — объяснила она, все более и более смущаясь строгим тоном мужа, бледного, изменившегося и растерянно глядевшего ей прямо в глаза.

— Велите скорее перевести его в секретную комнату; через десять минут будет поздно.

— Я не понимаю, граф!

— Ах, графиня, неужели вы не понимаете, что в замок сейчас придут солдаты и что они имеют приказ арестовать...

— Да, да, понимаю! Простите, граф.

— Простить вас? А за что же мне вас прощать? — крикнул он громовым голосом.

— Граф, граф! — вскричал подбежавший авантюрист. — Солдаты!

— Солдаты! Да скорее же, графиня! Или вы хотите, чтобы меня обесчестили, арестовав в моем доме человека?

— Иду, иду, граф! — жалобно воскликнула она и ушла, не помня себя от горя и страха. Диана шла за ней, осыпая ее ироническими утешениями.

В эту минуту у моста послышался сигнал трубы.

— Посмотрите, кто там и что нужно, — велел граф мажордому.

Ресту почтительно поклонился и, поспешно подойдя к калитке, отворил ее. Переговоры шли довольно долго, затем мажордом вернулся.

— Ну, что там такое? — осведомился граф.

— Монсеньор, граф де Шеврез требует от имени короля быть впущенным в замок со своим отрядом.

— Показал он вам приказ?

— Нет, монсеньор; он говорит, что покажет его вам лично.

— Что делать? — прошептал граф.

— Исполнить требуемое, — поспешно подсказал авантюрист. — Да вот и графиня.

Жанна шла опять со своей подругой.

— Все сделано? — отрывисто обратился к ней Оливье.

— Все, граф.

— Хорошо, уйдите к себе, графиня. И вас попрошу о том же, мадмуазель, — прибавил он, обращаясь к Диане.

Они ушли.

Жанна была бледна и встревожена; крупные слезы стояли у нее в глазах.

— Бедное дитя! — шепотом произнес авантюрист, и сам бледный как смерть. — А эта прелестная девушка, — подумал он, пристально поглядев на Диану, — не злой ли гений, который хочет погубить ее? Она замечательно хороша, но у нее что-то неприятное в глазах. Я все узнаю, клянусь Господом нашим! И тогда...

Он не закончил своей мысли.

Граф следил глазами за женой. Как только она ушла, он обернулся к мажордому.

— Велите опустить мост и впустить графа де Шевреза, — приказал он.

Приказание было тотчас же исполнено.

Отряд вошел во двор за своим капитаном и выстроился в одну линию.

Де Шеврез сошел с лошади и, подойдя к графу, поклонился.

Оливье отвечал тем же.

— Милостивый государь, — представился офицер, — я граф де Шеврез.

— Мне уже говорили, граф, — немножко сухо ответил Оливье.

— Я имею приказ за подписью его величества короля и господина де Люиня и должен вручить его лично графу дю Люку де Моверу, — объявил он, показывая бумагу.

— Я граф дю Люк де Мовер.

— Вы? — с удивлением переспросил де Шеврез. — Но вчера вечером!..

— Вчера вечером, по причинам, касающимся лично меня, я хотел сохранить инкогнито...

— Это ваше дело, потрудитесь прочесть приказ и сказать, угодно ли вам будет подчиниться ему?

— Я верный подданный короля, граф; вы его представитель в настоящую минуту, исполняйте же свою обязанность; никто здесь не помешает вам, — проговорил Оливье, тихонько отстраняя бумагу.

— Иного я от вас и не ожидал, граф, — де Шеврез любезно поклонился. — Я не хочу ничем стеснять вас; мне достаточно будет вашегослова, что в замке никто не скрывается, и я сейчас же уеду, убедительно прося извинить меня за беспокойство.

— К сожалению, граф, я не могу дать вам этого слова, потому что сам целый месяц не был дома и приехал только за несколько минут перед вами.

— Ах, *parbleu*! Ведь это правда! — вскричал, засмеявшись, де Шеврез. — Как это я не подумал! Мы ведь с вами встретились на дороге.

— Да, граф.

— Так я уезжаю, граф; в ваше отсутствие не могли дать здесь убежища никому из врагов короля.

— Я тоже так думаю, граф; но если вам угодно...

— Нет, нет, сделайте одолжение! Впрочем, между нами, — прибавил он вполголоса, — я вовсе не хочу выдать известному вам негодяю достойного, благородного вельможу...

— Так дело очень серьезно?

— Его ожидает смертная казнь; я говорю о герцоге де Рогане...

— Бедный герцог...

— Надеюсь, он теперь далеко. Он имел достаточно времени уйти подальше.

— Дай Бог!

— Аминь, от всей души! Теперь мне остается только раз извиниться перед вами, любезный граф, и проститься.

— Но сначала, верно, не откажетесь перекусить?

— С удовольствием; сегодня страшно жарко, и у меня в горле пересохло.

Отдав приказание мажордому, граф с капитаном и де Шеврез вошли в замок, а солдатам между тем раздали вина.

Подали закуску и чудесное анжуйское. Де Шеврез отдал честь всему, болтая и смеясь над поручением, данным ему де Люином.

Они расстались больше расположенными друг к другу, нежели были за несколько минут перед тем.

Граф де Шеврез уехал со своим отрядом. Оливье следил за ними глазами, пока они не скрылись за поворотом.

— Теперь, друг мой, — сказал граф глухим голосом, проведя рукой по лбу, — пойдемте взглянуть, какому щеголю графине угодно было оказать гостеприимство в замке. Сильно она им, верно, интересуется, что так легкомысленно рискнула всех нас погубить!

— О, граф! Мадам дю Люк, может быть, даже не знает этого несчастного...

— Вы думаете?

— Конечно, только по доброте...

— Да, — сухо заметил граф, — у нее доброе сердце, слишком доброе, может быть! Пойдемте, капитан! Мы сейчас увидим, в чем дело.

Графиня ждала их, грустно задумавшись.

— Проводите нас, графиня, — насмешливо произнес Оливье. — Вам принадлежит право освободить человека, которого вы так милостиво спасли.

— Монсеньор, — отвечала она дрожащим голосом, — если я дурно поступила...

— Э, да кто вам об этом говорит, графиня! — резко перебил ее граф.

— Граф, — вмешалась Диана, — позвольте вам заметить, что вы престранно относитесь к Жанне сегодня. Что же она сделала такого, чего бы не сделали вы сами?

— Я, мадмуазель?

— Человек, которого она приняла в дом, — продолжала самым нежным голосом девушка, — благородный вельможа вашей партии; его имя всем известно и всеми уважаемо...

— Но...

— Да вот вы его сейчас увидите; это барон де Серак.

— Барон де Серак! — громовым голосом вскричал граф, как тигр, бросившись к жене, почти лишившейся сознания от страха.

— Граф! — воскликнул авантюрист, быстро схватив его за руку. — Вы забываетесь!

— Пустите меня! — кричал вне себя Оливье. — Пустите, или...

— Граф! — грозно повторил капитан.

Оливье остановился, бледный как смерть, с блуждающими глазами.

— Это правда, — прошептал он, сделав над собой усилие, — прежде его, а потом ее!

И он большими шагами пошел к секретной комнате. Диана со злобным торжеством поглядела ему вслед. Авантюрист поймал ее взгляд.

— Это она! — подумал он. — А, демон! Берегись теперь, я знаю твою тайну!

— Пожалуйте, барон де Серак! — позвал граф, отворяя потайную дверь.

Из секретной комнаты вышел мужчина.

— Герцог де Роган! — Оливье, отступив от двери, с отчаянием ударил себя по лбу.

— Кого же здесь обманывают? — думал авантюрист. — О, тут какая-то тайна, которую я раскрою, клянусь честью!

— Да! Я, граф! — с чувством проговорил герцог. — Я назвался этим именем, чтоб не так скомпрометировать вас. Я вам обязан спасением, благодарю вас!

Он протянул ему руку.

Оливье с отвращением отступил.

— Вы спасены, — сказал он, холодно поклонившись, — лошадь ваша готова. Уезжайте!

— Позвольте мне, по крайней мере, поблагодарить графиню.

— Только не теперь, герцог; ваша безопасность требует, чтоб вы как можно скорее уезжали. Впрочем, — иронично прибавил он, — вы увидите с графиней.

— Это правда, граф. Прощайте же, и благодарю вас!

— Нет, до свидания, герцог.

Герцог с минуту озадаченно смотрел на него, как человек, не понимающий, что такое происходит вокруг; потом, как бы решившись на что-то, еще раз поклонился и вышел за мажордомом.

Граф подошел к жене.

— Я все знаю, — тихо произнес он сдержанным голосом. — Этот человек ваш любовник, графиня. Молитесь за него, потому что — Видит Бог! — или его, или меня не будет на свете! Прощайте!

— Граф! — вскричала она надрывающим душу голосом, с мольбой сложив руки.

— Прочь! Я вас больше не знаю! — глухо воскликнул он и грубо оттолкнул ее.

Графиня тоскливо вскрикнула и упала навзничь. Граф большими шагами вышел из комнаты, даже не оглянувшись.

— Ну, наши дела, кажется, хорошо идут! — прошептала Диана, с непередаваемым выражением посмотрев на графиню и улыбнувшись какой-то дьявольской улыбкой.

Пять минут спустя граф и авантюрист уехали из Мовера.

За несколько минут перед тем уехал и герцог де Роган, тревожно стараясь объяснить себе оказанный ему странный прием; но он ничего не мог придумать.

В тот же вечер герцог де Роган присоединился к отряду гугенотов, ожидавших его под начальством де Лектура в двух милях от Аблона, на Корбейльской дороге.

На этот раз герцог де Роган был спасен!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Буйная жизнь

ГЛАВА I

Первое представление 1620 года в театре Марэ

рошло два месяца после происшествий, описанных в первой части нашего рассказа.

Наступила зима, начинался холод, дождь хлестал в окна, ветер свистел в обнаженных ветвях деревьев, из труб, крутясь, поднимались к серому небу длинные струи дыма.

Париж принял зимний вид.

Во вторник, двадцать седьмого ноября 1620 года, темное, холодное, туманное утро часам к одиннадцати разъяснело. Проглянувшее немножко солнце совсем развеселило столичных жителей.

К театру Марэ, что на улице Вьей-Рю-дю-Тампль, собиралось множество народа в экипажах и на носилках. С самого утра по всей улице толпились, крича, смеясь и толкаясь, парижане. В театре Марэ первый раз шла «Марианна», большая трагедия знаменитого в то время поэта Александра Арди; много раз ее обещали и много раз откладывали.

Двор и весь город съехались к театру. Слуги и пажи бесцеремонно расталкивали толпу, очищая место экипажам своих повелителей.

В одной из карет сидели друг против друга граф дю Люк и его неразлучный приятель капитан Ватан.

Авантюрист не изменился: у него была все та же воинственная осанка, все тот же покрой платья, только оно было теперь поновее и получше.

Оливье дю Люк изменился не только внешне, но даже, казалось, и в нравственном отношении.

Оживленные, слишком румяные лица обоих ясно говорили, что они совсем недавно хорошо позавтракали и поэтому не могли добраться до театра пешком.

Костюм графа составляли алый бархатный плащ, богато расшитый золотом, атласный бирюзовый камзол с кружевами и позументами и панталоны такого же цвета, засунутые в белые сапоги с золочеными шпорами; ловко надетая набок серая касторовая шляпа, низенькая, с кокетливо загнутыми кверху полями и красными с черным перьями. Перевязь, на которой висела длинная шпага, была вся зашита золотом.

Гугеноты, товарищи графа, едва узнавали в этом щеголе, этом *утонченном* прежнего серьезного, хладнокровного вельможу, которого так любили и уважали.

Раза три слуги и полицейские пытались протестовать против бесцеремонности, с которой кучер графа забрызгивал их грязью, даже не предупреждая обычным криком, но тот так посмотрел на недовольных, что они сочли за лучшее покориться. Впрочем, в этой давке вообще не считались толчками или попавшими в лицо комьями грязи: каждый хлопотал только, как бы достать место. Оставалось три четверти часа до начала спектакля, назначенного в два часа, а актеры были очень аккуратны; полиция велела начать пускать публику с часу, чтоб к четырем все кончилось.

В коридоре, в маленькой дощатой будочке, директор труппы с Александром Арди, уж одетым Тенью Аристовула, раздавали билеты.

Невозможно передать, какой смех и веселье возбуждало в толпившихся у кассы зрителях это страшное привидение.

Граф дю Люк, бросив мимоходом пистоль на бюро директора, скрылся со своим приятелем в темных изгибах узкого коридора, который вел к самой сцене.

В 1600 году приезжая труппа, набранная в провинции, прибыла в Париж и остановилась на улице Потери-Деварси, в Серебряном отеле, выхлопотав себе разрешение играть на парижской сцене, несмотря на энергичное сопротивление труппы Троицы, которой принадлежал Бургундский замок. Эта труппа одна пользовалась в силу грамот Генриха II и Карла IX правом давать спектакли в Париже. В начале правления Людовика XIII новая труппа, поселившаяся в Серебряном отеле, устроила свой театр, прозванный театром Марэ.

Незатейливо было в то время вообще устройство театра. В одном конце залы стояла эстрада вышиной в рост человека; это была сцена; перемена декораций совершалась только с помощью занавеса в глубине сцены; по бокам были устроены плохонькие кулисы.

Галерея, шедшая по сторонам, разделялась на ложи; прямо на актеров могли смотреть только те зрители, которые имели места против самой сцены, на противоположном конце театра.

Партер, то есть все пространство под ложами, кишело народом; там все стояли, и давка была страшная.

Самыми лучшими местами, где обычно сидели придворные и знать, считались скамейки на самой сцене, по обеим ее сторонам, вдоль кулис; понятно, как это лишало пьесу всякой иллюзии и как стесняло актеров! Но публика в то время была не так требовательна, как теперь. И цены за места были просто грошовые.

В тот день, о котором мы говорим, театр был особенно полон публики; пришлось отказать в билетах более чем двумстам желающим.

В ложах сияли мундиры вельмож и бриллианты дам, разодетых в шелк и кружева. В партере громко и бесцеремонно кричали, смеялись, обменивались шутками с сидевшими в ложах и шумно требовали скорее начинать пьесу.

Граф дю Люк и капитан сидели на самой сцене, с краю, и следовательно, очень близко к зрителям, занимавшим ложи и партер.

Капитан тихо разговаривал с графом, который, прислонясь спиной к кулисе, беспрестанно закрывал глаза, несмотря на отчаянные усилия держать их открытыми, и, по-видимому, был расположен скорее спать, нежели слушать.

— *Morgbleu!* Да проснитесь, граф! — сказал капитан. — Если вы будете так давать себе волю, то в конце концов свалитесь в партер или провалитесь за кулису.

— Хорошо, хорошо! Не беспокойтесь, — отвечал, не открывая глаз, Оливье, — если бы я и заснул, так проснусь, когда надо будет.

— Когда что надо будет? Право, лучше уйти, граф.

— Оставьте меня в покое, капитан! — сердито произнес он.

— Я не уйду!.. Пришел и буду тут сидеть; я хочу ее видеть.

— Да кого? — нетерпеливо вскричал капитан.

— Ее, тысячу чертей! Ведь вы хорошо знаете.

— Ее?

— Ну да! Даму в пунцовой маске.

— Даму в пунцовой маске? — переспросил совершенно сбитый с толку капитан.

— *Parbleu!* Я только для того и пришел сюда.

Авантюрист пожал плечами.

— *Morbleu!* — воскликнул он. — Вот замечательная-то выдумка!

— Отчего замечательная? — проворчал граф, приподнимая отяжелевшие веки. — Вы, кажется, думаете, что я сошел с ума?

— Нисколько, *parbleu*, я просто думаю, что вы пьяны.

— Пьян! — презрительно повторил Оливье. — Оттого что я выпил какие-нибудь три-четыре бутылки!

— Три-четыре бутылки!.. Ну, да это в сторону!.. Но, признаюсь, я не ожидал того, что вы мне говорите.

— Это отчего, любезный друг?

— *Morbleu!* Да как же вы хотите узнать эту даму в пунцовой маске, когда ни разу не видели ее без маски?

— А, да! Ну, это правда!

Граф помолчал с минуту, потом проговорил:

— На кой же черт я здесь в таком случае?

— Я вас уже полчаса об этом спрашиваю.

— Я, верно, не расслышал, мой друг, не сердитесь, вы ведь знаете, мне нужно немножко оживиться, опьянеть, — сказал он с удивленной улыбкой.

— Так уйдем! Здесь вовсе не весело.

— Уйти?.. Ну уж нет, приятель! Как знать, может быть, нас скоро ожидает здесь премного удовольствия.

— Как хотите, — покорно согласился капитан.

— Впрочем, и поздно уже, видите, сейчас начнется.

— Ну, на волю Божию! — прошептал капитан.

Действительно, пока они переговаривались, в зале все стихло, и пьеса началась.

Сцена или, вернее, занавес в глубине сцены с грехом пополам изображал портик какого-то греческого или ассирийского дворца, разобрать было трудно. Четверо актеров в костюмах, имевших жалкую претензию быть античными, вошли гуськом и, став на авансцене, почтительно поклонились публике, встретившей их, особенно партер, неистовыми выражениями радости.

Александр Арди, игравший, как мы уже говорили, Тень Аристовула, был закутан в громадное белое покрывало. Директор труппы изображал Ирода.

При вновь наступившей тишине Тень сделала шаг вперед, протянула руки, откинулась туловищем назад, подняла голову и начала напыщенно декламировать воззвание к гордому, жестокому тирану, вечно жаждущему крови.

— Черт возьми, болван какой! — вскричал вдруг граф дю Люк, зевнув во весь рот. — Что это он за чушь несет? Хоть бы не так орал!

— Тише! — крикнул партер, придя в негодование от такого перерыва. — Тише! Вывести этого господина!

Poursuis done, poursuis done, o scelerait infame.
Ta haine, ta fureur, contre ta propre femme!..¹ —

невозмутимо продолжала декламировать Тень.

— А? Что это он говорит, этот бездельник? — продолжал в свою очередь граф, вставая. — Черт возьми, да он смеется надо мной, что ли! Sang Dieu! Если б я знал!

— Вывести его! Вывести! — ревел взбесившийся партер.

— Вы еще слишком молоденькие телята, чтоб заставлять меня молчать, — заявил граф, презрительно взглянув на публику партера, удвоившую крики.

Вельможи, сидевшие на скамейках, хохотали до упаду над этой импровизированной комедией, конечно, гораздо больше занимавшей их, нежели трагедия знаменитого Арди.

Тень, как ни в чем не бывало, осыпала тирана грозными предсказаниями.

Капитану между тем удалось немножко сдержать графа и заставить его сесть; шум в партере стих. Граф очень серьезно стал слушать запутанные стихи, но вскоре опять, по несчастной склонности видеть дурное там, где его большей частью вовсе не бывало, он вообразил, что проклятия, которыми громил тирана несчастный Арди, имели целью нанести оскорбление ему лично; тем более что, боясь новой выходки со стороны графа, актер невольно каждую минуту испуганно взглядывал на него. Вообразив, что он зло намекает на его сцену с женой, граф, обезумев от бешенства, вскочил, под-

¹ Продолжай, бессовестный злодей, преследовать злобой свою собственную жену!.. (фр.)

бежал к Тени Аристовула и далее звонкую пощечину, грозно крикнув:

— А, бездельник! И ты тоже выдумал подшучивать надо мной! Ты заодно с моими врагами! Подожди, негодяй, подожди!

Несчастный актер, забыв, что он неуловимая Тень, бросился бежать за кулисы, крича, как зарезанный; граф бежал за ним с обнаженной шпагой, которой непременно хотел проткнуть его.

Публика опять зашумела. Одни смеялись, другие бранились, гвалт был страшный.

Наконец граф вернулся. Арди убежал от него благодаря тому, что хорошо знал все переходы в театре, а его взбешенный преследователь, решившись выместить свою злобу на первом, кто ему подвернется под руку, неподвижно стоял посреди сцены, сердито поглядывая вокруг.

К довершению несчастья, Ирод, директор труппы, желая помочь бедному товарищу, а главное, снова привлечь внимание публики к пьесе, продолжая прерванный монолог Тени, воскликнул басом, точно из бочки:

Quelque demon jaloux de l'honneur du ma gloire
Rameine des horrenrq funebres en memoire,
Tache d'intimider un effroi de la peur
In qui present reduit les perils en vapeur!¹

— Опять! — крикнул громовым голосом граф. — И этот туда же! Это что еще за шут? Нет, клянусь смертью Господней! Я убью мерзавца!

Все вельможи, и смеясь, и бранясь, все служители театра, актеры, даже сам Арди, решившийся снова показаться, старались сдержать и уговорить графа. Оливье махал шпагой, жестикулировал и непременно хотел проткнуть насквозь несчастного царя Иудейского.

Партер ревел, кричал, топал и хохотал.

Публика, видя, что ничем не помочь делу, стала забавляться этой новой комедией.

Никогда еще в театре Марэ не бывало такого содома.

¹ Какой-нибудь демон, завидующий моей славе, вызывает в твоём воспоминании прошлые злодейства и дает тебе силу, забывая страх, попирает все опасности! (фр.)

Дамы громко вскрикивали, некоторые падали в обморок, слуги, пажи, театральные служители взбирались на плечи стоявших перед ними зрителей, еще больше увеличивая этим шум, а *tire-laine* между тем, пользуясь таким чудесным случаем, бесстрашно очищали карманы соседей. Одним словом, это был настоящий шабаш ведьм и колдунов.

Посреди всей этой суматохи Ирод, не изменяя своей роли и не забывая своего звания директора труппы, продолжал, несмотря на угрозы и усилия графа добраться до него, декламировать свой монолог, который уж никто больше не слушал.

— Ах!.. — вдруг закричал он, не договорив фразы. — Ах, Господи! Ой-ой-ой! Помогите! Умираю!

Графу удалось вырваться, и он здоровым пинком под колени вышвырнул несчастного монарха в партер.

Это довершило эффект. Крики, хохот и свистки сделались оглушительны; но бешеное веселье дошло до высшей степени, когда снова появилось бледное, испуганное лицо дрожавшего монарха, за несколько минут перед тем исчезнувшего в толпе. Выражение лица директора было до того уморительно, написанный на нем испуг до того комичен, что даже сам граф Оливье не мог дольше сердиться и покатился со смеху.

Выйдя на авансцену, он погрозил пальцем царю Иудейскому и, покручивая усы, сказал, смеясь:

— Это тебе урок, бездельник! Другой раз не будешь соваться в чужие дела.

— Ах, монсеньор!.. — пробормотал полумертвый от страха директор.

— Ни слова больше! На, вот тебе за ужас, который я на тебя навел, дуралей!

Он кинул ему полный кошелек золота, который царь Ирод, несмотря на свой страх, ловко подхватил налету, поблагодарив улыбкой, очень напоминавшей гримасу обезьяны, укусившей лимон.

— Теперь продолжай комедию, мошенник, — величественно заключил граф, — только поостерегись в другой раз оскорблять намеками людей, пользующихся уважением, иначе я тебя уж окончательно проучу.

— Клянусь вам прахом моих предков! — так напыщенно произнес Ирод, что вся зала опять прыснула со смеху.

— Ну, капитан, — невозмутимо продолжал граф, вкладывая шпагу в ножны, — вы, кажется, действительно правы: уйдем, нам здесь больше нечего делать.

— Morbleu! — вскричал авантюрист. — Вот умно-то придумали! Слава Богу, что это наконец пришло вам в голову!

Они вышли из театра при смехе, криках и свистках, на которые не обращали никакого внимания.

Пьеса была доиграна и, говорят, имела большой успех.

ГЛАВА II

Где объясняется, как и зачем граф дю Люк сделался утонченным

граф Оливье, выйдя из театра, отослал экипаж и, взяв капитана под руку, пошел, разговаривая с ним, к набережной.

Погода была тихая, чудесная; графу хотелось освежиться чистым воздухом и разогнать хмель. Впрочем, он был в отличном расположении духа и нисколько не упрекал себя за свою выходку в театре.

Но расскажем сначала в коротких словах, что произошло до этого времени с тех пор, как граф уехал из Мовера, решив больше не возвращаться к жене.

Выехав из замка, граф около часа ехал все прямо, никуда не сворачивая, не говоря ни слова с не отстававшим от него капитаном, бледный, сдвинув брови, опустил голову.

Вдруг он остановился, с удивлением оглянулся кругом и провел рукой по лбу, как бы отгоняя тяжелые думы.

— Куда же это мы едем? — спросил он, стараясь говорить равнодушным тоном.

— К черту! — отрывисто отвечал капитан, с досадой пожав плечами.

— Как к черту! Вы шутите, конечно?

— Нисколько. Вы, как сумасшедший, убежали из замка, и теперь мы едем поздно вечером по каким-то совершенно незнакомым мне местам и далеко можем так заехать, если никуда не свернем.

— Да полноте, капитан! Право, вы всяких пустяков пугаетесь... А вы ведь старый авантюрист!

— Я всегда пугаюсь, когда не знаю, что делаю и куда иду, а главное, когда начинаю какой-нибудь глупостью.

— Это упрек?

— Morbleu! Сохрани меня Бог! Да вы теперь и не в состоянии были бы ни выслушать, ни понять его. Я иду, куда вы идете; отвечаю, когда вы меня спрашиваете. Отчего мне не

сказать вам откровенно, что мы делаем глупость, если это правда?

Граф сдержал нетерпеливое движение.

— Объяснитесь, капитан, — сказал он.

— Мне не в чем с вами объясняться, граф, — поспешно произнес авантюрист. Я хорошо знаю, что вам неприятно видеть около себя человека, который говорил с вами напрямик, но меня это не волнует. Теперь вам так же невозможно отвязаться от меня, как мне бросить вас. Вы мои условия знаете, я не отступлю от них, хотя бы мне пришлось из-за этого выйти с вами на дуэль и вас убить или самому быть убитым.

— Только это будет не совсем удобный способ объяснить-ся, конечно, — с улыбкой заметил граф.

— Может быть, но — *morbleu!* — это, по крайней мере, раз и навсегда порешило бы всякий спор. Признаюсь, вы престранный человек. Вы делаете глупость за глупостью, колете и рубите направо и налево, нанося удары людям ни в чем не повинным; а потом, одумавшись, видя, что поступили, как дурно воспитанный ребенок, кидаетесь на меня, хотя я совершенно непричастен делу. Ну, уж извините! Вы играючи отдались в когти дьяволу — тем хуже для вас!

— Капитан, — ледяным голосом проговорил граф, — у меня терпение коротко, а рапира длинная. Я досих пор никогда никому не позволял так говорить со мной. Потрудитесь сойти с лошади и сбросить куртку. Покончим лучше разом.

Авантюрист почтительно поклонился, сошел, привязал лошадь к дереву и обнажил шпагу. Граф сделал то же самое. Через минуту они неистово дрались.

Вдруг капитан порывисто отступил, воткнул шпагу в землю и сердито взглянул на графа.

— Послушайте, — обратился он к дю Люку, — у вас дурное сердце; вы никого на свете не любите, кроме себя. Пока мы деремся, я уже раза три мог всадить вам в грудь шпагу; вы даже не защищаетесь. *Morbleu!* Я имел о вас совсем другое мнение. Вы ищите ссоры со мной и потом хотите, чтоб я вас убил! Нет, это уж слишком оскорбительно! Господин граф дю Люк, поищите себе другого товарища поуслужливее, который согласился бы избавить вас от жизни, если вы ею так тяготитесь. Ступайте своей дорогой, а я пойду своей. Теперь я вас больше не знаю!

Спрятав шпагу, он оделся, повернулся к нему спиной и, не поклонившись даже, пошел к своей лошади.

Граф вдруг бросил шпагу, подбежал к нему и, кинувшись в его объятия, залился слезами.

— Друг мой, друг мой, — вскричал он, — простите меня! Если б вы знали, как я страдаю!

— *Morbleu!* Да ведь и я тоже! Неужели вы думаете, что я не разделяю вашей горе? Но теперь кончено, прощайте, господин граф!

— Друг мой, неужели вы бросите меня в таком состоянии? Неужели в вас больше нет той горячей дружбы, в которой вы недавно клялись? Что я стану делать один, брошенный всеми? Ну, да, я сознаюсь, я хотел, чтоб вы меня убили! Смерть от руки друга казалась мне легче. Но, клянусь, больше этого не повторится, сознаюсь, что я поступал, как сумасшедший.

— Ну хорошо, граф! На сей раз я согласен забыть прошлое, но если это повторится еще раз, клянусь...

— Молчите, молчите! Вашу руку, капитан, — быстро перебил его граф. — Вы мне дали крутой урок, но я им воспользуюсь. Даю вам честное, благородное слово, что никогда, что бы ни случилось, между нами не будет размолвок.

В эту минуту в чаще соседнего леса слышались крик и выстрелы.

— Что это? — спросил граф.

— Не знаю, — отвечал капитан, — но, может быть, нам благоприятствует случай; мы не напрасно, пожалуй, странствуем в этом незнакомом месте. Поедем на шум.

— Поедем!

Они вскочили на лошадей, осмотрели пистолеты, взялись за шпаги и бросились в лес.

— Подождите меня здесь, — сказал капитан, проехав несколько шагов, — я пойду вперед узнать, в чем дело.

Он бросил поводья товарищу и, сойдя с лошади, исчез за деревьями. Не прошло пяти минут, как он вернулся.

— Право, граф, — весело объявил он, садясь на лошадь, — за вас сам Бог, черт меня подери! Теперь как раз случай доказать, что вы умный человек и даже глубокий политик.

— Что вы хотите сказать? — воскликнул граф.

— Герцог де Роган с отрядом в двадцать человек отбивается от вдвое большего числа солдат, посланных, вероятно, де Люинем в погоню за ним. Как нам поступить?

— *Sang Dieu!* Мы дворяне, капитан. Прогоним посланных де Люиня!

— Отлично! — заключил капитан, и они бросились к месту боя.

Приблизившись к сражавшимся, они выстрелили разом из всех четырех пистолетов, которые держали по одному в каждой руке, и, замахнувшись шпагами, кинулись на отряд де Люиня с криком:

— Роган! Роган!

Солдаты, уже поколебавшиеся от энергичного сопротивления дворян, сопровождавших герцога, подумали, что подошел еще отряд, и бросились бежать. Герцог де Роган был еще раз спасен.

— *Parbleu!* Любезный граф, только вы способны преподнести такие сюрпризы, — весело вскричал он. — Клянусь честью, вы оказали нам большую услугу; эти негодяи сильно напирали на нас. Второй раз я обязан вам жизнью. Но каким образом вы здесь очутились?

Граф почтительно ему поклонился.

— О, это очень просто, монсеньор! — отвечал он. — После того как я имел честь видеться с вами в Мовере, капитан Ватан, которого вы, конечно, позволите мне вам представить, основательно заметил мне, что я не так держал себя относительно вас, как бы следовало. Я сейчас же поехал вслед за вами попросить вас принять мои извинения. Монсеньор, я приехал в Мовер с большой печалью в душе, и...

— Пожалуйста, любезный граф, и не говорите больше об этом! — очень ласково перебил его герцог. — Право, я несколько не сержусь за вашу минутную вспышку, и, предполагая даже, что вы были виноваты передо мной, вы загладили свою вину, еще раз делая меня своим должником.

— Монсеньор...

Капитан Ватан слушал их разговор, улыбаясь втихомолку и с явным удовольствием покачивая головой.

В эту минуту вновь послышался топот приближавшихся лошадей. Свита де Рогана опять сомкнула ряды, готовясь отбить врага.

Но опасения эти вскоре рассеялись: к ним на помощь спешил отряд под командой де Лектура.

— Что нового? — поспешно спросил герцог.

— Дело было горячее, — сообщил де Лектур, — но не беспокойтесь, больше не повторится, теперь все солдаты королевства ничего не могут вам сделать.

Свита замахала шляпами и шпагами с криком:

— Да здравствует де Роган!

— Отлично! — герцог рассмеялся. — Благодарю вас, господа, с таким конвоем я безопасно могу объехать всю Францию. Где мы теперь?

— В полумиле от Корбейля, монсеньор, — объяснил де Лектур. — Барон де Сент-Ромм приготовил в своем замке в окрестностях города комнаты для вас.

— В таком случае, господа, мы лучше всего сделаем, приняв любезное предложение господина де Сент-Ромма и поскорее отправившись в его замок. А вы, граф, с нами? — обратился он к неподвижно стоявшему возле него Оливье.

— Простите, монсеньор, но я так спешил извиниться перед вами, что ничего не захватил с собой и должен непременно вернуться в Мовер.

Герцог подумал с минуту.

— Так вот что, любезный граф, — сказал он, — вас мало знают при дворе; вы ведь никогда до сих пор там не показывались; следовательно, на вас не обратят внимания, и вы можете почти безопасно приехать в Париж. Нам бы хорошо иметь там кого-нибудь из друзей, на которых мы могли бы рассчитывать. Поезжайте к герцогу Делафорсу, переговорите с ним и сделайте все, что он вам скажет... что нужно для нашего дела.

— Извольте, монсеньор, но с условием, чтоб при первой же опасности вы позвали меня.

— В этом вы можете быть уверены, граф. Черт возьми! Вы не из тех, о ком забывают.

— Благодарю вас, монсеньор; теперь позвольте получить ваши последние инструкции.

Герцог достал записную книжку, вырвал оттуда листок, написал несколько слов и, свернув, подал Оливье.

— Отдайте это герцогу Делафорсу. Прощайте, или, скорей, до свидания, любезный граф. Едем, господа!

Герцог еще раз поклонился графу и уехал в сопровождении своих дворян, приветливо приподнявших шляпы, проезжая мимо графа.

— Ну, как я сыграл свою *рольку*, как говорил покойный Карл Девятый? — с улыбкой произнес Оливье, оставшись вдвоем с капитаном.

— Превосходно, должен признаться, милый граф! Я больше не отчаиваюсь в вас и думаю, что чего-нибудь из этого добьюсь. Теперь вы в отличных отношениях с герцогом де

Роганом и имеете официальное поручение. Кроме того, мы обеспечены еще с одной стороны.

— С какой это? — полюбопытствовал граф, смеясь.

— Мы знаем, что не блуждаем в пустыне, а находимся меньше чем в полумиле от хорошенького Корбейля; через десять минут мы будем там, и наши лошади отдохнут.

— Зачем же ехать в Корбейль?

— По множеству причин.

— Черт возьми! Это много значит.

— Успокойтесь, я вам скажу только некоторые.

— Я вас слушаю.

— Во-первых, уже становится поздно, а мы далеко и от Мовера, и от Парижа; во-вторых, лошади наши отдохнут, да и не знаю, как вы, а я буквально умираю с голоду. Наконец, мы неплохо бы поступили, если бы до приезда в Париж условились, что нам теперь предпринять. Другие же причины...

— Можете не приводить их, капитан.

— Ба!

— Мне достаточно и этих, я нахожу их совершенно основательными.

— Чудесно! Так поедem ужинать?

— Когда хотите.

Через полчаса они ужинали в гостинице «Герсдор». Ел, впрочем, один капитан, а граф едва только притрагивался. Беспреданно входившие и выходившие слуги не позволяли им сначала говорить о чем-нибудь близко их касавшемся, но когда подали десерт и вино и по знаку графа прислуга ушла, капитан сказал, налив себе стакан:

— За нашу удачу, друг!

Чокнулся и выпил.

— Что вы хотите сказать? — спросил Оливье.

— Терпение, граф! Тише едешь, дальше будешь.

Откинувшись на спинку кресла, он порывлся в одном из своих глубочайших карманов, достал крошечную трубку, которую мы уже знаем, и набил ее; порывлся в другом, вытащил кусочек бумаги, скрутил, зажег на свечке и закурил трубку.

— Хотите, потолкуем? — предложил он полусерьезным-полунасмешливым тоном, исчезая в густых облаках дыма и поставив на стол оба локтя.

Граф догадался, что готовится что-нибудь серьезное, но покорился.

— Говорите, капитан, — согласился он.

— Вы не курите? — спросил капитан.

— Нет, и очень сожалею, что не могу таким образом составить вам компанию.

— Какое несчастье, граф, что в настоящем вашем положении вы не имеете этой блаженной привычки! Табак — это утешение, друг во всех бедах. Куря, человек забывает свое горе и воображает, что имеет то, чего у него нет: кто — богатство, кто — любимую женщину.

Он налил себе стакан вина и чокнулся.

— За ваше здоровье, милый граф, и за здоровье старого дервиша в Мекке, который первый научил меня курить! Вы считаете себя обманутым, граф, и хотите отомстить, не так ли? — продолжал он, пристально посмотрев сквозь дым на своего собеседника и слегка подмигнув.

— О! — глухо вскричал граф.

— Нет, уж, пожалуйста, не перебивайте меня, мы ведь не играть собрались. Я говорю «мы», потому что живу одним сердцем с вами. Я хочу помочь вам отомстить, но отомстить не низко, не исподтишка, а громко, торжественно. Для этого нам нужно хорошенько переговорить и условиться. Я говорю и действую хладнокровно; а вы — себя не помните от горя, следовательно, рассудок на моей стороне.

— Но...

— Ах, не перебивайте, граф, или я замолчу!

— Говорите, говорите, мой друг!

— Хорошо, но без перерывов. Прежде всего выясним ваше положение, чтоб впоследствии между нами не было никаких недоразумений. Вы обвиняете вашу жену в измене. По той или другой причине я этого не опровергаю; вы говорите, что у вас все доказательства ее измены; я говорю теперь и не изменю своего мнения, что внешняя обстановка вся против графини.

— Внешняя обстановка!.. — глухо произнес граф.

— Да, внешняя обстановка, — твердо повторил авантюрист. — В подобных случаях, милый граф, обманчивее всего бывает кажущаяся правда. Верьте мне, друг мой; я вижу тем более ясно, что вполне беспристрастен в этом деле. Я не знаю графини, я видел ее какие-нибудь несколько минут, но у нее такой открытый, ясный взгляд, что, дайте вы мне еще вдвое больше доказательств против нее, я все-таки буду повторять: нет, граф, ваша жена не виновата!

— Капитан!

— Что скажете? Вам ведь нечего и ответить мне. Вы ребенок, не знающий жизни, до сих пор вы были избалованы счастьем и не видали, как много страдает людей на земле. Жизнь ведь одно долгое страдание, и людей создает горе, полноте, граф! Будьте мужчиной, научитесь страдать. Вас оскорбили, обманули, унизили — все так! Но — *morgbleu!* — тысячу раз то же самое случается вокруг с людьми, еще менее вас заслужившими это, ведь, между нами, вы сами виноваты!

— Я?

— Да, вы, и я очень легко мог бы вам это доказать.

— О, говорите, говорите, капитан!

— Нет, теперь вы мне не поверите. Но не беспокойтесь, когда-нибудь, очень скоро, может быть, если вы согласны слушаться моих указаний, я дам вам такое неоспоримое доказательство, что вы невольно сознаетесь в своей вине. Вас обманули, но кто? Вот в чем вопрос. О графине я даже и не говорю, она совершенно чиста перед вами. И вы, и она, милый Оливье, опутаны целой сетью низостей, нити которых в руках у ваших врагов.

— У моих врагов!

— Ну да! Что вы за ребенок! Неужели вы воображаете, что у вас, простосердечного, доброго, не скупящегося на благодеяния, нет врагов? Вы человек умный, стоит вам подумать немножко, и вы поймете сами, что это так. Это враги из-за угла, прячущиеся, и их-то надо накрыть, и мы накроем, клянусь вам! Но для этого, граф, вы должны довериться не только моей дружбе, но и моему опыту, не мешайте мне порывами ребячьего гнева и смешной ревности, и я доставлю вам радость мести, которой вам так хочется!

— Друг мой, — с чувством сказал граф, — у вас в руках единственное звено, привязывающее меня к жизни. Я в одну минуту потерял все свое счастье, да, вы правду говорите, я совершенно не знаю жизни нашего себялюбивого общества! Мое неожиданное горе чуть не убило меня, но Бог милосерден, он хочет, конечно, чтоб страданье научило меня жить. С этих пор, капитан, вы мой единственный друг, единственная опора в несчастье. Я сделаю все, что вы мне скажете, пойду всюду, куда вы укажете, клянусь вам! Но, пожалуйста, капитан, не будьте так жестоки со мной! У меня сердце разбито, вы видите, я не могу удержаться от слез, говоря вам об этом. О, я ее так люблю, если б вы только знали, капитан!

— Плачьте, друг мой, слезы — это Божья роса, освежающая сердце человека. Плачьте, но будьте мужественны.

— Я совершенно вверяюсь вам, спасите меня.

— Хорошо, клянусь вам, что меньше чем через три месяца вы будете отомщены.

Они помолчали с минуту в глубокой задумчивости.

— *Morbleu!* — вскричал с напускной веселостью капитан, протягивая молодому человеку полный стакан вина. — К черту заботы! За ваше здоровье, граф! Теперь для вас начинается новая жизнь.

— Да, — согласился Оливье, печально покачив головой, — жизнь горя и тревог. Но все равно я не упаду духом!

— Хорошо сказано, *morbleu!* Впрочем, политика скоро так поглотит вас, что вам некогда будет думать о себе, да и, наконец, верьте мне, не оглядывайтесь на прошлое, а смотрите вперед — в будущее.

— Постараюсь, — произнес граф.

На другой день в восемь часов утра граф дюЛюк и капитан Ватан явились в особняк Делафорса.

Герцог сейчас же их принял и, прочтя записку герцога де Рогана, переданную ему графом, долго разговаривал с ними. Результатом этого было то, что граф дю Люк, до тех пор далеко державшийся от политики, мог теперь жить в Париже, где ему нетрудно было благодаря своему состоянию, молодости и красивой внешности сойтись с влиятельными протестантами столицы; в случае успеха со стороны герцога де Рогана это сближение сейчас же открывало ворота Парижа вождям протестантской партии.

Дело было трудное, требовавшее большой ловкости, а главное, находчивости, оно сильно выдвигало графа дю Люка вперед и делало его главным вождем восстания не только в Париже, но и во всех городах Франции; герцог Делафорс должен был немедленно ехать к герцогу де Рогану и, возложив на Оливье столь важное поручение, передал ему таким образом свою власть.

Графу польстило доверие вождей партии, он понимал важность своих новых обязанностей и обещал герцогу полностью отдаться им.

Герцог дал ему подробные инструкции, как действовать, чтоб достичь успеха, и снабдил письмами к разным влиятельным лицам, на которых можно было заранее рассчитывать.

Капитан Ватан за условленную плату, тут же выданную ему герцогом, обязывался прослужить протестантской партии в продолжение пяти месяцев, набрать за свой счет войско в двести пятьдесят человек и в качестве адъютанта графа дю Люка помогать ему всеми силами.

Капитан выговорил себе, однако, при этом, что если за две недели до истечения назначенного срока (двадцать второго февраля, в полночь) договор с ним не возобновится, он будет волен присоединиться к какой хочет партии со всеми своими подчиненными, не вызвав этим упреков ни с чьей стороны.

Условившись таким образом и подписав договор, герцог Делафорс уехал из Парижа.

Вот почему в манерах и образе жизни графа дю Люка произошла такая перемена. Сначала он только играл комедию, но потом вошел в роль и из старого гугенота сделался *утонченным* в полном смысле слова.

Но как бы то ни было, граф дю Люк, по наружности сделавшийся ветреником, умел ловко соединять дело с бездельем — замечательно ловко для человека, совершенно чуждого до тех пор дипломатических интриг, — и исполнял возложенное на него поручение с большим успехом, нежели сам ожидал.

Вот что произошло в продолжение двух месяцев, отделяющих первую часть нашей истории от второй.

Случились за это время и другие, второстепенные происшествия, но мы пока обойдем их, так как они сами собой выяснятся в последующем рассказе, который мы теперь будем продолжать.

ГЛАВА III

Где еще раз доказывается, что единственное средство хорошо узнать — это слушать

граф дю Люк и капитан Ватан, разговаривая между собой, вышли из театра Марэ и пошли по старой улице Вьей-Рю-дю-Тампль; дойдя до угла улицы Де-Пули, капитан вдруг сделал удивленное движение, которое, однако, сейчас же подавил.

— Что с вами, мой друг? — спросил его граф.

— Ничего, хотя, впрочем... — отвечал авантюрист, — я вспомнил, что мне здесь непременно нужно зайти по одному делу, и я хочу воспользоваться случаем.

— А! Верно, утешить какую-нибудь красавицу, — посмеялся Оливье.

— О, полноте! — сказал капитан, победоносно закручивая усы.

— Ну, да уж не скрывайте! Ступайте, ступайте, милый капитан, только не забудьте, что мы с вами условились быть сегодня в десять часов вечера у Дубль-Эпе.

— О, я приду раньше! Вы разве не будете обедать в «Единороге»?

— Право, еще не знаю. Я пойду потихоньку к Новому мосту и часам к шести непременно буду у Дубль-Эпе. Если хотите отобедать вместе, очень рад, мой друг!

— Отчего нет!

— Как хотите, я не буду вас дожидаться.

— Хорошо, до свидания.

Они пошли в разные стороны. Граф дю Люк продолжал лениво идти по улице Вьей-Рю-дю-Тампль, а капитан, повернув за угол улицы Де-Пули, надвинул шляпу на глаза, закутался до носа плащом и зашагал не хуже любого рысака.

На улице Де-Пули никого почти не было, только у домов торопливо шли двое-трое буржуа да ехал какой-то господин верхом.

— Вот он! — прошептал капитан своим насмешливым тоном. — *Morbleu!* Уж на этот раз я точно узнаю, куда он едет, черт подери!

Он пошел тише, подделываясь к шагу, которым ехал господин верхом, чтоб не дать ему заметить, что за ним следят.

Граф дю Люк ошибся, предположив, что друг его спешит на любовное свидание.

Долго капитан шел за проезжим, ехавшим, опустив голову и почти не управляя лошадей. Он, видимо, никуда не торопился.

Это был человек невысокого роста, почти мальчик по фигуре; несмотря на торчавший из-под плаща конец шпаги, его можно было скорей принять за пажа, чем за взрослого мужчину.

На Королевской площади он остановился и оглянулся, как бы ища кого-то глазами. Почти в ту же минуту к нему быстро подошел высокий слуга с медным цветом лица и нахальным взглядом, карауливший лошадь, привязанную к кольцу одной из арок. Низко поклонившись, он ждал приказаний.

Незнакомец наклонился к слуге, обменялся с ним шепотом несколькими словами, потом легко и грациозно соскочил с лошади. Плащ его при этом на минуту раскинулся.

— Morbleu! Я не ошибся, это она! — тихо произнес капитан, с любопытством следивший из-за дерева. — Что она тут делает?

Незнакомец между тем, снова закутавшись в плащ, бросил поводья слуге и большими шагами пошел под арки, сказав ему:

— Не уходи отсюда, Магом, пока я не вернусь!

— Будьте спокойны, — отвечал слуга.

Капитан сейчас же отправился за знакомцем. Тот миновал площадь, прошел между деревьями, сворачивая несколько раз то вправо, то влево, вероятно чтобы сбить с толку тех, кто вздумал бы за ним шпионить, и вдруг, как призрак, скрылся под темным сводом крыльца великолепного особняка.

Но капитана было не так легко провести подобными хитростями. От него не ускользнуло ни одно движение незнакомца, но ему все-таки поневоле пришлось остановиться в нескольких шагах от подъезда особняка, у которого толпились слуги.

Авантюристу нужно было узнать две вещи: чей это был особняк и зачем вошла туда особа, за которой он следил. Первое было легко, второе, напротив, очень трудно. Но капитан много видал и не таких затруднений на своем веку. Прислонившись к дереву, он опустил голову и глубоко задумался.

Вдруг кто-то хлопнул его по плечу.

— Что это вы, капитан, — прозвучал веселый голос, — не спите ли?

— Конечно нет, друг Клер-де-Люнь, но, признаюсь, я в большом затруднении.

— Ба! Что же это с вами?

— Скажи мне прежде всего, какой черт занес тебя сюда? Ты разве знаешь тут кого-нибудь?

— Да у меня обширное знакомство, моя профессия требует этого.

— Так ты можешь, пожалуй, сказать мне, чей это особняк?

— Parbleu! Да кто его не знает? Тут живет его преосвященство епископ Люсонский, протеже королевы-матери.

— А-а! Вот как! — протянул капитан.

— Да, а вам что-нибудь нужно в этом особняке?

— В том-то и дело; и, признаюсь, Клер-де-Люнь, я в большом затруднении: не знаю, как бы мне туда попасть!

— О, это пустяки! Я вас проведу, если хотите.

— Да ты разве знаком с епископом Люсонским? — насмешливо спросил капитан.

— Не то что знаком, а некоторые из его слуг у меня на пенсии.

— Вот еще что! Так ты платишь пенсии, Клер-де-Люнь?

— Даше! Без этого нельзя, капитан, иначе я не знал бы все, что мне нужно.

— Это правда. Так ты берешься провести меня в особняк?

— Конечно, тем более что епископ Люсонский уже больше недели как уехал в Сен-Жермен.

— Ах, черт возьми!

— Это вам неприятно?

— Нет, но сильно меня беспокоит.

— Отчего же?

— Ну, да я тебе лучше уж все расскажу.

— Конечно, капитан; я ведь вам вполне предан, во-первых, а во-вторых, сейчас бы узнал ваши секреты, если бы захотел.

— Я всегда говорил, что ты замечательно логичный человек, Клер-де-Люнь. Слушай же, вот в чем дело. Сейчас в этот особняк вошла одна переодетая особа, которую я подозреваю во вражде к графу дю Люку.

— И вы хотите знать, зачем эта особа пришла в особняк епископа Люсонского?

— Вот именно отсутствие-то его преосвященства и ставит меня в тупик.

— А! Видно, вы не знаете частной жизни епископа. Его нет дома, это правда, но вместо него здесь его правая рука, распоряжающаяся всем, — отец Жозеф дю Трамблэ.

— Я его не знаю.

— Тем хуже и тем лучше, капитан. Особа, за которой вы следите, теперь, наверное, говорит с ним.

— Может быть; так ты все-таки берешься...

— Непременно, капитан; ступайте за мной, только закройтесь хорошенько плащом; не надо, чтоб кто-нибудь узнал вас.

— Ты рассудительный человек, Клер-де-Люнь; я целиком уверяюсь тебе.

— И не раскаетесь, капитан.

Они вошли в прихожую. Капитана очень удивило, что ни один из человек двадцати слуг, зевавших на дворе и в при-

хожей, не остановил их, ничего у них не спросил, даже, по-видимому, не заметил их. Вероятно, им заранее так было наказано.

Клер-де-Люнь прошел весь двор; капитан следовал за ним по пятам. Но, вместо того чтоб подняться по парадной лестнице, они взяли немножко влево; Клер-де-Люнь отворил маленькую дверь, пропустил сначала капитана, вошел за ним сам и запер дверь.

Перед ними в глубине узкого, довольно темного коридора была лестница; они поднялись по ней в первый этаж; Клер-де-Люнь отворил тщательно обитую дверь, за которой была другая, из цельного дуба, обитая железом и очень напоминавшая дверь тюрьмы.

Клер-де-Люнь вытащил свой кинжал и концом его тихонько постучал; дверь сейчас же приотворилась, и выглянуло хитрое лицо какого-то человека, глядевшего исподлобья.

— А! Это вы, начальник? — вполголоса произнес он, скорчив радостную гримасу.

— Я, мой милый Флер-де-Суфр, — отвечал Клер-де-Люнь.

— Что прикажете?

— Слушай, — сказал Клер-де-Люнь и начал шептать ему на ухо.

Они несколько минут так разговаривали; несмотря на всю тонкость слуха, капитан не мог разобрать ни слова.

— Я не ошибся, — сообщил наконец Клер-де-Люнь, наклонившись к уху авантюриста, — особа, которую вы отыскиваете, сидит у отца Жозефа. У них какое-то важное совещание.

— А!

— Флер-де-Суфр, камердинер отца Жозефа, ни в чем мне не отказывает и по моей просьбе согласен провести вас в такое место, откуда вы не только услышите, но даже увидите все, что будет происходить между отцом Жозефом и его гостем.

— Да, — подтвердил Флер-де-Суфр, — только с одним условием, чтоб вы ни одним словом, ни одним жестом не выдали своего присутствия, иначе и вы пропадете, и нас погубите.

— Черт возьми! Сохрани меня Бог! — вскричал капитан, сунув камердинеру несколько пистолей, которые тот с довольной гримасой опустил в карман.

— Пожалуйте, господа, — пригласил он, — но, ради Бога, не шумите!

Извилистыми, темными коридорами, пробитыми, по всей вероятности, в самой стене, они пришли в крошечную комнату, где трое едва могли поместиться.

— Самому отцу Жозефу ничего не известно о существовании этой комнаты и коридора, — проговорил камердинер. — Его преосвященство монсеньор епископ Люсонский нарочно велел устроить их, чтобы незаметно слушать разговоры своего доверенного с являющимися к нему людьми и лично удостоверяться таким образом в его верности.

— *Morbleu!* — шепотом воскликнул капитан. — Не очень-то доверяет почтенный епископ тем, кто ему служит. Но как же вы, мой друг, знаете эту страшную тайну?

— Я вполне предан его преосвященству; епископ сам дал мне место при отце Жозефе.

— И как счастливо выбрал!

— Только один человек оказывает на меня большее влияние, чем его преосвященство, — объявил камердинер, — это Клер-де-Люнь.

Авантюрист вежливо поклонился.

Флер-де-Суфр без шума отодвинул доску в стене; на месте ее очутилось круглое отверстие величиной побольше луидора; с другой стороны стены оно, вероятно, скрывалось под украшавшей ее инкрустацией.

— Посмотрите! — сказал он капитану.

Авантюрист заглянул.

Действительно, на дрянненьком табурете сидел незнакомец, за которым капитан следил; отец Жозеф стоял в двух шагах от него, прислонясь к большому камину, в котором трещали, вспыхивали два-три полена. Чадившая на столе лампа тускло освещала комнату.

Это была довольно большая, но грязная, убого меблированная комната, скорей походившая на келью нищего монаха, нежели на спальню или кабинет секретаря епископа.

На черных, сальных стенах без всяких обоев висели только два-три грубо намалеванных изображения святых. В углу стояла жалкая кровать, обтянутая кожей, с поленом вместо подушки и рваным, грязным одеялом.

В изголовье возле распятия из пожелтевшей слоновой кости висела плеть, покрасневшие концы которой говорили о частом употреблении. Кроме кровати, в комнате были еще

только стол, табурет, на котором сидел незнакомец, и громадный сундук с преинтересной резьбой, а главное, плотно запертый. Из комнаты несло отвратительным запахом, гадкая обстановка ее леденила душу.

Франсуа Леклерку дю Трамблэ, больше известному под именем отца Жозефа, прозванному впоследствии народом Серым Кардиналом в отличие от Ришелье, которого звали Красным Кардиналом, было в это время под сорок четыре.

Он был сын президента Парижского парламента, венецианского посланника при Генрихе IV, и Марии де Лафайет, происходившей по прямой линии от маршала Франции.

Это была довольно древняя дворянская фамилия. Франсуа Леклерк был военный, служил под начальством маршала Монморанси и под именем барона де Мафле, как его тогда звали, отличался не только храбростью на поле битвы, но и волокитством.

В 1599 году, двадцати двух лет от роду, вследствие какого-то страшного любовного похождения, о котором так никто толком ничего и не узнал, блестящий офицер вдруг оставил свет, ушел в монастырь и постригся под именем отца Жозефа.

Отец Жозеф был высок и худ, как скелет, с красновато-смуглым цветом лица, изрытого оспой, с низким лбом, глубоко лежавшими в орбитах глазами, довольно мягкими, но косившими немного, всегда опущенными, и с густыми, мохнатыми бровями, сходявшимися у носа; улыбка его тонких губ была хитра и даже страшна; длинная, жиденькая борода на концах была рыжеватая; он всеми средствами старался подчеркнуть ее, но это не удавалось.

На нем был костюм францисканского монаха во всем его ужасном виде, с грязными сандалиями какого-то неопределенного цвета и босыми ногами, которые он нарочно держал в самой отвратительной нечистоте.

По отзывам всех историков, он был христианином лишь по названию; он всякого умел только обмануть, ненавидеть, презирать, начиная с кардинала Ришелье, которому служил с таким остервенением.

Когда капитан начал слушать, отец Жозеф говорил несколько глухим, вкрадчивым, казалось, кротким голосом, нараспев, как говорит большая часть духовенства.

— Его преосвященство монсеньор епископ Люсонский всем обязан ее величеству королеве-матери, да благословит

ее Бог! — ясно расслышал капитан. — Это добрый, простой, признательный человек, единственная цель которого — по мере собственных слабых сил упрочить счастье своей благотельницы. Предполагать в нем какие-нибудь честолюбивые замыслы значило бы совершенно не иметь понятия о прямоте его характера и, главное, его любви к уединению. Однако, несмотря на это, мой юный друг, — продолжал хитрый монах, притворяясь, что не догадывается, кто его гость, — монсеньор так предан королю, что ничего не пожалеет для разоблачения козней его врагов. Все, что вы мне передали, молодой человек, имело бы огромное значение, если б упомянутые вами факты могли быть подтверждены не нравственными, как вы говорите, а материальными доказательствами. Гугеноты всегда были заклятыми врагами королевства, но с некоторого времени они, по-видимому, смирились и отказались от своих мятежных замыслов. Вы утверждаете противное. Я не могу вам верить. Особенно в настоящую минуту — вожди партии слишком убеждены в могуществе короля, чтоб решиться поднять голову. Кроме того, уж два месяца, как они все оставили двор, разъехались по своим владениям и не делают никаких попыток к новым бунтам.

Монах опустил голову и, исподлобья поглядывая на гостя, лукаво улыбнулся.

— Очень жаль, отец мой, — сказал гость нежным, как у женщины, голосом, — что вы так упорно стоите на своем, тогда как я вам повторяю еще раз, что страшная опасность грозит монархии и, следовательно, всем, кто за нее.

— О ком вы говорите?

— О герцоге де Люине, первом министре, отец мой, и о его преосвященстве монсеньоре епископе Люсонском, самом влиятельном члене государственного совета.

— Но чем же, однако, вы можете подтвердить свои показания? Какой-нибудь незначительный заговор, затеваемый где-нибудь за углом несколькими особами, вещь весьма обычная, существовавшая при всех правлениях. Как бы ни был добр, справедлив, снисходителен король, все-таки найдутся недовольные; но верьте мне, они ничего не могут против него сделать.

— Этих *нескольких* недовольных в одном Париже больше пятидесяти тысяч, отец мой, — гордо отвечал незнакомец. — Я два месяца слежу за ними и не раз, переодетый, присутствовал на их совещаниях.

— Надо признаться, что вы чудесно умеете переодеваться, молодой человек, — лукаво заметил монах.

— Смейтесь, отец мой, а я все-таки знаю замыслы заговорщиков.

— Назовите мне их главного вождя.

— Их не один, отец мой; это ведь обширный замысел; целая протестантская лига с более прочными основаниями, нежели была Лига католическая, которую с таким трудом удалось разрушить покойному Генриху Четвертому. Вы погибните, если не примите мер, полагаясь на свою кажущуюся безопасность. Растянутая под вашими ногами сеть запутает вас наконец так, что вы из нее не выпутаетесь. Вы требуете доказательств?... Я бы тысячи мог дать их вам!

— Дайте!

— Так уж все вам сказать, отец мой?

— Говорите все, мадам, — произнес монах со зловещей улыбкой, сделав ударение на последнем слове. — Разве я не духовный отец?

— Ну, пожалуй, я вам все скажу! Сегодня же у меня будут в руках доказательства. Сегодня вечером в одном известном мне месте будет собрание главных вождей; один из них, не самый влиятельный, может быть, но лучше всех знающий тайны своих сообщников, собирается изменить им. Для этого он требует двух вещей.

— Каких, скажите? — вкрадчиво спросил отец Жозеф.

— Во-первых, полного прощения за все, что он до сих пор сделал против короля.

— Религия, — гнусливо протянул монах с фальшивой улыбкой, — велит нам принимать заблудших овец, возвращающихся в недра церкви. Я не вижу препятствий к этому прощению.

— Кроме того, сильно опасаясь мщения своих собратьев, он хочет как можно скорее уехать к себе на родину и просит пятьсот пистолей, которые дадут ему возможность скрыться от преследований.

— Пятьсот пистолей!

— Немного, кажется, в сравнении с тем, что я вам предлагаю и что может принести такую огромную выгоду монсеньору епископу Люсонскому.

— Еще раз говорю вам, что его преосвященство не желает вмешиваться в эти вещи. Монсеньор де Ришелье вовсе не политик; он смиренный, скромный, милосердный священ-

ник, которого больше смущают, нежели удовлетворяют, высокие милости короля и королевь-матери, но он так горячо предан королю, что, хотя и не богат — ведь все его состояние уходит на бедных, — никогда не пожалеет денег, если дело идет о разоблачении разных темных замыслов врагов его величества. Его преосвященство в разных случаях показывал большую благосклонность к вам. И теперь, в его отсутствие, я согласен исполнить ваше желание; но берегитесь, монсеньор не такой человек, с которым можно шутить безнаказанно; если эти деньги пойдут на то же, на что уже пошли, то есть на кутежи в трактирах вашего братца, очень красивого господина, надо отдать ему справедливость, но слишком шибко мотающего деньги, вам придется раскаться, именно вам лично, в неисполнении обещаний.

— О, отец мой, будьте уверены, что только судьба может помешать мне сдержать данное вам слово!

— Очень желал бы, чтобэтобыло так. Вы предупреждены теперь.

Отец Жозеф снял с шеи висевший на стальной цепочке ключ, открыл сундук, достал мешок с деньгами и подал гостю.

— Вот тысяча пистолей, — сказал он, улыбаясь, — пятьсот вам, а пятьсот на то, что вы знаете. Теперь поступайте и вы так же, но помните, о чем я вас предупреждал; вы можете сильно поплатиться.

— Я не допущу себя до этого, отец мой, — отвечал незнакомец, опуская мешок в карман.

— Когда я получу от вас какое-нибудь известие?

— По всей вероятности, завтра, если мне удастся, отец мой.

— А если нет?

— Тогда через три-четыре дня; но я надеюсь, что мне удастся: я слишком хорошо принял меры.

Монах недоверчиво покачал головой.

— Часто именно те меры и не удаются, которые бывают слишком хорошо приняты, — произнес он. Ну, да что Бог даст! Не забудьте, когда придете еще, всегда спрашивать Лавердюра; это имя незаметнее. Ступайте, дитя мое, и да просветит вас Господь!

Незнакомец поклонился и ушел.

Оставшись один, отец Жозеф улыбнулся своей страшной улыбкой.

— Только женщины умеют затевать интриги, — проговорил он, — этой дело удастся, если я не грубо ошибаюсь; ею ведь руководит страсть. Но что мог ей сделать граф дю Люк де Мовер? Тут кроется какая-нибудь любовная измена... Ба-а! Да что мне до этого! Лишь бы ей удалось!

Капитан с отвращением отошел.

— Уедем, — сказал он, — нам, слава Богу, больше нечего здесь делать.

Через пять минут они с Клер-де-Люнем снова были под арками Королевской площади.

— Ну, что, капитан, довольны ли вы? — спросил, смеясь, *tire-laine*.

— Я думаю! — отвечал капитан. — Ты дал мне возможность, не раскрывая кошелька, узнать тайну, за которую я не задумался бы заплатить двадцать тысяч ливров!

— Черт возьми!.. Так это очень важная тайна?

— Важнее, нежели ты предполагаешь, приятель. Кстати, не знаешь ли ты адреса нашего друга графа де Сент-Ирема?

— Нет, капитан, но могу узнать, если он вас интересуется.

— Не только интересуется, Клер-де-Люнь, но я горю желанием с ним подружиться.

— Так не беспокойтесь, адрес будет вам доставлен, капитан.

— Скоро?

— Надеюсь. Что вы осматриваетесь кругом?

— Да хочу знать, куда уехал наш незнакомец.

— И его найдем, капитан, если вам так нужно это.

— Отчего же! Не отпираюсь, что нужно. Клянусь душой, Клер-де-Люнь, ты чудесный товарищ!

— О, капитан, вы мне льстите!

— Да нет же, уверяю тебя, я говорю то, что думаю. Но куда это ты так бежишь?

— Я-то? Обедать; признаюсь, что умираю с голоду. А вы?

— И я тоже. Пойдем вместе, Клер-де-Люнь, и за обедом потолкуем. Хочешь?

— Очень рад, капитан. Куда мы пойдем?

— *Parbleu!* К Дубль-Эпе. Нигде так хорошо не поешь, как у него.

— А вы любите поесть, капитан?

— Когда придет фантазия.

Они посмеялись и ушли.

В чем состояла легенда таинственного дома

а улице Серизе, в нескольких шагах, от одного великолепного особняка, почти напротив него, стоял дом, очень простой с виду, но выходявший фасадом во двор, а позади имевший сад, за тенистыми деревьями которого его с улицы почти не было видно.

Уж много лет тут никто не жил, и дом разрушался, но некому было поправить его.

О нем ходили мрачные легенды. Его называли таинственным домом; жители того квартала, проходя вечером мимо него, дрожали и прибавляли шагу.

Легенда этого дома относилась ко времени последней осады Парижа Генрихом IV, когда бедные жители несчастного города так страдали от голода, что, по словам Совалы, «матери съедали своих детей». К голоду присоединилась еще и чума.

В это время дом, о котором мы говорим, принадлежал одному члену парламента, Добантону.

Как только начался голод, Добантон заперся у себя с семьей, состоявшей человек из десяти мужчин, женщин, детей и четверых слуг; затем окна и двери заколотили, и обитателей дома больше никто никогда не видел. Часто слышались оттуда плач, крики, стоны, потом все вдруг смолкло навсегда...

Прошло много времени; заключили мир; граф Бриссак, парижский губернатор, сдал город королю, и жизнь там вошла в свою привычную колею. Только дом Добантона по-прежнему оставался молчаливым и мрачным.

Два года спустя приехали из провинции родственники Добантонов вступить в наследство имуществом. Дом отворили по постановлению парламента в присутствии комиссара и двух приставов.

Страшная картина представилась вошедшим: везде лежали скелеты; кое-как собрав разрозненные кости, из них составили фигуры шестерых взрослых и четверых детей; куда делись остальные четверо, так и не могли попытаться.

Пораженные ужасом наследники велели опять запереть дом, уехали и больше не возвращались.

С этого времени дом прозвали таинственным или заколоченным.

Прошло несколько лет; брошенный дом почтисовсем разрушился под влиянием времени, как вдруг месяца за полто-

ра до того дня, с которого начинается наш рассказ, жители квартала с изумлением увидели множество рабочих, собиравшихся поправлять полуразрушенное здание. Его исправили в две недели.

Раз, в восьмом часу вечера, к нему подъехали телеги с мебелью и закрытая коляска; приехавшие вошли в дом, сейчас же заперев его за собой. Незадолго до восхода солнца телеги уехали пустые, а коляска с теми, кто в ней был, не выезжала больше. Значит, они там поселились. «Кто же это решился опять жить в таинственном доме?» — спрашивали друг друга жители квартала, но никак не могли разрешить этот вопрос, так как никто не видал новых жильцов. Однако мы, пользуясь правом романиста, покажем их читателю.

Прошло часа два после того, как капитан Ватан слушал разговор отца Жозефа с незнакомцем.

В одной из комнат таинственного дома, в хорошеньком будуаре, сидела в шезлонге молодая женщина, утопавшая в волнах кружев; лицо ее было бледно, похудело и осунулось от страдания; она смотрела вокруг, не глядя в сущности ни на что, и из глаз ее текли слезы, которых она даже не отирала; на полу валялась книга, видимо выпавшая у нее из рук.

Это была Жанна дю Люк де Мовер.

Бедняжка была очень несчастна; ее, чистую, целомудренную, судьба так неожиданно поразила в самой горячей, истинной любви.

Но Жанна плакала не о своем погибшем счастье, а о том, которого по-прежнему любила, несмотря на его вину.

По временам она взглядывала на хорошенького белокурого мальчика, уснувшего, играя, у нее на коленях, и из груди ее вырывалось почти рыдание.

— О Господи! — говорила она разбитым от горя голосом. — Он может не любить меня, но сына, его Жоржа! О нет! Он вернется, я знаю, я чувствую это!

На роскошных часах пробило половину восьмого. Почти в ту же минуту приподнялась портьера и мэтр Ресту доложил:

— Его преподобие отец Грендорж.

Священник почтительно поклонился графине и по ее приглашению сел возле на табурет.

Пристально посмотрев с минуту на молодую женщину, он раза три покачал головой.

— Вы опять плакали, графиня, — сказал он тоном ласкового упрека, с сердечным участием в голосе.

— Да, — отвечала она, — не стану скрывать от вас, отец мой. Сил нет удерживаться. Я так страдаю! Эти слезы почти облегчают меня.

— Плачьте, графиня, — слезы утешают, но не падайте духом. Помните, что несчастье ваше незаслуженно, и поэтому плачьте не над собой — вы невинны и чисты перед Богом, — а над тем, который несправедливо обвинил вас в минуту заблуждения, но непременно вернется и снова будет у ваших ног, я убежден в этом; он сам станет умолять вас о прощении, в котором вы ему тем более не откажете, что он много виноват перед вами.

— Отец мой, у меня силы подламываются, я чувствую, что умираю.

— Не надо так говорить, дочь моя; будьте мужественны; Господь посылает вам испытание — значит, любит вас. Вы женщина и мать, следовательно, ваша жизнь должна быть полна самоотвержения и покорности; она принадлежит не вам, а вот этому прелестному ангелу, который спит у вас на коленях.

— Знаю, отец мой.

— Так покоритесь воле Божией. Кто знает, может быть, за вас когда-то будет слишком хорошо отомщено!

— Что вы хотите этим сказать, отец мой?

— Ничего, графиня; простите меня за эти слова, я сожалею, что сказал их. Бог свидетель, что я пришел сюда не прибавлять вам страдания, а утешить светлым лучом надежды.

— Что такое?

— По вашему приказанию, графиня, я с самого дня нашего переезда сюда отыскивал женщину, молочную сестру вашей матери, воспитанную в особняке Фаржи.

— И вы наконец нашли ее, мою милую Фаншету?

— Да, мне посчастливилось, графиня; сегодня вечером она зайдет к вам.

— О, скажите, пожалуйста...

— Нет, графиня; я могу каким-нибудь нескромным, грубым словом нечаянно испортить вам удовольствие разговора с ней. Позвольте мне пока ничего вам не говорить.

— Благодарю вас, отец мой, вы добры и понимаете мое сердечное горе. Да, лучше мы поговорим с ней вдвоем; женщины понимают друг друга по одному взгляду, по улыбке. В котором часу она придет?

— В девять, графиня.

— Ах, как мне долго покажется время! Я предчувствую, что она скажет мне многое, чего я еще не знаю.

— Мужайтесь, графиня, думайте о вашем бедном муже, целуйте сына, и время пролетит незаметно.

— Отец мой, а вы видели Диану, мою милую Диану?

— Нет, графиня, — несколько сухо отвечал священник.

— Вы ее не любите, отец мой. Бедное дитя! Она теперь совсем одна! По вашему настоянию я уехала, не сказав ей, куда. Знаете, отец мой, я упрекаю себя за это в душе, она ведь была моим постоянным другом, подругой детства. Бедная, милая Диана, как она теперь должна тревожиться!

— Графиня, мой сан велит мне прощать, а не осуждать. Подождите еще несколько дней, умоляю вас; не старайтесь видаться с этой подругой, о которой вы так сожалете. Скоро, я надеюсь, объяснится многое. Каждый человек может ошибаться. Если я ошибся, поверьте, я первый сознаюсь в своей вине; но до тех пор, графиня, умоляю вас, предоставьте мне полную свободу действовать, как предоставляли до сих пор. Бог нас видит и судит. Еще только несколько дней...

— Хорошо, отец мой, если вам этого непременно хочется. Но когда эти несколько дней пройдут?..

— Я или докажу вам, что я прав, графиня, или откровенно сознаюсь, что ошибся.

Наступила минута молчания.

— Давно вы были в Мовере? — поинтересовалась графиня.

— Сегодня.

— И... ничего нового? — нерешительно спросила она.

— Ничего, графиня; только бедные слуги в отчаянии, что вы так вдруг уехали от них.

Она вздохнула.

— Разве вы больше не думаете вернуться в Моверский замок?

— Нет, я бы умерла в этом доме, где началось и кончилось мое счастье.

Она встала и, не потревожив тихого сна своего младенца, отнесла и уложила его в прелестную колыбельку.

В это время портьера приподнялась и вошел мажордом.

— Что вы, мэтр Ресту? — ласково осведомилась графиня.

— Графиня, там женщина просит позволения войти к вам.

— Вы ее знаете? Она вам сказала свое имя?

— Имени она не говорила, но я ее знаю; это из ваших мест, она замужем за одним из прежних арендаторов господина графа. Ее зовут Фаншета Грипнар.

— О, пусть войдет, пусть войдет!

Мажордом поклонился и вышел. Священник встал.

— Вы уходите, отец мой? — обратилась к нему графиня.

— Да, графиня, — произнес он, улыбаясь. — Есть обстоятельства, когда третье лицо всегда стесняет.

— Ну, идите, отец мой, — сказала она с легкой улыбкой. — Но вы ведь скоро вернетесь?

— О, конечно, графиня! Разве я не вполне предан вашей семье?

Он поклонился и ушел в одну дверь, а Фаншета вошла в другую.

Хозяйка гостиницы была бледна и, видимо, сильно взволнована. Она неподвижно остановилась посреди комнаты, выжидая, пока уйдет мажордом; как только за ним опустилась тяжелая портьера, она мигом очутилась на коленях перед графинею, осыпая ее поцелуями и заливаясь слезами.

— Фаншета, моя добрая Фаншета! — вскричала Жанна, подняв ее, сжимая в объятиях и плача вместе с ней.

Несколько минут они не могли выговорить ни слова. Но Фаншета была простая женщина, не привыкшая долго давать волю чувству; кроме того, лета и полная борьбы жизнь закалили ее против страдания.

— Как я рада, что снова вижу вас! — воскликнула она еще дрожащим голосом.

— А я как рада, моя милая Фаншета! Так ты все еще любишь меня?

— Больше, чем когда-нибудь, графиня, потому что вы страдаете!

— Так ты знаешь?..

— Все знаю, дорогая госпожа.

— Зови меня другом, Фаншета; сделайся для меня опять тем же, чем была тогда, когда я веселым ребенком бегала под твоим надзором по лесам Фаржи.

— Графиня!..

— Пожалуйста! Ах, я была тогда счастлива! Все мне улыбалось; я играла и пела и не знала страдания даже по названию. Теперь все изменилось; навсегда миновало счастливое время.

— Не теряйте надежды, графиня.

— Не терять надежды! И ты мне тоже повторяешь это банальное слово, которому нет отголоска в моем сердце. Надежда не существует для несчастных, а если и существует, так только в могиле.

— О, графиня, зачем такие мрачные мысли! Зачем так поддаваться горю?

— Нет, Фаншета, я только хочу убить его в себе. Ты мне напомнила собой слишком скоро пролетевшее время; но оставим эти воспоминания! В продолжение нескольких дней я многое обдумала, спросила свою совесть, ища, не виновата ли я сама отчасти в своем горе, и вижу, что нет! Я совершенно чиста перед мужем, вся моя вина в том, что я слишком его любила, слишком неосторожно поступала, сделав его источником всех моих радостей, всего моего счастья. Но я женщина, Фаншета, я из рода богатырей; горе может согнуть меня на время, но потом я опять поднимусь. Фаншета, я люблю своего мужа и хочу отомстить за себя.

— Отомстить за себя, графиня! О! Что же это вы хотите сделать?

— Да, слушай, что я тебе скажу, Фаншета. Я могу говорить с тобой совершенно откровенно: ты ведь была спутницей моего детства, знаешь все мои хорошие и дурные качества и не станешь никому открывать моего секрета. Я люблю своего мужа, и он меня любит всей душой. Никто лучше меня не знает всех его чудесных достоинств и всех слабостей его характера. Не знаю, почему, да и он сам, пожалуй, не знает, он разбил мое сердце, оскорбил мою любовь, при постороннем человеке бросил мне в лицо обвинение, которое навсегда разбивает счастье женщины. Но как бы то ни было, как ни старается мой муж забыться и доказать себе, что был прав, он любит меня, любит не за красоту и молодость — ему, разумеется, могут встретиться женщины и красивее, и моложе меня, — а потому что хорошо меня понимает и в глубине души отдает мне полную справедливость; одним словом, он знает, что я не виновата.

— О да, графиня! Да чтоб убедиться в этом, ему стоит только взглянуть на вас.

— Ну так вот, видишь ли, — продолжала с лихорадочным оживлением Жанна, — он нанес удар моей любви. Пусть он выстрадает все, что я выстрадала; пусть придет к моим ногам вне себя от раскаяния, стыда, отчаяния и любви, пусть, рыдая, умоляет меня о прощении, а я...

— Вы его простите.

— Можетбыть! — сказала графиня, как-то странно улыбувшись, помолчала с минуту, потом спросила:

— Ты видела его после того, как он уехал из Мовера?

— Очень часто вижу, графиня. Разве вы не знаете, что он живет у нас в гостинице, на Тиктонской улице?

— А!.. Нет, я этого не знала. Не правда ли, Фаншета, какой он красивый, щеголь, особенно с тех пор как, сбросил с себя застенчивость гугенота, в которой его так упрекали, когда он был под влиянием жены? Он теперь совсем другой стал, живо изменился от внимания придворных красавиц! И я им от души за это благодарна, — прибавила она, стиснув зубы.

— Как! Вы знаете, графиня...

— Конечно, знаю, Фаншета. Мне хорошо известно, что граф дю Люк де Мовер — один из самых блестящих кавалеров при дворе Людовика Тринадцатого; что его любят самые знатные дамы; что одна его улыбка, один его взгляд делают их счастливыми!

— Но как вы все это узнали?

— Так тебе очень хотелось бы знать это, Фаншета? Но это мой секрет, это касается моей мести, милочка; в этом секрете я себе самой даже едва решаюсь сознаться, — произнесла она, слегка сдвинув брови. — Но я рада, что граф живет у тебя в гостинице. Ты ведь предана мне, Фаншета?

— О, графиня! — грустно воскликнула та.

— Прости, я уверена в тебе, но мне хотелось слышать это от тебя самой.

— Я вам предана душой и телом, графиня, ведь ваша покойная мать поручила вас мне!

— Да, моя добрая Фаншета, я виновата! Так если ты мне будешь нужна, и скоро, может быть...

— О, в тот день, графиня, я сочту себя очень, очень счастливой!

— Ну, хорошо, я надеюсь на тебя. Слушай же, что я тебе скажу, Фаншета...

В эту минуту в дверь тихонько постучали, потом поднялась портьера и вошел мажордом.

— Умоляю графиню простить меня, что я явился, когда меня не требовали, — проговорил он.

— Что случилось, мэтр Ресту?

— Графиня, там какой-то огромный солдат, прегрубый, требует, чтоб вам о нем доложили.

— Сегодня как будто день приемов, — Жанна улыбнулась. — Вы его не знаете?

— Он, графиня, похож на авантюриста последнего разряда; прегрубый, как я имел честь докладывать, чуть не прибил меня; а между тем я его где-то видел.

— Но ведь он, вероятно, сказал вам свое имя, мэтр Ресту?

— Точно так, графиня; его зовут капитан Ватан.

— Ватан! — с удивлением вскричала Фаншета. — Этот человек здесь?

— Я имел честь доложить графине, — обиженно ответил мажордом.

— Странно! — прошептала мадам Гриппнар.

— Что странно, милая Фаншета?

— О, если я не ошибаюсь!.. — промолвила Фаншета, как бы говоря сама с собой, и твердо заключила, обращаясь к неподвижно стоявшему у порога мажордому:

— Пусть капитан Ватан войдет!

— Я жду приказания своей госпожи, — сухо возразил мэтр Ресту, — она одна, насколько я знаю, имеет право приказывать здесь.

Женщины переглянулись с улыбкой.

— Попросите его войти, мэтр Ресту.

Мажордом почтительно поклонился, отворил дверь и доложил:

— Капитан Ватан.

Авантюрист вошел, опершись одной рукой на рукоятку рапиры. Остановившись посреди комнаты, он снял шляпу, почтительно поклонился и ждал, когда с ним заговорят. Знаком велел мажордому выйти, графиня отвечала наклонением головы на поклон капитана.

— Что доставляет мне честь вашего посещения? — осведомилась она.

— Моя глубокая любовь к вам, графиня, — произнес он, поклонившись еще ниже, — искренняя дружба, которую я почувствовал с первого раза, как увидел вас.

Он поднял голову и подкрутил усы.

Графиня невольно улыбнулась оригинальному обороту фразы.

— Кто вы такой? — спросила она.

— Вы, вероятно, уже знаете мое имя, графиня, от глупца, который вам обо мне докладывал. Меня зовут капитаном Ватаном; имя забавное, но ведь я не виноват, что мне его

дали; да и не в том дело; я пришел сюда сказать вам, что вполне вам предан; этого, я вижу, для вас недостаточно, так вот Фаншета Грипнар, которая, кажется, пользуется полным доверием с вашей стороны, я убежден, не задумается поручиться за меня, как за себя самое. Здравствуйте, дружок мой Фаншета; скажите же, пожалуйста, графине, какого вы обо мне мнения. Не бойтесь за мою скромность — это избавит нас от длинных объяснений, которые всегда заставляют терять золотое время.

— О, капитан, дорогой капитан, как я рада, что вы пришли сюда! — воскликнула Фаншета. — Милая госпожа, вы совершенно можете довериться капитану Ватану. У него чудесное, благородное сердце!

Графиня встала и, подойдя к капитану, продолжавшему неподвижно стоять посреди комнаты, пристально посмотрела на него с минуту.

— Благодарю вас, — с чувством сказала она, протянув ему руку, — и так же искренне принимаю вашу преданность, как вы мне ее предлагаете. Я вас еще не знаю, но какое-то внутреннее чувство влечет меня к вам и говорит, что я могу положиться на вас. Теперь мы союзники, брат и сестра!

Страшная бледность разлилась при этих словах по лицу авантюриста; две слезы задрожали на его ресницах; он низко поклонился, чтоб скрыть волнение, и почтительно поцеловал руку графини. Благодаря железной воле ему удалось подавить чувство и скрыть его в своем сердце.

Он снова сделался хладнокровен, спокоен, насмешлив, как обычно.

— Договор заключен, графиня, — объявил он, — и — Бог свидетель! — уж никак не я его нарушу!

— Садитесь, капитан, — с улыбкой предложила она. — Но, извините за вопрос: скажите, пожалуйста, каким образом вы меня знаете, а я не припомню, чтоб когда-нибудь видела вас?

— По очень простой причине, графиня, — отвечал авантюрист, усаживаясь в кресло. — Я всего раз имел честь вас видеть в Моверском замке и при таких обстоятельствах, к сожалению, что вы не могли обратить на меня внимание. Я близкий друг графа, вашего мужа, и раза два даже спас ему жизнь. У нас с ним все пополам; он не имеет тайн от меня, а я теперь, — с улыбкой прибавил он, — буду иметь от него секреты.

— Как! Вы близкий приятель графа дю Люка, а я не знала этого?

— Потому что мы познакомились всего недели за две до вашей ссоры.

— Ссоры! — горько повторила графиня.

— Другого названия этому я и не допускаю, графиня, — многозначительно произнес авантюрист.

Она вздохнула.

— Позвольте мне одно сказать вам, графиня: вы молоды, хороши собой и вступили в жизнь золотыми дверьми. Безумно было бы жалеть вас, так как во всем случившемся вы первая виновница.

— Каким это образом?

— Вы слишком любили вашего мужа.

— О, это правда! — прошептала она.

— Ну, а теперь я, друг вашего мужа и ваш, главное, пришел прямо сказать вам: мужайтесь, графиня! Вы еще очень молоды, чтоб горе могло иметь для вас то ужасное значение, которое вы ему придаете. Вы слишком прекрасны и, простите за тривиальность выражения, слишком искренне влюблены, чтоб терпеливо переносить нанесенное вам оскорбление. Вы захотите, если не захотели уже, отомстить; я убежден в этом и готов всеми силами помочь. Надеюсь, что мне удастся отстоять ваше дело. Положитесь на меня, графиня, и будьте уверены, что я всегда к вашим услугам, что бы ни пришлось предпринять.

— Все, что вы говорите, капитан, — сказала Жанна, — так замечательно согласно с моими собственными мыслями, что я не знаю, брежу я или наяву вас слышу; кто мог рассказать вам то, в чем я себе самой едва смею сознаться?

— Мое сердце, графиня. Вы меня не знали, но я постоянно следил за вами и люблю вас, как дочь; вот чем я могу вам все это объяснить: я был верным товарищем вашего отца; умирая, он поручил мне заботиться о вашем счастье. Пока вы были счастливы, я должен был оставаться неизвестным вам, но в несчастье мне велено было прийти к вам и сказать, как я говорю теперь. Вы страдаете, обопритесь на мою руку; она сильна и не изменит вам. Вот, графиня, почему до сих пор вы меня не знали, а теперь я к вам являюсь!

— О, мой дорогой отец! — вскричала, залившись слезами, графиня. — И после смерти он охраняет меня! Его отеческая любовь служит мне защитой даже тогда, когда он сам давно

в могиле! Благодарю вас, капитан, что вы обо мне вспомнили. Вы пришли ко мне от имени господина де Фаржи, вы его представитель: будьте уверены, что я всегда останусь вам покорной, почтительной дочерью, что бы ни случилось, так как теперь вы для меня почти отец!

— Хорошо, графиня; этого мне от вас и хотелось, — отвечал со сдержанным волнением капитан. — Теперь обращаюсь еще с просьбой: Фаншета вас воспитала; в случае надобности она подтвердит мои слова...

— О да! — горячо вскричала мадам Грипнар. — Да, графиня, капитан говорит вам истинную правду; он действительно любит вас, как отец.

— Ты знала это, моя милая Фаншета, — произнесла графиня тоном ласкового упрека, — и молчала!

— Клятва не позволяла мне говорить, графиня.

— Ну, я на тебя не сержусь. Я так счастлива, капитан, что нахожу в своем горе столь самоотверженную помощь, как ваша! Теперь я чувствую в себе силы и мужество. Что вы еще мне хотели сказать?

— Вот что, графиня: мне непременно нужно иметь право во всякое время явиться к вам и говорить с вами так, чтобы никто не подозревал даже о наших отношениях. Вы понимаете, конечно, графиня, как важно то, о чем я вас прошу? Можете вы устроить это?

Графиня улыбнулась.

— Теперь я докажу вам, капитан, как я вам доверяю. Фаншета, возьми лампу; пойдете, капитан!

ГЛАВА V

Почему капитан Ватан сознался в душе, что случай — великий распорядитель

 рафиня заперла на задвижку обе двери будуара, подошла к огромному портрету графа дю Люка и прижала крошечным пальчиком пружину, скрытую между украшениями рамы. В ту же минуту часть обоев отодвинулась, огромный портрет повернулся, и они очутились у входа в длинный темный коридор.

Графиня взяла у Фаншеты лампу.

— Идите за мной, мои союзники, — сказала она, улыбаясь. — Вы видите, здесь, как во всех крепостях, есть тайные, никому не известные ходы. Я могу выдерживать осаду и уйти, не опасаясь, что меня кто-то остановит.

— Morbleu! — воскликнул капитан. — Клянусь душой, само небо за нас. Это превосходное и надежное средство сообщения.

— Да, — с улыбкой подтвердила графиня, — никто не подозревает о существовании этого подземелья. Оно идет очень далеко и имеет два выхода, один — за заставой города, около Бастилии, а другой — на берегу Сены.

— И вам точно известно, что о существовании подземелья никто больше и не подозревает?

— По крайней мере, я уверена, что о нем знает еще только один человек.

— Гм! — заметил как бы про себя капитан. — А это много значит.

— Но нам незачем торопиться, — проговорила графиня, снова запирая вход в коридор, — прежде чем мы пойдем посмотреть подземелье, я вам расскажу, как сама о нем узнала. Это стоит послушать.

Поставив лампу на стол, она снова села. Сели и капитан с Фаншетой.

— Я коротко расскажу вам. Когда граф дю Люк уехал от меня, как вы знаете, капитан, жизнь в Мовере сделалась для меня невыносимый; кроме того, мне хотелось всячески быть поближе к нему; с глупой нежностью любви я воображала, что разлука станет мне не так тяжела, когда мы будем дышать с ним одним воздухом; наконец, живя в том же городе, я надеялась лучше все узнать о муже. По моему приказанию мэтр Ресту, мой мажордом, отправился приискать где-нибудь в захолустье Парижа дом, в котором я могла бы жить одна, никому не известная. Через неделю такой дом был найден и куплен за безделицу из-за ходившей о нем какой-то страшной легенды, вследствие которой жители квартала боялись даже проходить мимо него, а хозяева и совсем его бросили много лет тому назад. Но дом был почти совершенно разрушен; приходилось поправить его весь, даже самые стены. Я написала своему архитектору, мэтру Персевалю.

— Мэтру Персевалю?.. — переспросил капитан, как бы что-то припоминая. — Я, кажется, слышал эту фамилию.

— Очень может быть. Это известный архитектор; если б только он не любил так карточную игру, он мог бы составить себе огромное состояние.

— Да, да, — продолжал капитан, — мэтр Персеваль.. живет на улице...

— Сент-Оноре, — досказала графиня.

— Он самый, — подтвердил капитан. — Только это мне и надо было, — прибавил он мысленно. — Что же дальше, графиня?

— Я переговорила с Персевалем и просила его о главном: чтобы через две недели мне уже можно было переехать в дом, обещая за это прибавку в пятьсот пистолетов. Он сейчас же принялся за дело, и оно пошло, как по маслу; однажды архитектор внезапно приезжает ко мне в Мовер. Разбирая часть одной стены, грозившей обвалиться, рабочие неожиданно нашли вход в коридор, который вел в подземелье с двумя выходами, как я вам говорила. Мэтр Персеваль немедленно приостановил работы и приехал ко мне спросить, что делать с этим ходом. Он обошел все подземелье; по его словам, оно было очень давно устроено, в нем нашлись даже побелевшие кости; оно было высоко и довольно просторно; сквозь незаметные трещины туда проникал воздух; вообще, по его словам, оно прекрасно сохранилось. В первую минуту я подумала заложить ход, но потом мне пришло в голову, что может быть, когда-нибудь он мне и пригодится, пожалуй. Я поехала с Персевалем в Париж и, велев кучеру ждать меня на Королевской площади, спустилась с архитектором в подземелье и осмотрела его. Мэтр Персеваль показал мне механизм, посредством которого отворяется ход, и научил отворять и запирать его; я просила, чтоб он провел коридор к моему будуару и закрыл его листом железа в величину портрета мужа, а в украшениях рамы скрыл бы пружину, которую я всегда могла бы без труда приводить в движение; таким образом, если бы и открыли случайно один из ходов, то ко мне все же нельзя было бы попасть без моего ведома. Я просила архитектора сохранить все в глубочайшей тайне и заплатила ему за это пятьдесят тысяч ливров. Мэтр Персеваль дал клятву и для большей безопасности сам приделал железную дверь, обтянул это место стены обоями, повесил портрет и приноровил пружину; это делалось ночью, и я одна помогала архитектору, светя во время работы. Видите, капитан, секрет никому не известен, потому что его знает, кроме меня, только архитектор.

— Так, так, графиня, но еще лучше было бы, если б и он этого не знал. У мэтра Персеваля есть кое-какие маленькие грешки, хотя он очень хороший человек; он играет, например, а я, признаюсь, всегда остерегаюсь пьяниц и игроков;

страсть, доведенная до высшей степени, делает в данную минуту самого рассудительного и честного человека безумцем.

— О, неужели вы думаете?..

— Я ничего не думаю, графиня; я только указываю на существующий факт. Но оставим это; сделанного не переменишь; если позволите, пойдемте теперь осмотреть ваше чудесное подземелье, которое почему-то сильно мне понравилось.

— Пойдемте, капитан; только предупреждаю вас, придется спуститься на шестьдесят три ступени вниз.

— *Morbleu!* — воскликнул, улыбнувшись, капитан. — Довольно глубоко.

— Благодаря этой глубине только, как мне сказал мэтр Персеваль, его до сих пор не открыли.

— И я то же думаю, — отвечал авантюрист. — Дай Бог, — прибавил он про себя, — чтоб этого вскоре не случилось! Но я буду следить.

Графиня прижала пружину, взяла лампу, и они втроем вошли в коридор.

Он был довольно широк, но немножко сыроват вследствие недавних работ, которые тут производились. После нескольких поворотов начиналась винтовая лестница с железными перилами; ступени были широки, сухи и совершенно хорошо сохранились — все шестьдесят три. Спустившись вниз, они очутились на маленькой площадке, в нескольких шагах от которой было два выхода.

Графиня пошла к правому; они в полном молчании быстро шли по небольшому узкому коридору. Сероватые стены казались одной из циклопических построек; пол был из мелкого, желтого, как золото, песка.

— Мы идем теперь под Целестинским монастырем, — сказала через минуту графиня и, указывая на большой выход влево, пояснила: — Отсюда можно пройти в другую часть подземелья.

— А! Понимаю, — заметил капитан.

Через десять минут они вдруг очутились у большой каменной глыбы.

— Вот мы и пришли! — засмеялся авантюрист. — Переход невелик.

— Не правда ли? — проговорила графиня. — Теперь смотрите.

Она взялась за приделанное к камню медное кольцо и слегка потрясла его. Глыба медленно опустилась под землю.

— Прелюбопытная вещь, ей-Богу! — довольно произнес капитан.

— Выйдите и посмотрите, нет ли кого на берегу, — промолвила графиня.

Авантюрист вышел.

Он очутился на берегу Сены; справа и слева поднимались высокие деревья; перед ним виднелся остров Лувье. Кругом было темно и безлюдно. Капитан осмотрелся и вернулся к графине.

— Никого нет, — сообщил он.

— Хорошо, идите же за мной.

Они вышли из подземелья.

Наклонившись, графиня отыскала на одном из деревьев грубо вырезанный почти у самой земли мальтийский крест и показала его капитану; потом разрыла немного землю под деревом и открыла плоский широкий камень, посредине которого был бронзовый гвоздь с круглой головкой. Она потянула его к себе; каменная глыба сейчас же выдвинулась из-под земли, и вход в подземелье герметически закрылся; невозможно было догадаться, что он тут существует.

Затем графиня опять гвоздь.

— Видите, — спросила она.

— Вижу, вижу, графиня; это очень просто.

Она вновь потянула гвоздь к себе, и каменная глыба скрылась под землю. Графиня опустила гвоздь, забросала камень землей и, спокойно войдя в подземелье, потрясла медное кольцо — каменная глыба сейчас же поднялась на свое место.

— Какие чудеса! — прошептала Фаншета.

— Теперь пойдемте к другому выходу, — сказала Жанна.

— Ну, признаюсь, графиня, все это меня сильно заинтриговало! — воскликнул капитан.

— Не правда ли? — отвечала она с улыбкой.

Они отправились обратно той же дорогой, которой пришли, и вскоре достигли прохода, о котором мы говорили раньше.

— Этим ходом мы наверстаем время, — произнесла графиня.

Действительно, через пять минут они были уже во второй части подземелья, а десять минут спустя подошли к выходу,

который был устроен так же, как и первый, только механизм находился посреди одного из сараев, которые ставят на полях, чтоб загонять туда дичь.

Капитан хорошенько все рассмотрел, чтоб после не ошибиться, выход запер, и через двадцать минут наши трое героев снова сидели в будуаре графини.

Обход подземелья занял всего час времени. Фаншета отперла задвижки у дверей.

— Графиня, — обратился к ней авантюрист, взглянув на часы, — теперь двадцать минут десятого, а в десять мне непременно надо быть в одном месте; я могу остаться у вас еще только несколько минут; поэтому уговоримся сейчас же, как нам действовать.

— Я жду ваших предложений, капитан; но мне жаль, что вы так скоро от меня уходите.

— Я сегодня первый раз здесь, графиня; последующие мои посещения будут если не интересны, то все же подольше.

— Надеюсь, — отвечала она, ласково улыбаясь.

— Ведь, конечно, графиня, вы ничего не станете предпринимать, не предупредив меня, чтобы я, предоставляя вам полную свободу действий, мог в случае надобности явиться к вам на помощь сам или послать кого-нибудь из надежных людей, которых у меня есть несколько человек под рукой. Я ни о чем вас не расспрашиваю и готов помогать, что бы вы ни задумали, только мне надо иметь возможность следить за вашей личной безопасностью.

— Совершенно ценю вашу скромность, капитан; так всегда поступают порядочные люди; даю вам слово исполнить ваше желание, но обещаю также в важных обстоятельствах — а они, к несчастью, могут очень скоро представиться — обратиться к вашему совету и поступать только по вашему указанию.

— Моя рука и моя голова давно вам принадлежат, графиня; пользуйтесь ими, как угодно.

— Ведь я и говорила, капитан, и опять повторю, — с жаром вскричала Фаншета, взяв его за руку, — что вы мужественный, благородный человек!

— Ну, ну, дружок Фаншета, — добродушно заметил авантюрист, — право, можно подумать, что вы меня не знаете.

— О, знаю, знаю, капитан! И Бог знает, что я вас люблю.

— Да, полноте, Фаншета, черт возьми! Вы начнете говорить глупости.

— Глупости, потому что расскажу графине, чем мы с мужем обязаны вам?

— Ну вот! Так я и знал! Продолжайте, дружок мой, не стесняйтесь, только как кончите, так замолчите!

— У! Гадкий вы, злой! — воскликнула она со слезами на глазах.

— Вот так-то лучше! И вернее, надо признаться; ведь помимо моей преданности вам, графиня, — прибавил он, обращаясь к Жанне, — и моей дружбы к вашему мужу, я не знаю за собой ни одного порядочного качества; право, если бы я встретил самого себя на улице, ни за что бы не поклонился, черт меня возьми! Страшно было бы скомпрометироваться перед честными людьми.

Это было сказано так серьезно, что графиня не выдержала и рассмеялась звонким смехом, от которого отвыкла в последние два месяца.

— Что делать, графиня! Человек не совершенство, и меня надо принимать таким, каков я есть.

— Что я и делаю от души, капитан.

— В таком случае все пойдет хорошо, и как ни трудно наше дело, а я уверен, мы выйдем из него с честью.

— Аминь! — заключила Фаншета.

— Так, дочь моя. Но простите, графиня, время летит, и мне пора уходить. Позвольте только еще одно слово. Когда я понадобится вам, я всегда буду проходить через подземелье и три раза постучу кинжалом в железную дверь; иначе ведь сейчас возбудишь подозрение, а парижане страшно любопытны и любят сплетничать. В случае особенной крайности я никогда не буду приходить раньше девяти часов вечера. Если же вам нужно будет говорить со мной, так дайте мне знать через Фаншету; это никому не покажется подозрительным. Но приходить я буду всегда подземельем. Впрочем, сегодня Фаншета, как видно, не собирается уходить?

— Да, капитан, я думаю переночевать у графини.

— Так, так, милое дитя! В этом сейчас видна доверчивость мэтра Гриппара. Честь имею кланяться, графиня, если вам ничего не угодно поручить мне.

Он встал и почтительно поклонился.

— Капитан, — с чувством сказала Жанна, — вы говорите, что любите меня, как отец, дайте мне вам сказать, что и я постараюсь любить вас, как дочь, а если верить сердцу, так это будет мне совсем не трудно.

— Ах, графиня, этими словами вы положительно осуждаете меня на смерть, заставляя не щадить жизни для вас! Больше я ничего не могу сказать.

Он отвернулся, чтобы скрыть невольно выступившую слезу.

Графиня свистнула в серебряный свисток. Почти вслед за тем портьера поднялась и явился невозмутимый, важный мэтр Ресту.

— До свидания, капитан, — промолвила Жанна, с милой улыбкой протянув ему руку.

— До свидания, графиня, — сдавленным голосом отвечал авантюрист, почтительно целуя ей руку.

— Проводите господина, — распорядилась Жанна.

Капитан еще раз поклонился и вышел.

— Все равно! — прошептал он, выйдя на улицу. — Фаншета, кажется, права, я так лучше сблизюсь со своей дочерью. Бедное, милое, кроткое создание! Она будет счастлива, даю себе в этом клятву!

Он торопливо пошел по улице, опустив глаза и глубоко задумавшись. Сворачивая за угол, он вдруг наткнулся на двух прохожих, шедших ему навстречу.

— Да тише, болван! Что вы, ослепли что ли! — сердито вскричал один из них.

— Болван! — повторил авантюрист. — Это еще что такое, *sang Dieu!* Вы не знаете, с кем говорите!

— Полноте, мэтр Персеваль, — удерживал товарища другой прохожий. — Ну что за ссоры с человеком, которого вы совсем не знаете, и в такую минуту! Кончим же прежде дело, ведь вот и дом!

— Убирайтесь к черту! — грубо отрезал тот. — Да я и раздумал, меньше чем за сто тысяч ливров я вам ничего не скажу.

— О, это уж слишком! Ведь мы условились!

— Никаких условий нет, когда ничего еще не сделано. Кроме того, у меня еще остается несколько пистолей, я отыграюсь, да и я ведь дал клятву, а клятва священна, черт подери!

При имени Персеваля капитан наострил уши.

— Ого! — тихо проговорил он. — Неужели в самом деле сам Бог за нас! Ну, посмотрим, *parbleu!* Ничего нельзя знать наперед.

Он стал прислушиваться к разговору, который вскоре сильно заинтересовал его.

— *Morbleu!* — заключил авантюрист. — Нет, тут действительно сам черт вмешался!

И, подойдя с этими словами к двум прохожим, уже собиравшимся идти дальше, он загородил им дорогу.

— Э, господа! — воскликнул он. — Это что же значит? Вы уходите, не извинившись за грубость?

— Чего еще нужно этому пьянице? — вне себя крикнул архитектор.

— Сам ты пьяница, скотина! Вынимай шпагу, или я тебе съезжу по физиономии!

С этими словами капитан выхватил шпагу и приготовился драться.

Мэтр Персеваль любил дуэли и был бурлив после выпивки, особенно когда у него в кармане свистело, а в настоящую минуту именно так и было. Он не заставил себя долго ждать. Но другой буржуа принял дело не так горячо. Бросившись между ними с распростертыми руками, он жалобным голосом запричитал:

— Полноте, господа! Ради Бога, перестаньте! Неужели из-за одного слова вы станете резаться посреди улицы!

— Оставьте нас в покое, мэтр Барбошон, черт вас возьми! — злобно закричал архитектор.

— Не деритесь, друг мой! Теперь, по крайней мере, не деритесь! Ведь это можно отложить и до завтра, ночью вы рискуете выколоть себе глаза.

— Полноте! — смеясь, заметил капитан. — Луна отлично светит.

— Может быть, — вскричал мэтр Барбошон, продолжая стоять между противниками с распростертыми руками. — Но уверяю вас, вы должны совершать свои великие подвиги только при солнце!

— Ну, ну, мэтр Барбошон, вы меня ведь не надуете! — посмеиваясь, произнес Персеваль. — Я догадываюсь, почему вы вдруг стали так заботиться обо мне. Вам бы очень хотелось, прежде чем меня убьют, узнать...

— Ну что ж! Я и не отпираюсь. Подумайте, ведь секрет стоит сто тысяч ливров, вы ведь сами сказали. Разве не жалко выпустить из рук такую сумму?

— Ладно, ладно! Убирайтесь, — насмешливо проворчал капитан. — А то...

Он слегка кольнул ему руку.

Этого было достаточно. Мэтр Барбошон отскочил, крича, как зарезанный.

— Бог свидетель, — проговорил он торжественным голосом, дрожавшим немного от страха. — Я почти жизнью

жертвовал, чтобы спасти вас! Вы остаетесь глухи. Так деритесь же, жестокие люди, и черт вас возьми!

При таком неожиданном обороте фразы противники громко расхохотались, что, однако, не мешало им скрестить шпаги.

— Судьба ваша решена! — трагически продолжал мэтр Барбошон. — Но, по крайней мере, никто не скажет, что я оставался равнодушным зрителем этого братоубийства! Убивайте же друг друга. Прощайте!..

Он повернулся на каблуках и пустился бежать так, что только пятки засверкали.

Между тем дуэль шла своим порядком. К несчастью архитектора, он был сильно пьян, да и противник его очень искусен.

Капитан сразу увидел свое превосходство и воспользовался им.

Дуэль недолго продолжалась. Вскоре Персеваль почувствовал, как шпага противника по самую рукоятку вошла ему в грудь.

— Уф! — вздохнул он, и кровь хлынула у него из горла.

Он тяжело рухнул на землю. Авантюрист наклонился посмотреть. Архитектор умер. Удар ловко пришелся и положил его на месте.

— *Morbleu!* Вот некстати-то подвернулся бедняга! — сказал капитан, обтирая лезвие шпаги и пряча ее в ножны. — Ну, кто бы мне ни помог — Бог или сатана, а помощь очевидна. Теперь я больше не боюсь измены. Все к лучшему!

И он весело пошел дальше, насвистывая какой-то венгерский марш.

ГЛАВА VI

Читатель наконец вновь встречается графа де Сент-Ирема, который, однако, никуда не пропал

Капитан Ватан не ошибся: в особняк епископа Люсонского вошла действительно Диана де Сент-Ирем, скрывшая на несколько часов под костюм пажа свою чудесную красоту.

Выйдя из особняка, молодая женщина легко вспрыгнула на лошадь, подведенную Магомом, и они уехали скорой рысью.

Дни в ноябре коротки; несмотря на еще не позднее время, на улицах уже никого не было; в это время дурные мостовые

и плохое освещение заставляли жителей рано прятаться по домам; поздними вечерами жизнь столицы сосредоточивалась исключительно в домах.

Вероятно, боясь какого-нибудь ночного нападения, Магом ехал почти рядом со своей госпожой. Диана задумалась, но думы ее были не грустного свойства, судя по улыбке беспрестанно скользившей по ее губам.

— Магом! — обратилась она наконец к слуге. — Исполнил ты мои поручения?

— Мне не посчастливилось, госпожа; несмотря на все старания, я ничего не мог узнать.

— Так ты не знаешь, кто эта женщина? — спросила она, слегка сдвинув брови.

— Нет, госпожа, — хмуро отвечал он, опустив голову.

— Глупец! — сказала Диана, презрительно пожав плечами.

— Мне, кажется, сам сатана мешает, — продолжал Магом. — Во всем этом есть какое-то колдовство.

— Болван!

— Может быть, госпожа!

— Так ты веришь чему-нибудь подобному?

— Приходится, когда на глазах творятся такие вещи.

— Объясни, пожалуйста, клянусь душой, ты начинаешь сердить меня.

— О, объяснить недолго! Четыре раза я преследовал эту женщину, и четыре раза, когда я протягивал руку, чтобы сорвать с нее красную маску, она вдруг исчезала, как призрак.

— Ну, это пустяки! Ты был пьян или одурел от страха.

— Ни то ни другое, госпожа. Вина, вы знаете, я никакого не пью, а страха никогда не может существовать для человека, который не верит в загробную жизнь и знает, что звезде Альдебаран, управляющей мирами, нет никакого дела до ничтожных атомов, называемых людьми.

— Ну, перестань, пожалуйста, говорить об этих глупостях, помни одно: ты должен во что бы то ни стало отыскать эту женщину и узнать, кто она, слышишь, Магом?

— Слышу, госпожа, — произнес, с сомнением качая головой, Магом. — Но боюсь, что это невозможно.

— Нет невозможного ничего! — гордо заявила Диана.

— Для вас, госпожа, конечно, вы знатны, сильны, молоды, хороши, и все мужчины — рабы ваши.

— Так ты отказываешься повиноваться мне?

— О, нет! Я только не надеюсь добиться того, чего вы хотите.

— Но когда ты встречал эту женщину, была она одна или с кем-нибудь?

— Как будто одна.

— А в ее костюме ты ничего не заметил особенного?

— Ничего, госпожа. Она была так закутана в плащ и укрыта капюшоном, что невозможно было рассмотреть ее одеяние.

— Одним словом, мне суждено ничего не узнать! — воскликнула девушка, презрительно поглядев на цыгана, ехавшего возле нее, смиренно опустив голову.

Они помолчали.

— Госпожа! — тихо окликнул Магом.

— Чего тебе?

— Госпожа, я зато узнал кое-что другое.

— А! — рассеянно отозвалась она. — Что такое?

— Я точно знаю, что за вами следят.

— Ого! За мной? Следят?

— Да, госпожа.

— Но кого же может интересовать то, что я делаю?

— Не знаю, госпожа, но это верно.

— Когда же ты это заметил?

— Сегодня, госпожа, часа два тому назад. Я по вашему приказанию ждал вас с лошастью. Едва вы успели завернуть за угол улицы Де-Пули и пошли по Королевской площади, из-за дерева вышел какой-то господин, закутанный в плащ, с надвинутой на глаза шляпой, и последовал за вами под арки. Я дал подержать лошадей одному из игравших на дороге мальчишек и пошел за незнакомым господином. Через несколько минут я увидел, как он шептался с каким-то другим человеком, но того я хорошо разглядел и не забуду, это был скорее какой-нибудь *tire-laine* или шалопай с Нового моста, чем господин. Они поговорили и вошли в богатый особняк в двух шагах от того места, где они стояли.

— Ты знаешь, какой это особняк?

— Да, госпожа, я спросил, и мне сказали, что это особняк епископа Люсонского.

— Что! — вскричала, вздрогнув Диана. — Ты больше ничего не узнал, Магом?

— Ничего, госпожа, я боялся, что мальчишка прозевает лошадей, и вернулся взять их у него.

— Ах, глупый! Что за важность — лошади! Я бы новых могла купить, и дело с концом! Ты должен был следить за этими двумя людьми, узнать, кто они.

— Я их после видел в толпе, но они нас не видали, теперь я спокоен, они нас не преследуют.

— Да что из этого? Ведь и мы не можем следить за ними? Ты, пожив в Мовере, совсем потерял ловкость и догадливость.

— Это правда, госпожа. Клянусь исправить все свои оплошности.

— Дай Бог! Будь же вдвое зорче прежнего, наше положение становится затруднительным, малейшая неловкость может погубить нас.

— Будьте спокойны, госпожа.

В это время они подъехали к дому, где жил Жак де Сент-Ирем. Диана спрыгнула с лошади, достала из кармана ключ и, отперев дверь, вошла. В то время всегда так делали, привратников не было. Диана жила на одной лестнице с братом, в кокетливо убранной квартире из трех или четырех комнат; секретная дверь в спальне вела в квартиру Жака. Таким образом они всегда могли видаться, не возбуждая подозрений, и в случае крайней опасности скрыться от врагов.

Знаком велел камеристкам следовать за собой, она вошла в уборную и уже хотела начать переодеваться в женское платье, как за перегородкой послышался легкий шорох. Диана прислушалась и сказала камеристкам, что раздумала.

— Я сначала отдохну немного, можете уйти.

Девушки ушли.

Диана вошла в спальню. Там на подушках сидел, небрежно развалившись, ее брат.

— Наконец-то, сестрица! — сказал он, нисколько не удивившись костюму молодой женщины. — Давно ты вернулась?

— Нет, — отвечала она, садясь возле. — Я приехала минут пять тому назад. Ты меня ждал?

— Нет, но рад, что ты вернулась.

— Это отчего?

— Признаюсь, я не люблю, когда ты по вечерам бываешь одна на улице.

— Со мной был Магом.

— Это правда, но, несмотря на его храбрость и желание всегда оградить тебя, ему все-таки не справиться, если нападут двое-трое.

— Что у тебя за мысли!

— Милая Диана, ты такая смелая, что я всегда в душе боюсь за тебя, когда ты уезжаешь.

— Ты шутишь!

— Клянусь душой, и не думаю! Я одну тебя люблю на свете, случись что-нибудь с тобой, право, я, кажется, никогда не утешусь.

— Ну, так успокойся, — произнесла она, засмеявшись. — Видишь, я здорова и невредима! Так у тебя не было другой причины радоваться моему возвращению?

— Нет.

— Тебе не любопытно даже знать, где я была?

— Ведь мы условились, Диана, что я должен предоставлять тебе полную свободу действий?

— Но я все-таки думала, что ты бы не прочь узнать, что меня заставило выехать сегодня в мужском костюме?

— Ах, сестрица, я так привык к твоим причудам, — проговорил он, смеясь, — что всего от тебя ожидаю.

— Даже того, что я привезла тебе тысячу пистолей?

— А?.. Что?.. Что ты это говоришь, милочка?

— Что у меня есть тысяча пистолей.

— Для меня?

— Dame! Конечно, или ты, может быть, откажешься?

— Я откажусь от тысячи пистолей? Разве ты забыла, Диана, что я проиграл вчера все до последнего эку в «Клинке шпаги»?

— Конечно, помню, братец, поэтому-то я и хочу наполнить твой кошелек.

— Ах, Диана, душечка! Неужели же я откажусь? Ты, наверное, отыскала клад. Скажи, где ты взяла столько денег?

— Что тебе за дело, если они перед тобой? — воскликнула Диана, высыпав золото на подушку.

— О, как хороши эти золотые монеты! — вскричал, рассмеявшись, молодой человек. — И это все наше?

— Да, с одним условием.

— Знаю, знаю, всегда ведь при этом есть условие. Какое же?

— Ты, конечно, согласишься, что мне было очень трудно добиться денег, милый Жак?

— Конечно, я уж давно теперь знаю, что добиться денег страшно трудно.

— Так вот, видишь ли, лицо, от которого я получила их, знает тебя... и обвиняет в мотовстве.

— О, какая клевета! Потому что я играю...

— Именно в этом-то и обвиняет тебя этот человек, Жак.

— Но, сестрица, я ведь дворянин! Как же мне отставать от знатных товарищей? Не могу же я держаться между ними, как какой-нибудь *tire-laine*... Они играют, и я играю. Что тут дурного?

— Я, Жак, и не вижу в этом ничего дурного, и, поверь, не я упрекаю тебя.

— Знаю, это тот, другой?

— Да.

— Что же надо сделать?

— Пусть... — помни, что не я тебе говорю... «Пусть, — сказал мне этот человек, — граф де Сент-Ирем пореже ходит по кабакам и поменьше кутит, его оргии недостойны дворянина, пусть лучше побольше занимается делом, которое на себя взял. Я не хочу, — прибавил он, — так дорого платить человеку, до сих пор не оказавшему мне никакой существенной услуги».

— Он сказал «платить»?

— Да, братец.

— Гм! Резко это слово звучит в ушах дворянина, а я ведь, кажется, один раз не задумался рискнуть жизнью.

— Да, но без всякого результата.

— Ну, хорошо, хорошо, не стану огорчать такого любезного человека, мне довольно двухсот пистолей, возьми остальное. Клянусь, если проиграю и в этот раз, я на всю жизнь покончу с картами!

— На клятву пьяницы и игрока нельзя положиться, братец, — произнесла она, с улыбкой покачав головой.

— Ну, ей-Богу, ты уж слишком требовательна, Диана! Чего же тебе еще нужно? Я ведь даю клятву. Если она окажется невозможной, так и всякий другой ее бы не сдержал.

Девушка звонко расхохоталась.

— Боюсь, что ты неисправим, Жак!

— Да ведь и я боюсь, — подтвердил он, опуская деньги в карман. — Ну, скажи же, однако, что мне конкретно надо делать?

— Видел ты графа дю Люка? — спросила Диана.

— *Parbleu!* Мы с ним особенно дружны теперь.

— Так ты точно знаешь, что он не признал в тебе своего противника в «Клинке шпаги»?

— Как ты наивна, Диана!

— Я? — повторила она, удивляясь такому замечанию.

— Sang Dieu! Конечно, ты! Хотя я и очень искусно был загримирован, но, признаюсь, немножко беспокоился на этот счет, и, знаешь ли, что придумал? В одно прекрасное утро я отправился в гостиницу «Единорог», где живет граф, и прехладнокровно объявил ему: «Милый граф, я пришел извиниться перед вами». Граф стоял, как ошеломленный. — «Несколько дней тому назад, — продолжал я, — случай заставил меня быть секундантом одного человека, которого ни я, ни вы не знали, вы дрались с ним, и мне таким образом пришлось быть в числе ваших противников». — «Решительно ничего подобного не помню, милый мой де Сент-Ирем, — приветливо отвечал граф, — вы, верно, ошибаетесь». — «Нисколько, вы не помните этого, потому что я был переодет... Дело касалось репутации одной дамы, вы позволите, конечно, умолчать об этом...» — «О!» — воскликнул граф, махнув в знак согласия. — «Так вы не сердитесь на меня?» — «В доказательство вот вам моя рука!» — «Я очень счастлив, милый граф!» — вскричал я, горячо пожав протянутую руку. — С этой минуты, милая сестрица, мы с ним лучшие друзья. Да, этот граф дю Люк делает быстрые успехи, он теперь один из первых между нашими *утонченными*!

— Ты ловко вывернулся.

— Не правда ли? А между тем одна вещь меня сильно беспокоит. Во время нашего разговора с графом был какой-то капитан — огромный, худой, как скелет, с закрученными усами и физиономией только что освобожденного с петли висельника. Он все время, как я говорил, насмешливо прищуривал один глаз и улыбался исподтишка. Когда я вышел, он тихонько пошел за мной и на лестнице вдруг сказал, положив мне руку на плечо и дерзко посмотрев мне прямо в глаза: «Хорошо разыграно, граф! Только советую вам больше не начинать того же и быть осторожным». — «Что это значит?» — гордо спросил я его. — «Только то, что я говорю. Не забывайте! Честь имею кланяться!» Он повернулся на каблуках и ушел. Я был сильно озадачен.

— Да! Это серьезно, братец. Что же это был за человек?

— Какой-то капитан Ватан... Презабавное имя... Отлично владеет шпагой и рапирой. Никто не знает, откуда он явился и почему он неразлучный спутник графа. Мы с ним в отличных отношениях, только я ему не доверяю, впрочем, он веселый

собеседник, здорово пьет и, кажется, совсем позабыло том, что между нами было, так как никогда больше на это не намекает.

— Все равно будь осторожен, братец, и следи за ним.

— Я и то ни на минуту не теряю его из виду, когда мы бываем вместе.

— А теперь, Жак, дай мне переодеться поприличнее.

— Напротив, останься, как есть, — быстро удержал он ее. — Мы с тобой вместе отправимся сейчас, мне нужен смышленный, расторопный паж, и лучше тебя я не найду в этом случае.

— Куда же мы пойдем?

— После узнаешь, любопытная.

— А! Так у тебя есть от меня секреты? — улыбнулась Диана.

— Нет, я готовлю тебе сюрприз.

— Ну, хорошо, отдаюсь в твое распоряжение.

Граф свистнул. Вошел Лабрюйер.

— Ты и Магом возьмете факелы и мушкеты, вы пойдете с нами.

Слуга поклонился и вышел.

Граф взял длинную рапиру, заткнул за пояс два пистолета и завернулся в плащ.

— Вот, девочка, — сказал он сестре, — возьми кинжал, ведь все может случиться.

— Так это у нас военная экспедиция? — предположила она.

— Может быть, пойдем!

Девушка снова завернулась в плащ, надела шляпу, и они вышли.

ГЛАВА VII

*Что называлось *partie de plaisir*¹ во времена короля Людовика XIII*

рафу дю Люку некуда было торопиться после того, как они расстались с капитаном, и он пошел бродить по улицам, переглядываясь с хорошенькими женщинами, которые ему улыбались, и гордо проходя мимо мужчин, дававших ему дорогу.

Завернув на набережную, он встретился с сидевшими в коляске Бассомпьером, шевалье де Гизом, де Ланжаком и де Лафаром, казалось, очень веселыми.

¹ Увеселительная прогулка (фр.).

Увидев дю Люка, Бассомпьер велел кучеру остановиться. Дю Люк подошел.

— Черт возьми! Что вы тут делаете, граф? — спросил Бассомпьер, обменявшись по обычаю того времени напыщенными приветствиями.

— Да гуляю, как видите, барон.

— Но есть же у вас какая-нибудь цель? — поинтересовался шевалье де Гиз.

— Пожалуй, есть. Я иду обедать к Дубль-Эпе.

— Одни? — вскричали все хором.

— Один, а вы?

— Мы — другое дело, — отвечал Бассомпьер. — Послушайте, это правда, что вы совершенно одни?

— Не ждет вас какая-нибудь красавица? — прибавил, смеясь, де Гиз.

— Право, нет.

— Так присоединяйтесь к нам, — предложил Бассомпьер.

Остальные повторили просьбу. Граф дю Люк стал было отнекиваться, но они не дали ему говорить, и он должен был сесть с ними в коляску и ехать.

— Полноте притворяться несчастным, — сказал ему Бассомпьер. — Вы бы должны благодарить случай, который нас столкнул сегодня.

— Я и то благодарю, но не прочь бы узнать, куда мы едем?

— Ей-Богу, и сам не знаю, граф! Представьте себе... впрочем, господин де Гиз лучше вам это расскажет. Расскажите, шевалье!

— Вот в чем дело, граф, — начал шевалье. — Недели две тому назад открылся новый кабачок у Тюильри, о нем столько прокричали, что я полюбопытствовал посмотреть. Отправляюсь. Подают действительно великолепный обед и замечательное вино. За соседним столом сидела компания человек в пять, они шумели и смеялись. Для меня одиночество невыносимо; веселье моих соседей стало наконец раздражать меня, и я попросил их смеяться не так громко. Они рассердились, слово за слово, я обругал их и сказал, что приду сегодня в тот же самый час и вышвырну их за окно. Вот, господа, сюрприз, который я вам готовил. Не правда ли, недурен?

— Конечно, прелестный сюрприз! — весело согласились все.

— Я очень рад, что мы встретили вас, граф, — проговорил шевалье. — Мне не найти лучшего секунданта, одно только

вызывает у меня сомнения. Господа де Теминь и де Шеврез, которых я после узнал, принадлежат к протестантской партии, и мне не хотелось бы...

— О, это пустяки, шевалье! — воскликнул граф дю Люк. — Когда дело идет об услуге дворянина дворянину, религия не должна приниматься в расчет. Если угодно, я буду драться с кем-нибудь из этих двух господ.

— Отлично! Благодарю вас, граф.

— Вот позабавимся-то! — заключил Бассомпьер, весело потирая руки.

Они стали говорить о другом, смеялись и рассказывали друг другу разные скандалы. Шутя и болтая таким образом, они приехали часам к пяти вечера в ресторан.

У Тюильри в то время было два сада; один, более обширный, отделялся от Сены набережной, а от дворца — Тюильрийской улицей. Веселая компания въехала в этот сад и остановилась у ресторана. Окна его горели огнями, из дверей неслись веселые песни и смех.

Молодые люди вошли. Шевалье де Гиз подошел к пятерым уже ожидавшим его противникам и раскланялся.

— Вы еще не начинали обедать, господа? — спросил он.

— Мы вас ждали, — отвечал один из них.

— Не запоздал ли я?

— Нет, но мы ждем с нетерпением.

Шум в ресторане сейчас же стих. Все поняли по гордому ироничному тону и манерам говоривших, что дело идет о дуэли, а это было немалым удовольствием.

Граф де Теминь познакомил с шевалье де Гизом тех противников, с которыми последний был еще незнаком, они раскланялись и условились, кому с кем биться.

Шевалье де Гизу предстояло сразиться с де Теминем, дю Люку с де Шеврезом, Бассомпьеру с де Круасси, де Ланжаку с де Лераном, де Лафару с де Сент-Роммом.

— Господа, — сказал Бассомпьер. — Позвольте мне распорядиться всем?

— Сделайте одолжение, — согласились молодые люди.

— Эй, ты! — крикнул Бассомпьер хозяину, робко поглядывавшему на них. — Чтоб был готов отличный ужин и лучшее вино на этом столе! Мы вот с этими господами ужинаем здесь. Есть у тебя удобное место, где бы мы могли обделать одно дело?

— Монсеньор... — начал, заикаясь, хозяин.

Бассомпьер бросил ему полный кошелёк золота.

— Я думаю, найдется то, что вы желаете, монсеньор, — заговорил хозяин, с радостной grimасой пряча деньги в карман. — Если вам угодно пойти посмотреть...

— Иди вперед, дуралей, если я останусь доволен, за обед получишь отдельно.

Хозяин поклонился чуть не в землю и объяснил, что у него при доме есть сарай для дров, который в настоящую минуту совершенно пуст. Молодые люди рассмеялись и согласились. Один господин из сидевших неподалеку, назвавший себя графом д'Орвалем, вызвался с несколькими другими дворянами светить во время поединка.

Бассомпьер поблагодарил, и они отправились за хозяином. Факелы были зажжены, и человек сорок вошли в огромный сарай.

— Довольны ли вы, господа? — осведомился хозяин.

— Совершенно, — подтвердил Бассомпьер. — Можешь убраться, мы позовем тебя, когда понадобится.

Хозяин почтительно поклонился и торопливо вышел.

Державшие факелы стали в два ряда по обе стороны, противники разделись до пояса, и поединок начался.

Бассомпьер сразу тяжело ранил де Круасси. Де Леран ранил де Ланжака и стал биться с Бассомпьером по приглашению последнего.

Граф дю Люк удовольствовался тем, что выбил шпагу у де Шевреза, затем они обнялись и поцеловались, предложив друг другу взаимную дружбу.

Шевалье де Гиз проткнул насквозь де Темина.

— Научите меня такому чудесному удару, — произнес, падая, де Темень. — И будем друзьями.

Они обменялись рукопожатием, и де Темень лишился сознания.

Дуэль между Бассомпьером и де Лераном, ранившими друг друга, тоже кончилась, оставались только маркиз де Лафар и де Сент-Ромм. Маркиз, почти мальчик по летам, тонкий, стройный и ловкий, быстро наносил противнику удар за ударом. Барон де Сент-Ромм, напротив, Геркулес по сложению, тяжелый, неповоротливый, никак не мог задеть шпагу молодого человека; царапины, которые он беспрестанно получал, раздражали его и еще больше лишали необходимого при поединке хладнокровия.

— Сдайтесь! — говорила ему беспрестанно обступившая их молодежь.

Де Сент-Ромм продолжал драться и вдруг, неожиданно бросившись на противника, выбил у него из рук шпагу, сбил при этом его с ног и стал коленом на грудь.

— Сдайтесь, мсье де Лафар? — насмешливо спросил он.

— Ну, конечно! — отвечал, расхохотавшись, молодой человек. — Признаю теперь, что вы искуснее меня.

— Мне хотелось посмотреть, как вы владеете шпагой, — сказал де Сент-Ромм. — Я имею честь знать вашего отца и принадлежу к числу самых близких его друзей.

— В таком случае будьте и моим также и скажите моему отцу, что я храбро дрался.

— Непременно.

Раненым перевязали раны и на носилках разнесли их по домам; унесли и тяжело раненного де Круасси. Остальные вернулись в ресторан, где их ожидал уставленный блюдами и винами стол, и стали весело есть и пить.

Было около девяти часов вечера.

В это время всегда особенно много набиралось народу в Тюильрийский кабачок. Наша теплая компания была уже сильно навеселе, граф дю Люк не уступал никому в блестящих, остроумных ответах. Пробило одиннадцать.

Граф дю Люк вздрогнул и провел рукой по лбу.

— Уже одиннадцать! — вскричал он.

— Так что ж! Ведь нам здесь хорошо? — воскликнул де Гиз.

— Но у меня свидание! — нерешительно заметил дю Люк.

— Э, милый друг! У нас у всех тоже свидания.

— Parbleu! — заявили остальные.

— Однако, — сонно произнес де Лафар, — если это любовное свидание, не надо удерживать. Женщины, видите ли... когда они... одним словом, вы меня понимаете!

— Он совсем пьян, — рассмеялся Бассомпьер.

— Нисколько! — возразил, смеясь, маркиз. — Это вино пьяно, а я только под влиянием его.

— Очень рассудительно сказано! — проговорил еще больше него опьяневший де Сент-Ромм. — Но вы не умеете пить, мой юный друг, да у вас два стакана в одной руке, ну, разумеется, один вы и роняете.

— Хороши они оба! — заключил шевалье де Гиз.

— Дело в том, что раны всегда особенно возбуждают жажду, — пояснил Бассомпьер. — Но мы уж не умеем пить, друзья мои, мы стараемся!

— Говорите за себя! — запротестовали остальные.

— Я с себя и начинаю, — продолжал Бассомпьер. — И докажу вам эти слова одним случаем из своей жизни, если хотите.

— Докажите, докажите! Это будет очень интересно.

— Мне было двадцать пять лет, — начал Бассомпьер. — Я командовал швейцарцами. Король Генрих Четвертый поручил мне набрать шесть тысяч человек и отправиться в экспедицию. За полтора месяца это было сделано. В день отъезда после плотного завтрака я стал прощаться с почтенными представителями тринадцати кантонов. Они взяли каждый по стакану с вином и пожелали мне счастливого пути. «Подождите минуту, господа, — отвечал я, — у меня нет стакана чокнуться с вами». Сняв сапог, я велел хозяину ресторана наполнить его вином — туда вошло пятнадцать бутылок, — взял его за шпору, выпил залпом и опрокинул, чтобы показать, что в нем не осталось ни капли. Теперь так не пьют больше! — заключил он, грустно покачав головой.

— Да, — сказал, смеясь, шевалье де Гиз. — Мы пьем в стаканах, это миниатюрнее, но зато чище.

В это время дверь отворилась и вошла дама, закутанная в плащ, голову ее закрывал капюшон, а лицо — красная маска.

Ее сопровождали двое чернокожих в странных костюмах, вооруженных с головы до ног. Проходя мимо пировавших вельмож, она так странно взглянула на графа дю Люка, что он побледнел и машинально встал.

Дама повелительным знаком подозвала хозяина, сейчас же подошедшего к ней, холодно и строго, как статуя, прошла через всю залу, полную народа, и исчезла в соседней комнате.

Хозяин почтительно шел впереди.

ГЛАВА VIII

Как ужинала дама в красной маске и чем кончился ее ужин

оявление этой дамы и ее странных провожатых сильно поразило всех. В комнате все разом смолкло. Только де Ланжак, де Сент-Ромм и де Лафар ничего не видали — они спали в разных положениях. Товарищи же их были настолько навеселе, что все видели в розовом свете.

— Кто бы это была такая? — поинтересовался де Шеврез.

— Знатная, должно быть, — заметил Оливье.

— Знатная иностранка, — с презрительной улыбкой произнес де Гиз.

— Иностранка или здешняя, милый друг, но, во всяком случае, знатная дама, — заключил Бассомпьер. — Авантюристка не сумела бы держать себя с таким царственным величием.

— Странно только, что она пришла одна в такой поздний час в ресторан, — проговорил дю Люк.

— Одна! А негры-то?

— Вы не так меня поняли, любезный де Шеврез, я неясно выразился. Мне уже несколько раз случалось встречать ее на улице в разное время дня и ночи, и при ней бывало гораздо меньше провожатых, первый раз сегодня я вижу ее в сопровождении этих вооруженных негров.

— В самом деле? Во всем этом есть что-то таинственное.

— Спросим хозяина.

Позвали хозяина, но он тоже ничего не мог объяснить. Дама уже третий раз была в его ресторане, но всегда в маске, так что он не знал, молода ли, хороша ли она. Может быть, ему щедро заплатили, чтобы он молчал, а может быть, он и в самом деле ничего не знал.

— Впрочем, господа, — прибавил он с лукавой улыбкой. — Вы легко можете сами расспросить эту даму, если уж вам так хочется, — она будет ужинать вот здесь.

Он указал на соседний стол.

— А! Так мы можем говорить с ней! — воскликнул Бассомпьер.

— Но зачем же вы поставили три прибора? — спросил дю Люк. — Разве эта дама собирается ужинать со своими черными слугами?

— Не думаю, монсеньор, — сказал, смеясь, шевалье де Гиз.

— Да что нам за дело до нее? — заметил де Шеврез. — Она так же вольна, как и мы, делать, что ей хочется. В ее поступках нет ничего дурного.

— Разумеется, интересно только знать, что это за женщина.

В эту минуту в ресторан вошли какие-то двое в плащах и прямо подошли к столу, приготовленному для дамы в красной маске, сбросили плащи и без церемоний сели.

Бассомпьер и его друзья с удивлением переглянулись. Посетители были стройные, высокие, плечистые мушкетеры

Людовика XIII, с длинными рапирами и двумя пистолетами за поясом. Но не это удивило веселую компанию, а то, что оба мушкетера явились в черных бархатных масках.

Было уже поздно.

Из ресторана все ушли; кроме наших семерых вельмож, из которых трое спали, да двоих незнакомцев, никого не оставалось.

— Уберите эти блюда и пустые бутылки, — распорядился Бассомпьер, — и велите подать нам глинтвейна.

Глинтвейн нельзя приготовить меньше чем за полчаса, и Бассомпьер хотел выиграть время.

Незнакомцы между тем придвинули поближе свои шпаги и положили пистолеты на стол, одним словом, приняли все меры предосторожности. Они сидели лицом к двери, так что могли в случае надобности стеречь выход. Но как Бассомпьер и его товарищи, так и мушкетеры, казалось, не обращали друг на друга ни малейшего внимания.

Хозяин велел подать превосходный ужин и лучшие вина; когда все было готово, он отворил дверь соседней комнаты и почтительно поклонился на пороге.

Через минуту вышла дама, опять в сопровождении негров, которые шествовали за ней мерным шагом, с мушкетами на плече, положив руку на эфес рапиры.

Мушкетеры сейчас же встали и почтительно поклонились. Дама отвечала легким наклоном головы.

Один из мушкетеров снял с нее плащ и положил на стул.

Четверо вельмож чуть не вскрикнули от восторга.

Дама в красной маске была стройна¹, высока, превосходно сложена, в атласном платье gris perle¹, затканном серебром, широкие рукава которого, украшенные дорогим кружевом, пристегнуты были тремя крупными бриллиантами. Из-под маленькой серой бархатной шляпки с черным пером рассыпались волнами черные, как вороново крыло, локоны. Маска закрывала почти все лицо, оставляя открытыми только крошечный ротик с алыми губками и ослепительно белыми зубами, и кругленький подбородок с ямкой и с темной родинкой с одной стороны.

Поблагодарив милой улыбкой мушкетера, она села и пригласила сестр своих кавалеров.

¹ Жемчужно-серого цвета (фр.).

Негры стали по обеим сторонам стола, поставили на пол свои мушкеты и опять сделались неподвижны, как статуи.

Дама, наклонившись немного к одному из мушкетеров, довольно громко, так, что любопытные соседи могли их слышать, заговорила с ним на каком-то иностранном языке.

— Что это за язык? — шепнул дю Люк одному из своих товарищей.

— Не немецкий, только и могу сказать, — отвечал Бассомпьер.

— Она говорит по-мавритански, — с замечательной уверенностью сказал де Шеврез.

— Да разве вы знаете мавританский язык? — с удивлением спросили вельможи.

— И не думаю, а в детстве у меня был гувернер, старик аббат, которому не позволяли слишком строго выговаривать мне за шалости, когда я, бывало, в чем-либо провинюсь, а это случалось раз двадцать в день, он начинал бранить меня по-мавритански и бранил досыта. Я ни слова не понимал, но ужасно этого боялся! Язык, на котором говорит эта дама, очень напоминает мне то, что я слышал от моего аббата, и из этого я заключаю, что она говорит по-мавритански.

Звонкий, веселый смех дамы заставил его вдруг замолчать и совершенно оторопеть.

— Ошибаетесь, граф де Шеврез, — произнесла она на чистейшем французском языке, — это не по-мавритански, а по-португальски.

— Ну, это все равно, — заметил, засмеявшись, Бассомпьер. — Португальский язык столько же похож на мавританский, сколько лотарингское наречие на немецкий.

— Вы находите, господин де Бассомпьер? — усомнилась дама.

— Так вы португалка, сударыня? — любезно поинтересовался шевалье де Гиз.

— Может быть, шевалье де Гиз.

— Нет, вы ошибаетесь, господа, — объявил, улыбаясь, граф дю Люк. — Эта дама ангел, спустившийся на землю.

— Или демон, поднявшийся из ада, чтобы погубить вас, граф дю Люк де Мовер, — прибавила незнакомка, иронично сверкнув на него глазами. — Да, господа, я знаю лучше, чем вы предполагаете, и знаю также и ваших друзей, господ де Ланжака, де Лафара и де Сент-Ромма, мертвецы пьяных и спящих на столе.

— Ах, Боже мой, да это колдунья, друзья мои! — вскричал с комическим отчаянием де Шеврез.

— Как жаль, что тут нет его преосвященства епископа Люсонского! — посетовал Бассомпьер. — Он так хорошо умеет заклинать духов!

Незнакомка и ее двое кавалеров громко рассмеялись.

— Колдунья или нет, — вполголоса проговорил дю Люк, — я от души готов пойти для нее в ад!

— Даже еще не видел меня? — насмешливо полюбопытствовала она.

— Особенно не видел вас, честное слово!

Она улыбнулась и задумалась.

— Смотрите, Оливье! Осторожнее! — воскликнули молодые люди. — Может быть, под этими душистыми перчатками скрываются острые когти!

Незнакомка рассеянно сняла одну перчатку. У нее была прелестная белая ручка.

— Розовые когти наносят самые тяжелые раны, — насмешливо изрекла она.

— Parbleu! Я все-таки повторяю: кто бы вы ни были, я пойду за вами куда угодно, хоть в ад, по одному вашему знаку.

— Разве вы свободны? — сухо спросила она. — Вы, кажется, забыли, что у вас есть жена, граф Оливье дю Люк де Мовер?

— О! — простонал Оливье, побледнев, как смерть, и, совершенно уничтоженный, опустился на стул.

— Вы правы, де Шеврез, это колдунья! — объявил, смеясь, Бассомпьер.

— Хотите точно узнать это, господин Бассомпьер, так справьтесь у мадам де Куланж.

— Демон! — вскричал Бассомпьер, бледнея. — Я отступаюсь, господа.

— А мне что вы скажете, прелестная сивилла¹? — поинтересовался де Гиз.

— Скажу одно, шевалье: ваши предки были львы, но если вы не остережетесь, так ваша династия выродится в обезьян!

— Morbleu! — вскричал он, приподнявшись.

Его удержали.

¹ С и в и л л а — в античной мифологии ясновидящая, получившая от божества дар предсказаний.

— Неужели вы станете сердиться на женщину? — сказал граф де Шеврез.

— Господин де Шеврез правду говорит, — насмешливо продолжала незнакомка. — Только мелким людям доставляет удовольствие оскорблять или бить женщин. Не правда ли, шевадьё?

— Вы прелестнейший демон, какого я когда-нибудь видел, — отвечал де Шеврез, едва заметно побледнев. — Господа, нам всем досталось понемногу!

— И вы довольны?

— Не совсем, партия неравная.

— Это отчего? — надменно произнесла дама.

— Оттого, что вы знаете, кто мы, а мы вас не знаем.

— Но узнаем! — порывисто добавил де Гиз.

— Берегитесь, шевадьё! Это похоже на угрозу, — заявила она, не смущаясь.

— Это и есть угроза! *Parbleu!* Да неужели же позволить вам, сударыня, приходить в трактир и, замаскированной, оскорблять вельмож знатнейших домов Франции! Вы первая начали с нами разговор и без всякого повода с нашей стороны оскорбили каждого из нас. Это вам даром не пройдет. Ваши кавалеры, если они действительно дворяне, ответят за ваши слова!

— Мы не деремся, милостивый государь, — хладнокровно проговорил один из мушкетеров.

— А! Так что же вы делаете?

— Наша обязанность — убивать тех, кто осмелится оскорбить эту даму, — пояснил другой. — Мы во всеуслышанье заявляем себя ее покорными слугами.

С этими словами они прицелились из пистолетов, а негры из мушкетов.

— Прекрасно! — заключил, посмеиваясь, де Гиз. — Так вы наемные убийцы?

— Как прикажете? — обратился один из мушкетеров к даме в красной маске.

— Подождите! — повелела она, спокойно и небрежно улыбнувшись.

— *Sang Dieu!* Но это невозможно! — закричал де Гиз. — Как вы думаете, господа?

— Мы будем с вами заодно, — подтвердили Бассомпьер и де Шеврез.

Они стали будить спавших товарищей, крича им, что дело идет о расправе. Те живо вскочили и схватились за шпаги.

— Битва? Bravo! Это нам сейчас окончательно прогонит сон.

— Господа, послушайте наши условия! — решительно произнес шевалье де Гиз, гордо обращаясь к мушкетерам.

— Ваши условия? — спросила с насмешливой улыбкой дама.

— Да, сударыня, мы не убийцы и непременно разделаемся с негодяями, которые вас защищают.

— Какие же это условия? — переспросила она, слегка закусив губы.

— Вы сейчас же снимите маску, сию минуту, понимаете, сударыня? Мы хотим знать, кто вы такая. Затем вы попросите у нас извинения за нанесенные обиды.

— Извинения! Ну, это резко относительно женщины, шевалье! — насмешливо заметила она, искоса взглянув на графа дю Люка.

— Мы даем вам пять минут на размышление, сударыня.

Он положил на стол свои часы, осыпанные бриллиантами.

— Благодарю вас за такой долгий срок, милостивый государь. Мне довольно и одной минуты. Теперь вы меня выслушайте.

Граф дю Люк быстро бросился вперед и встал между товарищами.

— Ни слова больше, сударыня! — строго сказал он. — Вы, конечно, очень виноваты перед нами, но не заслуживаете такого строгого наказания, какое назначают вам мои товарищи. Если бы мужчина нанес нам подобное оскорбление, он поплатился бы своей кровью, оскорбление от женщины мы презираем. Если вы, пользуясь своей слабостью и, по всей вероятности, знатностью происхождения, считаете себя вправе говорить каждому что угодно, так мы не забыли того, что нам приказывает честь. Спрячьте шпаги, друзья мои! Хозяин, велите подать нам глинтвейн! Будем пить, и не обращая больше внимания на разгульных женщин, бродящих ночью по улицам и оскорбляющих порядочных людей!

— Милостивый государь! Вы дорого поплатитесь за такую обиду! — крикнула дама, бросившись к графу.

— Полноте, сударыня! Разве я знаю, кто вы такая? — отвечал он, презрительно улыбнувшись и пожав плечами.

— О, берегитесь!

— Чего, сударыня? Я перед вами, извольте, прикажите вашим слугам стрелять по мне!

Незнакомка с отчаянным жестом откинулась назад и закрыла лицо руками.

— Будем пить, господа! — повторил граф, подставляя хозяину стакан.

— Отлично, друг! — одобрили его вельможи. — Вы правду говорите, мы действительно ошибались.

— Да, — заключил шевалье де Гиз. — И приняли распутницу за знатную даму.

— Не говорите о ней больше ни слова, кто бы она ни была — она женщина, не станем этого забывать.

Дама вдруг, как пантера, бросилась опять к дю Люку и, положив ему дрожащую руку на плечо, наклонилась почти к самому его лицу.

— Я люблю тебя! — прошептала она сдавленным голосом. — Ты единственный мужчина между всеми этими щеголями!

— Как вы скоро меня полюбили, душечка! — насмешливо проговорил он.

— Может быть!.. Теперь ты пошел бы за мной, если бы я тебе велела?

— Отчего же нет! Я ведь дал честное слово.

— Хорошо, я не забуду, ты скоро получишь от меня известие.

— Извольте. За ваше здоровье!

Не успел он сделать двух глотков, как она выхватила у него стакан, выпила до половины и остальное выплеснула в лицо его товарищам.

— А вы все — подлецы! — объявила она.

Вельможи бешено вскочили с мест и вырвали из ножен шпаги.

Дама, быстро отступив, схватила серебряный свисток и пронзительно свистнула. Дверь мигом шумно распахнулась, и в комнату вбежали человек пятнадцать в масках и вооруженных с головы до ног; окружив семерых вельмож, они прицелились в них.

— Видите, я не боялась вас, господа! — с колкой иронией произнесла дама. — Прощайте! Веселитесь! А ты, Оливье дю Люк де Мовер, не забывай!

— Sang Dieu! Еще бы, моя прелесть! — вскричал он, рассмеявшись. — Ангел ты или демон, клянусь, я до безумия влюблен в тебя!

Незнакомка отвечала ему только прерывистым смехом, походившим на рыдание, и исчезла в сопровождении своих таинственных защитников.

Вельможи с минуту стояли, как ошеломленные, потом переглянулись, точно очнувшись от страшного кошмара, не говоря ни слова, накинули плащи и вышли.

Но они ничего не увидали. Незнакомка пропала совершенно бесследно.

Едва они успели уйти, как из внутренней двери осторожно вышли Жак де Сент-Ирем с сестрой.

— Ну, что, Диана? Довольна ты сюрпризом? — спросил он, подсмеиваясь.

— О да, братец! — задумчиво отвечала она. — То, что мы сейчас видели и слышали, может, пожалуй, принести нам большую пользу.

— Оттого-то я тебя сюда и привел, сестрица. Теперь, я думаю, можно и домой?

— Пойдем! — сказала она.

Они ушли.

ГЛАВА IX

В какое странное место Клер-де-Люнь повел графа дю Люка

 ереехав жить в Париж, граф дюЛюк, не хотевший расставаться с Грипнарами, нанял у них весь первый этаж; тут была отдельная спальня для капитана, много комнат, потайная лестница во двор, где помещались конюшни, и отдельные выходы от капитана и от Оливье. И тот и другой могли принимать у себя кого хотели, уходить и приходить так, что ни хозяин гостиницы, ни его прислуга ничего бы и не узнали.

Как-то утром через несколько дней после рассказанного в предыдущей главе, когда Оливье, вернувшийся по обыкновению на рассвете, еще крепко спал, дверь вдруг отворилась и вошел капитан Ватан, гремя рапирой.

Внезапно разбуженный граф рассердился.

— Есть что-нибудь новое? — спросил он, рассмеявшись вскоре юмористическим замечаниям капитана.

— Да ведь всегда есть что-нибудь новое, мой друг, когда участвуешь в заговоре, — отвечал капитан.

— Тс-с! Говорите тише! — вскричал граф, садясь на постели.

— Да ведь мы одни здесь. Кстати, вы не знаете, что король вернулся из Сен-Жермена?

— Так мне-то что до этого?

— Ну, я вижу, вы не расположены разговаривать, я ухожу.

— Ах, черт возьми! Да дайте немножко опомниться.

— Ладно! Вставайте же.

— Сейчас.

Велев камердинеру Мишелю подать капитану ликеру, граф выпил с ним вместе рюмку и, накинув халат, вышел в уборную одеваться.

— А rgoros, — заметил Ватан, — одевайтесь так, чтобы выйти из дома.

— Э! Что это значит?

— Ничего, просто совет.

— Но объясните же...

— Ничего не стану объяснять. Одевайтесь скорее.

Оставшись один, капитан как-то машинально выпил две рюмки ликера, потом внимательно осмотрелся и, отодвинув в одном месте драпировку, прижал пружину. Отворилась потайная дверь. Капитан заглянул туда.

— Ты здесь, Клер-де-Люнь? — позвал он шепотом.

— Уже полчаса жду, — отозвался, подходя к нему, *tire-laine*.

— Мы через пять минут выйдем. Все ли ты так сделал, как я говорил?

— Все, будьте спокойны.

— Ну, так помни же свою роль и утекай!

Клер-де-Люнь исчез, а капитан снова стал пить и курить. Через полчаса вышел граф.

— Ну что? Не долго я заставил вас дожидаться? — обратился он к авантюристу.

— Черт возьми! Я был в слишком приятной компании, чтобы заметить время, — засмеялся капитан.

— Еще по рюмке, капитан?

— Нет, — наставительно произнес Ватан. — Довольно, нам надо поговорить о серьезных вещах. Не позавтракаем ли? Теперь половина десятого.

— Уже вам есть захотелось?

— Мне всегда хочется есть.

— Ну, хорошо, позавтракаем. Здесь?

— Нет, сойдем вниз, там аппетитнее естся. А rgoros, вы забыли кое-что взять с собой.

— Что такое?

Капитан откинул полы своего плаща. У него за поясом было два пистолета, а у графа их не было.

— А! Так дело-то, значит, серьезно? — заключил Оливье.

— Не то чтобы очень, но может сделаться серьезным.

Оливье зарядил два больших пистолета и заткнул их себе за пояс.

Они сошли в общую залу гостиницы. Все столы были заняты. Фаншета приветливо им улыбнулась и указала на свободный стол несколько поодаль от других. Водно время с графом и капитаном из противоположных дверей вошли Клер-де-Люнь и Дубль-Эпе.

— А! Вот странная встреча! — вскричал с притворным удивлением капитан.

Они поздоровались.

— Вы собираетесь куда-нибудь, господа?

— Нет, завтракать хотим, — возразил капитан. — А вы?

— И мы тоже; кроме того, мне нужно было вам сказать несколько слов, господа.

— Так и прекрасно! — сказал капитан. — Позавтракаем вместе.

Дубль-Эпе поздоровался с матерью и пошел попросить отца накормить их хорошенько.

Мэтр Грипнар сам подал им завтрак.

— Граф, на одно слово! — Клер-де-Люнь, или шевалье де Ларш-Нев, как он придумал себя называть, чтобы не привлекать внимания слишком известным именем Клер-де-Люнь, наклонился к Оливье.

— Сделайте одолжение, — отвечал Оливье.

— Граф, одна особа, которую вы хорошо знаете и которую не нужно называть здесь, желает сообщить вам важное известие.

— Несмотря на мое доверие к вам, — произнес, улыбаясь, Оливье, — я все-таки хотел бы знать, по крайней мере, что это за особа?

— Никак не могу сказать, граф; мне позволено передать вам только, что она послана великим изгнанником с приказаниями, не терпящими отлагательства.

Граф задумался на минуту.

— Хорошо, я приду, — согласился он потом. — Где мне найти эту особу?

— Если позволите, я буду иметь честь проводить вас?

— Ого! Какие предосторожности! — заметил Оливье.

— Необходимые, к несчастью, граф. Тут и вы, и эта особа рискуете жизнью. Я даже не один буду сопровождать вас; с нами пойдут капитан, Дубль-Эпе и еще двое надежных людей, которые ждут на улице.

— Да вы в разбойничий притон, что ли, меня ведете? — рассмеялся граф дю Люк.

— Хуже, граф.

— Вы как думаете, капитан? — обратился к нему Оливье.

— Я думаю, что прогулка после сытного завтрака очень полезна, — проговорил Ватан.

— Так пойдемте! — воскликнул граф. — В котором часу надо быть там?

— В двенадцать, граф, — пояснил Клер-де-Люнь, — а теперь еще только десять.

Они стали весело есть и пить и в половине двенадцатого отправились.

Клер-де-Люнь прошел вперед и обменялся несколькими словами с двумя довольно подозрительными личностями, вооруженными с головы до ног.

— Все в порядке, — сообщил он, вернувшись к графу и его спутникам, — можем идти.

— Что же это у нас за экспедиция? — поинтересовался капитан. — Ты, верно, знаешь, Дубль-Эпе?

— Ей-Богу, ничего не знаю! Сегодня утром Клер-де-Люнь пришел просить меня помочь ему в одной экспедиции, которая, как он говорил, предстояла графу дю Люку. Я оделся и пошел. Вот и все.

Они между тем повернули на улицу Бу-дю-Монд. Граф остановился.

— Послушайте, куда же это мы идем? — спросил он.

— Теперь я могу вам признаться, что мы идем во Двор Чудес; до него остается несколько шагов.

— Но в который? Их ведь много.

— В самый знаменитый и, следовательно, самый опасный.

— Однако туда ведь нелегко пройти!

— Пройдем, граф, если вы позволите мне действовать по своему усмотрению.

— Сделайте одолжение, мой милейший, но предупреждаю вас, что если кто-нибудь из этих мошенников только тронет меня, так я его убью.

— О, со мной ни один вас не тронет, граф!

— Скажите, пожалуйста! Да кто же вы наконец такой? — с удивлением произнес Оливье.

— К сожалению, граф, не могу вам этого сказать. Говорю только одно: кто бы я ни был, я вам всей душой предан.

— Ну, не стану настаивать. Идемте!

Клер-де-Люнь пошел вперед, поговорил с тремя или четырьмя подозрительными личностями и попросил своих спутников проходить за ним скорее.

Они вскоре очутились в одной из отвратительных, грязных ям, которых было так много в Париже при Людовике XIV и которые назывались Дворами Чудес. В один из типичных между ними Клер-де-Люнь и привел графа. Это был глухой переулок, немощенный, изрытый ямами с грязной водой, в которых валялись разлагавшиеся трупы животных. Кое-где стояли покривившиеся, грязные землянки с масляной бумагой вместо оконных стекол и паутиной по всем углам.

Клер-де-Люнь подошел к самому большому и комфортабельному из прелестных домиков, тоже скривившемуся на один бок и сверху донизу покрытому грязью. Тут жило, однако, человек пятьдесят женщин, мужчин и детей.

Весь живший в этой местности люд носил на себе отпечаток нищеты в самом ужасном, отвратительном ее виде. Тут вечно грабили и резали друг друга, хотя тоже признавали Бога. Женщины и девушки каждый день бормотали молитвы перед статуей Бога-Отца, украденной в какой-то церкви. Но эта поломанная, забрызганная грязью статуя не раз уж валялась на земле во время ссор и драк. Много высыпало любопытных посмотреть на спутников Клер-де-Люня, но они не позволяли себе никаких оскорблений по отношению к ним, а, напротив, даже кланялись.

Это было такое место, что его боялась сама полиция; отряды солдат ничего тут не могли сделать и должны были уйти.

Граф и капитан, несмотря на всю свою храбрость, вошли сюда, чуть не дрожа, но Клер-де-Люнь и Дубль-Эпе шли совершенно спокойно. Они всех здесь знали и пользовались уважением.

— Вот мы и пришли, — объявил Клер-де-Люнь, подходя к дому посредине отвратительной площади. — Я сейчас скажу ожидающей вас особе; если только вы не хотите войти сами?

— Нет, нет! Мы здесь подождем, — отвечал дю Люк.

Клер-де-Люнь шепнул что-то одному, шедшему за ними по пятам человеку; тот утвердительно кивнул головой и вошел в гадкую землянку.

По знаку Клер-де-Люня собравшаяся толпа любопытных разбежалась. Во Дворе Чудес, казалось, никого не было, а между тем из каждого окна, из щели каждой двери за ними следили и на них смотрели. Самая тишина Двора таила в себе что-то пугающее. Напрасно успокаивали графа и капитана Клер-де-Люнь и Дубль-Эпе, наши герои не отходили друг от друга и не отнимали рук от эфесов своих шпаг.

Клер-де-Люнь и его адъютант поговорили шепотом между собой, и Дубль-Эпе пошел к хижине с еловой веткой над дверьми, означавшей, что это трактир.

Как только Дубль-Эпе вошел туда, все грязные посетители мигом выбежали, толкаясь в дверях. Через четверть часа оттуда вышел человек, закутанный в плащ и в надвинутой на глаза шляпе.

Он хотел поклониться графу, но Клер-де-Люнь остановил его.

— Господа, — сказал он, — не забудьте, что мы здесь в разбойничьем притоне; не показывайте вида, что вы друг друга знаете. Вон Дубль-Эпе делает мне знак, что нашел удобное место, где вы могли бы переговорить без свидетелей.

Действительно, Дубль-Эпе звал их в трактир.

— Пока вы будете говорить там втроем с капитаном, — прибавил Клер-де-Люнь, — мы вас покараулим.

— Так пойдемте, если вам угодно, — предложил Оливье незнакомцу.

Тот молча поклонился в знак согласия, и они вошли втроем с Ватаном в душную, засаленную комнату.

Клер-де-Люнь зажег факел и воткнул его в железный обруч, приделанный к стене.

Когда он ушел, незнакомец сбросил плащ и шляпу.

— Здравствуйте, граф! Вы не ожидали, конечно, встретить меня здесь?

— Вы, мсье де Лектур! — с удивлением вскричал граф.

— Сейчас все вам объясню; но, извините, я, кажется, не имею чести знать...

Он взглянул на капитана.

Оливье рекомендовал его как друга, от которого не имеет тайн. Де Лектур сказал, что много слышал о капитане от герцога Делафорса. Капитан отвечал, что ему в сущности все равно до всех партий на свете; что его дело — только наносить или получать удары, а главное, наживать деньги; что он на пять месяцев обязался служить гугенотам и не

изменит им, хотя в былое время они его раз чуть было не повесили.

— Так вы, по-моему, сделали удачную ставку, присоединившись теперь к нам, — произнес, смеясь, де Лектур.

— И я думаю так же, — согласился капитан.

— Я вам сейчас все объясню. Вы говорите на каком-нибудь иностранном языке?

— Я говорю на всевозможных европейских языках, — отвечал капитан.

— А я, — сообщил граф, — на испанском, итальянском и английском.

— Так будем говорить по-английски, — продолжал де Лектур. — Я должен передать вам серьезные вещи, господа. Десять дней тому назад был большой совет вождей партии под председательством герцога де Рогана. Король, то есть его министр де Люинь, забывая услуги, оказанные протестантами Франции, все больше и больше притесняет нас, понемногу отнимая привилегии, данные нам Нантским эдиктом. Нас хотят довести до полного возмущения и заставить употребить силу против силы. Пора положить конец этим несправедливостям и напомнить Людовику Тринадцатому, что он своим тронном обязан именно гугенотам, которых так теснят!

— Так готовится война? — спросил граф дю Люк.

— Да; но я еще не все вам сказал. У нас много надежных крепостей, особенно, например, Монтобан и Ла-Рошель; много прольется крови, пока их у нас отнимут. Но прежде, нежели окончательно поднять знамя бунта, мы сделаем еще последнюю попытку, и в этом случае рассчитываем на вас, граф, и на вас, капитан.

— Что же надо делать? — поинтересовались оба.

— Я уж два дня в Париже...

— А мы досих пор ничего не знали?

— Я скрывался; меня преследовала полиция; я бы непременно попал ей в руки, но меня выручил один славный малый, хотя он глава всех парижских Тунеядцев. Это Клер-де-Люнь. Лет двадцать тому назад я спас его от петли за какую-то проделку; он не забыл этого и спрятал меня от моих преследователей во Дворе Чудес, куда ни один дозорный не решится прийти искать кого-нибудь.

— Но кто же этот таинственный Клер-де-Люнь? — полюбопытствовал Оливье.

— Да все тот же шевалье де Ларш-Нев, которого вы знаете, друг мой, — отвечал капитан.

Графа заметно покорило; но когда Ватан и де Лектур объяснили ему, какой это бескорыстно благодарный и добрый малый, несмотря на все свои недостатки, он примирился с ним в душе.

— И моя голова оценена, как и голова герцога, — продолжал де Лектур, — и хотя не так же дорого, но сумма, которую за нее назначают, все-таки может соблазнить какого-нибудь негодяя. Клер-де-Люнь это знал и тем не менее спас меня.

— О, это меня окончательно с ним мирит! — вскричал Оливье.

— Так возвращаюсь к нашему делу, господа, — проговорил де Лектур. — Совет решил поручить вам одно предприятие, которое могло бы помочь избежать кровопролития и вместе с тем навсегда избавить нас от постыдного ига. Герцог де Роган получил все ваши депеши, граф, и знает, что вы оказали огромные услуги. Вы склонили многих влиятельных дворян нашей партии принять деятельное участие в настоящих событиях, то есть отстаивать интересы своих собратьев.

— Действительно, мне посчастливилось устроить это.

— Как велико число тех, кто готов дать отпор двору?

— Их шестьдесят человек.

— Они готовы действовать всеми средствами?

— Всеми, даже взяться за оружие.

— А на скольких из них можно вполне положиться?

— На всех.

— Ого! Да это значительно облегчает дело. А кроме них, есть у вас под рукой люд помельче... Как бы вам сказать?.. Вроде нашего приятеля Клер-де-Люня, например?

— Есть, только это уж по части капитана Ватана.

— Я набрал довольно порядочное число молодцов, — сказал капитан, поклонившись. — Если у них немножко горяча кровь и легка нравственность, так зато они чужды всяких предрассудков. Я за них, как за себя, ручаюсь.

— Ого! Это отлично. И много у вас этих неоцененных шалопаев, любезный капитан?

— Триста двадцать один человек.

— Прекрасно!

— Надеюсь еще увеличить их число, — скромно добавил капитан. — Париж неисчерпаем в этом отношении.

— Это правда. Так вот в чем дело: Людовик Тринадцатый, как вам известно, страстный охотник. Его любимые места — Сен-Жерменский замок с его громадным лесом и не то до-

мик, не то мельница, которая называется Версалем; это милья в пяти от Парижа. Знаете вы Версаль?

— Нет, — ответил Оливье.

— Я знаю, — произнес капитан. — Это холмистое пустое место.

— Да, и совершенно лишенное воды.

Сказав это, де Лектур подошел к двери и отворил ее, чтобы удостовериться, что никто их не подслушивает.

— Никого нет, — сообщил он, понижая голос. — На короля находят минуты грусти и отвращения ко всему; тогда он уезжает из Сен-Жермена, совершенно бросает двор и целые недели проводит в Версале. Поняли вы меня, господа?

— Совершенно. Надо во время пребывания его в Версале или на пути его туда или обратно...

— Так, так! — поспешно перебил де Лектур.

— А если в одни сети захватить и королеву-мать или коннетабля Люиня? — насмешливо спросил капитан.

— Или даже монсеньора Люсонского, — сказал де Лектур, — было бы очень не худо. Так вы готовы повиноваться, господа?

— Конечно, — с достоинством проговорил граф, — но на одном условии.

— На условии? — переспросил де Лектур, быстро вскинув голову.

— Да, господин де Лектур. Вы теперь же дадите мне слово, что в тот час и день, который я назову, с улицы или из церкви, больной или здоровый, герцог де Роган придет туда, где я его буду ожидать для объяснения по одному делу, которое не относится к политике и касается только лично меня и его. Согласны вы, господин де Лектур, дать это слово за герцога?

На несколько секунд наступило молчание.

— Бедное человечество! — прошептал наконец де Лектур. — Даже и у самых честных, благородных людей на первом плане непременно личный интерес! Извольте, граф дю Люк де Мовер, — обратился он к Оливье, пристально глядя ему в глаза, — я даю вам слово, что герцог де Роган сдержит налагаемые вами на него условия.

— О! Я не налагаю условий, а прошу согласиться на них.

— Да, граф, но просите при таких обстоятельствах, что отказ невозможен.

— Господин де Лектур! — вскричал Оливье, схватившись за шпагу.

— Что же? Вы и меня собираетесь вызвать на дуэль?

— Это правда, я виноват; простите меня; исполняйте свое дело, но, клянусь, мы с вами увидимся!

— Очень буду рад, граф.

— *Morbleu!* Господа, — вмешался молчавший до тех пор капитан, — теперь не время ссориться и петушиться. Дело серьезное. Покушение на короля и его министров есть оскорбление величества. Мы готовы повиноваться, но чем вы нас при этом гарантируете?

— То есть как это, капитан?

— Я хочу сказать, что мы с графом, вполне доверяя вашим словам, все-таки ничего не станем делать без приказа. Всякий ведь за себя в этом мире; наша обязанность будет опасная, и тот, кто ее налагает на нас, должен нести за это ответственность.

— Извольте, господа, — отвечал де Лектур, снял перчатку, распорол ее пополам и, вынув оттуда сложенную вчетверо бумагу, подал Оливье. — Вот приказ! Теперь жизнь герцога де Рогана полностью у вас в руках, — горько прибавил он.

Граф прочел, подошел к факелу и сжег бумагу.

— Что же это вы делаете, граф? — воскликнул де Лектур.

— Герцог де Роган, — ледяным тоном проговорил Оливье, — дает мне этот приказ, чтобы оградить меня от ответственности, а мой долг — сжечь бумагу, подписанную его именем, чтобы оградить его честь. Дай Бог, чтобы теперь моя не погибла из-за него!

— О, граф! Вы истинный дворянин!

— Вы в этом разве сомневались? — гордо спросил Оливье.

В это время на улице раздались крики и затем выстрелы. В трактир вошел улыбающийся Клер-де-Люнь.

— Господа, — сообщил он, — можете спокойно продолжать разговор. Дозорные и полиция атакуют Двор Чудес; но они слишком боятся его, чтобы ворваться сюда; ведь им по опыту известно, что они уж живые ни за что не выйдут.

— Все это прекрасно, Клер-де-Люнь, но как же мы-то отсюда выйдем? — озабоченно произнес капитан.

— О, не беспокойтесь, капитан! На все будет свое время. Говорите еще хоть целый час.

— Но мы уже кончили, дружище, — сказал де Лектур.

— Так отправимся, господин де Лектур, и будьте уверены, что вас никто не будет преследовать.

Они пошли за ним.

Площадь Двора Чудес буквально кишела народом; весь этот грязный, оборванный люд кричал, жестикулировал и кидал чем попало в полицейских, перья на шляпах которых развевались наверху, над головами, которыми был усеян двор.

В сопровождении Клер-де-Люня, Дубль-Эпе и двух Тунецев наши герои быстро свернули в узенький переулок и после нескольких поворотов подошли к городским стенам; это заняло у них всего несколько минут; страх ведь, говорят, придает крылья.

У городского вала Клер-де-Люнь остановился и прижал пружину. Дверь отворилась, и они очутились в подземном ходе, вероятно давно забытом. Их ждали семь оседланных лошадей, которых стерег какой-то нищий.

— Эльзас! — шепнул ему Клер-де-Люнь.

— Богемия! — отозвался он.

— Едем, господа! — объявил Клер-де-Люнь. — Вся надежда теперь на быстроту ног наших лошадей.

Через пять минут они неслись во весь опор к Сен-Лазарской заставе.

А за ними во Дворе Чудес все еще раздавалась ружейная пальба.

ГЛАВА X

Где доказывается, что не все свиданья одинаковы

инут двадцать они неслись сломя голову. Наконец Клер-де-Люнь сдержал свою лошадь и спросил капитана, куда же это они едут.

Капитан и сам не знал.

— Господа, — сказал он, — приостановимся немного и решим, по крайней мере, стоит ли нам так торопиться?

— По-моему, не стоит, — отвечал дю Люк, — а вы как думаете, мсье де Лектур?

— Я думаю иначе, — возразил де Лектур. — Я тороплюсь к нашим друзьям дать им отчет в том, что я сделал. Поэтому позвольте мне проститься с вами здесь. Что ты возьмешь с меня за твою лошадь, Клер-де-Люнь?

— Я ее не продам вам, сударь, а променяю, пожалуй, на вашу. Будьте спокойны: она надежная. Кроме того, откро-

венно вам скажу, дорога до Сен-Лазарской заставы будет для вас не совсем безопасна, так я отправлю с вами двоих проводников. Ваша лошадь будет ждать вас на некотором расстоянии за заставой; там уж вы поедете один.

Де Лектур поблагодарил Клер-де-Люня, и вельможи расстались, повторив еще раз друг другу обоюдные условия.

— Куда же мы теперь? — спросил графа капитан Ватан.

— По-моему, окончим день каким-нибудь развлечением, так как на сегодня, по-видимому, наши дела окончены, — предложил Оливье.

Остальная компания согласилась, и они отправились в маленькую деревеньку, за Сен-Клу и Севром, где, по указанию капитана, в одном трактире подавали особенно вкусное вино.

Проехав Севр, они остановили на минуту лошадей.

— Вон этот трактир, о котором я вам говорил, — показал, потирая руки, капитан, — он на вершине горы перед нами.

Стали взбираться по ее крутому, скалистому склону. Лошади совсем выдохлись, добравшись до вершины.

В нескольких шагах, у самой дороги, стоял чистенький, белый домик с зелеными ставнями. У ворот было несколько телег; лошади ели овес из мешков; из окон слышались веселые восклицания извозчиков, остановившихся по дороге в Париж или из Парижа. Безграмотная вывеска объявляла, что в трактире Рассвет и конный, и пеший могут получить все, что им нужно.

Всадники остановились и были радушно встречены толстым, веселым хозяином, мэтром Гогелю, и его гарсонами.

Извозчики в это время садились в свои телеги, собираясь ехать дальше.

Капитан, войдя с товарищами в опрятную залу, подозвал хозяина и заказал ему обед, прося поторопиться. Через час все было готово. Капитан между тем условился, чтобы Оливье назывался графом де Сен-Клером, Дубль-Эпе — маркизом де Ла Бланш-Ландом, а Клер-де-Люнь — шевалье дю Пон де Ларшем.

Обед им подали в комнате самого хозяина.

— Что же это значит? — полюбопытствовал капитан.

— Я не хотел, — объяснил хозяин, — чтобы такие хорошие господа сидели рядом с неучами, которые у меня беспрестанно бывают.

Его поблагодарили за внимание и в награду попросили отобедать вместе.

Обед был отличный.

— У вас, должно быть, хорошо идут дела, — произнес с видимым равнодушием капитан.

— Не могу жаловаться, господа; но прежде было лучше. Мой отец устроил это заведение лет пятнадцать тому назад, и во время смут после того, как покойный Генрих Четвертый уехал из столицы, дела отца шли отлично. Теперь я живу главным образом посещениями придворных; если бы не они, мне пришлось бы запереть лавочку.

— Как! У вас бывают придворные? — удивился капитан. — Да ведь король, кажется, когда не живет в Париже, всегда уезжает в Сен-Жермен?

— Нет, — возразил, улыбаясь, трактирщик, — он иногда ездит и в Версаль.

— *Parbleu!* Любезный хозяин, я провинциал и не знаю, что делается в столице; скажите мне, пожалуйста, что это такое Версаль?

— Версаль, господин барон, — это старый, полуразрушенный дом, в который съезжаются для охот; король Людовик Тринадцатый особенно любит его.

— Вот как! А я и не знал. А далеко это отсюда?

— Да меньше двух миль.

— Скажите, пожалуйста!

— Но какая же вам выгода от того, что Версаль недалеко? — спросил Клер-де-Люнь.

— А вот видите ли: в Версале места немного; там едва размещаются человек восемь, остающихся при короле, а приезжает с ним всегда человек сорок.

— А! Понимаю. Так остальные обращаются к вам?

— Точно так, господин шевалье.

— Ну, так это успокаивает меня на ваш счет, хозяин.

— Очень вам благодарен, господин барон.

— Право, вы мне кажетесь таким славным человеком. Пью за ваше здоровье.

— И за ваше, господа! Кроме того, — продолжал он, — и охота часто бывает в этой стороне; ну, понимаете, придворные завтракают в лесу...

— Завтракают в лесу?

— Точно так, господин маркиз. Потом на обратном пути, проезжая у Трех Дорог, король посылает ко мне за вином для своих вельмож.

— Но эти случаи редки, конечно, хозяин?

— Очень редки, монсеньор. Зимой еще туда-сюда, а уж летом совсем плохо!

— Разве летом король не ездит в Версаль? — поинтересовался, улыбаясь, граф.

— Почти никогда, господин граф. Ведь его привлекает сюда охота.

— А здесь много дичи?

— О, множество! Вот и сегодня я был так счастлив! У меня останавливался граф де Шеврез. Вы его, верно, знаете, господин барон?

— В лицо нет, а слышал о нем много хорошего.

— Да, сударь, прекрасный вельможа. Он закусывал здесь, выпил стакан вина и сказал мне, что его величество собирается беспрестанно приезжать в Версаль на охоту.

— А! — хладнокровно заметил Клер-де-Люнь, — но его величество может передумать.

— Нет, господин шевалье, это невозможно. Вот подлинные слова графа де Шевреза: «Мэтр Гогелю, я долго не могу у вас оставаться; меня послали вперед приготовить все к приезду его величества; через пять дней корольбудет здесь».

— Ого! Ну, в таком случае сомнение невозможно, мэтр Гогелю. А долго король пробудет в Версале?

— Недели две, я думаю. Готовят большую охоту. Господин де Шеврез уже снял у меня комнату для себя и пятерых товарищей и заплатил за месяц вперед.

— Все это несомненные доказательства, мэтр Гогелю.

Они выпили еще раз за его здоровье, и затем капитан Ватан совершенно забыл о его существовании. Он все из него выжал, что хотел. Около пяти часов они встали из-за стола, заплатили хозяину десять луидоров и умчались в Париж.

Без четверти семь они уже были в городе. За заставой они разъехались: Дубль-Эпе и Клер-де-Люнь поехали прямо, по берегу Сены, а капитан с графом повернули налево, сказав Дубль-Эпе, что вечером сойдутся у него.

— Что вы думаете о сегодняшнем дне, граф? — спросил капитан, когда они пришли к себе в «Единорог».

— О, мы не теряли времени даром! Узнали все, что нам было нужно, — отвечал Оливье.

— Теперь, — сказал капитан, — пойду посмотрю, что делают шалопаи, которых я наwerbовал; затем пройду в «Клинок шпаги» узнать, нет ли чего нового. До часу вы меня

застанете там, а после я буду ждать вас у Дубль-Эпе. А вы что намерены делать?

— Я немножко устал; останусь дома; но, во всяком случае, мы вечером увидимся.

— Так до свиданья, граф.

Капитан ушел, а граф велел Мишелю дать себе халат и сел к камину с тем, чтобы просидеть вечер дома.

Мишель подал ему на серебряном подносе письмо, объявленное черным локоном.

— Кто это принес? — осведомился Оливье.

— Не знаю, граф.

— Как не знаешь? Да ведь не само же оно пришло!

— Вот что было, граф: позвонили, я пошел отворить; за дверью никого не было, только на замке висело это письмо на нитке.

— Странно! Ступай, Мишель; я позову тебя, когда будет надобно.

Граф прошелся раза два по комнате, не решаясь вскрыть письмо, потом остановился и сердито топнул ногой:

— Да неужели же я вечно буду без характера, без воли? Проклятая нерешительность!

Он машинально скомкал письмо в руке. Локон развернулся, и письмо открылось.

— Судьба! — произнес он. — Ну, пожалуй! Прочтем! Вот что там было написано:

«Я пойду за тобой по первому твоему зову», — сказали вы, когда мы последний раз виделись в Тюильрийском кабачке.

Я зову вас. Приходите!

Сегодня, в восемь часов вечера, на углу улиц Арбр-сек и Сент-Оноре будут ждать носилки.

Садитесь и завяжите себе глаза платком, который вам подаст мужчина; вы дадите при этом слово не снимать его, пока вам не скажут.

Красная маска

Придете?

— Конечно! — громко воскликнул он. — Конечно, приду, красавица! Но приму меры предосторожности. В наше время измена скрывается под всевозможными масками. Ну, как

видно, не все свидания похожи одно на другое! Уж половина восьмого! Я только-только успею.

Заткнув за пояс два пистолета и взяв шпагу, он завернулся в плащ и вышел, прошептав:

— Красавица, может быть, не одна? Ну да увидим!

ГЛАВА XI

Каким образом можно заставить женщину сделать то, чего она желает

Теперь вернемся к де Лектуру, уехавшему из Двора Чудес в сопровождении двух Тунеядцев. Он не слишком боялся преследования, зная, как в то время полиция была плоха в Париже. Уж издали виднелись высокие стены Сен-Лазарского аббатства; через четверть часа де Лектур въехал в деревню и остановился у гостиницы «Золотой герб». Какой-то сержант караулил лошадей. Увидев де Лектура, он подбежал поддержать его лошадь.

— А! Это ты, Ла Прери! — произнес де Лектур. — Что нового?

— Может быть, и найдется что-нибудь, господин барон, потому что меня сюда прислал один из моих начальников.

— Ты мне об этом расскажешь. Фруадево здесь?

— С час уж приехал и привел вашу лошадь, господин барон.

Поблагодарив своих провожатых и дав им несколько луидоров, де Лектур отпустил их, а сам вошел в гостиницу.

Фруадево, знавший вкусы своего господина, уже приготовил ему глинтвейн, и он сел за стол, велел подать еще меру водки и рюмку. Приказание было исполнено.

— Теперь мы с тобой поговорим, Ла Прери! — объявил де Лектур. — Выпей-ка сначала.

— Слушаю, господин барон. Водка ведь молоко для солдат!

— Кто тебя прислал сюда?

— Господин герцог, и приказал передать вам письмо.

Ла Прери подал большой конверт.

Де Лектур понял, что герцог де Роган прислал сержанта не для одной передачи депеши; он мог прислать ее и с кем-нибудь другим; но Ла Прери был известен своей верностью герцогу, у которого одно время долго был на службе; следовательно ему вероятно дано было какое-нибудь секретное поручение.

Ла Прери имел обыкновение говорить очень запутанными фразами, и без помощи водки от него ничего никогда нельзя было попытаться.

Де Лектур хорошо это знал и приготовил необходимое угощение. После нескольких рюмок и запутанной болтовни Ла Прери сказал наконец, что герцог велел передать господину барону следующее:

— Для одного дела, о котором мне незачем тебе говорить, — привел Ла Прери подлинные слова герцога, — по всей вероятности, для некоторого похищения, я секретно послал человек пятьдесят надежных молодцов, отчаянных головорезов, в Рюэль и Сен-Клу, деревни на берегу Сены, недалеко от Парижа. Никто не знает, что они там; они ходят переодетые и живут все порознь, чтобы не возбуждать подозрений, но знают, что должны соединиться под начальством господина де Лектура, когда он сочтет удобным начать действия. Увидев тебя, Ла Прери, с господином де Лектуром, они поодиночке выйдут из домов и молча пойдут за вами. Я полагаюсь, — прибавил господин герцог, — не только на твою храбрость и преданность, но и на аккуратное, покорное, а главное, решительное и быстрое исполнение приказаний господина де Лектура.

— Все? — спросил де Лектур.

— Все, господин барон.

— Ну, так и я тебя еще раз попрошу о том же, о чем тебе говорил герцог. И, пожалуйста, Ла Прери, оставь уж на это время твою неразлучную собеседницу бутылку. Я должен тебе сказать, что если дело, на которое мы идем, не удастся по твоей вине, так тебе придется поплатиться жизнью.

— О, в таком случае будьте спокойны, господин барон!

— Ну, идем же.

Ла Прери допил все-таки остатки водки, и через пять минут они отправились в путь. Через три четверти часа после дю Люка и его спутников они переехали Сене в том же самом месте.

У графа Сюлли, верного министра короля Генриха IV, был великолепный замок недалеко от Сен-Клу. Тут он жил, оплакивая своего государя и друга.

Де Лектур, приехав в Сен-Клу, направился деревней и полями по узкой тропинке вдоль парка Сюлли. Приблизившись к маленькому домику вроде сторожки, возле которого были ворота из такой плотной решетки, что в парк не уда-

лось бы заглянуть никакому любопытному глазу, де Лектур постукал эфесом шпаги.

Ворота отворились, и барон с сержантом и слугой въехали во двор; ворота опять сейчас же затворились.

Встретивший приезжих пожилой человек почтительно поклонился де Лектуру, сняв шляпу.

— Как вы скоро мне отворили, мэтр Ла Раме, — сказал де Лектур, — не заставил ли я себя дожидаться?

— Нет, господин барон, с тех пор как дочь господина, герцогиня де Роган, изволит жить здесь, нам велено особенно зорко следить за всем; везде расставлены караулы. Вас давно увидели, узнали и дали знать о вашем приезде. Теперь такое время, господин барон.

— Это правда, Ла Раме. Так герцогиня здесь?

— Точно так; если угодно, я провожу вас, господин барон.

— Пожалуйста, друг мой. А герцог Сюлли у себя?

— Нет, господин барон, господин уже несколько дней в своем именье Росни.

Говоря таким образом, де Лектур сошел с лошади и последовал за мэтром Ла Раме по аллее вековых деревьев.

Марии де Бетюн, герцогине де Роган, было в это время немногим более тридцати лет, но на вид казалось едва двадцать пять. Красота ее была в это время в полном своем блеске и имела в себе что-то странное, оригинальное. Высокая, стройная, гибкая, она очаровывала каждого; сквозь прозрачную белую кожу видно было, как переливалась кровь; волосы были того прекрасного белокурого цвета, которым обычно любят у Тициановых мадонн; блеск ее голубых глаз не всякий мог выдержать; при этом нежный звучный голос, величественная осанка и прелестные манеры придавали ей вид настоящей королевы.

Современная хроника приписывала ей разные довольно скабрзные похождения.

Одним словом, Мария де Бетюн была такая женщина, розовых ногтей которой можно было столько же бояться, сколько и страстных взглядов.

Когда стали преследовать ее мужа, она уехала жить к отцу, и там гордо и твердо становилась лицом к лицу с врагами, которых сдерживала и почти пугала ее самоуверенная манера.

Когда ей доложили о де Лектуре, она читала какую-то записочку; поспешно засунув ее за корсаж и внимательно оглянувшись кругом, она велела просить гостя.

Де Лектур был почти членом их семьи. Ни герцог, ни сама герцогиня, может быть, не имели от него тайн.

Он почтительно поклонился ей, поцеловал руку и сел в нескольких шагах от ее кресла.

— Я очень рада видеть вас, милый де Лектур; уже давно я не имею известий от герцога, и это меня сильно беспокоит. Он нарочно послал вас ко мне?

— Нет, герцогиня. Господин де Роган дал мне одно весьма щекотливое поручение к одному из вельмож нашей партии. Я исполнил все и возвращался к герцогу, в Монтобан, как вдруг в гостиницу, где я остановился, в двух милях отсюда, приехал нарочный с письмом, которое герцог поручил передать вам немедленно. Герцог просил сказать вам также, что ему очень грустно так долго быть в разлуке с вами.

Де Лектур подал письмо, обвязанное зеленой шелковинкой.

— Благодарю вас, де Лектур. Скажите герцогу, что и мне без него здесь очень скучно, но чтобы он не беспокоился: несмотря ни на что, я сумею оградить себя, сдержать наших врагов и разрушить их козни. Что бы ни задумывал господин де Люинь, уверьте герцога, что у нас при дворе есть еще несколько верных друзей и вскоре, может быть, ожидаемая гроза бесследно рассеется.

— Герцог давно знает, что может вполне положиться на вас, — отвечал де Лектур, — что вы во всех отношениях героиня.

— Милый де Лектур, вы гадкий льстец, — сказала с очаровательной улыбкой герцогиня.

— И самый преданный ваш слуга, прибавьте.

— Нет, мой друг, — возразила она, ласково протянув ему руку, — вы наш дорогой брат и самый неизменный друг.

— Кто бы не согласился с радостью умереть, чтобы только услышать такие добрые слова, сказанные таким нежным голосом и таким прелестным ротиком! — воскликнул де Лектур, целуя ей руку.

— Молчите, или я серьезно рассержусь, — с улыбкой произнесла герцогиня.

— Извольте; повинуюсь вашему приказанию.

— А я пока прочту письмо герцога.

Герцогиня стала читать. Вскоре чтение, по-видимому, до того заинтересовало ее, что она перечитала письмо раза два и глубоко задумалась, забыв даже о присутствии де Лектура. Очнувшись, она провела рукой по лбу.

— Я, кажется, позабыла о вас, мой друг, — проговорила она. — Герцог пишет мне такие странные вещи, что я не знаю, что и думать; мне надо видеть его самого, чтобы убедиться, что я не ошибаюсь.

— Разве это так трудно? — спросил де Лектур, лукаво улыбнувшись.

— А! Вы разве что-нибудь знаете? — поинтересовалась она, нервно вздрогнув.

— Вы простили бы мне, если бы я знал?

— Нет; вы гадкий; вы сделались сообщником моего мужа, и я не хочу больше ни в чем доверяться вам.

— Ну, на это что я могу ответить?

— Ничего! Ваш ответ уж и так слишком хорошо можно угадать. Послушайте, однако, де Лектур, — промолвила она, как-то особенно, пристально поглядев на него и наклонившись к нему, — шутки в сторону, поговорим серьезно!

— Да разве мы не серьезно говорили?

— О, какой вы несносный!

— Смотрите, Мария, моя милая сестрица! Я чувствую, вижу... простите... что вы сейчас скажете мне страшную несообразность!

— У! Гадкий! Я вас терпеть не могу!

— Parbleu! Я это давно знаю.

— Ну, скажите же, отчего герцог поручает мне это дело?

— Верно, у него есть на то свои основания.

— Но что же это за человек?

— Ну вот! Так я и знал!

— Ничего больше не скажу.

— Бедное, милое дитя! Вы слишком женщина, мой дружок, чтобы остановиться на половине такой прекрасной дороги.

— О!

— Ну, полноте же! Я не хочу приводить вас в отчаяние. Это славный мужчина; дамы его боготворят, и, клянусь вам, он того заслуживает...

— Не хочу больше вас слушать; я наконец страшно рассержусь на вас.

— Да за что? Я ведь передаю вам то, что мне поручил ваш муж, что вам необходимо знать, чтобы исполнить его поручение.

— Но это же отвратительно! Я не понимаю, что думает, герцог, заставляя меня исполнить подобную вещь, — сказала она обиженным тоном.

— Герцогиня, позвольте вам заметить, что вы неправы и преувеличиваете. Граф дю Люк де Мовер честный человек, знатного рода, в родстве с лучшими фамилиями королевства. Его можно принимать, не унижая себя. Впрочем, — прибавил он со слегка насмешливой улыбкой, — это один из известнейших наших волокит, и ни одна дама, насколько я знаю, не скомпрометировала себя тем, что приняла его даже наедине.

— Послушайте, де Лектур, убирайтесь! Этим словом вы все испортили. Ничего больше не хочу слышать. Я решительно не сделаю того, о чем просит герцог.

Де Лектур встал.

— Куда вы? — вскричала она.

— Dame! Ухожу.

— Как!.. Сейчас?

— Конечно; ведь вы гоните меня.

— Послушайте, вы серьезно говорите? Неужели вы не останетесь хоть на день?

— Ни на одну минуту! Меня там ждут.

— Ах, да, правда! Ну, не удерживаю.

— Итак?..

— Вы скажете герцогу, что...

— Что вы исполните его желание! Э, parbleu! Ведь я знаю его обыкновение жертвовать вами!

Он поцеловал ей руку и, смеясь, быстро пошел к двери.

— Но... — начала она.

— Да, да, будьте спокойны, милая сестра; я скажу герцогу, что вам это очень неприятно, но что вы наконец уступили очевидности, и он может рассчитывать на вас. Прощайте, прощайте!

Де Лектур мигом исчез за дверью.

Герцогиня с минуту посмотрела ему вслед, повела плечами, как-то особенно улыбнулась и искоса взглянула в зеркало, в котором отражалась ее прелестная фигура.

— Он правду говорит, — прошептала она, засмеявшись, — я горю нетерпением исполнить то, чего герцог от меня требует.

Герцогиня свистнула в хорошенький золотой свисток.

— Попросите графиню дю Люк, — приказала она вошедшей камеристке.

В которой читатель присутствует при разговоре двух прелестных розовых демонов

рафиня дю Люк и Мария де Бетюн воспитывались вместе и хотя после замужества жили далеко друг от друга — герцогиня в Пуатье, а графиня в Мовере, но поддерживали до некоторой степени свои дружеские отношения.

Когда вследствие беспрестанных ссор с двором герцогу де Рогану пришлось вести скитальческую жизнь и часто скрываться, он счел за лучшее поместить жену, которую боготворил, у ее отца, герцога Сюлли, в Париже: тут никто не посмел бы ее тронуть, во-первых, а во-вторых, он сохранял таким образом при дворе и почти в совете министров верного, умного сообщника, который стал бы предупреждать его обо всех кознях врагов. По странному стечению обстоятельств в это самое время размолвка с мужем сделала Жанну совершенно свободной. Она могла жить где хотела, и первой ее мыслью по приезде в Париж, на улицу Серизе, было отыскать подругу. Обе были очень рады снова увидеться, но не решались сразу отнестись друг к другу с полной откровенностью. Особенно мадам дю Люк была так сдержанна, что поражала герцогиню. Ее это заинтриговало, подстрекнуло ее любопытство и пробудило в ней желание непременно по-прежнему заглянуть в душу подруги. В тот день, когда мы видим Жанну у герцогини, она приехала к ней в третий раз, предупредив письмом о своем приезде.

Заметим мимоходом, что хотя герцогиня часто слышала о графе дю Люке, но никогда не видела его в лицо.

Дамы расцеловались, и герцогиня, усадив Жанну у камина, заперла дверь, чтобы им никто не помешал.

— Теперь я в твоём распоряжении, моя прелесть, — сказала она с улыбкой, — мы можем говорить, не стесняясь. Ты ведь останешься у меня сегодня?

— Милая Мари, ты так радостно и так мило меня встречаешь, что я бы с удовольствием осталась у тебя как можно дольше.

— Кто же тебе мешает?

— Да ведь ты знаешь, я живу на краю города, приехала на лошади с моим мажордомом и, правду сказать, боюсь в темноте ехать с ним одним домой; мэтр Ресту хоть и очень

храбрый человек, но никогда не отличался неустрашимостью какого-нибудь Роланда или Рено.

— Ни даже Амадиса Галльского, не правда ли, милая? — произнесла с хитрой улыбкой герцогиня.

— Нет, злая. Впрочем, ему уже около пятидесяти, а это ведь безопасный возраст.

— Ну, я смотрю на это иначе. Лета, по-моему, ничего не значат; я сужу по лицу. Так с чего же мы начнем?

— Сначала поговорим; я приехала именно для этого; и поговорим совершенно откровенно, если позволишь, милая Мари.

— О, Жанна! Наконец-то ты решилась отбросить свою сдержанность!

— Ах, милая, мне обстоятельства не позволяли держаться иначе!

— А теперь они разве переменились?

— Нет, но теперь мне нужны твой совет и твоя помощь.

— Заранее обещаю тебе исполнить все. Что же случилось?

— Милая Мари, мое положение невыносимо; я хочу во что бы то ни стало выйти из него.

— Как! Разве твой муж...

— Мой муж два месяца тому назад оставил меня, обвинил в обмане, осыпав оскорблениями и дав честное слово, что никогда не простит обиды, которую я ему будто бы нанесла.

— О Боже мой! Как же ты мне об этом до сих пор ни слова не говорила?

— Я не решалась. Я невинна, Мари, клянусь тебе, не только делом невинна, но даже мыслью.

— О, я верю тебе!

— Несмотря на все это, я люблю мужа так же страстно, как в первые дни замужества; но я хочу защитить и свою честь. Я хочу отомстить ему!

— Понимаю тебя и непременно помогу, Жанна.

— Ты должна помочь, Мари, потому что ты всему причиной.

— Я? — с удивлением спросила герцогиня.

— Да, ты. О, не тревожься, милая! Ты сделала это невольно. Вот в чем дело: мой муж уехал раз в Париж в десятом часу вечера; вдруг является какой-то человек, просит принять его, говоря, что имеет важные депеши к графудю Люку, и называет себя бароном де Сераком. Теперь я знаю, что так всегда называет себя твой муж, когда путешествует и хочет

сохранить инкогнито, но тогда не знала, к несчастью. Хотя у меня правило никого не принимать к себе во время отсутствия мужа, но тут, сама не знаю, отчего я приняла барона де Серака; кроме того, муж хотел вернуться вечером, и я боялась, что он будет недоволен, если я не приму человека, называвшего себя его знакомым. Барон передал мне через слугу письмо, написанное твоей рукой; ты писала, что он один из самых хороших твоих друзей. Барон провел у нас два дня и уехал с каким-то господином де Лектуром, который за ним приехал.

— Да, да, — сказала герцогиня, — де Лектур его молочный брат и неизменный друг. Ах, Боже мой! Бедная моя Жанна!

— Муж, — продолжала Жанна, — пробыв в Париже гораздо дольше, чем предполагал, вернулся, когда барон уже уехал. Я рассказала ему все и затем позабыла всю эту историю. Прошло несколько дней. Граф опять уехал в Париж. Вдруг в замок во весь опор приезжает какой-то солдат в мундире швейцарского полка. Это был барон де Серак. Его преследовали, голова его была оценена. Я его спрятала. Через два дня является граф — бледный, растерянный; он резко, даже грубо обошелся со мной и сделал страшную сцену, которой я до сих пор не могу понять. В деревню наехали солдаты; им велено было обыскать хижины и замки, чтобы схватить герцога де Рогана. По указанию мужа я перевела его в секретную комнату; потом граф впустил солдат и дал им осмотреть замок. Когда они уехали, он отворил секретную комнату и остолбенел, увидев твоего мужа. Ему удалось сдержать свое волнение, и он показал герцогу только холодность; герцога, конечно, это очень удивило. Распорядившись, чтобы он мог безопасно уехать, граф подошел ко мне, грозно на меня посмотрел и, толкнув меня так, что я чуть не упала, сказал: — «Прощайте; этот человек ваш любовник; не старайтесь обмануть меня; у меня есть доказательства; мы больше никогда не увидимся!» Он уехал и не возвращался.

Жанна откинулась на спинку кресла и, закрыв лицо руками, горько зарыдала. Не меньше ее огорченная и встревоженная герцогиня старалась утешить ее.

— О, моя бедная Жанна! — вскричала она, лаская ее. — Да что же это граф... Да ведь это чистое безумие!.. Да он не любит тебя, значит?

— Любит, Мари, но по-своему, так, как любят эгоисты — для себя одного. О Боже мой! — воскликнула она почти со злостью. — Да из чего же созданы мужчины, которых ставят выше нас, что они не умеют отличить истинной любви от лживой?

— Милая Жанна, — произнесла иронично, почти цинично улыбнувшись, герцогиня, — вся вина честных женщин в том, что они слишком откровенно показывают мужьям свою любовь. Надо мучить их, как мучают продажные женщины, тогда они будут у ног своих жен. Им досадно, зачем мы целомудренны; им хотелось бы убить в нас стыдливость, и, так как это не удастся, они идут вымаливать грубых наслаждений у разных презренных женщин. С тобой, моя добрая Жанна, случилось то же, что случается с тысячами других честных женщин.

— О, Мари! Как это можно!

— Да, да, милочка. Что делать? Правду тяжело слышать. Покорись, бедное дитя, или гордо подними голову и, опираясь на свою любовь, на свое звание матери и честной женщины, заставь себя бороться тем же оружием, с помощью которого у тебя отняли мужа.

Жанна дю Люк подняла голову, несколько минут с каким-то странным выражением смотрела на подругу и отрывисто, точно не договаривая слова, сказала, стиснув зубы:

— Я это тоже поняла и уже начала делать, как ты говоришь.

— И хорошо, моя Жанна! Тогда тебе все удастся. Поверь, честные женщины, когда захотят, сумеют так кокетничать и так действовать на самолюбие мужчин, как не сумеет ни одна, самая красивая, самая неглупая из продажных женщин.

— Ты ведь поможешь мне, Мари?

— Клянусь, Жанна! Теперь и я тебе скажу, что и я тоже начала действовать.

— Как так?

— После узнаешь. Сначала условимся хорошенько; мы ведь образуем с тобой наступательный и оборонительный союз, да, моя милочка?

— Да, дорогая Мари!

— Ну, бедный граф дю Люк теперь погиб безвозвратно! Против него две женщины!

— Я хочу, чтобы он за несколько часов вытерпел все, что заставил меня вытерпеть в течение этих двух месяцев.

— Рассмотрим дело, Жанна. Поступок твоего мужа до того ненатурален, что тут непременно должна быть замешана женщина. Какая это женщина? Подозреваешь ты кого-нибудь?

Жанна отвечала, что нет, и рассказала только сцену в «Клинке шпаги», где граф дал пощечину и дрался на дуэли за то, что ее называли при нем любовницей барона де Серака, и убил того, кто это сказал.

— Ну, этот человек, очевидно, был подкуплен, чтобы оклеветать тебя. Но кто его подкупил? Ведь он, вероятно, не знал, что барон де Серак и герцог де Роган — одно лицо. Принимала ты кого-нибудь в отсутствие мужа?

— Никого.

— Наказывала ты прислуге не рассказывать о присутствии в твоём доме постороннего человека?

— Незачем было. Да и люди у нас все надежные, горячие протестанты; никогда я не замечала, чтобы они рассказывали на стороне о том, что делается в замке.

Герцогиня задумалась.

— Трудно будет разыскать, но мы разыщем того или ту, кого нам надо, а пожалуй, и обоих вместе.

— Я не понимаю тебя, Мари.

— А между тем это так ясно: никто не знал о присутствии барона де Серака в замке, кроме тех, кто в нем жил. Оскорбивший твоего мужа в ресторане был, как казалось, дворянин. На женщину даром не возводят клевету и так же нарочно не оскорбляют совершенно незнакомого человека. Следовательно, этому господину было заплачено. Люди твои не имели возможности сговориться с ним; да им это было и невыгодно: разрыв между тобой и графом разорял их. Ты одна жила с мужем в Мовере? Не жил с вами кто-нибудь из его приятелей или из твоих подруг?

— О да! С нами жила одна моя подруга.

— А!

— Но ты ее знаешь; это Диана де Сент-Ирем, бедная девушка, сирота, знатного семейства; она вместе с нами воспитывалась. Ей некуда было деваться после нашего выхода из монастыря, и я, выйдя замуж, взяла ее к себе. С тех пор мы не расставались; она всегда казалась такой привязанной, а главное, преданной. Да ты наверняка ее помнишь?

— Диану де Сент-Ирем — высокую брюнетку с надменным лицом и резкой манерой говорить?

— Ну, да!

— Помню, помню! Куда же она девалась после твоего разрыва с мужем?

— Она в Париже, кажется.

— Да разве ты точно не знаешь?

— Нет; представь себе, на другой день после этого ее брат...

— А! Так у нее есть брат? Отлично! Как его зовут?

— Граф Жак де Сент-Ирем.

— Слышала. Он пользуется весьма печальной репутацией... Это человек очень двусмысленного поведения. Так что же ты о нем заговорила?

— Не знаю, он потребовал, чтоб Диана вернулась жить к нему.

— Скажите, пожалуйста! Дурного примера от тебя, верно, побоялся. Ах, милая Жанна, какое ты прелестное, наивное дитя!

— Да что такое?

— *Parbleu!* Красивая, конечно, эта девушка?

— Да, очень красива.

— Час от часу не легче. И ты воображаешь, что эта красавица без гроша в кармане, облагодетельствованная тобой, обязанная тебе жизнью в богатстве и почете, не твой смертельный враг?

Графиня серьезно задумалась.

— Как странно, милая Мари! Я то же самое слышала и еще от одного человека. У меня явилось подозрение, и мне захотелось разъяснить его; но что я ни делала, ничего не могла открыть.

— Будь спокойна, Жанна, вдвоем мы все узнаем. Если ты увидишься с этой девушкой, будь с ней совершенно по-прежнему.

— Хорошо, Мари; если она осмелится прийти ко мне, я не покажу ей вида.

— Как славно! — вскричала, смеясь, герцогиня. — Герцогу де Рогану точно какой-нибудь домовый подсказал, что надо делать.

— А что такое?

— Да, видишь ли, тебе пришлось подождать меня сегодня в гостиной потому, что у меня был де Лектур, приехавший с поручением от него. Он просит позволить представить мне графа дюЛюка де Мовера и узнать, как он относится к моему

мужу, так как герцог заметил последний раз в разговоре с графом, что в его словах и манере есть что-то натянутое, принужденное; мужа это сильно беспокоит. А? Как ты это находишь, милая Жанна?

— Просто необыкновенно.

— Это прелестно, тем более что муж дает мне карт-бланш в этом случае.

— Что же ты сделаешь, сумасшедшая?

— Неужели ты сомневаешься, Жанна? — сказала с комично-серьезной миной герцогиня. — Конечно, я пожертвую собой ради своей партии и своей подруги. Недаром де Люинь называет меня настоящим генералом протестантов, а мужа — моим адъютантом. Мы дадим битву, милая Жанна!

— Да, — отвечала, расхохотавшись, графиня.

Они смеясь бросились друг другу в объятия.

— Так мы открываем боевые действия, — произнесла графиня, когда утих взрыв веселья. — Так как это осада, надо устроить апроши¹ и заручиться сторонниками. Апроши готовы, генерал, а сторонник один, по крайней мере, уже есть.

— Вот как! Кто же это?

— Огромный, худой, как скелет; кожа у него, как пергамент; как на него ни смотри, всегда видишь только его профиль с огромным носом и бесконечными усами. Он участвовал во всех битвах Европы и за каждое необдуманное слово нанизывает на свою длиннейшую рапиру людей, как жаворонков.

— О Господи, да где ты отыскала такое пугало?

— Я не отыскивала, он сам пришел.

Жанна рассказала, как объяснил ей капитан свое участие дружбой с ее отцом, и как не раз спасал жизнь ее мужу.

— Это слишком хорошо, милочка, чтоб могло быть правдой; смотри, будь осторожна!

— О, тут нечего бояться! Одна из моих вассалок, выросшая у нас в доме, ручается мне за него и рассказывала о нем очень трогательные вещи. Он уже после того, как мы с ним увиделись, избавил меня от одной личности, которая сильно могла повредить мне нескромным словом.

— Так это настоящий герой?

¹ Апроши — узкие глубокие зигзагообразные рвы для постепенного безопасного сближения с противником при атаке крепостей и укрепленных позиций.

— Да, почти. Он предан мне, как будто бы я была его дочерью; признаюсь, и я его люблю.

— Как его фамилия?

— Капитан Ватан.

— Странная фамилия! Ну, да все равно, да здоровствует капитан Ватан!

Через десять минут Жанна простилась с подругой и уехала, несмотря на ее уговоры остаться посидеть.

Был уже четвертый час.

ГЛАВА XIII

*Где граф дю Люк, думая затравить лань,
напал на след волчихи*

ы уже говорили, что графу дю Люку было назначено прийти в восемь часов на угол улиц Арбр-сек и Сент-Оноре. Без двадцати минут восемь он вышел из гостиницы «Единорог» и ровно в восемь был на назначенном месте.

Ночь стояла темная, безлунная; моросил дождик; на улице было скользко, холодно, сыро. Граф осмотрелся вокруг.

На углу улицы Арбр-сек стояли носилки.

Граф подошел. Носилки были открыты. Он сел. В ту же минуту приблизился какой-то человек и завязал ему глаза мокрым платком. Затем носилки закрылись, и его довольно скоро понесли по улицам.

Только граф, к своей сильной досаде, никак не мог определить, в какую сторону его понесли, так как носильщики сначала раза три повернулись на одном месте.

— Черт возьми! Мошенники знают свое дело, — прошептал он, полусмеясь-полусердясь. — Ну, да все равно, это презабавно; мне нельзя жаловаться.

Рассуждая таким образом сам с собой, он заглушал тревожное чувство, в котором не хотел себе сознаться.

Носилки подороगे несколько раз останавливались, наконец граф почувствовал, что его внесли по лестнице в комнату. Тут кто-то взял его за руку, помог ему выйти из носилок и повел его. Затем этот кто-то оставил его руку и тихонько удалился.

— Снимите повязку, — прозвучал нежный голос.

Граф развязал платок и окинул глазами комнату. Это была небольшая гостиная с потолком в виде купола, меблированная по последней моде.

— Клетка недурна, — подумал Оливье, — надеюсь, скоро явится и птичка, и на сей раз можно будет разглядеть ее.

Но граф дю Люк ошибся. Подняв голову, он увидел величественную даму в красной маске, как видел ее первый раз в ресторане. Она была в том же самом платье.

— Хорошо! — произнесла она по-испански, слегка дрожащим от волнения голосом. — Вы настоящий дворянин, граф: не задумавшись, явились по первому моему зову.

— Вы разве в этом сомневались? — спросил он, предложив ей руку и усадив ее на грудь подушек.

— Может быть, — отвечала она, ласково улыбнувшись, — но вижу теперь, что ошибалась.

— Позвольте предложить мне вам один вопрос? — обратился к ней граф.

— Я собираюсь позволить вам многое, — заверила она, смеясь.

— Parbleu! И я собираюсь всем воспользоваться, — проговорил граф тем же тоном.

— Ну, чего же вы прежде всего хотите, граф?

— Чтобы вы говорили на нашем языке.

— На нашем языке?

— Да, я француз.

— Но я-то иностранка и плохо говорю по-французски.

— О, полноте!

— Вот что: говорите вы по-французски, а я буду отвечать вам по-испански. Согласны?

— Должен вам повиноваться.

— Ну, сегодня вы, я вижу, будете не так суровы со мной, как в первый раз.

— Сегодня обстоятельства совсем иные.

— Как знать! Может быть, сегодня я еще больше ваш враг, чем тогда.

— Победа вам легко достанется, — обещал он, — я сдаюсь и у ваших ног прошу пощады.

Он опустил перед ней на колени и покрывал поцелуями ее руки.

Незнакомка слабо сопротивлялась.

— Граф, да вы с ума сошли, — остановила его она, — вы уж слишком торопитесь! Кто вам сказал, что я вас люблю?

— Вы сами. Да и я люблю вас, этого для меня довольно.

— Скоро же полюбили, — насмешливо заметила она.

— Истинная страсть всегда быстро приходит.

— Да, как удар грома, — продолжала с насмешкой дама. — О, любезный рыцарь, какое это мне позволяет составить плохое мнение о вашем постоянстве!

— Потому что я говорю, что люблю вас?

— Именно. Разве вы никогда еще не любили?

— Что ж до этого? Для вас моя жизнь началась с настоящей минуты; прошлое для вас не должно существовать.

— А если я к прошлому-то и ревную?

— Ревнуете? Вы — молодая, прекрасная?

— Но вы еще меня не видали.

— Я догадываюсь. У вас не могло бы быть такого нежного голоса, таких шелковистых волос, такой атласной кожи, если бы вы не были молоды и хороши.

— Смотрите, не ошибитесь, граф.

— Докажите, что я не ошибся: снимите эту маску, она мешает.

— Ну, нет. Как только вы увидите мое лицо, ваша страсть разлетится в прах.

— Вы мило шутите. Но зачем вам так таиться от меня и даже не говорить своего имени?

— У меня языческое имя, прекрасный Эндимион; меня зовут Фебея.

— Любовь всегда ставит алтари только языческим богам. Снимите маску, умоляю вас, моя прекрасная Диана!

— Я вам сказала — Фебея.

— Фебея на небе, а мы еще на земле.

— Ну, не стану с вами спорить; я слишком уверена, что потерплю поражение. А очень вы любили эту Диану, о которой вы говорите? Верно, и теперь любите?

— Я не знаю, на что вы намекаете.

— О, вы много одерживаете побед, граф Оливье дю Люк де Мовер! Ухаживаете по очереди то за блондинкой, то за брюнеткой; как осторожный поклонник, вы тихонько живете, запершись в своем замке, где сумели соединить вокруг себя самые разнообразные, хорошенькие цветки.

— Ну вот! Опять вы принимаете на себя роль сивиллы, забывая, что вы женщина, любимая и предпочитаемая всем другим.

— Да, в настоящую минуту. А завтра? А вчера?

— Вчера уже прошло, а завтра, может быть, никогда и не будет существовать; будем же пользоваться настоящей ми-

нутой. Я люблю вас, моя прекрасная Фебея, и умоляю, снимите маску!

— Граф, наш праотец Адам был выгнан из рая за любопытство. Смотрите, чтоб и с вами того же не случилось!

— Да, но Адам был тогда не на первом любовном свидании.

— А! — сказала она, рассмеявшись. — Так вы ждете, чтоб я откусила яблока и подала вам?

— Вы угадали; это яблоко покажется мне тогда вдвое вкуснее.

— Дайте руку, граф, и если мы не съедим этого яблока, так я вам предложу, по крайней мере, другие за ужином.

Она как-то особенно свистнула в золотой свисток, слегка оперлась на локоть графа и, подойдя к стене, прижала пружину. Отворилась потайная дверь, и они очутились в великолепно освещенной комнате.

— Вот и райские двери, — произнес, улыбнувшись, граф.

— Или адские, — возразила она.

— Все равно, я бы хотел за ними остаться.

— Прежде войдите.

Они вошли, и дверь за ними заперлась.

Это была роскошная, нарядная спальня, драпированная дорогой материей с серебряными и золотыми разводами, с софой из груды подушек, богатым, пушистым ковром и столиком у постели, сделанным в виде раковины, на перламутровом дне которой стояла ночная лампочка. Кровать резного дуба стояла на возвышении; легкий газ покрывал фиолетовый шелковый полог, спускавшийся из-под балдахина и перехваченный посередине золотыми аграфами. В глубине алькова видна была большая картина бледной царицы ночи, увидевшей в лесу спящего Эндимиона. Туалет, полускрытый кроватью, уставлен был множеством хрустальных флаконов, распространявших нежный аромат.

Перед софой стоял стол, накрытый на два прибора, и на нем холодный ужин и лучшие испанские вина. Канделябр в семь рожков с розовыми свечами один мог бы осветить всю комнату.

Оливье подвел незнакомку к софе.

— Снимите же шляпу и плащ, граф, — предложила она, садясь с улыбкой. — Можете также снять и вашу рапиру и пистолеты. Я не в том смысле буду жестока к вам, как вы предполагаете.

Граф замялся; ему вообще было немножко неловко с этой странной женщиной.

— Мадам... — начал он.

— О, не оправдывайтесь, граф! Я на вас не сержусь за это, — она засмеялась. — По-моему, храброму мужчине даже идет быть всегда с оружием в руках; это доказывает, что вы всегда одинаково готовы идти на любовное свидание и в битву. Ну, оставайтесь, пожалуй, при своем арсенале и садитесь сюда, рядом со мной. Или вам, может быть, больше нравится сидеть через стол от меня?

— Вы очаровательная женщина, — отвечал он, поцеловав ей руку и сядясь возле.

— Мне это часто говорили, но я так скромна, что никогда не верила.

— А мне верите?

— Еще меньше!

— Злая!

— Попробуйте этого вина. За ваших возлюбленных, граф!

— То есть за мою возлюбленную?

— Неужели вы считаете меня такой глупой, Оливье, что я хоть на минуту поверю вашей любви?

— Так зачем я здесь, если б я вас не любил?

— Вы забыли, граф дю Люк, что я отчасти колдунья? Я отлично знаю, зачем вы здесь... Вы несколько раз видели меня мельком, и вам никак не удавалось снять с меня маску. В последнее наше свидание я сильно заинтриговала вас и, уходя, шепнула вам два слова, которые возбудили в вас сильное желание... как бы это сказать, граф?

— Быть столько же любимым вами, сколько и сам вас люблю.

— Нет! Это пустяки! Говорите откровенно: вы хотели сделать меня своей любовницей, больше ничего. Трудная, по-видимому, победа надо мной должна была сильно польстить самолюбию такого волокиты, как вы, придать вам весу в глазах придворных дам, а главное...

— Что же?

— Послужить оружием для вашего мщения.

— Что вы хотите сказать? — вскричал он, побледнев, как смерть.

— Только то, что говорю. Напрасно вы стараетесь обмануть самого себя. У вас одна любовь в сердце! Хотите, я вам скажу, кого вы любите?

— О, ради Бога! — сказал граф, проведя рукой по влажному лбу.

— Всегда так бывает, — продолжала незнакомка, как бы говоря сама с собой. — Человек любит, думает, что и его любят, кладет всю душу, всю жизнь и счастье на эту любовь и вдруг видит, что его низко обманули! Тогда прощайте и мечты, и счастье, и будущее. Сердце разбито. Если это случается с женщиной, она уходит в монастырь, молится и умирает. Мужчина же предается светской жизни, разгулу, любовным или политическим интригам. И то, и другое — самоубийство, только последнее вернее. Граф, выпьем за ваше здоровье и за здоровье Жанны дю Люк, вашей благородной жены!

— О, мадам! — воскликнул Оливье дрожащим голосом, встав с места. — Что вы осмелились сказать! Какое воспоминание пробудить! Вижу, что вы не любите меня. Я безумно поддался чувству, которое вы мне внушили; оно так сильно, что, поклявшийся ненавидеть женщин, я позволил себе признаться вам в любви и опять повторяю свое признание! Ради Бога, убейте меня, но не трогайте еще не остывшего пепла моего сердца!

Незнакомка нервно рассмеялась.

— А если я ревную? — пылко произнесла она. — Если и я вас тоже люблю?

— Вы меня любите! — вне себя проговорил Оливье, упав перед ней на колени.

— Сумасшедший! — промолвила она. — Вы не умеете читать ни в своем сердце, ни в сердце женщины. Неужели вы не понимаете, что такая страстная женщина, как я, сказавшая вам при всех то, что я вам сказала, непременно будет ревновать и к прошедшему, и к будущему? Хочу, чтобы, сказав мне: «Я тебя люблю!» — вы навсегда покончили с прошлым.

— Я не знаю, кто вы, — отвечал Оливье, — но у меня к вам странное, безотчетное чувство, Фебея; не мучайте меня, я вас люблю!

— Не верю, граф. Через неделю, через два часа вы будете смеяться надо мной с вашими товарищами, если бы я поверила.

— О, как вы можете так думать?

— А отчего же не думать? Чем вы доказали мне до сих пор вашу любовь?

— Чем доказал?

— Да! Послушай, Оливье, и я буду откровенна с тобой. Я тоже знатного рода; я в раннем детстве осталась сиротой, богатой, свободной. До сих пор я еще никого не любила, никто не входил сюда ко мне. Ты первый затронул мое сердце, ты будешь и последним.

Но человек, который полюбит меня, не должен любить другую женщину. Хочешь ты быть этим человеком?

— О да, клянусь тебе страстно, — проговорил он, покрывая поцелуями ее руки и плечи.

— Подумай, Оливье. Когда я буду твоей, и ты ведь тоже будешь принадлежать мне. Мы будем связаны неразрывно.

— Я люблю тебя!

— Любишь? Хорошо, но мне нужны два доказательства этой любви.

— Все, что хочешь, Фебея!

— Клянешься?

— Клянусь своим именем и честью дворянина!

— Хорошо. Во-первых, ты не будешь стараться узнать, кто я такая, пока я сама не захочу сказать тебе это. Успокойся, я хороша, лучше, чем ты думаешь. Ты согласишься сам, когда увидишь меня. Принимаешь условие?

— Принимаю. А во-вторых?

— Во-вторых, мой прекрасный возлюбленный, я не хочу слушать твоих уверений в любви, пока у тебя на груди портрет другой женщины.

Граф почувствовал, что бледнеет.

Глаза незнакомки жгли его.

— Ты отказываешься?

Он молчал.

— А, вот видишь! Ты меня не любишь, я ведь говорила.

— Так нет же, ты ошибаешься! Изволь, я сниму этот портрет, его не будет больше.

— Нет, дай мне его сейчас.

— Сейчас?

— Да, — сказала она, подняв левую руку к шнуркам маски. — Согласен? Последний раз спрашиваю.

— Да... согласен! — воскликнул он, не помня себя, и, расстегнув мундир, сорвал висевший на золотой цепочке медальон. — Бери, демон!

Незнакомка схватила медальон и быстрым движением привлекла графа к себе.

— Приди! Я люблю тебя! — вскричала она.

В ту же минуту канделябр упал, и в полном мраке комнаты Оливье почувствовал, как к его губам страстно прижались горячие губы незнакомки.

Около пяти часов утра на углу улиц Арбр-сек и Сент-Оноре остановились носилки, из которых вышел мужчина с завязанными глазами.

— Не забудьте, господин, — произнес один из носильщиков, — что вы поклялись не снимать повязку, пока на Сен-Жермен-Л'Осерруа не пробьет пять. Вам недолго придется ждать, до пяти часов осталось три минуты.

— Хорошо.

Носилки удалились и исчезли в темноте. Почти вслед за тем пробило пять.

— Ах, вот и я упал с неба на землю! — сказал со вздохом граф.

— А, милый граф! — воскликнул какой-то человек, все время прятавшийся в углу у стены. — Так небо ближе к нам, чем я думал? Не сведете ли вы меня туда, а?

— Пойдемте, пойдемте, капитан, — отвечал, улыбнувшись, Оливье.

— Скажите, пожалуйста, так как вы вернулись с неба, широк или узок туда путь? Говорят, он полон терний? Мне бы очень хотелось знать это.

— Хорошо, хорошо, милый капитан, — смущенно произнес граф, — холодно, неприятно стоять на улице.

— Вам сейчас, похоже, было теплее?

— Не спрашивайте, милый капитан, не могу вам отвечать.

— Хорошо, хорошо, не настаиваю. Всегда ведь дают обещание, чтоб после не сдержать их. У вас еще, кажется, до этого не дошло; не станем больше об этом говорить.

— А вы, капитан, что тут делали, карауля у стены, как аист?

— Гулял и рассматривал вывески.

— Вы что ж, смеетесь надо мной, капитан?

— Нисколько. Вы ведь развлекаетесь, играя в жмурки ночью на улице. У вас свои секреты, у меня свои; не будем о них говорить, а пойдем-ка лучше домой. Как знать, вам, может быть, спать хочется?

Они ушли, смеясь, но ничего не рассказывая друг другу.

Капитан Ватан снаряжает экспедицию

т военной жизни у капитана сохранилась привычка вставать с рассветом, как бы поздно он ни лег, какая бы погода ни была.

Каждое утро он отправлялся прямо на Новый мост, останавливался у Бронзового Коня и закуривал неизменную трубку. Из-за перил мигом появлялся Клер-де-Люнь и почтительно ему кланялся.

Капитан отвечал покровительственным кивком, и между ними завязывался всегда один и тот же разговор. Клер-де-Люнь говорил о погоде и спрашивал капитана о здоровье. Капитан благодарил и при этом покашливал. Клер-де-Люнь начинал объяснять, что слышал от самого знаменитого Иеронимо, будто бы туманы Сены имеют дурное влияние на организм человека; что от них в нем заводится червяк, которого можно убить понемногу только водкой или ромом. И они шли убивать червяка.

Один раз, идя таким образом в распивочную, капитан увидел на набережной графа де Сент-Ирема, рассказывавшего взад и вперед, как будто кого-то или чего-то ища. Он раза два вроде порывался уйти, однако остался и через несколько минут подошел наконец к какому-то человеку, стоявшему на мосту и плевавшему в воду. Граф уже раза три проходил мимо него, но сначала все как будто не решался подойти.

Капитан и Клер-де-Люнь видели из окна распивочной, что граф дал этому человеку письмо и серебряную монету, а затем они пошли в противоположные стороны. Капитан сделал Клер-де-Люню знак, и *tire-laine* выбежал, не допив даже стакана. Капитан уселся преспокойно пить и курить в ожидании товарища. Тот вскоре вернулся, и они ушли вместе.

Ватан позвал Клер-де-Люня вместе завтракать к Дубль-Эпе; *tire-laine* согласился. Было половина десятого. У Дубль-Эпе все прибрали и мели пол, но уже было и несколько посетителей. Поздоровавшись с крестником, капитан спросил, найдутся ли у него лошади. Дубль-Эпе отвечал, что шесть всегда есть. Они прошли завтракать в особую комнату, где к ним вскоре присоединился и сам Дубль-Эпе. Капитан по обыкновению приступил к делу только тогда, когда кончил свой завтрак.

— Ну, что же ты сказал этому дуралею, за которым шел сегодня, дружище Клер-де-Люнь? — спросил он.

— Ничего, капитан, только порылся у него в кармане и вот что нашел.

Он подал письмо и сверток. Письмо было адресовано графине дю Люк, улица Серизе. Капитан распечатал и прочел следующее:

Графиня, ваш муж, граф дю Люк, забыл у меня сегодня ночью прилагаемую вещь; мне она не нужна, а вам, может быть, интересно будет ее видеть. Очень рада случаю выразить вам при этом, графиня, мое глубокое уважение к вашим высоким добродетелям, не оцененным, вероятно, как должно, вашим мужем. Будьте уверены, что я каждый раз буду возвращать вам все, что граф станет забывать у меня.

— Подписи нет; значит, и не надо, — сказал капитан. — Славно! Не правда ли, Дубль-Эпе?

— Это только женщина могла придумать, — отвечал молодой человек.

— Да, крестник. Ох, эти атласные змеи! Как хорошо бывает иногда их раздавить!

Он развернул пакет: в бумаге был завернут небольшой круглый шагреновый футляр. Капитан открыл; там был медальон.

— Morbleu! — вскричал он, стукнув кулаком по столу. — Я почти подозревал это. Тварь ядовитее, чем я думал!

— Что это такое? — любопытствовали его собеседники.

— Посмотрите! — он показал им медальон.

— Графиня дю Люк! — воскликнули они.

— Славную ты мне оказал услугу, Клер-де-Люнь! — произнес капитан. — Долго я ее буду помнить. А, мадмуазель де Сент-Ирем! Наконец вы мне попались! Ну, теперь я с вами разделаюсь.

Никогда товарищ и крестник не видели его таким рассерженным.

— Так лошади готовы, господа? — осведомился он, сунув в карман футляр и письмо. — Пойдемте скорее, нам ведь далеко! Дубль-Эпе молча вышел распорядиться.

— Morbleu! — прибавил капитан, все больше выходя из себя. — Я убью эту тварь, или... Клер-де-Люнь, — обратился

он к нему, помолчав с минуту, — ты ведь не откажешься мне повиноваться?

— Все исполню, что прикажете, капитан.

— Много тебе нужно времени, чтоб набрать человек восемь твоих шалопаев?

— Не больше получаса, капитан.

— Так беги! Чтоб шестеро были самые ловкие; пусть они идут к заставе Сент-Оноре, но спрятав оружие, под видом мирных буржуа, понимаешь? А потом вернись сюда; ты мне нужен. Иди же скорей!

Клер-де-Люнь бросился бежать сломя голову, а капитан стал быстро ходить взад и вперед по комнате, сжимая кулаки и хмура брови.

— Ах! — вскричал он вдруг. — Позабыл самое спешное. Вот еще час потеряем. Где теперь найти Клер-де-Люня?

— Я здесь, капитан! — отвечал, входя, запыхавшийся *tire-laine*. — Все готово. Я, кроме того, велел Макромбишу следить за графом де Сент-Иремом и его сестрой. Может быть, вы не одобрите это, капитан?

— О, ты великий человек, Клер-де-Люнь!

Вошедший Дубль-Эпе сказал, что лошади готовы.

— Крестник, — спросил Ватан, — у тебя, кажется, есть домик где-то в окрестностях Парижа?

— Да, крестный, мы даже были там с вами раза два.

— Может быть, но я совершенно позабыл, где это.

— На берегу Сены, недалеко от Рюэля. Вы знаете, я ужасно люблю рыбную ловлю, и нарочно устроил этот домик, чтоб бывать тамодному. Это совершенно глухое место; только я могу не бояться жить там. Днем, при открытых дверях и окнах, можно зарезать человека — и никто не узнает.

— Так, по совести, детки, могу я на вас положиться?

— Мы душой и телом ваши, — заверили оба.

— Можно мне сейчас же ехать в твой домик, Дубль-Эпе? Найдется там, что есть и пить?

— Пить найдется, а еду надо взять с собой.

— Так захвати, крестник.

— Надолго мы едем, крестный? На сколько времени взять провизии?

— Да возьми на неделю; ведь неизвестно, что может случиться.

— Повезу ее сам, крестный, и догоню вас на дороге, поезжайте вперед.

— Ну, ладно! Мы и так много потеряли времени. Едем, Клер-де-Люнь! А твои молодцы отправились верхами?

— Нет, а что же? И они с нами поедут в Рюэль?

— Конечно. Я был так взволнован, что позабыл тебя предупредить.

— О, не беспокойтесь, капитан! Они знают, где достать лошадей, это их задержит всего на несколько минут.

Они живо спустились с лестницы.

— Через четверть часа я догоню вас, крестный, — сказал Дубль-Эпе, — а на всякий случай вот вам ключи от дома.

Капитан и Клер-де-Люнь крупной рысью поехали по набережной и через десять минут были у заставы Сент-Оноре. Там им встретилось несколько человек опрятно одетых буржуа, бродивших, зевая по сторонам.

Капитан раскланялся с одним из них.

— А! Это ты, О'Бриенн! — тихонько окликнул он его.

— К вашим услугам, капитан.

— Ну, ребята, доставайте лошадей и поодиночке уезжайте из города; я жду вас на расстоянии двух ружейных выстрелов, за деревней Рюэль; проезжайте ее тихонько, не обращая на себя внимания. Через час вы должны быть на назначенном месте.

— Будем, капитан.

Ватан поклонился и проехал с Клер-де-Люнем за заставу. Через пять минут они неслись во весь опор.

ГЛАВА XV

Какое неприятное обстоятельство помешало Диане де Сент-Ирем продолжать свое путешествие

Около девяти часов утра, тотчас после завтрака, Диана поцеловала брата, объявив ему о своем намерении тотчас двинуться в путь.

— Итак, ты идешь туда? — спросил он.

— Да, — отвечала она, смеясь, — но не беспокойся и не теряй терпения, если я немного задержусь.

— О! Я знаю, какая ты храбрая! Но когда с собой много денег, никакая предосторожность не бывает лишней.

— Но будут ли деньги? — произнесла она, хитро улыбаясь.

— Интересно бы видеть, как откажет тебе его светлость после того, что произошло?

— Ах, Боже мой! На свете нельзя рассчитывать ни на что.

— Послушай, я сегодня очень неспокоен, и мне хочется кое-что сделать.

— А именно?

— Если ты не вернешься к двум часам, я выеду к тебе навстречу.

— Ты сделаешь это?

— Обещаю тебе.

— Ну, хорошо, я буду ждать.

Еще раз поцеловав брата, Диана поехала крупной рысью в сопровождении Магома, своего неизменного телохранителя.

Брат еще долго следил глазами за уехавшей, потом вернулся в комнату, проговорив:

— Какое прелестное существо! Это не женщина, а настоящий клад для такого человека, как я.

Девушка продолжала между тем подвигаться вперед и выехала из Парижа через заставу Сент-Оноре.

От Парижа до Сен-Жермена насчитывают полных пять лье.

Лошадь Дианы была превосходна; она сделала это расстояние в какие-нибудь полтора часа, не напрягая для этого особенно сил.

Девушка остановилась в Сен-Жермене, на площади замка, оставила лошадь и слугу в гостинице и, оглянувшись кругом, вошла во дворец.

По всей вероятности, ей пришлось решать в замке серьезное дело, требовавшее немало времени для обсуждения, потому что, когда она вышла на площадь, часы пробили половину первого.

Она быстро и весело направилась к гостинице; по всему было видно, что она довольна своим посещением.

Магом ждал свою госпожу у крыльца.

Молодая девушка легко вскочила на лошадь; не произнося ни одного слова и сделав знак слуге следовать за собой, она двинулась в путь — только теперь в Париж. Она не заметила, однако, выезжая из Сен-Жермена, что какой-то всадник, сидевший в гостинице за столом, встал, увидев ее, и тоже верхом последовал за ней. Проехав шагов двести или триста за чертой города, он пришпорил коня и перегнал ехавшую рысью Диану.

Это обстоятельство, не имеющее внешне никакого серьезного значения, должно было пройти незамеченным, что и случилось.

Девушка, погруженная в размышления, спокойно ехала в пятидесяти шагах впереди своего груга по многолюдной дороге, какой была в ту эпоху дорога из Парижа в Сен-Жермен.

Был час пополудни. Солнце ярко светило и оживляло пейзаж.

Диана приближалась уже к Рюэлю, до которого оставалось каких-нибудь три четверти лье, как вдруг лошадь ее сделала прыжок в сторону, едва не выбив девушку из седла.

Быстро подобрав поводья, она оглянулась кругом и увидела странное зрелище.

Магом, ее слуга, лежал посреди дороги, скрученный, с завязанным ртом, а какие-то два человека в масках собирались его приподнять и взвалить себе на плечи, третий же, также замаскированный, держал в поводу его лошадь.

Диана де Сент-Ирем была храбра, слишком храбра для женщины, что она однажды уже имела случай доказать, но теперь при ней не было оружия; кроме того, нападение было совершено так неожиданно и быстро, что она лишилась обычного хладнокровия. Нервная дрожь пробежала по всему ее телу.

Она уже хотела броситься на помощь Магому, как вдруг три человека, которых она не успела заметить, выскочили из кустарников, окаймлявших дорогу, и, прежде нежели она успела дать себе опомниться, ее стащили с лошади, связали и положили на земле, завязав ей даже глаза.

Госпожа и ее слуга находились, таким образом, в одинаковом положении.

За все это время не было произнесено ни одного слова.

Среди полной тишины послышался топот скакавшей лошади и вслед за тем слабый свист, по всей вероятности, условный сигнал. Замаскированные схватили пленников и исчезли, но они уехали недалеко.

Лошади были отведены в густую чащу кустарников, пленники положены на землю один возле другого, и похитители снова сели в засаду.

На дороге не было никого, но вскоре по направлению от Парижа показался всадник, скакавший коротким галопом на чудном испанском скакуне, напевая вполголоса какую-то песню.

Этот всадник был граф Жак де Сент-Ирем, обещавший сестре выехать к ней навстречу. Почти в то же время со

стороны Сен-Жермена, показался силуэт скромно едущего верхом на муле путника.

Положение осложнялось.

Едва первый всадник приблизился к месту, где была остановлена его сестра, как четверо замаскированных людей загородили ему дорогу, а двое других направились бегом к ехавшему на муле и, целясь в него из пистолетов, приказывали немедленно остановиться.

Скромный селянин готов был повиноваться, но упрямый мул не разделял мнения своего хозяина. До тех пор едва подвигавшийся вперед, несмотря на все понудительные меры крестьянина, мул, почувствовавший, что его хотят остановить, заупрямился и не только не остановился, но поскакал галопом вперед.

Тогда один из замаскированных выстрелил из пистолета в воздух. Испуганный мул сделал скачок в сторону, и несчастный путник свалился с него, как сноп.

— Боже мой! — вскричал он. — Я совсем умираю; господа, не убивайте меня! Что скажет госпожа Барбошон, моя супруга, когда узнает о моей смерти! Ну, настал мой конец, — прибавил он дрожащим от страха голосом. — Я ведь отец семейства и владелец суконной лавки в Париже.

Трех или четырех ударов было достаточно, чтоб заставить его замолчать. Столкнув его в канаву около дороги, бандиты присоединились к товарищам. Справиться с графом де Сент-Иремом было не так легко.

Жак был человек очень осторожный и подозрительный.

Напевая песенку и беспечно галопируя на своем скакуне, он зорко следил по сторонам, и от него не укрылось, что в кустарниках кто-то скрывался.

Не теряя внешнего спокойствия, граф убедился, что его рапира легко выдвигалась из ножен и пистолеты заряжены, так что когда к нему бросились четыре незнакомца, он встретил их обнаженной рапирой.

— Вот как! — воскликнул он, смеясь. — Настало время, когда путешественников среди белого дня останавливают на королевском шоссе? Это, право, и смешно, и забавно, честное слово дворянина! Пропустите, господа! Волки не едят друг друга, черт возьми! Я из ваших, вы меня не узнали! Впрочем я должен вам прибавить, что проиграл в прошлую ночь все до последней копейки, а если вы только затронете меня, я лихо разделаюсь с вами. Ну же, дорогу, в последний

раз! Предупреждаю вас, что у меня терпение коротко, а рапира очень длинна, и кровь уже стукнула мне в голову.

— Вы ошибаетесь, — сказал один из замаскированных, — мы совсем не то, что вы полагаете, граф де Сент-Ирем; потрудитесь сойти с лошади.

— А! Значит, вы меня знаете, приятели! Это дело другое, примите мои извинения! Это премилая ловушка. Вы хотите, значит, убить меня, но не обокрасть, не правда ли?

— Может быть, — отвечал незнакомец, — это будет зависеть от вас, граф. Теперь же убивать вас не будем.

— Что же вам нужно?

— Взять вас, больше ничего.

— Очень жаль, что не могу удовлетворить вас, — резко произнес он, — я направляюсь на встречу с одной дамой, и вы поймете, что простая вежливость не позволяет мне заставить ее ждать.

— Если только наши сведения верны, — проговорил незнакомец ироничным тоном, — вы едете навстречу вашей сестре, мадмуазель Диане де Сент-Ирем? В таком случае единственное средство для вас встретить ее — это остаться с нами, потому что она в наших руках.

— А! — вскричал Жак, нахмутив брови. — Если так, то я еще не в ваших руках. Прочь, бандиты! Дорогу!

С этими словами молодой человек схватил пистолет и направил его в незнакомца.

Но тот знал, с кем имел дело, и зорко следил за каждым движением Жака.

Прежде чем он успел выстрелить, сильный удар шпагой по руке заставил его выпустить пистолет, тогда как двое замаскированных, стоявших возле лошади, схватили его за ногу и стащили с седла.

— *Corps Dieu!*¹ — вскрикнул граф де Сент-Ирем, ошеломленный нападением и стараясь приподняться. — Вы мерзавцы!

Но сопротивляться уже не было возможности: двое крепко держали его за руки, а третий взял его шпагу.

— Пойдите! — сказал тот, который первый заговорил с графом. — Дайте благородному дворянину встать и возвратите ему шпагу.

¹ Тело Господне! (фр.)

Жак де Сент-Ирем быстро вскочил и машинально схватился за нее.

— Вы назвали нас мерзавцами, граф, — продолжал незнакомец. — Теперь у вас в руках шпага, воспользуйтесь ею, чтоб защититься.

— Нечего сказать, великодушно вызвать дворянина одного против шести бандитов!

— Бандиты мы или нет, но люди, сопровождающие меня, не тронутся с места, не произнесут ни одного слова, не сделают ни одного жеста. Защищайтесь, граф, ваша свобода зависит от вашей шпаги.

— А свобода моей сестры?

— Это другой вопрос... Я со своей стороны могу только поручиться, что от нее зависит не подвергнуться насилию и освободиться через какие-нибудь два часа.

— Я вас не понимаю!

— Да и не нужно. Это все вас не касается или, по крайней мере, не должно было бы касаться.

— А, понимаю! Вы возвратите ей свободу, когда отнимете у нее деньги и драгоценности?

— Я уже имел честь объяснить вам, граф, что мы вовсе не воры. А теперь скажите, хотите ли вы защищаться?

— Кто отвечает за то, что я буду иметь дело с вами одним?

— Моя честь, которая стоит не меньше вашей.

— Извольте, — отвечал граф, укусив себе губу с досады.

Он встал в позицию.

Шпаги тотчас скрестились; но с первого же удара граф осознал превосходство своего противника.

Незнакомцу, казалось, доставляло удовольствие парировать удары графа и таким образом дразнить его.

Как ни известен был де Сент-Ирем искусством драться на шпагах, но никогда еще он не имел дела с таким ужасным противником.

— Берегитесь, господин граф, — насмешливо произнес незнакомец, — вы горячитесь; воля уже не управляет вашей рукой, и она сыплет удары куда попало; я мог бы убить вас в любую минуту, но, видя, что вы не вполне еще знаете это дело, хочу только дать вам хороший урок: держитесь же крепче, господин граф, честное слово, вы никогда не забудете этого урока!

Говоря таким образом, незнакомец сильным размахом вышиб оружие из руки противника, ударил его в лицо шпа-

гой плашмя и оставил на нем кровавую борозду; этим ударом он сбил его с ног, стал ему коленом на грудь и поднял над его горлом рапиру.

— Ах, демон! — в бешенстве вскричал граф.

— Сдавайтесь или — *parbleu!* — вы умрете, — объявил незнакомец отрывистым тоном.

— Сдаюсь, потому что нельзя поступить иначе, гнусный злодей! — признал тот сквозь зубы.

— Не злодей, не мошенник и не копеечник, граф Жак де Сент-Ирем! Я не хочу вас убить в настоящее время, но ваша жизнь в моих руках, и я сумею взять ее, когда вздумаю. Свяжите этого человека! — прибавил он, вставая и обращаясь к другим замаскированным, невозмутимым свидетелям поединка. — Скрутите покрепче, засуньте ему в рот кляп и завяжите глаза.

— К чему такие предосторожности, если я уже сдался и дал вам свое слово?

— Мне ваше слово и даром не надо, — прервал незнакомец, презрительно пожимая плечами. — Вы дворянин одних шпиков и больших дорог, монсеньор граф!

— Оскорблять побежденного неприятеля очень легко, особенно под маской.

— Мое лицо вы увидите, клятвенно обещаю вам, но это будет за минуту до вашей смерти. Эй, вы! Делайте, что я говорю!

Меньше чем за пять минут приказание было в точности исполнено и граф отнесен в глубокую чашу, куда уже заранее отвели его лошадь.

— Эй, Бонкорбо! — подозвал одного из нападавших незнакомец, оставшись наедине с товарищами. — Что случилось с купцом?

— Господин, — отвечал Тунейдец, — добряк до того испугался, что, вероятно, лежит и теперь на дне той самой канавы, куда мы его столкнули.

— Вы дурно поступили, не захватив его с собой. Ничего нет опаснее дурака. Пойдите посмотрите, там ли он.

— Как вам угодно, начальник, но я не считаю его особенно страшным.

— Легко может быть, — сказал Дубль-Эпе.

Читатель, конечно, догадался, что начальник был крестник капитана Ватана.

Но почтенного Барбошона напрасно искали.

Осторожный торговец, может быть, гораздо меньше потерявший сознание, нежели это казалось, понял, что если не в эту минуту, так несколько позже незнакомцы его непременно схватятся, и так как первое с ними свидание далеко не возбуждало в нем ни малейшей охоты увидеть их снова, считал несравненно удобнее скрыться, пробравшись ползком сквозь кустарники; несмотря на страшную тучность, он пустился бежать к Сен-Жермену, куда пришел, измученный и задыхаясь, в пять часов вечера.

— Черт возьми вашу оплошность! — вскричал рассерженный Дубль-Эпе. — Теперь этот шут поднимет тревогу и, по всей вероятности, навяжет нам дело с объездной командой. Нет громче трубы, как голос подлого труса. Вы его ранили, по крайней мере?

— О нет, начальник! Несколько легких царапин.

— Но обобрали?

— О, совсем мало, начальник! Когда я нес его до канавы, рука моя попала случайно в его отдутый карман...

— И ты ее вынул полнехонькой?

— Dame! Вы понимаете, начальник...

— Да, да, понимаю, продолжать бесполезно; ну, идем теперь дальше!

Они дошли до прогалины, где были скрыты их пленники.

По знаку начальника три самых сильных бандита взвалили на плечи каждый по пленнику, трое других взяли за поводья лошадей, и все удалились, проворно шагая по направлению к дому Дубль-Эпе.

Этот дом стоял на самом берегу Сены, в совершенно уединенном местечке, на расстоянии трех ружейных выстрелов от деревни Марли, которой позднее Людовик XIV создал такую громкую славу, построив при ней свой царственный замок, стоивший Франции множество денег, где великий король, называя его своим маленьким домиком, отдыхал от версальского блеска. Революция не оставила от него камня на камне.

Если Дубль-Эпе хотел, как он говорил, наслаждаться полным уединением, так он не мог выбрать лучшего места.

Тут его окружала пустыня в полном значении слова.

После часа ходьбы маленький караван достиг наконец одинокого домика.

Все его окна были герметически заперты ставнями, не пропускавшими ни малейшего света; одна только дверь ос-

тавалась полуотворенной: на пороге, опираясь плечом о при-
толку и заложив ногу за ногу, курил какой-то мужчина,
невозмутимо глядя на Сену.

Этот мужчина был капитан Ватан.

При стуке лошадиных копыт о камни дороги капитан
небрежно обернулся, с насмешливой улыбкой пошел отво-
рить ворота и, впустив приехавших, сейчас же опять запер.

Казалось, между авантюристами все было оговорено
раньше, потому что они не обменялись ни одним словом,
понимая друг друга по знакам и жестам.

Если этот дом, как уверял Дубль-Эпе, был рыбацьею хи-
жиной, так, вероятно, рыбак занимался какой-то особенной
ловлей, потому что домик был выстроен гораздо хитрее, чем
самый замысловатый из современных театров. Тут было вдо-
воль всего: и подземелий, и трапов, и всяких ловушек. В нем
можно было упрятать полсотни людей и столько же живот-
ных без всякой надежды открыть их убежище.

На все лукавые замечания капитана Дубль-Эпе отвечал
одними улыбками, обмениваясь с Клер-де-Люнем какими-
то особенными взглядами.

Лошадей спустили в конюшню, устроенную в подвале с
так искусно замаскированной дверью, что даже подозревать
ее существование не представлялось возможности.

С бедных животных сняли сбрую, им дали воды и вволю
овса, а затем обратились к пленникам.

С ними меньше церемонились, их разнесли по разным
комнатам, положили в постели, предварительно немного
распустив веревки, которыми они были скручены, и, вынув
из рта кляпы, заперли. Каждый из пленников выслушал в
свою очередь следующее легкое наставление, произносимое
грубым голосом и далеко не успокоительным тоном.

— Из сострадания вас согласны освободить от кляпов,
чтобы дать вам возможность свободно дышать; кричать или
звать на помощь будет напрасно, вас не услышат отсюда. Но,
во всяком случае, при малейшем крике вам разmozжат уп-
рямые головы.

Только один из пленников попробовал заявить свой про-
тест; это была Диана де Сент-Ирем.

— Что бы вы здесь ни делали, — сказала она, — но меня
против моей воли недолго задержите. Я не какое-нибудь
ничтожное существо без всякого веса. Как только мое исчез-

новение будет известно, начнут разыскивать, и вы сильно ответите за то, что осмелились поднять на меня руку.

— Когда люди, подобные вам, достаточны глупы, чтоб позволять себя захватить, — отвечал ей со зловещей усмешкой человек, с которым она говорила, — так те, кому они служат орудием, забывают о них и отказываются признавать их своими клеветами.

Графиня вздохнула, но ничего не ответила.

Незнакомец вышел из комнаты и, замкнув дверь, удалился.

Капитан Ватан и Клер-де-Люнь ожидали Дубль-Эпе в зале нижнего этажа и пили, чтоб скоротать время.

Зала, наглухо запертая, без всякого проблеска света, представляла какой-то зловещий вид. Стены ее покрывали не обои, а толстый войлок.

В огромном камине с большим колпаком горел целый ствол какого-то толстого дерева.

На дубовом, массивном столе горели свечи желтого воска в высоких железных подсвечниках и в беспорядке были раскинуты жбаны, бутылки, стаканы, игральные кости, шашки и карты.

Возле капитана и его товарища лежали пистолеты и стояли стаканы с вином; они пили и курили, разговаривая вполголоса.

Когда Дубль-Эпе вошел, они разом подняли головы.

— Ну что? — спросил капитан.

— Все сделано! — доложил Дубль-Эпе. — Пленники замкнуты каждый отдельно; лошади в стойлах, и наши люди пируют в погребе, кроме О'Бриенна и Бонкорбо, которых я счел необходимым оставить при себе на всякий случай. Значит, вы можете быть спокойны и снять ваши маски, если вам это нравится.

— Конечно, но мы их скоро наденем опять, — сказал капитан. — Который час, крестник? Правда, живя здесь, не знаешь, день или ночь, что с собой делать.

— Половина пятого, крестный.

— Хорошо, дитя мое. Если никто не посоветует лучшего, так мне кажется, что нам не мешало бы пообедать. Мы сегодня завтракали особенно рано, и к тому же волнение всегда возбуждает во мне удивительный аппетит. На тебя, Стефан, оно не имеет того же влияния?

— На меня? Нет, крестный, насколько мне кажется. Но все равно мы точно так же можем обедать.

— Тем более, — прибавил Клер-де-Люнь, — что, говорят, аппетит приходит с едою.

— А жажда — с питьем, Клер-де-Люнь?

— А что, капитан, вы поверите мне, если я вам скажу, что всегда это думаю?

— Идемте за стол, — смеясь, пригласил Дубль-Эпе.

— Куда? — любопытствовал капитан. — Разве мы не здесь будем обедать?

— Полноте, крестный, за кого вы меня принимаете? Неужели я способен предложить вам обед в подобном подвале? Нет, стол накрыт в комнате рядом.

— Положительно, крестник, — заявил, вставая, капитан, — надо признаться, что ты малый премилый, а главное, любишь удобства.

— Вы находите, крестный?

— Dame! Скажу откровенно, я удивляюсь, как комфортабельно ты устроил этот маленький дом, где, как сам говорил, очень редко бываешь.

Клер-де-Люнь засмеялся и отпер одну из потайных дверей.

Молодой человек не солгал; в прекрасной столовой стоял изящно сервированный стол.

— Сядем! — весело произнес капитан.

Они уселись и с аппетитом стали истреблять кушанья.

Обед был веселый; товарищи беспечно ели, пили и болтали; не надо думать, что они были злодеи с ожесточенным, эгоистическим сердцем; это было просто в духе времени. Впрочем, один капитан мог иметь угрызения совести, потому что ему одному принадлежал секрет экспедиции, в которой он был главой, а его товарищи — только орудиями.

Следовательно, так как Ватан, казалось, нисколько не беспокоился о том, что он сделал, то и его товарищи не имели ни малейшей причины тревожиться.

К концу обеда капитан попросил Дубль-Эпе рассказать ему все подробности экспедиции.

Дубль-Эпе повиновался. Его рассказ был выслушан с большим интересом и даже не раз прерывался взрывами смеха, но когда молодой человек дошел до исчезновения Барбошона, веселое до тех пор лицо авантюриста вдруг омрачилось, и брови нахмурились.

— Вот это уж скверно! — объявил он. — А дело шло как по маслу. Черт поberi и мошенника, и тех идиотов, которые

его выпустили! Не потому чтоб я опасался чего-нибудь важного; объездная команда из-за таких пустяков не волнуется. Однако надо все предусматривать, чтоб не попасть в ловушку, которую нам могут подставить.

— Разве вы полагаете, крестный?..

— Крестник, когда я в экспедиции, так имею привычку взвешивать все шансы и рассчитывать на все худшее. Купцы вообще от природы люди крикливые; не дадим же захватить себя здесь, как в каком-нибудь логовище. Я жалею, что ты не сказал мне об этом раньше.

— Даме! Крестный, вы ни о чем меня и не спрашивали.

— Верно, дитя мое, потому и не упрекаю тебя; только ты сделаешь мне удовольствие, сейчас же отправившись за Макромбишем и Бонкорбо; это самые лучшие сыщики; впрочем, они же и сделали глупость, значит, по всей справедливости, им и исправлять ее.

— Что им сказать, крестный?

— Вели им сесть на коней и при тебе отправиться в Сен-Жермен разузнать, нет ли там чего нового. При малейшем сколько-нибудь подозрительном движении они должны спешить обратно и предупредить нас, чтоб мы могли удалиться, не подвергаясь опасности.

— Иду!

— Скорее, нам нельзя терять ни минуты.

Дубль-Эпе поспешно вышел.

— Разве вы серьезно чего-нибудь опасаетесь, капитан? — спросил Клер-де-Люнь.

— Да, — отвечал он задумчиво. — Времена нехорошие, беспокойные; этот арест может показаться политическим делом, и за нами погонятся по пятам все помощники господина Дефонкти. Ты знаешь по опыту, что он любит шутить, не правда ли, молодец?

— Да, и если когда-нибудь он попадет в мои руки...

— Прежде всего надо подумать о том, чтобы ты к нему не попал. Я не хочу скрывать от тебя, Клер-де-Люнь, что в эту минуту мы в очень дурном положении.

— Ба! Как-нибудь вывернемся, капитан, — беспечно проговорил он.

— Разумеется, вывернемся, только, дай Бог, чтоб без огромных прорех на наших кафтанах.

— Сегодня я нахожу, капитан, что вы особенно мрачны.

— Я всегда таков, когда обстоятельства становятся важными.

— Втакомслучае, весьма благодарен, это совсем не забавно.

— Что ж, мой милый! Себя не переделаешь, — сказал капитан и задумчиво опорожнил стакан.

В эту минуту вернулся Дубль-Эпе и сообщил, что посланные отправились.

— Ладно! Теперь довольно пировать! Расставь вокруг дома несколько человек, чтобы предупредить нас в случае опасности, а затем мы приступим к допросу наших трех узников.

— С кого начнем?

— С мадмуазель Дианы де Сент-Ирем, она для нас главная, потом перейдем к ее брату, к этому изящному франту, которому ты отвесил такую щегольскую пощечину клинком своей шпаги.

— А со слугой как мы поступим?

— Да что поделаешь с этим олухом? Он арестован только для того, чтоб мы были гарантированы от его болтовни. Когда мы узнаем, что надо, от графини и ее брата, если успеем в этом намерении... Ну, тогда он разделит их участь, — насмешливо заключил капитан. — Однако ж к делу!

Они встали, надели опять свои маски и перешли в ту самую залу, где сидели прежде.

ГЛАВА XVI

Где доказано, что дом Дубль-Эпе был годен для самой разнообразной ловли

Графиня де Сент-Ирем находилась в состоянии особенного изнеможения. Прошло уже много часов, как она лежала на жалкой кровати, предоставленная своим размышлениям и измученная тяжелой неизвестностью.

Приехав в Париж несколько месяцев тому назад, живя в одиночестве, не имея знакомства, она не знала, что у нее были враги, и потому не могла понять ничего из всего с ней случившегося.

Может быть, имя графини дю Люк мелькало порой в ее думах, но только мелькало; она знала, что Жанна так изолирована, так слабодушна, так неспособна принять какое бы

то ни было решение, что даже мысль, чтобы подруга ее могла быть замешана в таком ужасном событии, не приходила ей в голову. С одной только личностью она имела отношения, и отношения тем более страшные, что они оставались в тайне. Но эта личность постоянно употребляла для переписки с ней посредника.

Эта личность, которой одно имя приводило ее в содрогание, был епископ Люсонский. Она первая, может быть, угадала, каким кровавым и зловещим ореолом будет позднее окружено его имя. Посредник, им избранный, был отец Жозеф дю Трамблэ, поражавший неописуемым ужасом тех, с кем монах приходил в столкновение.

Страшное подозрение кольнуло сердце графини Дианы и сжало его, как в железных тисках. Что, если отец Жозеф, утомленный вечными просьбами без очевидного результата, захочет отделаться от нее? Она была совершенно одна, без друзей, без родных, чтобы защитить или отыскать ее. Ее захватили на проезжей дороге, кто подумает потребовать у монаха отчета в ее таинственной смерти?

Да, так должно оно быть; так оно и есть, без сомнения!

Давно уже, пользуясь доверием агента будущего министра, она проникла в некоторые из страшных тайн его мрачной политики, тайн ужасных, смертельных, открыть которые значило бы погубить епископа Люсонской епархии.

С ней хотели покончить, чтобы могила зажала ей рот! Таковы были мысли, блуждавшие в больном, возбужденном мозгу графини Дианы в ту минуту, когда дверь с шумом раскрылась, и она услышала шаги нескольких человек, приближавшихся к ее жесткому ложу.

Ей стало страшно; она думала, что это шли убийцы, и ждала последние минуты.

Но она переломила себя и оставалась внешне спокойна. Веревка, которой были связаны ее ноги, немного распустилась; потом с нее сняли повязку; она открыла глаза.

Около нее стояли двое мужчин: один держал факел, другой прилаживал веревки так, чтобы она могла двигаться без большого труда. Эти два человека были в масках. Диана с минуту смотрела на них с ужасом в душе.

— Кто вы и что вам от меня надобно? — спросила она спокойным, нежным, как музыка, голосом.

— Вставайте и идите! — глухо отвечал ей один из тюремщиков.

Сопротивляться было бы нелепо; она это знала и покори-лась.

С помощью одного из двух незнакомцев графиня успела спуститься с постели и кое-как встать на ноги. От долгого лежания связанной кровь струилась по ее жилам медленно, и во всем теле она чувствовала какое-то онемение.

Несмотря на нечеловеческие усилия держаться прямее, она пошатнулась, побледнела, как смерть, и непременно бы упала, если б один из двух тюремщиков не поддержал ее.

— Мужайтесь, сударыня! — сказал он.

При этих словах в ее сердце блеснул луч надежды. Через минуту она немного оправилась и с грустной улыбкой произнесла:

— Идите, я пойду за вами.

— Обопритесь на мою руку, — предложил незнакомец.

— Благодарю вас, мой друг, — промолвила графиня, — мне кажется, что если мы пойдем не так скоро, так я найду в себе силы дойти одна за вами.

Они вышли из комнаты.

Минут через десять, пройдя по извилистым коридорам, проводники молодой девушки сделали ей знак остановиться.

Один из них стукнул три раза в дверь рукояткой кинжала.

После двух минут ожидания дверь без шума отворилась, и девушка вошла в залу.

Вид этой комнаты поразил ее ужасом.

Яркий огонь пылал в огромном камине; в конце большого стола три замаскированных человека в широких плащах и в шляпах, надвинутых на лоб, сидели каждый перед высоким железным подсвечником со свечами из желтого воска и смотрели на подходившую Диану сверкающим взором; у всех них под рукой лежало по паре больших заряженных пистолетов.

В этой печальной картине было что-то леденившее сердце.

Графиня почувствовала, что она невольно бледнеет.

— Подайте стул мадмуазель Диане де Сент-Ирем, — приказал сухим тоном президент этого мрачного судилища, наминававшего испанскую инквизицию.

Один из людей, сопровождающих графиню, принес табурет, на который она скорее упала, чем села.

Наступило молчание.

— Приготовьтесь к ответу, — минуту спустя произнес президент.

— По какому праву вы меня допрашиваете, и кто вы такие? — надменно спросила она.

— По какому праву? — отвечал президент. — По праву силы. Кто мы такие? Ваши судьи.

— Действительно, вы сильны сравнительно с молодой девушкой; ну, что же! Допрашивайте, я не буду вам отвечать.

— Будете отвечать или умрете!

— Так убейте меня сию же минуту, низкие трусы; у вас хватает смелости только на угрозы беспомощной женщине!

— Нет, малютка, мы не убьем вас сейчас; мы морские разбойники, бывали далеко за морем и научились зверствам диких индейцев; умеем мучить людей долгими, страшными пытками, прежде чем смерть покончит их страдания.

— Не рассчитывайте запугать меня этим, — объявила она трепещущим голосом, — истощите все ваши зверства надо мной, я отвечать вам не буду.

— Диана де Сент-Ирем, какой повод к ненависти подала вам графиня Жанна дю Люк?

Ярко сверкнули глаза молодой девушки; она опустила голову, стиснула зубы и осталась безмолвной.

— Берегитесь! — предупредил президент.

Она как будто бы не слышала.

— Вы не хотите отвечать?

То же молчание.

— Хорошо! Ваше упорство вас губит.

Он сделал знак двум замаскированным людям, неподвижно стоящим поодаль.

Те подошли и схватили Диану. Пока один держал ее, другой снимал с нее обувь; потом они подняли бедную девушку на руки, перенесли через комнату, положили на пол перед камином и стали держать в таком положении, что подошвы маленьких ног приходились у самого огня.

Диана де Сент-Ирем была женщина. Она обладала тем нравственным мужеством, которым в известных случаях жизни отличаются женщины, но никогда не испытывала физической боли; она принадлежала к числу щеголих, которых лелеют и нежат. В ней положительно не было того нервного, того бессознательного мужества, которое порождается бедствиями, потому что она до сих пор не встречалась с несчастьями.

Едва ощутив прикосновение первого, несколько острого жара от раскаленных добела угольев, она сделалась слабым

созданием, каким была в сущности, и после напрасных попыток освободиться из рук своих мучителей горько зарыдала.

— Будете отвечать? — по-прежнему невозмутимо повторил свой вопрос президент.

— Да, да! — вскричала она раздирающим душу голосом. — Но избавьте меня от этих ужасных мучений.

— Вы будете отвечать? Даете мне слово?

— Клянусь! Только сжальтесь, сжальтесь, ради самого неба! О! Какое страдание!..

Президент сделал знак.

Те же двое людей подняли девушку и посадили на прежнее место.

Как справедливый рассказчик, мы должны заверить читателя, что огонь не коснулся даже кожи ног графини Дианны, но испытания было достаточно, чтоб убедить ее, что она вполне находилась во власти неумолимых врагов, которые не отступят перед самыми страшными крайностями и добьются от нее желаемого признания.

Чувствуя себя побежденной, она покорилась в надежде отомстить им впоследствии.

— Какую причину к ненависти имели вы против графини Жанны дю Люк? — повторил президент, как будто бы ничего не произошло особенного.

— Никакой, — отвечала она глухим голосом.

— Однако вы ей изменили. Чем вы можете оправдать свое поведение?

— Я люблю ее мужа.

— Вы лжете. Вы никогда не любили графа дю Люка, а завидовали и до сих пор завидуете его бедной жене, которая спасла вас от нищеты, взяла к себе в дом и была вам сестрою и другом. Вы любили прежде и больше всего одну себя! Вы рассчитывали основать свое благосостояние на несчастье той, которой обязаны всем! Любовь ваша к графу одна ложь. Злоупотребляя самым низким образом его слабым характером, вы придумали гнусную клевету, чтоб убедить его в неверности Жанны, разъединили супругов и посредством измены стали любовницей графа. Не довольствуясь этим с целью сгубить человека, которому отдались, как последняя куртизанка, вы сделали шпионкой Армана Ришелье, получали жалованье, чтоб выдать ему все тайны несчастного графа, привести его к эшафоту и обогатиться его наследством. Правда ли это? Отвечайте, сударыня.

— Да, — чуть внятно сказала она.

— И этого мало; в минуту безумного упоения вы украли у этого человека, потерявшего разум в ваших бесстыдных объятиях, портрет его бедной жены, последнюю память погибшей любви, которую он носил, как святыню, у сердца.

— О нет, нет! Этого я не делала! — пылко возразила Диана. — Я была бы чудовищем, если б действительно так поступила!

— А! Наконец, вы сознаетесь, Диана де Сент-Ирем; да, вы чудовище, потому что вот этот медальон!

Девушка опустила голову; холодный пот струился по ее лбу.

— О Боже мой! — воскликнула она в отчаянии.

— Комедия! Гнусная комедия! — произнес жестким голосом президент. — Потому что вы не верите в Бога, которого призываете!

— О! — застонала она, закрывая лицо руками.

— Да, говорю вам, не верите. Вы хуже зверя, который любит и защищает детенышей; вы чудовище; Диана де Сент-Ирем, если вы помните какую-нибудь молитву, так прочитайте ее, потому что ваш час приближается!

— О, пощадите, пощадите! — вскричала она раздирающим душу голосом, падая на колени и с мольбой сложив руки.

С минуту все было тихо, и эта минута показалась ей веком.

Судьи совещались вполголоса, и она внимательно слушала, стараясь поймать хоть несколько слов из их разговора.

— Может быть, вам есть еще средство спастись, — сказал мрачным голосом президент, когда совещание кончилось.

— Говорите, о, говорите, какое это средство!

— Ваш брат в нашей власти.

— Мой брат! — воскликнула она, подняв сверкающий взор. — Этого никогда быть не может!

— Вы сомневаетесь? — продолжал президент все также невозмутимо. — Хорошо! Пусть приведут сюда графа де Сент-Ирема.

Дверь отворилась; граф вошел в комнату.

— Жак! Мой Жак! — закричала она, увидев его.

— Диана! А! Так это правда? — он бросился к сестре.

Они упали друг другу в объятия и долго стояли, обнявшись.

— Вы убедились, не так ли, Диана де Сент-Ирем, что участь вашего брата действительно в ваших руках? — спросил президент. — Вы любите только его, он отвечает вам тем же, так слушайте внимательно: вы обяжетесь повиноваться буквально, без возражений, без ропота, всем нашим приказаниям, какого бы они ни были рода. Ваш брат остается залогом в наших руках; его жизнь отвечает за ваше поведение; при малейшей тени измены он будет заколот кинжалом. Если исполните, каковы бы они ни были, приказания, которые будут вам отданы, так через двадцать четыре часа и вы, и граф получите свободу, и даже, — прибавил насмешливо президент, — мешок с двумя тысячами пистолей, который отец Жозеф дю Трамблэ вручил вам сегодня. Принимаете ли вы эти условия и обязуетесь ли их выполнять? Подумайте хорошенько, прежде чем отвечать окончательно. Нам ничего нет легче покончить с вами сию же минуту. О! Вы совершенно в наших руках, и у вас нет ни малейшей надежды на спасение, даже если б все войска королевства пришли освободить вас и стучали в двери этого дома.

— Сестра!

— Молчи, Жак, молчи, братец, это необходимо! Мы во власти самых заклятых врагов! — произнесла она отчаянным голосом.

— О! Рано или поздно я отомщу за себя! Вы дорого мне заплатите, черные демоны, за все оскорбления, которые я вынес сегодня! — с глухим гневом проговорил молодой человек.

— Не бойтесь, ваше сиятельство, вам доставят случай к возмездии, прежде чем вы его пожелаете. А вы, сударыня, отвечайте, принимаете ли эти условия?

— А вы, — переспросила она, — исполните ли ваши обещания?

— Исполним, насколько вы сдержите свои.

— Хорошо! Я принимаю.

— Поцелуйте вашу сестру, господин граф де Сент-Ирем, и помните, что если вы не выйдете отсюда целы и невредимы, значит, она изменила своим обязательствам. Тогда пусть падет ваша кровь на ее голову!

— О! Никогда, никогда! — вне себя повторяла Диана, кидаясь в объятия брата. — Жак, мой возлюбленный Жак!

— Повинуясь этим людям, моя бедная Диана, но я клянусь в свою очередь, что Господь пошлет мне день справедливого мщения!

— Вам надо бы вспомнить не Бога, а дьявола, граф де Сент-Ирем, потому что он один может слушать ваши воззвания. Теперь ступайте и, так как вы притворяетесь верующим, помолитесь, чтоб ваша сестра сдержала свои обещания; идите!

Брат и сестра еще раз простились, и молодой человек вышел из комнаты, гордо подняв голову.

Президент сделал знак.

Один из замаскированных открыл какую-то дверь, скрытую под обоями.

— Сударыня, — произнес президент, — войдите в ту комнату. Вам очень к лицу одеваться мужчиной, вы там найдете костюм молодого паж, который наденете; поторопитесь, через десять минут мы едем. Развяжите ее! — прибавил он, обращаясь к своим помощникам.

Веревки были в минуту разрезаны; девушка вошла в соседнюю комнату, и дверь затворилась за нею.

Не прошло десяти минут, как Диана явилась, несмотря на страшную бледность, со спокойным личиком.

Она отступила в радостном изумлении, заметив, что судьи ее сняли маски, но сейчас же глубоко разочаровалась: она не узнавала ни одного из трех незнакомцев.

— Сударыня, — сказал президент, или, по крайней мере, тот, кто до сих пор один разговаривал с ней, — мы уезжаем. Так как для нас очень важно, чтоб никто не узнал, где вы были все это время, вам завяжут глаза мокрым платком и отнесут вас до места, где находится лошадь, на которой вы последуете за нами.

— Хорошо! — проговорила она, наклонив голову.

Пять минут спустя авантюрист, Дубль-Эпе, Клер-де-Люнь и трое из Тунеядцев вышли из дома, уведя с собой Диану де Сент-Ирем с завязанными глазами.

Было семь часов вечера.

Ночь стояла темная, холодная; место было пустынное.

Они добрались до большой дороги, миновали рысцей деревню Рюэль и поехали по Парижской дороге.

В полумиле от деревни Ватан позволил Диане снять мокрый платок с глаз.

Действительно, ему больше не было надобности опасаться нескромности девушки.

В эту минуту позади небольшого отряда послышался быстрый галоп приближавшихся всадников.

Капитан наклонился к Клер-де-Люню, шепнул ему несколько слов и, пропустив их вперед, остался один в арьергарде.

Едва его спутники скрылись из глаз, как с ним поравнялся мчавшийся отряд.

— Эй! — крикнул он. — Куда вы так мчитесь, товарищи? Два всадника остановили коней.

— А, это вы, капитан! — отозвался один из них.

— Должно быть, я, — подтвердил он шутливо, — но вы кто такие, позвольте спросить?

— Мы вас узнали по голосу, капитан; мы едем из Сен-Жермена.

— Так! В эту минуту все едут из Сен-Жермена, если вам больше мне нечего сказать, так отправляйтесь своей дорогой!

— Нам было бы очень грустно, капитан, если бы мы не имели удовольствия возвратиться в Париж в вашем обществе, — сказал второй всадник.

— Ага! Я вижу, что вы действительно меня узнаете, ребята; вам надо было сейчас объясниться; черт побери! Нам нельзя терять времени. Так вы...

— Макромбиш и Бонкорбо, которых начальник посылал в Сен-Жермен.

— Ну! Что же там делается?

— Все на ногах, капитан; объездная команда и отряд войск коннетабля давно снуют по окрестностям, разделившись на группы. Одна из них едет вслед за нами, не больше как на ружейный выстрел.

— Много их?

— Шесть человек, капитан.

— Пришпорим же коней, ребята!

Они поехали дальше и минуту спустя присоединились к товарищам.

Капитан со своим отрядом продолжал ехать шагом.

Через некоторое время послышался топот коней по твердому грунту дороги.

Капитан оставил себе четверых человек, отпустив остальных продолжать путь, и стал поперек дороги.

Вскоре обрисовались во мраке длинные тени нескольких всадников.

— Стой! Кто тут? — громко закричал капитан.

— Отряд коннетабля. А вы кто такой?

— Полицейский Парижского караула. Подъезжайте в порядке!

Один из всадников отделился от группы и поехал навстречу Ватану, который со своей стороны сделал то же.

Они поклонились друг другу.

— Я шевалье де Летерель — представился первый.

— Сержант коннетабля, — продолжил авантюрист, — это верно, милостивый государь, но кто же поручится мне, что вы не самовольно назвались так? Я капитан Ватан, помощник начальника дозора.

— Мне это имя известно, милостивый государь, но вы позволите предложить и вам тот же вопрос, который вы мне предложили?

— Мне нетрудно было бы доказать вам свое право, — отвечал капитан, — надо бы только огня для этого.

— За этим дело не станет, милостивый государь, — проговорил сержант.

Он вынул из-под плаща потайной фонарь, открыл горевшую свечу и повернул ее к капитану.

Тот достал из кармана большой бумажник, вынул оттуда документ, развернул и подал сержанту, который со своей стороны сделал то же самое.

— Извольте, милостивый государь, — произнесли они в один голос.

— Служба прежде всего, сержант. Вы ничего не открыли?

— Ничего, а вы, капитан?

— Ни малейшего признака. В шесть часов вечера я получил приказание сесть на коня и наблюдать за дорогой от Сен-Жермена до деревни Рюэль; кажется, сегодня на этой дороге произошло какое-то похищение?

— Действительно, капитан; предполагают, что тут замешана политика.

— Судя по словам господина Дефонкти, так же думают и в Париже. Но, честное слово, так как мы встретились и вы тоже осмотрели дорогу по всем направлениям, я уже не пущусь дальше и возвращаюсь в Париж.

— И я вернусь в Сен-Жермен; со мной купец, который был личным свидетелем похищения и первый поднял тревогу. Бедняга так напуган, что до сих пор не опомнится; вы бы должны, капитан, оказать снисхождение и проводить его до Парижа.

— Охотно, сержант. Позовите, пожалуйста, бедного малого.

— Эй! — закричал шевалье де Летерель. — Господин Барбошон, пожалуйста сюда!

Купец подъехал на своем муле, полумертвый от страха.

— Ну, — сказал сержант, — успокойтесь, почтенный господин Барбошон! Вот этот офицер соглашается проводить вас до вашего дома.

— Господин офицер, конечно... совершенно напротив... тем более... моя бедная жена... я честный торговец... — бормотал в смущении купец.

— Не обращайтесь внимания на его бессмыслицу; он не помнит, что говорит, так напуган. До свидания, капитан, я возвращаюсь в Сен-Жермен.

— Прощайте, сержант, а я еду в Париж.

Они расстались.

Отряд коннетабля поехал крупной рысью.

— Свяжите этого негодяя! — приказал Ватан своим людям.

— Меня? Но... господин капитан, умоляю вас, я семейный человек! — с ужасом вскричал несчастный.

— Ладно! Довольно этих гримас, бесчестный мерзавец! Меня не обманете; я знаю, что вы начальник злодеев, которые совершили сегодня гнусное похищение.

— Я! — воскликнул бедняга с таким комическим изумлением, что оно возбудило бы смех, если бы обстоятельства были не так серьезны.

— Да, мы вас узнали; ваше дело в суде, и процесс скоро начнется. Вас непременно повесят. Ну, в дорогу! Ни крика, ни слова, а не то я всажу вам пулю в башку, как собаке, негодный разбойник!

Бедный торговец хотел ответить, но не имел уже силы. Ужас парализовал в нем все человеческие способности, и он обратился в какую-то массу без мысли, без воли.

На часах пробило девять, когда капитан и отряд его въезжали в городские ворота.

Всадники на минуту остановились в жалком трактире, который был им хорошо знаком и где, они знали, им не грозила никакая опасность.

Тут капитан, Клер-де-Люнь и Дубль-Эпе посоветовались между собой, и затем было написано два письма: одно Ватаном, а другое — его крестником. Эти письма были сейчас же отправлены с двумя посланными. Двое Тунеядцев в то же время, оставив лошадей в конюшне трактира, взяли несча-

стного Барбошона, спустились с ним к реке, отвязали какую-то лошадку, куда посадили купца, прыгнули сами и уехали.

Бедному торговцу, нескромность которого могла быть опасна, по крайней мере, в течение суток, назначено было оставаться заложником у Тунеядцев Нового моста и недалеко от его собственной лавки, где мадам Барбошон сокрушалась в ожидании мужа.

Другие всадники, составлявшие часть экспедиции, рассыпались в разные стороны. Только трое начальников остались с Дианой де Сент-Ирем.

Во всю дорогу девушка не говорила ни слова. Она ехала мрачная, безучастная, погруженная в свои думы, и машинально исполняла все приказания капитана.

Войдя в трактир, она села поодаль, скрестила руки, опустила голову и все время не шевельнулась ни разу. Ее можно было принять за спящую, а между тем она больше чем бодрствовала: она выжидала удобного случая, как львица, попавшая в сети. Не зная еще, что ей готовили, она думала уже о мщении.

Условясь относительно своих будущих действий, авантюристы поехали дальше, стараясь, чтоб графиня была постоянно между ними.

Ватан и его спутники предпочли ехать берегом Сены.

Достигнув Гревской площади, они сошли с лошадей, и Дубль-Эпе, взяв их за поводья, удалился в противоположную сторону.

Капитан и Клер-де-Люнь с Дианой продолжали путешествие пешком.

Дойдя до улицы Жоффруа-Лань, они снова остановились.

По приказанию авантюриста графиня дала обернуть себе плащом голову, после чего Клер-де-Люнь взял ее на руки, и они двинулись дальше.

Переход был значительно трудным, и во время пути Ватан и его товарищ не раз останавливались, вероятно, для отдыха.

Предосторожности так хорошо были приняты, что молодая девушка не умела определить ни протекшего времени, ни места, где находилась.

Наконец после привала, продолжавшегося дольше прежних, голову Дианы освободили, а ее самое поставили на ноги.

Она оглянулась вокруг и, увидав при слабом свете небольшого фонарика, что она в подземелье, не могла удержаться от испуганного движения.

— Успокойтесь, — сказал ей Ватан, — вам не причинят никакого вреда, если вы сами не дадите к этому повода. Мы приехали и через несколько минут будем иметь возможность удостовериться в вашем повиновении.

— Приказывайте, — проговорила она подавленным голосом. — Разве я не в ваших руках?

— Идем! — повелел капитан.

Они пошли по извилинам подземелья.

ГЛАВА XVII

Каким образом Диана де Сент-Ирем исполняет свое обещание

ерцогиня де Роган с самого утра была в гостях у графини Жанны дю Люк.

Время шло быстро для друзей детства в воспоминаниях о прошлом.

Около половины десятого вечера, в ту минуту как герцогиня, приказав готовить карету, собиралась проститься с подругой, мэтр Ресту вошел, извиняясь, и подал своей госпоже небольшую записку, говоря, что в ней есть какое-то экстренное известие.

Жанна взяла письмо, распечатала его и пробежала глазами.

— Прости, дорогая Мари, — извинилась она, вставая, — мне надо отдать дворецкому кое-какие приказания.

— О, не беспокойся, милая Жанна! — удержала ее госпожа де Роган. — Я уезжаю; мне пора домой; отец уже не живет в арсенале, и путь мой недалек.

— Если ты меня любишь, Мари, — с жаром произнесла графиня, — так останься, хотя бы тебе пришлось переночевать у меня. Мне очень нужно твое присутствие.

— Что такое случилось?

— Все узнаешь, моя красавица! Это очень серьезное дело.

— Если так, Жанна, я остаюсь. Иди, душа моя, распорядись, как нужно.

Графиня, сделав дворецкому знак следовать за собой, вышла из комнаты.

Ее отсутствие продолжалось недолго.

Госпожа де Роган, любопытная, как все женщины, была сильно заинтригована таинственными поступками подруги.

— Что же тут такое происходит? — спросила она. — Ты так бледна, взволнована! Не случилось ли с тобой чего-нибудь особенного или неприятного?

— Может быть, первое, может быть, и второе, а может быть, и то и другое вместе, — отвечала она дрожащим голосом. — Прости, что я не могу ничего тебе сказать, но я и сама до сих пор ничего еще не знаю. Ко мне явилась одна личность, и неизвестно, что выйдет у меня из разговора с ней. Ты будешь невидимо присутствовать при нашем свидании, мне надо чувствовать возле себя такую преданную душу, как твоя, чтоб вынести волнение, которое уже и теперь леденит мне кровь.

— Говори, Жанна, умоляю тебя, доверь мне твое горе!

— И сама еще не знаю, радость это или горе, друг мой, — продолжала Жанна с печальной улыбкой. — Я в страшном смущении; предчувствие говорит мне, что тут совершится что-то важное, а что именно, говорю тебе, Мари, не знаю и даже не подозреваю.

— Хорошо, Жанна, располагай мной, душа моя, как я бы располагала тобой в таких же обстоятельствах; что бы ни случилось, я буду здесь, подле тебя; будь же спокойна, моя дружба тебе не изменит.

— Благодарю, Мари, благодарю, моя милая, дорогая Мари! Я меньшего от тебя и не ожидала.

В эту минуту кто-то тихо, едва слышно постучал в перегородку, разделявшую комнату.

Графиня выпрямилась, как будто прислушалась; глаза ее на минуту сверкнули и побледневшие губы как-то странно улыбнулись.

— Вотони! Идем, Мари, — сказала она поспешно и увлекла герцогиню на другой конец комнаты.

— Войди туда! — показала она, приподняв портьеру, — это моя молельня; никто не заподозрит твоего присутствия. Оставив дверь отворенной, ты услышишь все, что будет говориться. Иди, Мари, иди, умоляю тебя, нельзя терять ни минуты.

Герцогиня, почти испуганная волнением Жанны, наклонилась и поцеловала ее.

— Успокойся, — заверила ее Жанна, — я хорошо себя чувствую; иди, иди скорее!

И портьера опустилась за Марией де Роган.

Жанна дю Люк стояла с минуту, не двигаясь с места; она сложила прекрасные руки и подняла к небу полные слез глаза.

— О Боже мой! — прошептала она. — Неужели ты посылаешь мне новое испытание? Да будет воля твоя, Небесный Владыка! Однако я ведь столько выстрадала!

Отерев глаза рукой, она тихо, но твердо пошла к перегородке, за которой слышался новый и более явственный стук.

Графиня нажала пружину, отворявшую секретную дверь.

Портрет ее мужа сейчас же повернулся, открыв темную глубь подземелья, которому эта дверь служила таинственным входом.

На пороге неподвижно стояли два замаскированных человека с обнаженными шпагами, и между ними нежное, слабое, почти детское существо без маски, с мертвенно бледным лицом и лихорадочно горевшими глазами. Графиня дю Люк в ту же минуту узнала Диану де Сент-Ирем.

Жанна ждала ее, невозмутимая и холодная.

— Входите, графиня де Сент-Ирем, — произнес один из ее стражей, — и думайте о данной вами клятве. Мы ждем вас здесь; если вы забудете обещание, мы сумеем напомнить. Идите! — прибавил он, слегка подвинув ее вперед.

Девушка машинально повиновалась и тихо вошла в комнату.

Картина опять стала на прежнее место, но дверь осталась приотворенной.

Женщины стояли друг перед другом: Жанна — спокойная, гордая и полная благородства; Диана пристыженная, трепещущая, с бешеной злобой в душе, как раненая тигрица.

Минуты с две они молчали.

Графиня дю Люк опустилась в кресло и указала другое девушке.

Та подошла шагов на пять, но не села.

— Так это ты, Диана? Наконец после долгой разлуки ты вспомнила друга, — сказала она кротким голосом и тоном дружеского упрека. — Но зачем эта мужская одежда? Отчего ты пришла через потайную дверь? Разве дом мой не открыт для тебя во всякое время, как было открыто всегда мое сердце, дорогая подруга счастливого детства? Может быть... тебя кто-нибудь притесняет? Не пришла ли ты просить у меня покровительства и убежища? Может быть, враги преследуют тебя своей ненавистью? О! Тогда, я жалею тебя, мое бедное дитя! Потому что скрытая ненависть заставляет страдать хуже, чем явная; говори, чего ты ждешь от моей дружбы?

— Графиня... — проговорила девушка.

— Графиня! — повторила в изумлении Жанна. — Как! Разве я стала графиней для тебя, Диана? Не полагаешь ли ты, что вследствие долгих месяцев твоего невнимания я стала меньше любить тебя? Что незаслуженные несчастья, разбив мою будущность, могли сделать меня бездушной женщиной и закрыть мое сердце для дружбы? Если так, ты ошибаешься, Диана. Я очень несчастна, моя жизнь теперь будет одним вечным отчаянием; но я люблю тебя по-прежнему; наша дружба так искренна; это одно из сладких воспоминаний, которые мне остались от прошлого.

— Графиня...

— Опять? Ты должна очень страдать, чтобы говорить со мной таким образом, дитя мое! Сядь здесь, возле меня, доверь мне твои горести, как мы доверяли когда-то друг другу все наши детские огорчения. Я страдаю сама слишком много, чтоб не сочувствовать несчастью тех, кто мне дорог. Приди, Диана, приди, мой друг, я счастлива видеть тебя!

И она протянула ей руку с доброй улыбкой.

В девушке как будто произошла внезапная перемена. Искренне или продолжая играть роль, она вдруг горько заплакала, упала на колени перед графиней и вскричала душераздирающим голосом:

— О, графиня! Теперь мне стало ясно, что я презренная женщина. Ваши упреки проникают мне в самое сердце. Я, негодное существо, которому вы протянули руку помощи, которое вы подняли до себя и для которого были нежной сестрой, — я изменила вам, низко изменила! Я украла у вас ваше светлое счастье, я опозорила вас в глазах единственного человека, которого вы любили и который был для вас всем... Я сделала из него своего любовника, увлекая его в западню и опьяняя своими бесстыдными ласками, потому что я не люблю и никогда его не любила! А все это было из зависти к вашему полному счастью. О! Прогоните меня, графиня, потому что, повторяю вам, я самое гнусное существо, потому что теперь, когда все это совершено... Признаться вам? Сознывая всю подлость моего поведения, я не раскаиваюсь в преступлении и даже почти радуюсь, видя, что вы плачете. Прогоните же меня, графиня, потому что я не заслуживаю ни малейшего сострадания. В моем сердце не было и нет раскаяния! Я пришла не за тем, чтобы молить у вас о прощении!

— Зачем же вы здесь в таком случае? — спросила кротко графиня.

— Не знаю. Я пришла, потому что меня принудили к этому, потому что какие-то неизвестные люди, демоны, у которых я во власти, открыли, не знаю, как, все зло, которое я вам причинила, и приказали идти и во всем вам признаться. Я исполняю их волю, потому что боюсь их!

— Если вы не желаете от меня ни сострадания, ни прощения, отчего же вы у ног моих?

— Потому что я виновата, графиня. Но теперь, признавшись в своем позоре, я встаю.

Она действительно встала и стояла перед графиней, насмешливая, вызывающая, мрачная, как злой гений.

— В свою очередь я буду не менее откровенна с вами, Диана. Все, что вы сейчас мне сказали, я давно уже знаю. Ваша неумолимая ненависть, ваша низкая зависть мне были не неизвестны, как и все ваши тайные козни. Я знаю, что за мои благодеяния вы отплатили мне самой черной неблагодарностью. Я знаю, что если на моем горизонте никогда не взойдет больше солнце, то вы одна причиной этого.

— И вы меня проклинаете, не так ли, графиня?

— Нет, Диана, я вас пожалела.

— О! — вскричала она, закрывая лицо руками. — Недоставало только этого последнего унижения!

— Да, бедное дитя, — продолжала графиня тоном кроткого сострадания, — я жалею вас. Странствие не научило меня ненавидеть. Я напрасно старалась изменить ваши дурные наклонности и не могу сердиться на вас. Может быть, если бы вы родились богатой, счастливой, как это случилось со мной, вы были бы добрее и более сострадательной. Отняв у меня любовь единственного человека, которого я любила, вы разбили мне жизнь, это правда! Но что касается позора, так не обманывайтесь, вы опозорили не меня, а одну себя; несмотря на ужасный удар, на неизлечимую рану, нанесенную мне, я только еще выше поднялась от этого несчастья; я любима, уважаема всеми, кто меня знает, так как все понимают, что я не виновата и никогда не была виновата. Но вы, безумная, бедная девушка, что вы приобрели своим преступным поступком? Ничего, кроме угрызений совести. Идите, Диана! Продолжайте творить против меня все, что творили до сих пор; мнеположительновсе равно! Я не питаю к вам ни ненависти, ни презрения. Прощаю вам и забываю о вас.

— О, графиня, не подавляйте меня этим ужасным презрением! Мне тяжело видеть вашу безупречность! Что такое ваше страдание сравнительно с тем, которое я ощущаю? Неужели вы думаете, что мое сердце не разбилось от боли, когда я была вынуждена сделать вам это страшное признание? Не возбуждайте дурных, преступных страстей, которые клокочут в груди моей! Прогоните меня, но не унижайте больше в моем собственном мнении!

— Я прибавлю одно только слово, Диана: если когда-нибудь вы будете иметь во мне надобность, я всегда протяну вам руку помощи.

— О, это уж слишком, графиня! — воскликнула Диана, задрожав от бешенства. — Ваше презрительное сострадание наносит мне смертельную рану. Мне кажется, вы слишком торопитесь торжествовать от признания, которое меня обязали сделать. Да, — продолжала она со зловещим смехом, — ваши друзья очень ловкие люди; им удалось привести меня к вашим ногам и заставить повиноваться их подлым угрозам, но вы забываете главное: я завтра же могу отречься от этого признания, которое заставляет вас так гордиться; ведь, кроме этих двух человек, свидетельство которых для меня не имеет значения, мы здесь одни, совершенно одни! То, что я вам сказала, не слышало ни одно постороннее ухо. Кто же поверить, когда вам будет угодно говорить громогласно о моем сегодняшнем унижении? Где вы найдете свидетелей, которые подтвердили бы, что ваши слова справедливы?

— Мои слова, бедное дитя, — сказала с улыбкой графиня, — не нуждаются в подтверждении. Я скажу, и этого будет достаточно.

— Может быть! — проговорила Диана, стиснув зубы.

В эту минуту портьера поднялась, и герцогиня де Роган вошла в комнату.

— А в случае, если nebude достаточно, милочка, — колко добавила она, подходя к дивану, — так я подтверждаю.

— А! Меня предали! — вскричала девушка с невыразимым бешенством.

— Предали! Каким это образом, милочка? — надменно произнесла герцогиня. — О каком предательстве вы говорите, позвольте узнать? Единственный предатель здесь — это вы, как мне кажется!

— А! Вы так, — злобно отозвалась Диана, — ну что ж, положим! Топчите меня в грязь, благородные дамы, но по-

мните, что червяк, на которого наступают ногой, поднимается, чтоб укусить притеснителя! Так как мы здесь все женщины, будем играть в открытую. Вы прекрасны, милые дамы, но я моложе и прекраснее вас; кроме того, эту скромность, которой вы драпируетесь, я давно отбросила. Я куртизанка! Подобные мне женщины внушают вам зависть, потому что упоительным ядом наших сладострастных объятий и ласк мы отнимаем, шутя, в любую минуту, у всех вас, милые дамы, таких гордых своей безупречной добродетелью, не только мужей, но и ваших любовников, возвращая их вам, когда они не годятся нам более.

В эту минуту дверь маленькой гостиной с шумом раскрылась, и графдю Люк, бледный, с пылающими гневом глазами неожиданно вошел в комнату.

— Довольно, презренная! — крикнул он дрожащим от бешенства голосом. — Довольно оскорблений! Не знаю, что мне мешает растоптать вас! Я тоже все слышал, я был за этой дверью, не смея дышать, боясь пропустить хоть слово из этой ужасной, циничной исповеди. О, клянусь Богом! Не знаю, что мне мешает это сделать!

Он обнажил шпагу и поднял ее над головой Дианы.

Та не пошевелилась; обернувшись к нему, она поглядела на него с каким-то особенным блеском в глазах, и вскричала дрожащим как будто от страсти голосом:

— О, убей, убей меня, Оливье! Какое может быть большее счастье, чем умереть от твоей руки!

Жанна и герцогиня кинулись удержать его.

Оливье сделал шаг назад, со злостью кинул шпагу на пол и, бросая презрительный взгляд на спокойно стоявшую девушку, воскликнул:

— Нет! Ее голова принадлежит палачу, я обкраду его, убив эту негодяйку!

Улыбка торжества, как молния, мелькнула на губах девушки; она с презрением пожала плечами.

Граф повернулся к ней спиной и пошел к дрожавшей от волнения и смотревшей на него с выражением глубокой радости Жанне:

— Графиня, — сказал он, опускаясь перед нею на одно колено и целуя протянутую ему руку, — возмездие должно быть блистательным. Я страшно виноват перед вами, могу ли надеяться быть когда-нибудь прощенным?

Несколько секунд длилось молчание.

Графиня выпрямилась; ее лицо было бледно, как мрамор; она была хороша, как древняя Ниобей.

— Оливье, — с грустью промолвила она, — я вас очень любила, но вы были безжалостны и разбили мое сердце, отдав себя в руки этой недостойной женщины, которая теперь смеется, слушая нас. Разлука, которой вы требовали, должна быть вечной. Что же касается этой женщины, вашей любовницы, Оливье, вы позволите, чтоб я ее выгнала из дому, но завтра, может быть, захотите снова с нею сойтись.

Граф, не отвечая, опустил голову.

Жанна твердо подошла к Диане.

— Вам нечего больше здесь делать, — проговорила она, — вы признались в вашей гнусности, мне, кроме этого, ничего не надо теперь, — прибавила она, величавым жестом указывая на потайную дверь, — не отравляйте же своим присутствием воздух, которым мы дышим. Выйдите вон, женщина без чести и совести, я вас выгоняю!

— Милостивая государыня! — прошипела та с угрозой в тоне.

— Выйдите вон, говорят вам!

Эти слова были произнесены так повелительно, что Диана стала невольно отступать шаг за шагом к самой двери, в которой споткнулась и упала почти без чувств на руки двух замаскированных людей, произнеся, однако, глухим голосом:

— О, Боже мой! Я отомщу!

Графиня заперла потайную дверь и медленно вернулась к тому креслу, на котором раньше сидела возле герцогини де Роган, как бы не замечая графа, все еще стоявшего на одном колене, с закрытыми руками лицом.

Прошло несколько минут молчания.

Граф приподнялся и подошел к жене.

— Жанна, — сказал он, — я знаю, что совершенное мною относительно вас преступление громадно; но неужели оно непоправимо? Забыли вы разве прошлое счастливое время?

— Мы видели только сладкий сон, Оливье; как все сны, и этот оказался лживым. Минута пробуждения настала скоро, слишком скоро, к сожалению! Это было ужасное пробуждение, оно разбило мне сердце и лишило меня надежд в будущем. Вы молоды, Оливье, вы можете полюбить и, наверное, полюбите.

— О, Жанна, что вы говорите!

— Одну правду, Оливье, ничего больше. Вы мужчина и, как все вам подобные, имеете забывчивое, эгоистическое сердце; будучи безжалостным за мнимые оскорбления, вы ставите ни во что те, которые не побоялись нанести мне. Ваша любовь, Оливье, зародилась не в сердце, но в голове. Вы хотели объяснения? Извольте! Оливье, объяснимся раз и навсегда, потому что, повторяю вам, мое решение принято; все кончено между нами.

— Жанна! Умоляю вас, не говорите так!

— Для вас, Оливье, и для себя я должна быть откровенна. Отказываетесь выслушать меня? Если так, друг мой, я буду молчать.

— О нет, Жанна, говорите, говорите, ради Бога.

— Вы хотите! Отлично! Хотя это объяснение очень тяжело для нас обоих, выслушайте меня; я буду откровенна, скажу вам все в присутствии своего друга, единственного друга, оставшегося мне верным. Впрочем, вы сами знаете ее, не правда ли? Это баронесса де Серак, или Мария де Бетюн, герцогиня де Роган.

— Пощадите меня, Жанна!

— Для чего вы употребляете подобное выражение? Герцогиня, мне кажется, невольно играла такую важную роль в этой мрачной трагедии, что вы не должны содрогаться при ее имени.

— Это правда, Жанна, я был виноват перед вами и перед герцогиней также; сознаюсь в этом и обвиняю себя.

— О, граф! — произнесла герцогиня с горькой усмешкой. — Я не имею ничего против вас. Я с давних пор привыкла к изменам герцога и, более твердая, чем моя подруга, достигла способности переносить все равнодушно. Что делать, граф? Если мужчины все так схожи между собой, так женщины не таковы. Одни, как я, смеются над своими страданиями, другие, как Жанна, умирают от них. Говори, моя дорогая, мы слушаем тебя.

— И я прошу вас о том же, Жанна; что бы вы ни говорили, мне будет отрадно слышать ваш голос.

Графиня горько улыбнулась.

— Оливье, — начала она, — когда два сердца перестали понимать друг друга, так это уже не изменится; что бы ни делали, что бы ни говорили, как бы ни старались, а любовь не вернется.

— Жанна, Жанна, что вы говорите?

— Правду, Оливье; женщина, подобная мне, никогда не прощает мужчине презрения. Иногда по долгу и из приличия или из самолюбия и стараются себя обмануть, надеясь сохранить за собой прежнее счастье, но вскоре затем убеждаются в бесполезности всех усилий и тогда падают под тяжестью несбыточных надежд. Любовь — своего рода сумасшествие; она приходит и уходит сама по себе, и в последнем случае любовники начинают ненавидеть друг друга. Мы уже давно не виделись, Оливье, — несколько месяцев. Сегодня вы случайно увидели меня, нашли меня красивой, потому что я действительно хороша, лучше той, для кого вы мне изменили. Эта красота, которой вы почти не замечали прежде, поразила вас, и, может быть, вы любовались ею больше, чем когда-нибудь. Говорят же, что нет вкуснее запрещенного плода. Не буду больше говорить об этом, вы понимаете меня, Оливье? Вы думаете, что любите меня; чтобы провести теперь со мной один час, чем прежде пренебрегали, вы жертвуете всем, даже своим состоянием, если бы это понадобилось. Но нет, Оливье, вы ошибаетесь, вы не любите, а только желаете меня, вот и все.

— О, Жанна, Жанна!

— И почему? — горько продолжала она. — Потому что женщина, к которой вы относились, как к маленькому ребенку, черпавшая жизнь из ваших взглядов и вашей любви, была, по вашему мнению, пустой; теперь же она представилась совсем другой: спокойно и гордо, не опуская взгляда, она стоит перед вами и требует отчета за свое потерянное счастье и разбитое будущее. Эта женщина отдалась вам вся; она жила только для вас и вами... Вы ее бросили, как перо, на ветер. Сколько раз в Моверском замке, где я жила в полном одиночестве, вы без всякой причины устраивали мне смешные сцены ревности! Сколько страдания причиняли мне вашим подозрительным характером! Я не хочу этого больше. Вы требовали разлуки, пусть будет по-вашему!

— Хорошо, Жанна, я признаю ваш приговор; я очень виноват и готов нести кару за свою вину, произошедшую только вследствие неограниченной любви моей, которую вы отвергаете, тогда как мое сердце переполнено ею, как в первые дни нашей брачной жизни! Но если вы не любите меня, для чего было звать меня сегодня сюда, в этот дом?

— Для чего?

— Да, для чего?

— Для того, чтобы отомстить вам, Оливье, доказать прежде всего ложность ваших обвинений, затем неприличие вашего поведения; чтобы вы видели разницу между мной и тварью, которую вы мне предпочли. Вы думаете, Оливье, что мы, набожные женщины, матери семейств, не имеем также своей гордости? Прежде всего вы нанесли мне оскорбление как женщине, заставив вступить в борьбу с подобной тварью.

— Я не буду пробовать защищаться. Я обезоружен; все, что вы говорили, совершенно справедливо, и я должен склонить голову; но я отомщу со своей стороны, отомщу своим чистосердечным раскаянием, которым добьюсь вашего прощения.

Графиня не отвечала.

— Я ухожу, Жанна, — прибавил граф, помолчав секунду, — я чувствую, что присутствие мое вам тяжело, и хочу поскорее избавить вас от него. Позвольте вы мне возвращаться — иногда, изредка...

— Никогда!

— Окажите мне одну милость, одну только!

— Что вы хотите, Оливье?

— Дайте мне поцеловать своего сына, моего Жоржа.

— Нет, граф; я не могу позволить вам прикоснуться к его лбу губами, еще влажными от поцелуев этой твари.

— Жанна, прошу вас...

— Нет, Оливье, — горько отвечала она. — Не настаивайте, это невозможно. Я могу сделать только одно, если вы хотите...

— Что же?

Из-под платка, лежавшего на столе, графиня взяла медальон и, показывая его графу, сказала:

— Узнаете вы его, Оливье? Это мой портрет, который я вам дала в день рождения нашего Жоржа, портрет, который вы поклялись носить вечно у сердца, и вместо того за поцелуй отдали женщине, приславшей его после мне. Этот портрет я повешу на шею вашему сыну, чтобы смыть с него позорное пятно.

— О, вы безжалостны! — крикнул в отчаянии граф и бросился, как сумасшедший, из комнаты.

Графиня привстала и, прислушиваясь к шуму шагов бежавшего Оливье, вдруг зарыдала и, бросаясь на шею герцогини де Роган, вскричала:

— Ах, а я ведь люблю его! Я люблю его!

Она лишилась чувств.

Из которой видно, что полезно узнавать людей, у которых покупаешь лошадь

рошло несколько дней после описанных нами в предыдущей главе событий.

Условия договора, заключенного между капитаном Ватаном и Дианой де Сент-Ирем, были строго выполнены.

Девушка и ее брат после двадцати четырех часов заключения были выпущены на свободу почти у самых дверей их дома.

Ярость графа де Сент-Ирема не имела границ. К несчастью, похитители так хорошо приняли все нужные меры, что молодые люди решительно не могли догадаться, с кем имели дело.

Врагам их, по всей вероятности, суждено было остаться навсегда неизвестными.

Жак, очень опытный в переделках всякого рода, отнесся бы хладнокровно к этой неудаче, если бы не другое обстоятельство, которое ставило его в крайне затруднительное положение.

Несмотря на полученное приказание проводить брата и сестру до угла улицы, на которой они жили, Тунейдцы Нового моста, знавшие о мешке, набитом пистолями, который хранился у девушки, не могли устоять против искушения отнять его; в самых вежливых выражениях, почтительно извиняясь, Макромбиш и Бонкорбо вытребовали пистолы у Дианы де Сент-Ирем.

Это было очень важно, потому что молодые люди остались без гроша и не имели средств достать денег.

Нечего было и думать ехать в Сен-Жермен опять просить у отца Жозефа. Те немногие пистолы, которыми снабдил их мрачный монах, достались с большим трудом. Убедить его выдать еще было положительно невозможно.

Оставалось прибегнуть к ростовщикам, которых в Париже было тогда очень много.

Диана с глубокими вздохами должна была решиться заложить одну за другой все драгоценные вещи, а Жак со своей стороны прибегал к тысяче разных средств, чтобы как-нибудь нажить хоть несколько су; но все было напрасно, ничто ему не удавалось. Положение становилось все более и более отчаянным.

Возвращаясь однажды вечером домой, Жак услышал, что сестра его напевает веселую песенку.

Он остановился и, покачав головой, подумал:

— Ого! Это что? Моя милая Диана не стала бы понапрасну терять время в распевании песенок, если бы не было чего-нибудь более интересного. Ну, я оживаю! Ах, какое счастье! Я слышу запах мяса, а мне, кстати, очень есть хочется!

Несчастный два дня ничего не ел. Пение между тем не прекращалось.

— Что-нибудь тут есть, — подумал граф. — Мы, вероятно, получили наследство... Да, другого ничего не может быть. О, какая скверная вещь нищета! Как она изменяет людей! Ах, если бы у меня было пятьдесят тысяч дохода! Но их, к несчастью, нет. Я даже не обедал сегодня. Пойду посмотрю, почему сестра так распелась. Последние два-три дня я нахожу ее какой-то таинственной. Нет ли у нее... Черт возьми, это очень возможно! Посмотрим!

Рассудив таким образом, Жак открыл секретную дверь и вошел к сестре.

Диана была одна. Она пела и с детской игривостью подбрасывала два апельсина, фрукт очень редкий в Париже.

— Вот как! — вскричал граф, остановившись в изумлении. — Что это ты делаешь, Диана?

— Забавляюсь, как видишь.

— Да и очень даже. Скажи мне, в чем дело, сестренка, чтобы и я мог так же позабавиться. Мне это необходимо; поверь, мне вовсе не весело.

— А мне, Жак, наоборот, никогда не было веселее. Видишь ли, Жак, все вы, мужчины, — заметь, что я говорю только про самых отчаянных, — не что иное, как просто глупцы.

— Ба!

— Да, братец, это верно.

— Знаешь, Диана, я всегда так думал.

— А я в этом уверена.

— А если ты так уверена, значит, это справедливо.

— Наверное.

— Не буду спорить. Тебе это, очевидно, должно быть лучше известно.

— Ах, как мне есть хочется! А тебе? — спросила она, небрежно закрывая глаза.

— Вот милый вопрос! Ведь я два дня не ел.

Девушка громко рассмеялась.

— Ты смеешься, — грустно сказал он, — но посмотри на меня! От меня только кожа да кости остались. Платье болтается на мне, как на вешалке.

— Но, Жак, ты же не будешь плакать!

— Хорошо, оставим этот разговор. Итак, ты сказала, что чувствуешь аппетит, а я ответил, что очень голоден. Что дальше?

— Боже мой, братец, я, право, не знаю, где у тебя голова. Позови Лабрюйера; ужинаешь ты со мной или уйдешь куда-нибудь?

— Нет, мы будем ужинать с тобой вдвоем у камина, как хорошие брат с сестрой; наконец, чтобы съесть кусок хлеба с чесноком, я не вижу необходимости идти распространять зловоние в городе.

— Ну, Жак, друг мой, — произнесла она иронически, — ты действительно настоящий мужчина!

— Смею надеяться, — ответил он, выпрямляясь и подбочиваясь, — но почему ты сказала это?

— Потому что ты так же глуп, как и все мужчины; позови Лабрюйера, пожалуйста.

Лабрюйер и Магом, как и их господа, редко завтракали или ужинали.

Первый, по природе очень ленивый и постоянно сонный, проводил всю жизнь, лежа в передней.

Услышав зов, он нехотя встал и, переваливаясь, вошел в комнату.

— Возьми! — приказала Диана, подавая ему два пистоля. — И принеси ужинать.

Слуга стоял с протянутой вперед рукой и изумленно смотрел на монеты.

— Ну, что же ты? — спросила девушка. — Чего ты глядишь, точно какой-нибудь идиот?

— Не сердись на него, сестра. Этот дурачина отвык видеть серебряные монеты и не верит своим глазам. Ну же, торопись, животное!

Лабрюйер схватил наконец деньги и что есть духу бросился вниз.

— Вот как! Значит, мы стали богаты? — со смехом поинтересовался граф.

— Ну... скажи мне, Жак, давно ли ты видел графа дю Люка?

— Parbleu! Ты знаешь, что я никуда не хожу. Где же я мог его видеть?

— А я видела.

— Да?

— Да, и уверяю тебя, он просто прелестен...

— А!

— Знает чудные вещи и ничего не скрывает от женщины, которую любит, если только она сумеет заставить его говорить.

— А-а, — протянул Жак, выпучив глаза на сестру. — А женщина, которую он любит?..

— Это я, ты не знал? О чем же ты думаешь?

— Вот как! Начинаю понимать!

— Слава Богу! Немало времени тебе нужно для этого.

— Но подумай же, сестра, всякий ум затемнится, если в продолжение сорока восьми часов ходишь с пустым желудком.

— Бедный мальчик! — засмеялась она. — Ты, должно быть, очень голоден!

— Не знаю, сколько мне нужно будет пищи, чтобы насытиться.

— Черт возьми! Пора, значит, и нам иметь деньги!

— О! Да! Давно уже пора. А! Значит, у нас их достаточно?..

— Нет, пока только несколько тысяч пистолей!

— Как ты это говоришь!

— Я говорю, пока только несколько тысяч пистолей.

— Как пока? Но несколько тысяч ведь немало!

— Ну, да, двенадцать или пятнадцать, я сама хорошенько не знаю.

— Ах, Боже мой! Я падаю в обморок... Не знаю, правда, от волнения или от голода, но чувствую себя очень слабым; этот славный подарок тебе сделал, вероятно, граф дю Люк? Действительно он прекрасный человек! Двенадцать тысяч пистолей! Я, признаюсь, был предубежден против него; это честный человек! Он тебе еще обещал?

— Ну да! Он у меня теперь в руках.

— Главное, не выпускай его больше из рук. Я опытнее тебя, Диана. В наше время великодушные люди очень редки; напротив, мужчины стараются жить за счет женщин. Но как же ты все устроила, расскажи мне?

— Я тебе ведь сказала, что у меня было с графиней. Я хотела ей отомстить, и месть удалась. Госпожа дю Люк

обошлась со мной, как с куртизанкой, я подняла брошенную перчатку и на этот раз, — прибавила она с улыбкой, — мщение мое будет полным. Ты знаешь, Жак, чего женщина хочет...

— Того и дьявол хочет, это ясно, я всегда утверждал справедливость этого афоризма. Ах, черт возьми, отлично сыграно! Но, смотри, Диана, между нами, никогда ничего не скрывай.

— Никогда!

— Ты любишь этого графа дю Люка?

— Я? — лицо девушки исказилось... — Я его ненавижу. Это человек без сердца, глупец, эгоист, я ненавижу его за все оскорбления, нанесенные мне его женой. Скажу тебе правду, Жак, я не буду счастлива, пока не разорю его, не обещу, не покрою позором и не предам в руки палача. Он бросил шпагу, сказав, что моя голова принадлежит палачу и что если он убьет меня, то совершит воровство; вот мы и посмотрим, кто из нас первый, он или я, погибнет от руки человеческого правосудия.

— Слава Богу, Диана! Вот какой я хочу всегда тебя видеть. Милосердный Бог устроил землю так, что люди и животные только для того и живут, чтобы делать друг другу зло. Будем же делать зло. Мы одиноки в этом обществе, которое нас отталкивает и презирает. Оно объявило нам войну, будем же воевать без сожаления и страха. Мы только отплачиваем той же монетой. Когда будем богаты, будем любимы и уважаемы всеми, нас не спросят, откуда у нас богатство и не запачканы ли наши руки в крови. Помни, сестрица! Золото смывает все; могущество оправдывает все.

— Я вижу, Жак, что ты все тот же верный друг, на которого я могу рассчитывать в данную минуту.

— О да, и днем, и ночью, и везде! К тому же, — прибавил он, смеясь, — я кровожаден, когда голоден, и в ту же минуту, если бы у меня не было денег, я продал бы душу сатане за одну простую котлету... Лишь бы побольше!

— Это полезно знать! — сказала она, пригрозив ему пальцем. — Вот признание, которым я сумею вовремя воспользоваться.

— О чем ты говоришь?

— Но... о том, что ты сейчас сказал.

— О, я несчастный!.. — вскричал он комическим тоном. — Я выдал самую громадную тайну; вот что значит не есть

сорок восемь часов; голову совсем потеряешь. Да послужит тебе это уроком, Диана, чтобы ты не задумала когда-нибудь уморить меня голодом. Чтобы я был вполне надежен, я должен хорошо поесть.

— Ты очень мил, Жак; умеешь смеяться и шутить в самых затруднительных обстоятельствах. За это я тебя в самом деле очень люблю мой милый брат!

— А я-то? Не составляем ли мы вдвоем всю нашу семью?

— Это правда и очень выгодно для нас обоих.

— Да, потому что части наши будут больше, когда придется делить состояние.

— Э! Да ты ничего не забываешь.

— Нужно все помнить, Диана; это лучшее средство не дать себя обмануть. Правда твоя!

В эту минуту в комнату торжественно вошел Лабрюйер и громко доложил, что кушать подано.

Граф подал руку сестре, и они вошли в столовую в самом приятном настроении.

Ужин длился довольно долго.

Девушка ела немного, зато граф уплетал за троих и, казалось, никак не мог наполнить свой пустой желудок; если бы сестра не заставила его встать из-за стола, он остался бы до утра.

Но у Дианы были свои планы, которых она не теряла из виду.

— Ну, — сказал он, вставая и выпрямляясь, — теперь я себя чувствую гораздо лучше. Как странно, что немного пищи совсем изменяет мироощущение человека! Нужно испытать это на себе, чтобы понять.

Войдя в комнату сестры, он расположился в мягком кресле, как человек, намеревающийся отдохнуть.

Девушка искоса следила за всеми его движениями, но не сделала никакого замечания.

— Вот так! — объявил он, устроившись в кресле и вздыхая. — Пусть молния теперь убьет кого хочет, я пальцем не пошевелю для его спасения.

— Жак, — произнесла, смеясь, Диана, — оглянись на часы.

— Ах, мне так хорошо! Видишь ли, Диана, я, как змей; после еды мне нужно спокойно посидеть; я, знаешь ли, так хорошо поел, что нуждаюсь в отдыхе.

— Не будем шутить, Жак; я говорю очень серьезно.

— Ах, Боже мой! Не укусил ли тебя тарантул, моя бедная сестра?.. Не думаю я, чтобы ты хотела меня заставить встать раньше, чем через три или четыре часа. Если бы ты знала, как мне хорошо тут сидеть!

— У тебя ли еще Крез? — спросила девушка, не обращая на его слова никакого внимания.

— Крез, моя лошадь?

— Да.

— Ах! Бедное животное, мы уже давно его съели.

— Съели?

— Увы! Да, и с седлом. Чем же я мог бы кормить беднягу? У меня ведь не хватало и для себя самого.

— Это правда! — засмеялась Диана. — Ну, ты купишь себе другую лошадь, вот и все.

— Благодарю тебя, Диана. Вот это мило с твоей стороны; будь спокойна, есть одна лошадь, за которой я уже давно слежу. Завтра моим первым делом будет пойти ее купить.

— Нет, не завтра, — возразила сестра.

— Но ты понимаешь, если я опоздаю...

— Теперь не больше двух часов...

— О! Это все равно...

— Иди же и купи ее сейчас...

— Что? Что такое? — вскричал он, вскакивая с места. — Что ты говоришь? Пожалуйста, не шути...

— Ты знаешь, Жак, что я никогда не шучу, когда дело идет о серьезных вещах, — сухо отвечала девушка.

— Ого! — воскликнул он, широко открывая глаза. — Значит, мы опять дошли до серьезных дел?

— Увы! Да, мой бедный Жак! Ты думаешь, что люди, которых ты знаешь и которые снабдили нас деньгами, сделали это из одного внимания и расположения к нам?

— О! Я никогда этого не думал, Боже сохрани!

— Так чему же удивляться? Ведь ты знаешь так же хорошо, как и я, что мы всегда должны быть готовы?

— Увы! Да! И так ты думаешь?

— Что ты должен торопиться ехать...

— Но куда же, Боже мой?

— О, будь спокоен, я пошлю тебя недалеко!

— Но все-таки нужно ехать?

— Разумеется.

— Куда же?

— В Сен-Жермен. Слушай хорошенько, брат, потому что, повторяю тебе, дело очень серьезно.

— Хорошо, хорошо, не нужно предисловий, признаюсь, они меня очень пугают.

— Изволь, я скажу коротко. Весьма важно, чтобы отец Жозеф получил письмо, которое я напишу до пяти часов. Это письмо будет заключать в себе важную государственную тайну. Не забудь, что, исполнив это поручение, ты можешь получить богатство.

— Ладно! — произнес он недовольным тоном. — Сколько раз бегаешь за богатством, а его все не поймать.

— Этот раз верь тому, что я говорю, Жак; от тебя будет зависеть его схватить.

— Хорошо, увидим.

— Иди купи лошадь и, главное, возвращайся скорее.

— Ты больше ничего не имеешь мне сказать?

— Нет. Я напишу письмо, пока тебя не будет дома.

— Увы! Мне было так хорошо.

Он встал, взял свой плащ и вышел, но сейчас же вернулся.

— Мне вспомнилось, — сказал он, — ведь чтобы купить лошадь, нужны деньги.

— Разумеется.

— А у меня их нет.

— Это правда, я и забыла, прости меня, добрый Жак. Боже мой! Как я рассеянна!

Открыв шкатулку, она достала сверток золотых и подала брату.

— Вот, возьми.

— Что это?

— Двойные пистолы.

— Сколько?

— Сто.

— О! Тогда...

Он горделиво вышел, напевая вполголоса куплет какой-то привуазной песенки.

Двадцать минут спустя граф де Сент-Ирем входил, высоко подняв голову и звеня шпорами, в дом Дубль-Эпе.

Хозяин очень кстати был дома.

— Эй ты! — крикнул граф, обращаясь к слуге. — Иди скажи хозяину, что граф де Сент-Ирем оказывает ему честь своим посещением.

Слуга почтительно поклонился и исчез.

Почти в ту же секунду явился Дубль-Эпе.

— Друг мой, — обратился к нему граф, — мне говорили, что у вас есть продажная лошадь, серая в яблоках, принадлежащая одному дворянину, имени которого я не припомню.

— Да, есть, господин граф... Султан, испанский жеребец трех лет, желаете вы его видеть?

— Я его знаю, мне хотелось только спросить...

— К вашим услугам, ваше сиятельство. Не угодно ли вам попробовать славного испанского вина?

— Ничего не имею против, мой милый. Дела делаются глаже и лучше, когда их поливают. Только я должен сознать, что предпочитаю португальские вина.

— У меня есть и португальские, ваше сиятельство; в том числе херес де ла фронтера, который я был бы счастлив вам предложить как знатоку; я уверен, что вы останетесь им довольны.

— Вот как! Херес — отличное вино. Посмотрим его, попробуем!

Дубль-Эпе подал знак; слуга побежал и через минуту вернулся с тремя запыленными бутылками и двумя хрустальными стаканами, поставил все это на стол и вышел из комнаты.

Хозяин и посетитель уселись за стол друг против друга.

— Гм! Прекрасное вино, мэтр Дубль-Эпе! Я всегда говорил, что у вас лучшее вино во всем Париже.

— О! Ваше сиятельство льстите мне...

— Нет, черт возьми! Я говорю истинную правду. Ну, поговорим теперь о нашем испанском жеребце. Во-первых, хороший ли он скакун? Предупреждаю вас, что мне нужен именно такой. Понимаете?

— Отлично понимаю, ваше сиятельство. Я продаю эту лошадь с полным ручательством.

— О! Это отлично, честное слово!

— Мы знаем, с кем иметь дело, ваше сиятельство!

— Очень хорошо. За ваше здоровье!

— И за ваше, господин граф. Итак, вам нужен хороший, надежный скакун. Я думаю, именно моя лошадь подходит к вашим условиям. Она пробежит не менее пяти лье в час и может скакать шесть часов без малейшего признака испарины.

— Ах, знаете, вы говорите мне прелестную вещь! Удивительно, как в этих бутылках мало вина!

— О, граф! Их можно сейчас же заменить другими.

И он откупорил другую бутылку.

— Ваша лошадь мне нравится все больше и больше; если только сойдемся в цене, я ее покупаю. Но предупреждаю вас, я ее испытаю через какой-нибудь час; мне как раз нужно попасть скорее в Сен-Жермен, чтобы быть там до пяти часов.

— А! — заметил Дубль-Эпе, нахмурив брови. — Но вы совсем не пьете, господин граф.

— Ваше вино превосходно, но оно слишком горячит.

— Это правда, но вам, я думаю, не в диковинку крепкие вина?

— Да, могу согласиться.

— Итак, вы едете в Сен-Жермен?

— Да, — сказал де Сент-Ирем, закручивая усы, — я очень хорошо принят при дворе; у меня есть очень важное послание к монсеньору епископу Люсонскому.

— Вы должны торопиться?

— Да, дело очень спешное.

— В таком случае, граф, возьмите мою лошадь, я отдам ее вам за сто двадцать пистолей; вы знаете, разумеется, что лошади привыкают к известным седлам и мунштукам; я вам отдам ее со всеми принадлежностями за сто шестьдесят пистолей. Согласны?

— Я не люблю торговаться, соглашайтесь за сто пятьдесят, и дело в шляпе.

— У меня не хватает смелости вам отказать; идет за сто пятьдесят, но за наличные.

— Parbleu! Я иначе и не покупаю.

— Пока будут седлать лошадь, мы допьем эту бутылку вина, которое вам, видимо, очень нравится. С вашего позволения, пойду распорядиться.

— Хорошо, а я пока отсчитаю деньги.

— И отлично.

Дубль-Эпе вышел из комнаты.

Отдав приказ седлать лошадь, он вошел в свой маленький стеклянный кабинет, живо написал несколько слов на листе бумаги, сложил его и постучал в стену.

В ту же минуту перед ним очутился какой-то человек.

Дубль-Эпе отдал ему записку.

— Неси сейчас же капитану Ватану. Ты найдешь его на Тиктонской улице, в гостинице «Единорог», с графом дю Люком и Клер-де-Люнем. Беги, Бонкорбо, даю тебе десять минут.

— Будет исполнено, — отвечал тот и вышел.

Дубль-Эпе вернулся к графу де Сент-Ирему.

— Лошадь оседлана, ваше сиятельство, — доложил он.

— Пистолы отсчитаны.

— Последний стакан? Вы поблагодарите меня за сегодняшнюю покупку.

Через четверть часа Жак, получив от сестры письмо и подробные инструкции, скакал в Сен-Жермен.

Султан был действительно великолепным животным.

Дубль-Эпе вовсе не преувеличивал его достоинства. Жак мог за час доехать на нем до Сен-Жермена.

К несчастью, в полумиле от Парижа с обеих сторон дороги раздалось по выстрелу; граф упал с лошади, как пораженный молнией.

В то же время два человека бросились на него, отняли врученное ему сестрой письмо и деньги, лежавшие в кармане, и собирались просто-напросто зарезать его, как вдруг вдали послышался топот скачущей лошади; бандиты бросили жертву.

Скакавший всадник был Магом.

Диана де Сент-Ирем, по предчувствию ли или сомневаясь, что брат удачно выполнит поручение, так как он, видимо, был очень разгорячен вином, вслед за его отъездом послала к отцу Жозефу Магома с таким же письмом, как и то, которое поручила брату.

Увидев лежавшего де Сент-Ирема, Магом поспешно соскочил с лошади.

Граф еще не умер, но был близок к тому.

Слуга бережно приподнял раненого, положил на лошадь и шагом довез до ближайшей гостиницы.

Вручив хозяину десяток пистолей, обеспечивавших хороший уход за раненым, он велел послать за доктором и, обещав вернуться часа через два, спустился в конюшню, сел на султана и вскачь понесся в Сен-Жермен.

Чтобы преданный Магом поступил так, данное ему поручение должно было быть очень серьезно и важно.

ГЛАВА XIX

Звон стаканов и шпаг между Парижем и Версалем

это утро солнце встало в тучах, день проснулся холодным и туманным. Густые, свинцовые облака, покрывавшие небо, спускались так низко, что, казалось, задевали за вершины деревьев. Было очень скользко.

Извозчики выбивались из сил в напрасных стараниях помочь подняться по крутому скату Бельвю своим измученным клячам.

Несчастные лошади падали, вставали, чтобы снова упасть, и напрягались до истощения при выполнении этого титанического дела без всякой надежды достичь успеха.

Было около восьми часов утра.

Четыре всадника, ехавшие из Парижа, остановились перед трактиром «Рассвет», где знакомый хозяин встретил их с шумной радостью. Во избежание недоразумений, могущих возникнуть впоследствии, мы теперь назовем этих всадников. Это были: граф дю Люк, господин де Лектур, капитан Ватан и наш старый приятель Клер-де-Люнь.

Первые трое были мрачны и озабоченны и, казалось, под влиянием смутного беспокойства; это внутреннее волнение проглядывало во всех их движениях, несмотря на усилия притворяться спокойными и беспечными.

По той ли, по другой ли причине, а может быть, и совсем без причины один Клер-де-Люнь сохранял свое великолепное хладнокровие. Он смеялся и шутил от чистого сердца.

Может быть, он был счастливой натурой или, давно убедясь, что рано или поздно будет повешен, привык смотреть свысока на вещи здешнего мира и, раз начертав себе путь, не думал о том, чем может кончить; фатализм — религия воров; Клер-де-Люнь имел сто тысяч причин, одну другой лучше, быть фаталистом.

— Ах, господа! — воскликнул мэтр Гогелю. — Какая радость вас видеть! Как я был далек от надежды на ваше посещение, особенно в такую страшную непогоду!

— Да, — согласился капитан, — погода действительно не совсем приятна.

— Ах, господин барон! — вскричал Гогелю. — Если бы вы знали, как трудно нашему брату заработать в такую погоду

кусоч насущного хлеба! Но нет, господин барон, вам невозможно составить себе об этом никакого понятия!

— Друг мой, — сказал капитан своим добродушно-ироническим тоном, — помните, что так или иначе, составляют себе о вещах какое-нибудь понятие; а теперь, если вам можно, подайте нам завтрак.

— Ах, какое счастье, господин барон! Именно сегодня я могу угостить вас по-королевски.

— У вас, значит, гости?

— Да, господин барон, несколько благородных господ, но я не знаю, кто они именно.

— Но вам это, я думаю, все равно?

— Не совсем, господин барон, всегда лучше знать, что за люди находятся в доме, хотя бы затем...

— Чтобы не оставаться в неведении, не так ли? — произнес, смеясь, капитан.

— Вы угадали, господин барон, — отвечал Гогелю, — говоря откровенно, я ненавижу таинственность, а вы?

— О! Я ее просто не выношу, — проговорил капитан. — Предоставляю вам выбор того, что вы хотите нам дать, вполне полагаясь на ваш вкус.

— Будьте спокойны, надеюсь удовлетворить вас.

— Я в этом уверен.

— Вот что, хозяин, — обратился к нему дю Люк, — не правда ли, вы поместите нас в ту самую комнату, которую мы занимали, когда в первый раз приезжали в вашу гостиницу?

— О! Какое несчастье, господин маркиз! — с отчаянием воскликнул трактирщик.

— О каком несчастье вы говорите, господин Гогелю? — спросил Клер-де-Люнь.

— Ах, господин барон, господин шевалье, господин маркиз и вы, сударь, которого я не имею чести знать, — вскричал трактирщик, схватив себя за волосы, — вы меня видите в полном отчаянии!

— Господин граф де Ла Дусель, — сказал с иронической вежливостью капитан, указывая на де Лектура. — Почему вы в отчаянии, мой друг, объясните, пожалуйста?

— Ах, господин барон! Эта комната занята... Не знаю, кем: замаскированным человеческим существом, которое походит на женщину, а говорит как мужчина.

— А, хорошо! Так это и есть та самая таинственность, о которой вы мне толковали?

Трактирщик поклонился в знак согласия.

— В таком случае, — осведомился капитан, — хотите, чтобы я вам высказал свое мнение, мэтр Гогелю?

— Конечно, господин барон, вы мне доставите много чести и удовольствия, — произнес с любопытством трактирщик.

— Для меня становится ясно, — продолжал с невозмутимым хладнокровием капитан, — что эта особа, кто бы она ни была, переделалась, не желая быть узнанной.

— Если вам будет угодно мне верить, господин барон, — лукаво подтвердил трактирщик, — я скажу откровенно, что так и думал.

— Значит, нам больше и заниматься ею незачем. Поместите нас куда хотите, лишь бы наша комната выходила на ту же сторону окнами. Мы дожидаемся двух-трех приятелей, которым назначили приехать в вашу гостиницу, а так как они не знают этих окрестностей, мне хотелось бы видеть, когда они подъедут.

— Это возможно, господин барон; я отведу вам комнату покойной жены; она рядом с той, которую вы занимали первый раз.

— Пожалуй!

Пять минут спустя четыре авантюриста очень удобно расположились в отведенной им комнате.

Затем им принесли великолепный завтрак.

— Браво, хозяин! — одобрительно крикнул Клер-де-Люнь. — Вы угощаете нас грандиозно и с баснословной быстрой. Каким это чудом?

— О, это объясняется просто, господин шевалье! Его величество король Людовик Тринадцатый, пробыв с две недели в Версале, именно сегодня возвращается в Париж.

— Мы увидим, когда он поедет? — поинтересовался де Лектур.

— Отлично, господин граф.

— Но, может быть, — предположил дю Люк, — его величество проедет поздно вечером, когда мы будем далеко отсюда?

— Напротив, господин маркиз, напротив!

— Как так? — полюбопытствовал капитан, осушая огромную кружку.

— Его величество выедет из Версаля ровно в десять часов и приедет не позже одиннадцати к перекрестку Трех Дорог, где изволит остановиться для завтрака.

— Боюсь, что вы ошибаетесь, хозяин.

— Невозможно, господин барон; позвольте иметь честь вам заметить, что вчера я получил приказание приготовить завтрак на пятнадцать особ.

— Как, его величество едет с таким ничтожным конвоем?

— Чего же может король опасаться?

— Правда, хозяин, — ответил Ватан.

Четверо товарищей обменялись многозначительным взглядом, которого честный трактирщик, конечно, не заметил.

Он вскоре вышел, оставив авантюристов одних.

— Говорите тише, господа, — предупредил капитан, — вы знаете, что мы здесь не одни, — прибавил он, указывая глазами на дверь в соседнюю комнату.

— Верно, — согласились другие.

Они стали перешептываться и для большей безопасности по-испански.

Однако время шло, и до одиннадцати оставалось немного.

Чем более приближалась минута, тем более эти люди, обыкновенно отчаянно храбрые, обнаруживали терзавшее их беспокойство.

За десять минут до одиннадцати к ним вошел сержант Ла Прери.

— Господа, король едет, — отрывисто доложил он.

— Где он?

— На два ружейных выстрела от места, где мы находимся.

— Поспешим, господа, — сказал граф дю Люк, — чтобы занять позиции; нам нельзя терять времени. Ваши люди расставлены? — продолжал он, обращаясь к сержанту.

— Они уже более двух часов в засаде, сударь.

— Хорошо, воротитесь к ним; через минуту и мы придем. Вы знаете, что мы бежим через замок Сюлли, ворота которого, случайно или по нерадению, остались открытыми — разумеется, без ведома хозяина дома.

— Не беспокойтесь, сударь, все это известно, и нам не надо опасаться никаких недоразумений.

— Хорошо, друг мой, если ваши люди исполнят свой долг, как мы свой, так на этот раз, отвечаю вам, победа будет за нами.

— Дай-то Бог, сударь!

Сержант поклонился и вышел.

Едва он оставил гостиницу, как Дубль-Эпе вошел к товарищам.

Молодой человек был бледен, как смерть, и сильно взволнован.

— Господа, — крикнул он, — берегитесь, нас выдали!

— Что вы хотите сказать? — вскричали они в один голос.

— Лес наполнен войсками.

— Не может быть! — воскликнул де Лектур.

— Я не такой человек, — несколько сухо произнес Дубль-Эпе, — чтобы видеть в ветряных мельницах войска и трепетать перед собственной тенью. Господа, подтверждаю вам, что слова мои справедливы. Я видел этих солдат своими глазами. Больше шестисот человек пехоты и кавалерии сидит по засадам в лесах, окружив нас отовсюду.

— Что делать? — проговорили они.

— Господа, — с жаром вскричал граф дю Люк, — рассуждать теперь поздно; надо действовать. Игра начата, мы до конца доиграем. Командиры, подобные нам, не покидают солдат. Мы не можем хладнокровно позволить резать преданных, честных людей, которые нам доверились...

Насмешливый хохот прервал его речь.

— Клянусь честью! Нас тут подслушивали! — крикнул капитан, кидаясь с товарищами из комнаты.

Он толкнул ногой дверь в соседнюю комнату, но там не было и следов кого-нибудь.

Они заглянули в окно. Трое или четверо всадников в широких плащах летели, как вихрь, среди мрака, поднимаясь по крутому оврагу, ведущему к перекрестку Трех Дорог, куда ехал король со своей свитой.

— Это наши враги, — задумчиво произнес капитан, — но кто они такие?

— Э! Какое нам дело! — закричал граф дю Люк. — Спешите, господа, время не терпит. Не знаю, как поступите вы. Что же касается меня, клянусь, раз уж я попал в это дело, то пойду до конца!

— Я за вами, граф, — холодно сказал де Лектур.

— Кто об этом толкует! Мы все от вас не отстанем, *monbleu!* — раздражительно подтвердил капитан. — Но все дело в том, что надо успеть, а если не удастся, так не позволить себя захватить.

В эту минуту слышался стук экипажа и топот лошадей. Король с конвоем приближался к перекрестку.

Капитан расплатился, и авантюристы вышли из скромной гостиницы.

Мэтр Гогелю впопыхах не знал, кого слушать.

Один из конвойных, отряженный вперед, пришел объявить ему о приезде его величества.

Вскоре из дверей трактира показались хозяин и пять поварят, нагруженных корзинами и бутылками; эта гастрономическая процессия потянулась в стройном порядке, медленным шагом, по направлению к тому месту, где королевский конвой остановился для завтрака.

В эту пору королю Людовику XIII было едва ли двадцать лет.

Он был в черном бархатном костюме с голубой лентой королевского ордена. Неподвижные черты безжизненного лица молодого монарха, казавшиеся еще бледнее от длинных темных волос, носили следы неизлечимой тоски, роковой меланхолии и той ранней, болезненной дряхлости, которая снесла этого бледного королевского призрака и должна была в сорок два года уложить его преждевременным старцем в могилу.

Щепетильно аккуратный во всех ничтожных вещах, король приехал ровно в одиннадцать часов утра к перекрестку Трех Дорог.

Конвой его составляли человек пятнадцать дворян первых французских фамилий, взвод мушкетеров и несколько конюших.

Герцог де Люинь и епископ Люсонский, Арман Жан дю Плесси Ришелье, сидели с королем в его экипаже и не выходили оттуда.

По приказанию короля, несмотря на пронзительный холод утра, молодые дворяне сошли с лошадей и сели отдельными группами, наслаждаясь вкусными блюдами и тонкими винами, которые были им поданы в изобилии честным трактирщиком.

Однако, несмотря на видимую веселость, оживлявшую эти группы, внимательный наблюдатель легко бы заметил, что под их наружной беспечностью скрывались серьезные опасения.

Мушкетеры и молодые придворные ели и пили с большим аппетитом, перекидываясь остроумными шутками.

Король был оживленнее обыкновенного; легкая краска покрывала его щеки; брови его были нахмурены; он тихо и горячо говорил то с герцогом де Люином, то с епископом Люсонским, по временам поднимал голову и оглядывался кругом сверкающими глазами.

Между тем по приказанию короля конвой не оставлял его до перекрестка Трех Дорог. В одиннадцать часов герцог де Люинь подал сигнал двинуться дальше.

Свита и приближенные быстро встали и вскочили на лошадей. Кучер пустил лошадей, и карета быстро покатилась.

Но едва она тронулась с места, как целая толпа вооруженных людей, около двухсот или трехсот человек, среди которых человек шестьдесят были на лошадях, бросилась из кустарников, окаймлявших дорогу, и уже окружала конвой с криками: «Да здравствует король!»

— Настала минута, ваше величество, — сказал герцог де Люинь, кусая усы и скрывая хитрую улыбку.

— Да, — холодно отвечал король.

— Как я советовал вашему величеству, — продолжал герцог, — вам бы следовало быть верхом на лошади, чтобы скорее выбраться из этой толпы.

— Король Франции не спасается бегством, господин герцог, — невозмутимо и холодно произнес Людовик XIII, — впрочем, — прибавил он с сардонической улыбкой, — послушайте, что кричат эти люди; мною ли они недовольны?

— Нет, нами! — проговорил сквозь зубы епископ Люсонский.

Герцог де Люинь побледнел, как полотно.

По временам мушкетеры и несколько человек, составлявших ближайший конвой короля, подъезжали и окружали карету.

— Стой! — крикнул кучеру Людовик XIII и, обращаясь к сидевшим возле него, пояснил: — Посмотрим, что из этого выйдет.

В нападающих, несмотря на их костюмы, легко было узнать большинство дворян; все они плотно окружали конвой и громче и громче кричали: «Да здравствует король!» И в то же время слышались выстрелы.

Уже несколько человек пали жертвами как с той, так и с другой стороны.

Нападающие все приближались; положение конвоя становилось критическим.

Король уже различил несколько рассвирепевших лиц, но не сделал ни одного движения, ни одного жеста и оставался холодным, спокойным, невозмутимым, как будто дело совершенно его не касалось.

Шум был страшный, борьба становилась все серьезнее; уже половина конвоя была перебита и ранена, но ни один из этих храбрецов не моргнул и не показал отчаяния. Оставшиеся на ногах еще теснее сгруппировались вокруг кареты, образуя живую преграду для доступа к королю.

Осаждающие продолжали свое дело, но конвой не расходился, только ряды его редели.

Еще несколько минут, и король лишился бы последней защиты.

Людовик XIII сохранял, однако, все свое спокойствие; де Люинь понимал, что больше всего злы были на него; он бормотал про себя молитвы и поручал себя покровительству всех святых рая. Арман Жан дю Плесси Ришелье, еще более спокойный, чем король, зло улыбался.

Он, может быть, лучше, чем другие, знал, чего можно ожидать от этого нападения! И каковы могли быть последствия в случае успеха со стороны нападавших.

Но в это время вдали послышался как бы гром, приближавшийся с неимоверной быстротой.

— Вот и наши! — произнес король.

— Увы! Слишком поздно! — проговорил де Люинь.

— Никогда не поздно, — возразил Ришелье, — когда решаются победить или умереть!

— Благодарю вас, господин епископ Люсонский, — с удивлением сказал король, — вас хорошо известили, а дело было весьма серьезно.

— Ваше величество, одно это слово благодарности из королевских уст служит для меня достаточным доказательством милости и справедливости вашего величества.

— Да, епископ Люсонский, я повторяю вам свою благодарность; я хотел только сам убедиться в значении этого дела. Я не забуду вашей услуги.

Арман Ришелье был слишком ловкий придворный и дипломат, чтобы продолжать разговор в этом тоне.

Он почтительно поклонился, бросив исподлобья взгляд на герцога де Люиня, который сильно призадумался бы, если бы заметил его.

Между тем вокруг кареты все изменилось.

Теперь осаждающим приходилось иметь дело с силами, впятеро превосходившими их.

Пока Бассомпьер во главе двух швейцарских полков спу-
скался с возвышенности Бельвю, рота королевских мушке-
теров под командой господина де Тревиля и эскадрон легкой
кавалерии под предводительством графа де Шевреза напали на
мятежников. Со всех сторон раздавались крики «Да здрав-
ствует король!»

Но мятежники храбро дрались, не отступая ни на шаг.

Ришелье хитро обратил внимание короля на ловкость и
невозмутимое спокойствие бойцов в крестьянском платье, ко-
торые, без сомнения, все были когда-то участниками граждан-
ских войн.

— Ах, Бестейн! Бестейн! — кричал король Бассомпьеру. —
Колоти их покрепче, друг мой! Нечего их жалеть!

— Я не щажу, ваше величество, как видите, — отвечал
Бассомпьер, — им здорово попадет за то, что они осмелились
коснуться вашего величества. Вперед! Вперед!

Схватка становилась ужасной. Обе стороны бились с бес-
примерной отвагой.

Тогда только все заметили очень странное обстоятельст-
во.

Между мятежниками восемь человек — вероятно, глава-
ри — были в масках.

По приказанию короля на них были обращены все удары.

Но замаскированные, дравшиеся лучше других, не подда-
вались. Все те, кто добирался до них, тотчас же отходили,
чувствуя невозможность справиться с богатырями.

Несмотря на героизм и храбрость, проявленные мятежни-
ками, они не могли надеяться справиться со своими врагами.

На раздавшийся крик они быстро сбежались все вместе,
образовав плотную группу, вооруженную мушкетами и
штыками, и стали медленно, в порядке отступать, все время
стреляя.

Красивое зрелище представляли эти герои, знавшие, что
спасения им нет, не просившие пощады, отступавшие в по-
рядке, лицом к неприятелю.

Сам король восторгался ими.

— Sang Dieu! — проговорил он. — По чести скажу, что
ничего подобного не видал!

— Не правда ли, ваше величество? — тихо спросил Ри-
шелье.

Отступавшим инсургентам удалось достичь трактира мэтра Гогелю.

Там они остановились, а пока часть их вошла в дом и из окон начала стрелять в королевские войска, другая рассыпалась в разные стороны.

Только маленькая группа, состоявшая из восьми всадников, не разделилась. Ловкие наездники, все они направились вскачь к парку Сюлли.

Королевские войска поняли маневр инсургентов, дававших время скрыться своим начальникам. Бассомпьер удвоил старание овладеть ими, но все было напрасно.

Мнимые крестьяне стояли твердо.

Уже восемь замаскированных почти достигли парка Сюлли, как вдруг совершенно неожиданно из-за группы деревьев выехали двенадцать всадников, во главе которых была женщина в красной маске.

— Ах, черт возьми! — вскричал один из замаскированных, в котором по голосу легко было узнать капитана Ватана. — На этот раз я заставляю тебя вернуться в тот ад, из которого ты вышла. Вперед, господа!

Всадники повернулись и, обнажив шпаги, бросились на врагов, оказавших, несмотря на все старания замаскированной амазонки, весьма слабое сопротивление и оставивших им свободный путь, чем всадники были очень довольны.

Времени оставалось немного. Инсургенты, рассчитывавшие, что начальники их уже спасены, бросили оружие и разбежались по кустарникам, куда солдаты с их тяжелой амуницией с трудом могли за ними следовать.

К большой неудаче королевской армии, в ту минуту, как всадники подъехали к замку Сюлли, ворота вдруг распахнулись; они разом бросились туда и заперлись. В то же время из других ворот выехали человек восемь верхом, вооруженных с ног до головы, под предводительством женщины, одетой в точности так же, как та, которая напала на всадников час тому назад. На ней была такая же красная маска.

Эти восемь человек, как ураган, налетели на отряд первой красной маски, с трудом убедившей свой отряд снова пуститься в погоню.

Тогда произошла странная сцена.

В ту самую минуту, как наши всадники устремились во двор замка, отряды двух женщин бросились друг на друга со страшным остервенением.

На этот раз ни те, ни другие не отступили.

Увидев друг друга, женщины с криком бешенства кинулись одна на другую с пистолетами в руках.

Капитан Ватан и его товарищи увидели происходившее.

Забывая грозную опасность, они бросились вперед помешать намерению амазонок.

Но они опоздали.

Лошади амазонок, летевшие одна на другую, ударились грудью и обе рухнули на землю.

Женщины старались вскочить на ноги, но у одной нога осталась в стремени; не теряя присутствия духа, она направила пистолет в другую и крикнула:

— Умри!

Раздался выстрел, но замаскированная амазонка продолжала подвигаться вперед.

— Я не хочу тебя убивать, — отвечала она глухим голосом, — но хочу, чтобы ты помнила меня.

В ту же минуту раздался выстрел, и несчастная опрокинулась на спину с криком проклятия.

На дороге послышался шум.

Карета короля неслась во весь дух.

Выстрелив из пистолета, вторая замаскированная задрожала всем телом и лишилась чувств.

Нельзя было терять ни минуты.

Капитан бросился вперед, схватил молодую женщину на руки, посадил к себе на лошадь и вместе с товарищами вернулся в замок.

Госпожа де Роган, стоя на балконе, присутствовала, казалось, совершенно равнодушно при этой сцене.

Доехав до замка, карета короля остановилась на одну секунду.

— Благодарю вас, кузина! — сказал ей король с сардонической улыбкой. — Я не хочу приказывать выломать двери вашего замка, но буду помнить!

Герцогиня де Роган высокомерно и насмешливо поклонилась, но ничего не ответила.

— Я тоже буду помнить, — подумал Ришелье, кидая змеиный взгляд на гордую молодую женщину.

Мы знаем по истории, как кардинал Ришелье сдержал обещание, данное епископом Люсонским.

По приказанию короля замаскированная дама была перенесена в заведение мэтра Гогелю.

Гугенотам по какому-то странному стечению обстоятельств не удалось довести до конца их ловкий замысел; но королевские войска не смогли захватить ни одного пленника — в руках у них были только трупы.

Тотчас по отъезде короля герцогиня де Роган вошла к себе в комнату, куда капитан Ватан отнес молодую женщину в обмороке.

Тут были де Лектур, граф дю Люк, Клер-де-Люнь и сержант Ла Прери.

Граф напрасно старался сдержать волнение. Сердце подсказывало ему, кто была женщина, жертвовавшая собою для его спасения и так храбро дравшаяся!

В ту минуту, как мадам де Роган уходила с балкона, молодая женщина стала приходить в чувство.

Герцогиня холодно подошла к Оливье, почтительно и низко поклонившемуся ей.

— Граф дю Люк де Мовер, — высокомерно произнесла она, — вы можете засвидетельствовать герцогу де Рогану, моему супругу, что я точно выполнила все его приказания. Этот замок был надежным кровом для вас, но дальнейшее ваше пребывание здесь может вас погубить. Через два часа у всех выходов будут стоять караулы. Лошади оседланы, на станциях вы найдете свежих; поезжайте, не теряя ни минуты.

— Я уеду, если так нужно, герцогиня, но прошу вас дать мне несколько секунд выразить свою благодарность той особе, которая так великодушно спасла меня.

— Разве вы не узнали ее? — спросила она.

— О! Разумеется, узнал, герцогиня! — вскричал он с чувством. — Сердце подсказало мне, что это Жанна.

Молодая женщина встrepенулась, как под влиянием электрического тока, и быстрым движением сняла маску с бледного, заплаканного личика.

— А! На этот раз вы не ошиблись? — сказала она с иронией.

— О, Жанна! Жанна! — воскликнул он. — Вы плачете! Вы наконец прощаете меня?

Молодая женщина ничего не ответила; она закрыла лицо руками и зарыдала.

— Жанна! Ради самого Бога! Эти слезы... не я ли причина их... наша любовь...

Она подняла голову и, презрительно взглянув на него, с горечью произнесла:

— Я плачу о моей прошлой любви и настоящем бесчестье! Прощайте, милостивый государь... Я вас больше не знаю...

Она повернулась и медленно вышла из комнаты.

— О, какой же я несчастный! — пробормотал в отчаянии граф дю Люк.

Пять минут спустя граф, увлеченный друзьями, покинул замок Сюлли, который по приказанию герцога де Люиня был тотчас же осажден королевскими войсками.

Но гугенотов в нем уже не было.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Диана де Сент-Ирем

ГЛАВА I

Как неприятно бывало иногда завтракать у банщика Дубль-Эне

Пятнадцатого мая 1621 года, пять месяцев спустя после событий, описанных нами во второй части этого романа, когда часы на Самаритянке с обычным шумом пробили половину пятого утра, какой-то человек, плотно закутанный в толстый плащ и в надвинутой на глаза шляпе, пробирался с улицы Дофина на площадь перед коллежем Сен-Дени. Остановившись на минуту на углу улицы и внимательно осмотревшись вокруг, он опять пошел дальше скорыми шагами по направлению к Новому мосту, где в то время не было ни души.

— Черт бы побрал человека, который не умеет быть аккуратным! — пробормотал он сквозь зубы. — Долго ли еще он заставит меня здесь дожидаться?

Говоря так, незнакомец остановился у Бронзового Коня, постоял несколько минут неподвижно и затем опять стал оглядываться.

Это был тот неоцененный час, проходящий с быстротой молнии, во время которого все спит в Париже, действительно или только притворно.

Глубокая тишина царила над этим спящим Вавилоном, прерываемая время от времени какими-то странными, глухими, неизвестно откуда доносящимися звуками.

С того места, где стоял незнакомец, открывалась прелестная панорама.

Сумерки постепенно исчезали при появлении белеющей зари, чтобы уступить место наступающему утру. Величест-

венное, блестящее солнце, окруженное волнами пурпурового и золотистого света, медленно выплывало из-за зеленеющих холмов Медона и Сюрена, бросая во все стороны свои золотые лучи. Небо было голубое и безоблачное. Легкий туман спустился над рекой и как бы набросил серое покрывало на стоявшие на берегу статуи.

Незнакомец, не будучи, по-видимому, в душе поэтом, вместо того чтобы наслаждаться природой и поддаться очарованию этой величественной картины, топал от нетерпения ногой, продолжая ворчать сквозь зубы, и беспрестанно теребил резную рукоятку своей длинной рапиры, которая щегольски приподнимала край его плаща.

Бронзовый колокол на колодце пробил три раза.

— Провались он к черту! — вскричал незнакомец. — Уже без четверти пять; еще, пожалуй, этот достопочтенный человек был так глуп и неловок, что попался молодцам Дефонкти. Это становится уже невыносимым. Я подожду до пяти часов, но если он и к этому времени не придет, так мы увидим...

С отчаяния он принялся рассматривать окружавшие его предметы.

В эту минуту Новый мост был пуст не больше, чем некоторое время тому назад.

По направлению к нему со стороны Рыночного моста и улицы Дофина стекалось множество народа всякого звания и состояния: были тут и всадники, и пешеходы, и купцы, и мелкие чиновники, и солдаты, отправлявшиеся на ученье; можно было даже встретить несколько тщательно закрытых носилок, в которых, вероятно, сидели какие-нибудь красавицы, возвращавшиеся домой.

Словом, Новый мост принял обычный оживленный вид.

При первом ударе пяти часов человек пожилых лет, одетый в черное и весьма почтенной наружности остановился перед незнакомцем, который только что собирался снова произнести какое-то ужасное проклятие. Отерев платком вспотевший лоб, вновь пришедший сказал ему приятным, ласковым голосом:

— Я думаю, что опоздал немного, не правда ли, господин сержант Ла Прери?

— Немного опоздали! — вскричал сержант, потому что этот незнакомец был не кто иной, как наш старый знакомый. — Ну и ну, мэтр Грендорж! Вот уже около часа, как я переминаюсь здесь с ноги на ногу в ожидании вас.

— Ах, Боже мой! — отвечал священник. — Ведь вы знаете, как далеко отсюда до улицы Серизе?

— Черт побери! Вы, на мой взгляд, имеете еще довольно бодрый вид, ваше преподобие, — возразил сержант, еще более рассердившись. — Что вы толкуете мне об улице Серизе — мне, который протрясся верхом больше двухсот лье?

— Полноте, сержант, не сердитесь; я вполне признаю себя виноватым перед вами, потому прошу вас принять мои извинения и кончить этот разговор.

— В самом деле! Легко сказать: прошу вас принять мои извинения и кончить этот разговор — человеку, который в продолжение пяти дней ни разу не сомкнул глаз и несся во весь опор через холмы и рытвины, словно кабан, преследуемый охотниками. Parbleu! Славные же песенки вы поете мне, ваше преподобие!

— Ну, так говорите об этом, если хотите, — произнес священник еще более ласковым голосом.

— Черт побери! Вы скоро заставите меня сойти с ума.

— Подождите, мой друг, успокойтесь немного, а главное, советую вам для вашей же пользы отучиться от скверной привычки клясться на каждом шагу; эти клятвы не прибавляют ни на волос ума тому, что вы говорите, и только отнимают половину удовольствия, которое испытываешь в беседе с вами.

— Вот как! Вы, кажется, собираетесь прочесть мне нотацию?

— Боже меня сохрани! — воскликнул, улыбаясь, священник. — Но сознайтесь, что я имею на это некоторое право.

— О-о, — пробормотал недовольным голосом сержант, — теперь, кажется, не об этом идет речь.

— Совершенно справедливо, что я и стараюсь доказать вам уже четверть часа.

— Хорошо, согласен; поговорим же теперь о нашем деле, мы и без того потеряли много времени.

— Говорить здесь! Возможно ли это, сержант?

— Куда же вы хотите идти? Ведь я совсем не знаю Парижа.

— Я знаю его не больше вашего.

— Вот уже скоро две недели, как вы уведомлены о моем приезде и еще до сих пор не нашли удобного места для нашего свидания.

— Милейший мой, вы, кажется, забываете, что я духовное лицо и что мне почти приходится скрываться.

— Это правда; черт бы побрал всю эту историю! Но что же в таком случае нам остается делать?

— Вот что: вы давно не были в Париже?

— Вы понимаете, я боялся сюда показаться. Там, где сильные ходят, высоко подняв голову, слабым приходится низко опускать ее. Признаюсь вам, я очень странным образом попал в эту историю. Оскорбление величества! Знаете ли, мой друг, ведь я рисковал быть повешенным! Теперь будем искать возможности поговорить наедине. Нашел! — вскричал он вдруг, ударив себя по лбу. — Следуйте за мной.

— Что вы хотите делать? — спросил Грендорж с некоторым беспокойством.

— Все равно, пойдемте.

— Пожалуй, пойдемте, если вы этого хотите, — согласился священник, не вполне доверяя выдумке сержанта.

Они обошли Бронзового Коня и по ступеням, спускавшимся с моста, сошли на какую-то маленькую, почти микроскопическую набережную; она примыкала к самой Сене, и к ней рыбаки часто привязывали свои легонькие лодочки.

— Уф! Вот мы, слава Богу, и пришли! — сказал сержант. — Теперь, надеюсь, вы понимаете мой план?

— Я? Нисколько.

— О, простодушный и наивный священник! Выслушайте же меня. Мы войдем в одну из этих очаровательных лодочек и, совершив в ней утреннюю прогулку по волнам Сены, вместе с тем спокойно переговорим о наших делах, не боясь быть подслушанными.

— Примите мои искренние поздравления, сержант! Вот славная идея! — с жаром воскликнул священник.

— Да, но она дурно придумана, — произнес кто-то громким голосом позади них.

— Кто вы и кому вы это говорите? — осведомился сержант, вынимая свою саблю из ножен и быстро обернувшись.

— Конечно, вам, сержант Ла Прери; я вижу, вы собираетесь сделать ужасную глупость, вот почему и позволил себе вмешаться в ваш разговор.

Сержант кашлянул несколько раз и с насмешливой улыбкой подошел к человеку, который так бесцеремонно вмешался в его дела:

— Извините, милостивый государь, — обратился он к нему, покручивая усы, — не будете ли вы так добры сказать мне, что лучше предпочтете: быть сброшенным мною в воду или проколотым насквозь моей рапирой?

— Вы, конечно, желаете откровенного ответа? — поинтересовался тот, нисколько не смутясь угрозой.

— Понятно, я буду этому очень рад.

— В таком случае, сержант, я признаюсь откровенно, как бы странно это вам ни показалось, что не согласен ни на одно из ваших любезных предложений.

— Вот как! Это совершенно противоречит моим намерениям.

— Почему так?

— Parbleu! Потому что я не люблю людей, вмешивающихся в мои дела.

— Послушайте, милейший, пусть лучше между нами будет мир, — перебил его незнакомец, — разве вы забыли Клер-де-Люня? — прибавил он шепотом, наклоняясь к его уху.

Эти слова привели сержанта в недоумение.

— Клер-де-Люня? — переспросил он.

— Да, Клер-де-Люня, вашего старинного приятеля?

— О, если это так, я, конечно, вполне согласен с вами примириться!

— Не слишком ли поздно, сержант, — злобно пробормотал начальник Тунеядцев Нового моста.

— Что делать, милейший! Осторожность никогда не помешает.

— Хороша же ваша осторожность! Если бы не я, вы, наверное, совершили бы ужасную глупость; возможно ли говорить о делах при лодочнике, которого вы совсем не знаете и который, услышав ваш разговор, мог бы извлечь себе из него пользу?

— Монсеньор прав, — сказал священник со своей сладкой улыбкой, — сознайтесь, что вы готовы были допустить огромную неосторожность.

— Да, неосторожность, которую вы вполне одобряли, — проворчал сквозь зубы сержант.

— С вами невозможно спорить, вот почему я взял себе за правило во всем и всегда с вами соглашаться.

— Вы, должно быть, очень устали, сержант, так как приехали из Кастра в половине четвертого утра, — прервал свои вопросом их разговор Клер-де-Люнь.

— Почему вы знаете, что я приехал в половине четвертого? — воскликнул сержант недовольным тоном.

— Какое вам до этого дело?

— Очень большое; я не терплю, когда вмешиваются в мои дела; но продолжайте же, всезнающий человек!

— Хорошо, я согласен продолжать; впрочем, вместо того чтобы делать такую длинную прогулку на тощий желудок, не лучше ли нам будет зайти в домик, находящийся в нескольких шагах отсюда; хозяин его мне вполне предан, — Клер-де-Люнь показал не него.

— Эх! Да ведь он мне отлично знаком; этот дом принадлежит банщику Дубль-Эпе! — громко проговорил сержант. — Я даже помню, как...

— Довольно, довольно, болтун, вас об этом никто не спрашивает; оставьте лучше при себе ваши сведения и отвечайте мне только, угодно вам идти туда или нет?

— Идем, идем, — согласился сержант, с воинственным видом крутя усы, — я готов следовать за вами повсюду, хоть в ад — единственное место, которого я еще до сих пор не посетил.

Пять минут спустя все трое сидели в знакомой нам зале в доме Дубль-Эпе.

По просьбе Клер-де-Люня был подан аппетитный завтрак, которому они отдали должную честь.

Дурное расположение духа сержанта исчезло, точно по волшебству; он то и дело благодарил Клер-де-Люня в самых пылких выражениях. Ведь он и почтенный священник были выведены из затруднения только благодаря внезапному вмешательству начальника Тунеядцев Нового моста.

Но Клер-де-Люнь вовсе не так случайно подоспел им на помощь, как это предполагал сержант. Последний не подозревал, что с самого его отъезда из Кастра в Париж, куда он совершенно неожиданно получил приказание отправиться, за его каждым шагом следили подчиненные Клер-де-Люня; эти же люди, ни на секунду не теряя его из вида, приехав в Париж пятью минутами позже него, сейчас же уведомили своего предводителя.

Но к чему было Клер-де-Люню принимать столько предосторожностей и какую цель имел этот король парижских бандитов следить за поступками такого вполне безобидного человека, каким был сержант Ла Прери?

Это для нас пока еще тайна, которая не замедлит скоро объясниться.

Как ни велик был аппетит сержанта Ла Прери, тем не менее он почувствовал в конце концов необходимость оста-

новиться, не будучи более в состоянии проглотить ни одного куска.

К счастью, как сказал один знаменитый пьяница: «Если нельзя всегда есть, то можно всегда пить» — сержант Ла Прери прихлебывал вино огромными глотками.

— Дорогой сержант, — спросил его Клер-де-Люнь, когда увидел, что ему уже положительно невозможно проглотить ни одного куска, — вы, кажется, себя теперь лучше чувствуете, не правда ли?

— Совершенно верно, — отвечал сержант, — я более не голоден, но зато чувствую сильную жажду.

— О, если только за тем стало дело, — произнес Клер-де-Люнь, смеясь, — то мы с небольшим запасом терпения успеем преодолеть и этого врага, как преодолели другого; говоря так, он снова наполнил вином стакан сержанта. Последний, по-видимому, не собирался отказываться.

— Я говорил и готов повторить еще раз, — объявил он, чокаясь с начальником Тунейдцев Нового моста, — что вы славный малый и что с вами всегда приятно иметь дело.

— Что ж, это отлично! Друзья должны оказывать друг другу внимание. А вот что вы мне скажите, сержант: говорят, в вашей стороне дела становятся с каждым днем все запутаннее?

— О, — воскликнул сержант, покручивая усы. — Дела идут отлично, нельзя на это жаловаться. Одни наносят удары, другие их получают; иногда жгут города и деревни, грабят... Словом, одно лучше другого.

— Какой вы счастливый человек, сержант Ла Прери; вы все это видели и не гордились!

— Dame! Что вы хотите, а la uuegte, каждый за себя, а черт за всех!

— Сержант, — вскричал священник, — вы, кажется, опять принимаетесь за старое?

— Простите, ваше преподобие, это невольно сорвалось у меня с языка. Пусть поберут меня пятьсот тысяч чертей, если я еще раз повторю что-нибудь подобное.

— Нет, сержант, я скорее согласен предоставить вам выражаться по-прежнему, чем выслушивать подобные извинения.

— Я думаю, что так будет лучше, — проговорил Клер-де-Люнь, — но все это не объясняет еще, почему вы так поспешно уехали из Кастра и явились к нам, как снег на голову; впрочем, если это секрет, я не настаиваю...

— Секрет! Разве я могу иметь секреты от друзей? Вы, кажется, смеетесь надо мною, кум? Да я даже не знаю содержания порученных мне писем.

— Хорошо, но кому же они были адресованы?

— Как видно, приятель, — спросил сержант, бывший немного навеселе, — вам очень хочется это узнать?

— Мне? Да я это отлично знаю, судите сами: одно из писем было адресовано на имя его преподобия отца Грендоржа, другое предназначалось графу дю Люку де Моверу от герцога де Рогана, а третье — графине дю Люк от ее друга, герцога де Рогана.

— К чему спрашивать о том, что вы и без меня знаете?

При этих словах Клер-де-Люнь сделался внезапно серьезен.

— Послушайте, сержант, пора нам объясниться, — сказал он, — в состоянии ли вы меня выслушать?

— Как нельзя лучше, говорите; я готов на все отвечать вам, как честный человек.

— Если это так, слушайте меня внимательно: все три порученные вам письма были очень важного содержания: как ни велика ваша преданность и верность человеку, которому вы служите, ему пришлось раскаться в своем доверии к вам, как только вы уехали из Кастра.

— Каким это образом?

— Не прерывайте меня, пожалуйста, дело серьезнее, чем вы думаете. У вас два больших порока, сержант: первый — пьянство, а второй...

— Так какой же второй?

— Это, — продолжал беспощадный Клер-де-Люнь, — привычка болтать, как сорока, на все стороны о том, что следует хранить про себя.

Сержант нахмурил брови.

— Что это, урок? — произнес он, грозно выпрямляясь.

— Принимайте, как хотите, — равнодушно отвечал Клер-де-Люнь, — меня это несколько не беспокоит. Число глупостей, совершенных вами со времени отъезда из Кастра, бесконечно. Вы позволяли себя ловить во все расставленные вам западни, словом, при всем желании оказать услугу вашему господину вы предали его, как Иуда Спасителя.

— Знаете ли, товарищи, — вскричал сержант, — я не привык, чтобы со мной разговаривали подобным образом! Через пять минут мы перережем друг другу горло, а теперь

я желаю слышать от вас хоть одно доказательство того, что вы сказали.

Клер-де-Люнь пожал плечами.

— Ваше желание очень легко исполнить. Слушайте: в двадцати милях отсюда, в деревне, где вы остановились, при входе в гостиницу «Серебряный Лев» вы встретили троих путешественников; это были два щегольски одетых молодых человека и красавица брюнетка, которую они называли Дианой.

— Верно, но что же дальше?

— Эти люди завязали с вами разговор и пригласили вас вместе отобедать: за обедом пили так много, что по окончании его вы очутились под столом. Путешественники уехали, оставив вас храпеть вволю.

— Ну, так что же тут плохого?

— Плохого? Вот что: дав вам снотворного на целых двенадцать часов, они украли порученные вам бумаги.

— О, этого не может быть! — вскрикнул сержант, быстро поднося руку к куртке.

— Я говорю не о трех письмах, хотя и они тоже исчезли, но о секретной зашифрованной бумаге, которую герцог Делафорс посылал графу дю Люку и которая была зашита в вашей одежде. Хотите, я скажу вам теперь, кто были эти трое путешественников?

— Говорите, — пролепетал сержант дрожащим голосом.

— Первый из них граф — Жак де Сент-Ирем, второй — граф де Ланжак; что касается дамы, это Диана де Сент-Ирем, сестра первого из них и любовница второго.

— Я погиб! — вскричал сержант, грустно опустив голову.

Недобрая улыбка пробежала по губам Клер-де-Люня.

— Да, вы погибли, — подтвердил он.

Несчастный сержант продолжал рыться в карманах куртки с лихорадочной поспешностью и вынул оттуда три письма, которые бросил на стол.

— О, это правда! — воскликнул он с отчаянием.

Это были три чистых листка бумаги: их ему подложили вместо украденных писем.

— Ну что? — произнес Клер-де-Люнь ледяным тоном.

Сержант поднял голову; его лицо было бледно, но спокойно.

Он встал, оттолкнул стул и, опустившись на колени перед пастором, обратился к нему:

— Благословите меня, отец мой, я умираю.

— Будьте благословенны, мой сын, да простит вас Бог, — грустно отвечал отец Грендорж.

— Аминь! — заключил Клер-де-Люнь.

Сказав это, он придавил каблуком своего сапога едва заметный на паркете гвоздик; в ту же минуту под ногами сержанта, тщательно старавшегося приподняться, опустился пол, и несчастный провалился туда, испустив отчаянный крик.

— Правосудие свершилось! — изрек Клер-де-Люнь.

— Но что же случилось с бумагами? — спросил пастор, не выказавший при этой сцене ни малейшего удивления.

— Бумаги были отняты у графа де Ланжака и возвращены мне в ту же ночь.

— Но, — осмелился возразить пастор, — зачем же в таком случае вы поступили так беспощадно с этим несчастным? Ведь принесенная им беда исправлена?

— Я имел на это приказание, — сухо ответил Клер-де-Люнь.

Пастор поклонился, ничего не говоря.

— Вы сами, ваше преподобие, очень опоздали на свидание, — добавил глава Тунеядцев Нового моста, — это весьма легко могло возбудить подозрение у сержанта Ла Прери.

— У меня не доставало мужества, — признал пастор, грустно покачав головой, — я не способен присутствовать при исполнении подобных приказаний.

Клер-де-Люнь пожал плечами.

— Идемте, — сказал он, — нам здесь больше нечего делать; нас, как вы знаете, ждут в другом месте.

Пастор заглушил вздох.

— Несчастный человек! — пробормотал он.

— Ба! — удивился Клер-де-Люнь. — Он умер и больше ни в чем не нуждается.

— Но к чему было доводить жестокость до такой степени?

— Вы в этом ничего не смыслите; я имел хорошее намерение, — иронично пояснил Клер-де-Люнь. — Когда человек умирает, он не знает, куда отправляется; путешествие может быть продолжительно.

— Ну так что ж? — спросил с удивлением пастор.

— Ну, так лучше же отправиться, хорошенько сперва пообедав, — небрежно отвечал тот, — никто не знает, что будет за гробом.

— О, какие люди! Какие люди! — грустно прошептал пастор, спускаясь по лестнице за своим мрачным спутником.

*Где начальник дозора не нашел того,
что искал*

Выйдя из дома банщика, Клер-де-Люнь и преподобный отец Грендорж повернули направо и пошли по набережной. Оба погруженные в свои мысли, они шли друг возле друга, не говоря ни слова.

Пастор, бывший еще под впечатлением ужасной сцены, только что разыгравшейся перед его глазами, при которой он должен был присутствовать помимо своего желания, время от времени украдкой робко поглядывал на своего грозного спутника, моля Бога как можно скорее от него отделаться.

Страх преподобного отца был вполне основателен, так как положение, в котором он теперь находился, заставляло его сильно беспокоиться.

Но, как это часто случается в жизни, он должен был скрывать свои чувства и вполне положиться на волю провидения.

Оба человека, которых так странно свел случай, повернули в узенький переулок, ведущий в сады Тюильри; пройдя через калитку, они углубились в пустынные аллеи сада и скоро очутились перед воротами того самого трактира, в который несколько месяцев тому назад неожиданно явилась дама в красной маске. Трактирщик стоял на пороге, оглядываясь направо и налево, как будто кого-то ожидая.

Какая-то странная улыбка пробежала по его губам, когда он увидел Клер-де-Люня; не говоря ни слова, он посторонился, пропустив его, и кивком головы ответил на многозначительный взгляд, брошенный ему мимоходом начальником Тунеядцев Нового моста.

Клер-де-Люнь и пастор быстрыми шагами прошли общую залу и остановились перед дверью кабинета, где в один уже описанный нами вечер сидели, запершись, граф де Сент-Ирем и его сестра.

Клер-де-Люнь два раза постучал в дверь рукояткой своего кинжала.

— Войдите! — произнес кто-то из-за двери.

В этой комнате был только один человек — наш старый знакомый Бонкорбо.

— Они там? — поинтересовался Клер-де-Люнь.

— Да, — лаконично подтвердил Тунеядец.

Указав рукой на отдельный угол комнаты, он снова уселся за стол, у которого, вероятно, и сидел все время до их прихода; на этом столе возле рапиры и пары длинных пистолетов стояли бутылка вина и стакан.

— Пойдемте! — пригласил Клер-де-Люнь пастора.

Отойдя в глубину комнаты, начальник Тунеядцев Нового моста слегка постучал в стену концом кинжала.

В ту же минуту раздался легкий треск; часть стены ушла в какое-то невидимое отверстие, обнаружив дверь, которую Клер-де-Люнь стоило только толкнуть, чтобы очутиться в комнате, где собрались пятнадцать человек, вооруженных с ног до головы и закутанных в толстые плащи.

Между ними были граф дю Люк, капитан Ватан и большая часть протестантских вождей.

Все они сидели за столом, на котором стояли чернила, лежали бумага, перья и множество распечатанных писем.

Граф дю Люк де Мовер, казалось, был президентом собрания; он сидел посредине, между капитаном Ватаном и бароном де Сент-Роммом.

Заметив Клер-де-Люня, он поднял голову и вопросительно на него посмотрел.

— Отчего так поздно? — осведомился он.

— Мне невозможно было прийти раньше, граф, — хладнокровно отвечал тот.

— Все ли сделано? — продолжал граф.

— Все, граф.

Наступило молчание.

Увидев пастора, граф нахмурил брови.

— Что нужно здесь этому человеку? Зачем вы его сюда привели? — строго спросил он.

— Надеюсь, вы скоро узнаете, граф, что я действовал, как следовало.

— Посмотрим! — произнес Оливье и, тихо обменявшись несколькими словами с капитаном Ватаном, прибавил:

— Вы взяли с собой бумаги?

— Вот они, господин граф, — проговорил Клер-де-Люнь, вынимая пакет из своей куртки и с поклоном передавая его Оливье.

— Значит, — заключил дю Люк, — он вовсе не был украден?

— Прошу извинить, граф, его было украли.

— Что? — вскричал, вздрогнув, Оливье. — Значит, эти бумаги...

— К ним никто не осмелился прикоснуться, граф.

— Объясните же в таком случае, — хором вскричали все дворяне, вставая с мест и окружая Клер-де-Люня.

— Мой рассказ не будет долог, господа, — промолвил последний, нисколько не смущаясь. — По приказанию верховного совета я выбрал самых хитрых из подвластных мне людей и поручил им следить за этим человеком во все время его путешествия. Вот почему, как только граф де Ланжак положил в свой карман письма, украденные им у несчастного сержанта, которого он напоил мертвецки пьяным, мои люди, добросовестно исполняя свою должность, бросились на графа и отняли у него все бумаги.

— Стало быть, нашей тайны не открыли?

— Нет, граф.

— Поздравляю вас, шевалье, вы действовали как нельзя лучше; но где же сержант?

— Там, куда вы мне приказали его отправить, — холодно доложил Клер-де-Люнь.

— Ах! — воскликнул граф, сдерживая крик ужаса. — Неужели вы...

— Прошу извинить, граф, — ледяным тоном перебил его Клер-де-Люнь. — Я, кажется, ведь не сам распоряжаюсь, а исполняю только то, что мне приказано, и вся ответственность за мои поступки лежит на моем начальнике.

— Но этот несчастный...

— Этот несчастный предал вас, может быть, даже и сам того не желая, но для нас ведь это безразлично. Я не любил и не ненавидел этого человека, а был к нему совершенно равнодушен. Вы мне приказали убить его, и я убил. Подвластные заговорщики перестают быть людьми и становятся машинами, которые во всем должны соблюдать свой собственный интерес и подавлять в себе всякое человеческое чувство. Как ни был предан герцогу де Рогану сержант Ла Прери, он тем не менее был ужасный пьяница и болтун, одно его неосторожное слово могло стоить жизни всем начальникам протестантской партии.

— Этот человек прав, — сказал капитан Ватан, — мы должны благодарить, а не упрекать его за энергию, которую он выказал в этом деле! Не заблуждайтесь, господа, игра, затеянная нами, очень серьезна. Что такое жизнь одного

человека, когда речь идет о спасении множества людей? Знайте же: герцог де Люинь начинает, видимо, надоедать королю Людовику Тринадцатому, несмотря на недавно пожалованное ему звание коннетабля, данное, может быть, даже с целью поскорей от него отделаться. Место герцога у короля заступил епископ Люсонский; милость к нему Людовика Тринадцатого возрастает с каждым днем. Есть слухи, что его скоро сделают кардиналом. Верьте мне, в тот день, когда нашей партии придется бороться против кардинала Ришелье, она погибла. Герцог де Люинь больной, нерешительный человек, вполне неспособный к делу, между тем как кардинал Ришелье будет бичом для всей Франции; он покроет ее развалинами, эшафотами и будет проливать кровь дворянства так же спокойно, как воду. Вспомните мои слова, господа: не пройдет нескольких месяцев, как исполнится мое зловещее предсказание. Откинем же излишнюю чувствительность, поблагодарим верного слугу, вместо того чтобы порицать его!

Эти слова капитана, произнесенные его обычным насмешливым тоном, произвели на всех огромное впечатление; большая часть дворян была согласна с его мнением.

Когда снова водворилось спокойствие, граф Оливье дю Люк поднял голову, как бы пробудясь от задумчивости, и грустно взглянул на окружающих.

— Пусть будет по-вашему, господа, — проговорил он, — я готов, если нужно, быть беспощадным, но не скрою от вас, что мне приходится очень тяжело от обязанности, возложенной на меня вами.

И, сделав приветливый знак рукой Клер-де-Люню, он прибавил, обращаясь к нему:

— Примите нашу благодарность, шевалье, вы можете назваться вполне преданным слугой!

Начальник Тунейдцев Нового моста молча поклонился.

— Приступим же к делу, — продолжал граф, — будьте так добры объяснить нам, почему вы явились сюда в сопровождении его преподобия.

— Потому, граф, что между письмами, порученными сержанту Ла Прери, находилось одно, адресованное на имя отца Грендоржа. Мне казалось, что нашей партии не лишним было бы познакомиться с содержанием этого письма и знать, чего держаться относительно его преподобия.

— Еще раз благодарю вас, вы действовали, как умный человек.

С этими словами граф обернулся к пастору и, вежливо поклонившись, знаком просил его подойти.

— Ваше преподобие, — обратился он к нему, — я знаю вас с самого детства, так как вы в продолжение многих лет жили в Моверском замке. Во все время вашего пребывания там вы ни разу не могли пожаловаться на негостеприимство или невнимание к вашей особе; потому прошу вас искренне ответить мне на мои вопросы; если ответы будут удовлетворены, я возвращу вам ваше письмо нераспечатанным.

Пастор выпрямился, поклонился всему собранию и твердо отвечал:

— Господин граф дю Люк де Мовер, я всем обязан вашему семейству; вы родились на моих глазах, и, несмотря на разделяющее нас расстояние, я могу сказать, что люблю вас как родного сына. Я считал бы бессовестным, даже несмысленным преступлением, сделать что-нибудь против вас. Верьте мне, граф, так же как все я, желаю победы нашей святой религии и во всякое время готов, если это будет нужно, пролить свою кровь за святое дело.

— Хорошо, ваше преподобие; я и не ожидал от вас другого ответа. Возьмите обратно письмо и не сердитесь на некоторую грубость сегодняшнего поступка с вами.

— Я нисколько не в претензии за это, граф, — заверил его пастор почтительным поклоном, — но очень рад, напротив, случаю видеться с вами, несмотря на испытанный мною вначале страх. Распечатайте это письмо, и вы увидите, что при всей моей ничтожности и я приношу свой камень на постройку общего здания.

При этих словах между протестантами раздался одобрителный шепот. Граф встал и собственноручно поставил стул пастору.

— Прошу вас присесть и откровенно рассказать нам, в чем дело, так как теперь, надеюсь, все ваши опасения должны исчезнуть.

— Я готов исполнить вашу просьбу, граф, но еще раз прошу вас распечатать письмо.

— Вы этого хотите?

— Непременно, — подтвердил тот с поклоном.

Граф открыл лежавший перед ним на столе пакет с письмами и внимательно осмотрел надписи на каждом из них.

Только легкое движение бровей на минуту выдало его волнение, когда он нашел между ними письмо на имя графини.

— Вот, — сказал он, — письмо на имя особы, с которой вы, по всей вероятности, продолжаете видеться; прошу вас передать ей его при свидании.

И он протянул письмо пастору, взявшему его, не говоря ни слова.

Затем, дойдя до второго письма, граф с улыбкой спросил пастора:

— Все ли вы еще желаете, чтоб я его распечатал?

— Больше, чем когда-нибудь.

— Ну, так исполним ваше желание!

Он распечатал письмо и стал читать его про себя.

В комнате воцарилось такое молчание, что слышно было, как пролетит муха.

Все взгляды с боязливым вниманием устремились на бледное лицо графа.

Через несколько минут он поднял голову.

— Милостивый государь, — сказал он пастора, спокойно стоявшего перед ним, — все ли верно, что здесь написано?

— Я не знаю содержание письма, но если оно подтверждает вам уже раз сказанное мною, то есть что все мои помыслы обращены к нашей религии, то, без сомнения, оно говорит правду.

— Послушайте, друзья мои, — обратился Оливье к окружавшим его дворянам, — вот что пишет маркиз де Фава его преподобию отцу Грендоржу. Письмо коротко, но содержание его имеет для нас большое значение.

— Читайте, читайте, мы вас слушаем! — вскричали протестанты, вставая с мест.

Граф стал читать.

Мы не будем распространяться о заключающихся в письме подробностях, но скажем только, что оно показывало, с какой преданностью и каким самоотвержением служил отец Грендорж святому делу протестантской религии и сколько помощи оказал ей в это бедственное для нее время.

Когда граф кончил, все вельможи окружили священника, осыпая его самыми горячими приветствиями.

— Так как это происшествие кончилось благополучно, — сказал капитан Ватан, когда снова установилась тишина, — неплохо было бы нам возвратиться к прерванному разговору.

— Граф де Мовер наш начальник, — заявил барон де Сент-Ромм, — и ему одному принадлежит право начертать план наших действий.

— Только не теперь, господа, — отвечал граф, — вы сами слышали из письма маркиза де Фава, что Беарн, Наварра и другие провинции, принадлежавшие к владениям покойного короля Генриха Четвертого и крайне возмущенные несправедливой политикой герцога де Люиня, восстали, решив употребить все силы, чтоб не подчиниться требованиям Людовика Тринадцатого и сохранить свои привилегии. Повсюду восстают наши братья, жертвуя имуществом и вассалами для поддержания своих прав, которых так несправедливо не хотят признавать за ними. В Париже некоторые из наших пасторов с отцом Грендоржем собрали весьма значительные суммы и отослали их в Ла-Рошель.

— Да, — подтвердил граф д'Орваль, — все это мы теперь знаем, но не понимаем только, каким образом ведется война.

— Действительно, — прибавил барон де Круасси, — последние новости, полученные нами, говорили о разногласиях между нашими начальниками; герцог де Роган находил между прочим, что не настала еще минута для решительного восстания, и хотел идти наперекор общему собранию в Ла-Рошель.

— Тем более, — вновь вступил в разговор граф д'Орваль, — что король располагает теперь значительными силами, и размы уже были застигнуты врасплох.

— Все это совершенно верно, господа, — заметил граф дю Люк, — герцог де Роган действительно всеми силами старался воспрепятствовать войне: он боялся, что все наши усилия будут тщетны вследствие несогласий, возникших между начальниками протестантов. Но герцог тем не менее всей душой предан нашей религии и всегда поступает согласно с общим желанием. Чтоб защищать наше дело, он вступил в борьбу, не слушая выгодных предложений герцога де Люиня. Прежде все города отворяли свои ворота войскам коннетабля, теперь уже далеко не то, господа; лев проснулся, и королевские войска со страхом остановились перед ним. Герцог де Роган, оставив в Кастре свою супругу, уехал в Ла-Рошель, в то время как брат его заперся в Сен-Жан-д'Анжели, решившись защищаться до последней крайности.

Это сообщение было прервано криками восторга.

— Это еще не все, господа, — произнес Оливье. — Герцог де Роган уведомил меня о своем намерении снабдить гарнизон Монтобана; он желает его и Ла-Рошель сделать главным средоточием нашей религии.

— А мы, а мы! — вскричали с жаром дворяне, энтузиазм которых был возбужден в высшей степени.

— Терпение, господа! — отвечал, улыбаясь, граф. — Герцог де Роган не забывает вас; но как ни велико его желание иметь вас подле себя, он просит еще немного потерпеть. Герцог наш начальник, и все мы клялись ему в повиновении. Не беспокойтесь, господа, он скоро обещал прислать сюда своего молочного брата господина де Лектура; это послужит нам сигналом к отъезду. Трое из вас, господа, получили приказание сегодня же оставить Париж и в самом скором времени отправиться в Кастр, к герцогине де Роган. Для этой поездки назначены: де Молоз, де Бойе и де Бофор.

— А, слава Богу! Вот приятное известие! — весело воскликнул де Бофор.

— Злодей радуется, что уезжает от нас! — проговорил, смеясь, барон де Круасси.

Все окружили выбранных дворян, поздравили их и затем собрались расходиться по домам.

Только что они хотели отворить двери, как услышали голос Бонкорбо, громко запевшего одну из старых песен Клемана Маро¹.

— Тише, господа! — поспешно призвал к осторожности Оливье. — Нас предупреждают об угрожающей опасности.

— О, — смеясь, отозвался де Молоз, — теперь не время ловить нас, как мышей в мышеловку!

— Но откуда же нам выйти? — спросил барон де Круасси.

— Я заранее обезопасил вас в этом отношении; торопитесь, нельзя терять ни минуты!

— Но как же выйти? — забеспокоились дворяне.

— Очень просто, господа, вот через это окно. Против него есть сарай, в глубине которого вы увидите дверь, выходящую в поле: идите же, счастливого пути! Вас, господин пастор, прошу остаться со мной, так как вам не угрожает никакая опасность.

— Вы не пойдете с нами, граф де Мовер? — осведомился д'Орваль.

— Нет, я остаюсь.

— В таком случае до скорого свидания.

¹ К л е м а н М а р о (1496—1544) — французский поэт, представитель французского гуманизма.

Окно было отворено, и протестанты выскочили из него один за другим.

Капитан затворил окно, мигом снял со стола сукно, чернила и перья и все это спрятал в шкаф; затем в умышленном беспорядке поставил пирог, холодное жаркое и разные другие блюда.

Благодаря ловкости капитана всякий бы подумал, что троелюдей, находившихся в комнате, не могли все это время заниматься ничем другим, кроме вкусного завтрака.

В эту минуту снова раздалось пение Бонкорбо.

— Внимание, господа, они приближаются!

Бонкорбо пел или, скорее, декламировал последний куплет.

— Молчи, бездельник! — приказал чей-то незнакомый голос, прерывая пение Тунеядца.

— Значит, нынче уже не позволено петь, когда пьешь вино? — недовольным тоном спросил Бонкорбо.

— Без рассуждений! Отвечай на мой вопрос, если не хочешь, чтобы тебе хорошенько досталось, плут! — продолжал тот же голос.

— Это уж, извините, совершенно излишнее удовольствие.

— Что ты тут делаешь?

— Parbleu, вы сами хорошовидите, если только не слепы. Я пью, да еще какое вино! Сюренское — вот и все.

— Хорошо, хорошо; ты делаешь вид, что напиваешься, но ты здесь не один. Этот трактир устроен не для таких ничтожных людишек, как ты, — произнес незнакомец еще более сердитым голосом.

— Совершенно верно, такой расход не по моему карману.

— Так кто же за тебя платит, бездельник?

— Кто? Parbleu, конечно, мой господин, который завтракает в соседней комнате со своими друзьями. Или уже нынче запрещено даже завтракать с друзьями?

— Молчи, дуралей!

— Ничего лучше и не желаю; значит, я могу продолжать пить?

Незнакомец, не отвечая ему, подошел к двери, из предосторожности оставленной Бонкорбо по-прежнему не замаскированной.

— Именем короля! — сказал он, слегка постучавшись.

— Войдите! — прозвучало в ответ.

Незнакомец не заставил повторять приглашение; он отворил дверь и вошел в комнату.

Граф дю Люк, капитан Ватан и его преподобие отец Грендорж, казалось, очень усердно завтракали, когда увидели входящего Дефонкти в сопровождении де Лестереля, сержанта коннетаблии и еще четырех солдат.

— А, добро пожаловать, мессир Дефонкти! — весело вскричал капитан, прежде чем тот успел что-нибудь сказать. — Вы не могли прийти более кстати; но к чему такая торжественность? Я ли вам понадобился или вы ищете какого-нибудь мошенника?

Мессир Дефонкти быстро окинул глазами комнату.

— Значит, я даром прогулялся! — объявил он. — Сегодня я проиграл партию, — прибавил он как бы про себя, — но не всегда им удастся от меня улизнуть.

— Что ж, вы разве не хотите посидеть с нами? — поинтересовался капитан. — Дорогой граф, — обратился он к дю Люку, — позвольте вам представить мессира Дефонкти, о котором я уже столько вам говорил; никто так ловко, как он, не умеет обнаруживать заговоры и разные мошеннические проделки.

— Хорошо, хорошо, капитан! — угрюмо отвечал начальник стражи. — Смейтесь надомной, вы имеете на это полное право, но, *sang Dieu*, как бы вы ни скрывали свою игру, я когда-нибудь да подсмострую в ваши карты.

— Я вас не понимаю или даже не хочу вас понять, любезный Дефонкти. На кого вы сердитесь?

— Ни на кого, скорее на самого себя, потому что я настоящий простофиля. Прощайте, господа, — грубо проговорил он.

— Неужели вы уйдете, ни минуты не посидев с нами?

— Я пришел сюда не для того, чтоб с кем-нибудь сидеть и говорить любезности. Прощайте же, до свидания, капитан!

Сделав знак своим людям, он повернулся и вышел из комнаты.

— Он ушел, — сказал граф, — наконец-то мы свободны, а очень легко могли бы попасться сегодня, если бы не приняли меры предосторожности.

— Да, — согласился капитан, покачав головой, — он ушел, но не беспокойтесь, не замедлит возвратиться. У всех этих полицейских такое же славное чутье, как у ворон: они так же хорошо чуют издали заговорщиков, как те мертвечину. Советую вам не доверяться.

— Недоверие есть мать безопасности! — поучительно заметил пастор.

— Хорошо сказано, отец мой, — улыбнулся граф. — Ну, а теперь мы оставим политику и поговорим немного о наших личных делах.

— К вашим услугам, господин граф.

— Хорошо, — объявил капитан, — так как в моем присутствии нет необходимости, я воспользуюсь этим временем и поеду по своим делам.

— Нет, лучше мы поедем вместе, капитан, не забудьте, что сегодня у нас назначено свидание в «Клинке шпаги».

— Я не забыл этого, но ведь вам нужно поговорить с отцом Грендоржем?

Взяв шляпу и плащ, капитан встал, и все трое вышли из трактира.

ГЛАВА III

В которой читатель знакомится с мадмуазель Бланш де Кастельно

о выходе из трактира «Лисица» граф и его спутники некоторое время шли молча один возле другого. Каждый из них был слишком занят своими мыслями, чтоб иметь возможность поддерживать какой-нибудь пустой разговор.

Между тем в саду, по которому они шли, начинал набираться народ; в прежние времена, так же как и теперь, этот сад служил местом свидания для стариков, приходящих туда погреться на солнышке, и детей, любящих поиграть и порезвиться под тенью больших деревьев.

Граф и его спутники остановились у решетчатых ворот со стороны Тюильри.

— Ваше преподобие, — обратился к нему Оливье, — мы здесь расстанемся, так как нам теперь уже не по дороге.

— Очень жалею об этом, граф, — отвечал пастор, — скоро ли я буду иметь счастье снова увидеться с вами?

— Как знать, отец мой, — с горечью произнес Оливье, — мы живем в такое время, когда всякий может ручаться только за настоящее. Пример этого вы видели не далее как сегодня.

— О, не говорите об этом, монсеньор!

— А почему бы и не говорить, старина? Разве моя жизнь менее безопасна, чем чья-нибудь другая? Разве я придаю ей хоть малейшую цену?

— Граф, — прервал его капитан, — вы выбрали очень неблагоприятное место для такого интимного разговора. Позвольте лучше отцу Грендоржу идти по его делам, а мы пойдем по своим.

— Вы правду говорите, капитан; мы можем употребить время с большей пользой, чем болтая на таком открытом месте о делах, которые должны оставаться в тайне; идите, отец мой, да хранит вас Бог! Надеюсь скоро с вами увидеться.

— Я спешу, монсеньор, как можно скорее доставить графине письмо, полученное мной для передачи ей.

— Конечно; это письмо, должно быть, очень важно.

Он остановился и помолчал с минуту.

— Мэтр Роберт Грендорж, — сказал он, пристально глядя ему в глаза и делая ударение на каждом слове, — вполне ли вы мне преданы?

— Монсеньор, клянусь честью вашего дома, что предан вам душой и телом!

— О, честью моего дома! Я этого не понимаю хорошенько.

— Монсеньор, я бывший вассал графов дю Люков. Все те, которые носят это уважаемое имя, каковы бы они ни были, имеют право на мою преданность и уважение.

— Вы справедливо говорите, мэтр Грендорж. Может быть, скоро настанет день, когда я должен буду обратиться к вашей преданности.

— Я буду рад этому дню, монсеньор, потому что он даст мне случай доказать вам мою верность.

— Благодарю вас, отец Грендорж, до скорого свидания! Я не забуду ваших слов.

Пастор с минуту следил глазами за удалявшимся графом; когда тот окончательно скрылся за густой зеленью деревьев, он глубоко вздохнул, покачал головой и, медленно выйдя из сада, направился к улице Серизе.

Было три часа пополудни, когда он подошел к дому, где жила графиня дю Люк.

— Вот и вы, ваше преподобие! — приветствовал его мэтр Ресту. — Я давно уже жду вас, а графиня даже несколько раз о вас спрашивала.

— Очень жалею, что не мог явиться к графине, но меня задержало важное дело.

— Я так и говорил госпоже. Она приказала мне просить вас к ней, как только вы придете.

— Если так, мэтр Ресту, то поскорей доложите обо мне.

— Иду, — отвечал мажордом, — пожалуйста!

Они отправились в комнаты графини дю Люк.

Она была не одна. Ее прелестный Жорж ползал по ковру возле нее под надзором верной няньки.

Рядом с графинею сидела восхитительная молодая девушка лет девятнадцати, с задумчивыми голубыми глазами и роскошными каштановыми волосами. Это была одна из тех прелестных, идеальных головок, которую мог бы создать только гений Рафаэля и не могла бы передать кисть ни одного из других художников.

Увидев пастора, графиня очень обрадовалась и сейчас же пригласила его сесть.

— Наконец-то вы пришли, мэтр Грендорж, — весело произнесла она. — Знаете, я уже начинала беспокоиться, что вас так долго нет.

— Графиня, вероятно, простит мне, когда узнает, что меня так долго задержали очень важные дела, близко ее касающиеся.

— Что вы хотите сказать, мэтр Грендорж? Ваши слова затрагивают мое любопытство.

— Несколько дней тому назад, графиня, мне дали знать, что сегодня утром приедет курьер, посланный к вам с письмом.

— Вот как! — заметила графиня, украдкой переглядываясь с молодой девушкой. — И этот курьер приехал?

— Да, графиня: он приехал в три часа утра, — отвечал пастор, вздохнув при воспоминании о несчастном сержанте.

— Только-то?

— Извините, графиня, он привез вам письмо от герцогини де Роган. Вот оно.

С этими словами пастор почтительно подал его Жанне.

— Почему же вы так поздно мне его отдаете, если в три часа утра оно уже было в Париже?

— Посовсем не зависящим от меня обстоятельствам, графиня, я получил его очень поздно и сейчас же поспешил с ним к вам.

— Я нисколько не сомневаюсь, мэтр Грендорж, но признайтесь, что все это тем не менее очень неприятно.

— Действительно очень неприятно, — подобно эху повторил пастор, грустно опустив голову.

Жанна дю Люк была еще очень молода. Она была в полном смысле слова совершенно избалованный ребенок. Не-

смотря на то что она очень любила мэтра Грендоржа и хорошо знала высокий строй его души и беспримерную преданность, она никогда не пропускала случая подразнить его.

— Да, это очень неприятно, — продолжала она. — Так это письмо от моей доброй подруги, герцогини де Роган? Вы не знаете его содержание?

— Не знаю, графиня, да и не позволил бы себе никогда распечатать, но думаю, что содержание должно быть очень важно.

— В самом деле, оно очень важно. В этом письме герцогиня уведомляет меня о приезде мадмуазель Бланш де Кастельно-Шалосс.

— А! — произнес в недоумении пастор. — Мадмуазель Бланш де Кастельно... действительно... я... я... Прошу извинить меня, графиня, но я во всем этом ровно ничего не понимаю.

— Как? Вы не понимаете, что это письмо теперь уже бесполезно?

— Бесполезно! Но каким же образом?

— Очень просто: мадмуазель Бланш де Кастельно-Шалосс уже приехала.

— А! Мадмуазель Бланш де Кастельно приехала?

— Да, вот она сама перед вами.

Совершенно сконфуженный пастор встал и почтительно поклонился молодой девушке, пробормотав:

— Ах! Так письмо, значит, в самом деле бесполезно!

Но графиня была уже не в состоянии дольше оставаться серьезной и разразилась громким смехом; ее примеру последовала и молодая девушка.

Веселый смех их еще более усилился при виде жалобной мины пастора.

Графине первой удалось заставить себя перестать смеяться.

— Успокойтесь, мой милый мэтр Грендорж, — ласково сказала она ему, — ведь я только пошутила.

— Тем лучше, графиня, — промолвил он, — значит, она не приехала.

— Про кого вы говорите?

— Про мадмуазель Бланш де Кастельно-Шалосс.

— Да ведь вы сами только ей поклонились!

— В таком случае я больше ровно ничего не понимаю, — уныло заключил он.

При этих словах молодые женщины снова рассмеялись от души, не стараясь больше сдерживаться.

Но зато графине пришлось около часу успокаивать мэтра Грендоржа, объясняя ему, в чем дело. Когда это ей удалось, она, рассказала ему, по какому случаю молодая девушка была поручена ей на некоторое время.

Мы тоже скажем несколько слов о Бланш де Кастельно.

Фамилия де Кастельно была одна из самых древних в Пуату; могущественные не только по богатству, но и по громадному влиянию, которым они пользовались здесь, Кастельно были первыми дворянами этой провинции, принявшими протестантскую веру. В 1560 году, во время заговора в Амбуазе, в числе пятидесяти протестантских вождей в присутствии короля Франциска II, Марии Стюарт и Екатерины Медичи был казнен между прочими и Мишель-Жан-Луи, барон де Кастельно-Шалосс.

Страшная смерть барона положила начало несчастьям, поражавшим одно за другим злополучное семейство.

Гастон де Кастельно, один из самых блестящих воинов и самых ревностных слуг Генриха IV, истратил все свое состояние на уплату издержек короля, не получив от него за это ни одного медного гроша.

Он умер в 1612 году, не оставив детям в наследство ничего, кроме своей шпаги и славного имени.

Десятилетнюю дочь, прелестную белокурую девочку, он завещал своему близкому другу и родственнику герцогу де Рогану.

Герцог начал с того, что заплатил все долги друга и построил на службу его обоих сыновей. Похоронив Гастона, он завернул в плащ маленькую Бланш и, утешая ее всю дорогу конфетками и поцелуями, привез к герцогине де Роган.

— Вот Бланш де Кастельно, — сказал он ей только.

— Благодарю тебя, Генрих, — отвечала герцогиня, — теперь у нас будет дочь.

Герцог и герцогиня воспитали Бланш, как свое родное дитя. Девочка была так скромна и прекрасна, что не только ее приемные родители души в ней не чаяли, но даже все посторонние любили этого ребенка.

Со временем прелестное дитя превратилось в очаровательную молодую девушку. В то время как все восхищались красотой Бланш, она одна, казалось, не замечала ее. Сердце ее, полное благодарности к герцогу и герцогине, не открывалось

до сих пор ни для какого другого чувства, и слово «любовь», нередко нашептываемое ей молодыми людьми, посещавшими дом герцогини, не находило в ее душе никакого отголоска.

Благодаря великодушию герцога, Бланш была достаточно обеспечена в материальном отношении; герцог позаботился и о ее будущем.

В таком положении были дела, когда де Роган уехал из Кастра, оставив там жену.

По всей вероятности, войска неминуемо должны были вступить в город и действовать со всей жестокостью того времени.

Герцогиня, желая защищать Кастр до последней возможности, тем не менее не хотела подвергать опасностям войны молодую девушку; вот почему, несмотря на свою нежную привязанность к ней, она решилась отослать ее в этом случае, и первой ей пришла на ум графиня дю Люк.

Герцогиня, недолго думая, послала Жанне письмо с сержантом Ла Прери, предупреждая ее о приезде Бланш де Кастельно, а через два дня сама девушка, вся в слезах, отправлялась в Париж в сопровождении своих братьев и их друга графа де Лерана.

Молодые люди нигде не останавливались; хотя они ехали только днем, чтоб не утомить Бланш, но приехали двумя часами раньше сержанта Ла Прери и входили в дом графини через пять минут после того, как пастор отправлялся от Жанны к Новому мосту, где его ждал сержант.

Мы должны заметить, что путешествие Бланш не обошлось без приключений: с одним из ее спутников, а именно с господином де Лераном, случилось несчастье.

Молодому человеку понадобилось поправить подкову у своей лошади; чтобы не задержать товарищей, он так быстро и неловко соскочил с седла, что вывихнул себе ногу. Несмотря на все усилия продолжать путешествие, ему едва удалось доехать до гостиницы «Единорог», где друзья принуждены были его оставить.

Жанна дю Люк, не предупрежденная о приезде Бланш, тем не менее встретила ее с распростертыми объятиями, поручив братьям молодой девушки передать герцогине бесконечную благодарность за оказанное доверие и искреннее упреждение в дружбе.

Приказав подать вина и фрукты молодым людям, она просила их подробно рассказать об их путешествии, Оба

брата исполнили просьбу графини, выражая при этом свое сожаление о том, что должны были оставить больного де Лерана в незнакомом городе на попечении, может быть, совершенно неискусного врача.

— Но, — спросила графиня, — почему же вы оставили там вашего друга? Вывих еще не так опасен, если его вовремя исправить.

— Мы были бы очень рады увезти его с нами, но это невозможно.

— Почему же?

— Ах, графиня, по очень простой причине, — разъяснил молодой капитан. — На юге Франции одно за другим разгораются восстания, и целые провинции поднимают знамя мятежа; несмотря на это, королевской армии, располагающей значительными силами, удалось взять почти все города, и только некоторые из них пытаются сопротивляться. Одним словом, как видите сами, у нас страшная война со всеми ее ужасами и разорением.

— Господи! — воскликнула графиня. — Неужели дела становятся так серьезны?

— Увы, да, графиня; очень немногие города не сдались еще королевским войскам. Главные из них: Сен-Жан-д'Анжели, в котором командует герцог де Субиз, Кастр, где в настоящее время живет герцогиня де Роган, и Монтобан, находящийся под защитой герцога Делафорса. Этот последний город герцог де Роган, кажется, хочет сделать главным средоточием протестантской религии, чем-то вроде второй Ла-Рошели.

— Удастся ли ему это?

— По крайней мере, мы надеемся на успех, графиня; герцог Делафорс еще помнит Варфоломеевскую ночь. Я забыл вам сказать, что я, мой брат и господин де Леран, как самые преданные герцогине люди, тоже принадлежим к гарнизону Кастра, который она защищает в настоящую минуту. Мы считали бы себя бесчестными, если б после благодетельных, оказанных нам герцогом, хоть одну минуту замедлили возвратиться в Кастр и подать ей помощь.

Бланш, до тех пор сидевшая в стороне и молча слушавшая их разговор, при последних словах Филиппа де Кастельно вскричала с сиявшим радостью лицом:

— Хорошо сказано, брат! Я уверена, что ты готов пожертвовать жизнью для нашей благодетельницы.

— Да, мы пожертвуем нашей жизнью, если это понадобится, сестрица, — подтвердил Филипп, обнимая девушку.

— Разве опасность так уж велика? — со страхом в голосе спросила графиня дю Люк.

— В настоящую минуту — нет, графиня, — отвечал, улыбаясь, Филипп де Кастельно, — но она грозит очень усилиться, если только королевским войскам удастся войти в город. Вот почему мы должны поскорей вернуться на свой пост.

— Я вполне понимаю вас, господа, и не хочу удерживать, несмотря на сильное желание провести еще несколько дней в вашем обществе; но мне очень жаль бедного молодого человека, которого вы покидаете.

— Зачем жалеть его? — улыбнулся Филипп. — Граф — дворянин и притом очень богат; его положение вовсе не может быть неприятно, особенно с тех пор, как вы им интересуетесь.

— О, будьте уверены, господа, я сочту непременно долгом осведомиться о здоровье этого совершенно одинокого молодого человека; не так ли, милая?

— Да, конечно, графиня! Бедный молодой человек! — пробормотала Бланш, причем лицо ее покрылось едва заметной краской.

— Где, вы сказали, он остановился?

— На Тиктонской улице, в гостинице «Единорог», которую содержит какой-то Грипнар, насколько я помню.

— Хорошо, я не забуду, — сказала графиня.

— И я тоже, — прибавила молодая девушка.

Жанна, улыбаясь, посмотрела на Бланш, сконфуженную тем, что ее, по-видимому, так хорошо поняли.

— Итак, господа, — продолжала графиня, — не беспокойтесь об участии вашего друга, я постараюсь, чтобы он был окружен всевозможным попечением.

— Благодарим вас тысячу раз, графиня; теперь позвольте нам проститься с вами.

— Не смею вас удерживать, господа, прощайте и не забудьте поблагодарить от меня герцогиню за ее доверие и память обо мне.

Обменявшись еще несколькими вежливыми словами с графиней и простившись с нежно любимой сестрой, молодые люди поспешно удалились.

Первым делом Жанны, когда они остались одни, было позаботиться о комнатах Бланш.

Она начала с того, что позвала крестницу Клерет, живущую у нее в услужении, и поручила Бланш ее заботам; затем отвела молодой девушке совершенно отдельные комнаты, сообщавшиеся с теми, которые она занимала сама, словом, графиня окружила свою гостью таким вниманием и попечением, на которые способны только одни женщины.

Все эти небольшие хлопоты были кончены за несколько часов до прихода почтенного пастора.

Рассказав ему в мельчайших подробностях то, что мы описали сейчас в нескольких строках, графиня прибавила:

— Итак, мэтр Грендорж, что вы думаете обо всем этом?

— Я должен вам признаться, графиня, — почтительно отвечал тот, — что слишком поражен всем случившимся и решительно ничего тут не могу понять.

— Отличное заключение! — вскричала, смеясь, графиня. — Какой же вы ужасный мечтатель! Вы никогда не слушаете, что вам рассказывают.

— Простите, графиня, я вполне заслужил ваши сегодняшние упреки, но что делать! После всего перенесенного мной в продолжение дня я чувствую себя точно во сне и делаю все машинально, не отдавая себе отчета в своих действиях. Еще раз, графиня, умоляю вас, простите меня!

— Вижу, мэтр Грендорж, что говорить с вами в настоящую минуту было бы совершенно бесполезно. Чувствуете ли вы себя, по крайней мере, в состоянии оказать мне услугу?

— О, графиня, если вы потребуете моей жизни...

— Мне нужно совсем другое, — перебила его, улыбаясь, Жанна.

— Так приказывайте, графиня!

— Я хочу просить вас сделать небольшую прогулку.

— Прогулку! Но я их столько совершил сегодня утром!

— Что делать, мэтр Грендорж! В таком случае окончание вашего дня будет похоже на его начало.

— А в какую сторону вам будет угодно послать меня, графиня?

— На Тиктонскую улицу.

— Гм! Это одна из самых противных и грязных улиц; на ней никто не живет, кроме банщиков и содержателей трактиров.

— Очень возможно, но там живет один человек, которого я попрошу вас навестить в гостинице «Единорог».

— Которую содержит мэтр Гриппнар?

— Вы, значит, ее знаете?

— Да, немного.

— Сознайтесь лучше, что вы там бывали?

— Очень редко, графиня, каких-нибудь два или три раза.

— Это даже больше, чем нужно, для того чтоб знать ее.

Итак, вы сначала войдете в эту гостиницу.

— Слушаю, графиня.

— Затем осведомитесь об одном молодом человеке, приехавшем вчера утром в Париж: его зовут граф Гастон де Леран.

— Гастон де Леран, очень хорошо.

— Он ранен.

— Вероятно, опасно? Бедный молодой человек!

— Я с ним не знакома; но это ничего не значит. Вы попросите провести вас к нему и передадите ему следующие слова, которые прошу вас хорошенько запомнить.

— Ничего не забуду, графиня.

— Хорошо; вы ему скажете следующее: «Графиня дюЛюк де Мовер просила меня передать вам поклон; она надеется, что ваша рана не имела серьезных последствий, что вы скоро будете в состоянии к ней прийти». Хорошо ли вы меня поняли?

— Как нельзя лучше, графиня.

— Очень рада, мэтр Грендорж, а теперь...

— Что теперь?

— Теперь убирайтесь отсюда.

— Бегу со всех ног, графиня! — вскричал пастор и, поклонившись, выбежал из комнаты.

Когда он ушел, Бланш бросилась в объятия графини и спрятала голову на ее груди.

— О, благодарю вас, графиня! — прошептала она. — Благодарю! Как вы добры!

— Дитя! — отвечала тронутая Жанна. — Разве я тоже не женщина, и разве у меня нет сердца?

ГЛАВА IV

Что думал граф Оливье дю Люк о епископе Люсонском

Мы сказали уже, что граф Оливье дю Люк и капитан Ватан оставили отца Грендоржа у решетки сада, а сами скрылись за густой зеленью грабовых аллей. Там они встретили Клер-де-Люня, который, завидев их, быстро пошел к ним навстречу; его лицо было бледно и расстроено, а глаза с беспокойством озирались кругом.

Это не скрылось от внимания капитана.

— Что с вами, мой друг? Уж не встретили ли вы, чего доброго, мессира Дефонкти?

Клер-де-Люнь с минуту не решался отвечать; затем тщательно осмотрев окружавшие его кусты, очень тихо сказал:

— Вы ошиблись, капитан, со мной ничего не случилось; к тому же мне кажется, что тысячи ушей слушают нас в этом месте и что здесь опасно вести разговор.

— Какой же ты нынче стал осторожный, приятель! Уж не сам ли черт тебе привиделся?

— Если б только это! — воскликнул Клер-де-Люнь.

— Пожалуй, что-нибудь неприятное произошло с нашими товарищами? — спросил Оливье.

— Можете быть на этот счет совершенно спокойны, они в безопасности, и никто не заметил их бегства.

— Значит, все обстоит благополучно, — заключил капитан.

— Напротив, как нельзя хуже.

— Ну так что же случилось?

— Я не могу вам здесь это сказать.

— Да ведь нужно же нам знать, однако.

— Если вы мне позволите только, я посоветую вам, как поступить.

— Говори!

— Вы и граф отправляйтесь к воротам Сент-Оноре; недалеко от них вас будет ожидать с лошадьми Дубль-Эпе. Я же пойду туда отдельно: нас не должны видеть всех вместе.

— Когда нужно туда идти?

— Сию минуту. Я пойду известить о вашем приходе.

— Ступай!

Клер-де-Люнь поклонился и мигом исчез.

Когда он удалился, наши спутники пошли по главной аллее сада, затем повернули направо и, достигнув ворот Сент-Оноре, благополучно прошли их.

Скоро они заметили перед одним трактиром Макромбиша и Бонкорбо, которые стерегли четырех лошадей.

Граф и капитан сейчас же поняли, что Клер-де-Люнь именно в этом самом трактире и назначил им свидание.

Действительно, едва они ступили за порог, как увидели Клер-де-Люня и Дубль-Эпе, сидящих за столом в большой зале.

При их приближении Клер-де-Люнь встал и обратился к ним с самой утонченной вежливостью.

— Господа, — сказал он, — извините меня, что я просил вас прийти, но мой друг капитан Клерже, которого имею честь вам представить, не мог явиться в город по случаю своего скорого отъезда.

Граф и капитан едва узнали Дубль-Эпе, так он хорошо был загримирован и до такой степени офицерская форма изменяла его.

Капитан Ватан сразу понял, что Клер-де-Люнь играл комедию, чтоб сбить с толку трактирщика и его служителей, вертевшихся около.

— Мне едва удалось уговорить моего друга на это дело, — заметил Клер-де-Люнь. — Но так как представляется случай к такому выгодному предприятию, мы не будем жалеть, что пришли сюда.

— Прошу вас немного посидеть, господа, — обратился к ним Дубль-Эпе, — пока лошадям, которых вы хотите у меня купить, дают овса. Через минуту мы пойдем их пробовать; к тому же, как я слышал, вы оба знатоки лошадей, и вам понадобится очень немного времени, чтоб оценить их стоимость.

— Хорошо, мы согласны подождать, — отвечал граф.

— Мой друг, лейтенант Кокерель, вероятно, уже передал вам мои условия?

— Признаюсь, капитан, я и забыл совсем переговорить с ним об этом.

— В таком случае, если вы позволите, господа, я сам скажу вам свои условия.

— Сделайте одолжение, мы вас слушаем, — в один голос произнесли граф и капитан.

— О, мне не нужно долго распространяться, я прямо приступлю к делу; позвольте вам только заметить, что лошади

стали очень дороги вследствие этого ужасного восстания гугенотов.

— Я этого не знал до сих пор, — признался граф.

— Зато теперь будете знать, — насмешливым тоном объявил Дубль-Эпе.

Трактирщик и его гарсоны покатались со смеху.

Услыхав последнюю фразу, они больше не сомневались, что капитан Клерже не был какой-нибудь вымышленной личностью, и оставили четверых собеседников спокойно пить и болтать сколько душе угодно.

Но наши знакомцы были слишком хитры, чтоб успокоиться этим внезапным доверием, которое весьма легко могло быть искусно расставленной ловушкой, и продолжали играть комедию.

— Как вам уже говорил мой друг, я должен через час быть в пути.

— Все это прекрасно, — возразил капитан, — но мы не взяли с собой сумму, которую вы у нас требуете.

— Как же быть в таком случае?

— Не беспокойтесь, это вовсе не так трудно устроить. Если мы сойдемся в условиях, как я надеюсь, я пошлю за деньгами ваших двух солдат: одного ко мне, на улицу Жилекьер, а другого — в гостиницу «Марбеф», к моему другу маркизу де Сабрану, которого имею честь вам представить.

Дубль-Эпе и граф дю Люк молча раскланялись.

— Эти солдаты, — продолжал капитан, — возвратятся в сопровождении нашего управляющего, который принесет нужную нам сумму. Как вам нравится этот план?

— Он будет превосходен, если внести некоторые изменения.

— Какие же, например?

— Да вот я нахожу совершенно излишним приказать им сюда возвращаться. Лучше мы сейчас же пойдем посмотрим лошадей, заключим наши условия, а затем немного погуляем.

— Отлично придумано! — одобрил капитан.

В эту минуту в комнату вошел Бонкорбо и, поклонившись Дубль-Эпе, молча остановился перед ним.

— Ну что? — спросил молодой человек. — Что тебе нужно?

— Капитан, я уже покормил лошадей.

— Хорошо, мы сейчас пойдем, вели оседлать.

Дубль-Эпе заплатил по счету трактирщику, щедро дал на водку гарсону, и они вчетвером вышли из зала. Дубль-Эпе указал графу и капитану лошадей, на которых им нужно было сесть, и все они во весь опор пустились по одной из боковых улиц, ведущей к Гуляню Королевы. Они мчались, не переводя духу, до самого аббатства Лоншан, там они остановились, сошли с лошадей и, поручив их Макромбишу и Бонкорбо, углубились в чащу леса.

— Слава Богу, — сказал Дубль-Эпе с довольной улыбкой, когда, достигнув небольшого холмика, он первый опустился на мягкую траву. — Здесь мы можем говорить, не боясь быть подслушанными.

— Мальчуган, ты меня просто пугаешь, — заметил, смеясь, капитан. — *Morgbleu!* Неужели мы в такой страшной опасности, что ты счел нужным принять столько мер предосторожности? Говори скорей, в чем дело!

— Сейчас, крестный. Скажите только мне, не были вы вчера удивлены при виде так внезапно явившегося мессира Дефонкти?

— Признаюсь, я был не только удивлен, но и порядочно испуган.

— Вот как! Но вы ведь не знаете, крестный, кому были обязаны его приходом.

— Нет, не знаю, но очень желал бы знать, крестник, какого доброго приятеля я должен благодарить за этот сюрприз.

— Ну, так если хотите, я вам это скажу.

— Ты разве с ним знаком?

— Да, это один из обычных моих посетителей, прелестный молодой человек, которого и вы тоже хорошо знаете.

— Верно, граф Жак де Сент-Ирем?

— Вы сразу угадали. Я вам объясню все в двух словах. Вчера, в седьмом часу вечера, ко мне приехали шесть кавалеров в масках и две дамы и спросили верхнюю залу. Я провел их туда. Сначала я не обратил на них большого внимания, но, видя, что это люди богатые, приехавшие покутить, подал им меню из самых дорогих и, конечно, самых необыкновенных блюд. Вы знаете, что в этой комнате есть трапы и стол поднимается сам собой из нижнего этажа, так что гарсонам не нужно входить прислуживать. Эти господа и их дамы все сидели в масках, выжидая, пока я уйду, чтобы снять их, но вдруг у одной дамы маска упала. Как ни быстро

она наклонилась и снова надела ее, я узнал мадмуазель де Сент-Ирем. Около залы есть такой уголок, откуда можно отлично видеть и слышать все, что делается в зале. Я туда спрятался и все видел и слышал. Кавалеры были шевалье де Гиз, граф де Суассон, Анжели, королевский шут, епископ Люсонский, граф де Сент-Ирем и отец Жозеф дю Трамблэ, а дамы — мадмуазель Диана и герцогиня де Шеврез.

— Возможно ли! — вскричал граф.

— Я их сам видел, господин граф. Монсеньор епископ Люсонский и отец Жозеф вчера утром только приехали в Париж. Дела короля, по-видимому, плохи. В Лангедоке гугеноты возмутились, вооружились и под руководством герцога де Рогана перешли в наступление. Епископ Люсонский, мечтающий заменить полуумирающего Люиня, видит, что власть королевы-матери колеблется и что скоро он лишится этой поддержки, ему, следовательно, надо сделаться необходимым и спасти монархию. Тут ему отлично помог сатана. Дело вот в чем: вы думаете, что Клер-де-Люню удалось утащить у графа де Сент-Ирема бумаги, которые тот взял у покойного сержанта Ла Прери? Ошибаетесь. Граф и его сообщники сняли копии с этих бумаг, оригинал оставили у себя, а копии положили обратно в пакет, усыпив предварительно глупца Ла Прери.

Граф Оливье припомнил при этом, что действительно заметил, читая копию, некоторые ошибки, пустые сами по себе, но которые не мог сделать герцог де Роган, так как употреблял постоянно одни и те же шифры.

— Вот таким образом, — продолжал Дубль-Эпе, — епископ придумал сделаться необходимым. В Париже почти нет войска. Протестантов там очень много, и в данную минуту они могут поставить правительство в сильное затруднение. Одним словом, надо возбудить между ними волнение, подстрекнуть их к заговору, который грозил бы городу полным переходом во власть протестантов. Епископ Люсонский, боясь, чтобы шутка не приняла серьезных размеров, так как протестанты хорошо вооружены, придумал следующее: из бумаг, взятых у Ла Прери, он знает имена всех самых влиятельных протестантов в Париже, и все они будут захвачены, затем католики распределят между собой роли: одни будут протестантами, другие — католиками! Заговор вспыхнет. Всех протестантов, которые пойдут на удочку, заберут.

Граф де Суассон предупредит епископа Люсонского, обратятся к верноподданническим чувствам парижан, монсеньор Люсонский пойдет против мятежников, подвергнет опасности свою драгоценную жизнь и подавит мятеж. Его за это сделают кардиналом, граф де Суассон займет прежнее место при дворе, господин де Сент-Ирем, его сестра и герцогиня де Шеврез получают по триста тысяч ливров. Одним словом, комедия разыграется великолепно. Как вам кажется?

— Но это невозможно!

— Ошибаетесь, крестный! Поверьте, Дефонкти хитрая штука, так или иначе, а он добьется своего и разузнает все, что ему нужно, тем более что им руководит дьявольский ум Ришелье.

— Да, Дубль-Эпе, — сказал граф. — Человек, задумавший такое смелое дело и так хладнокровно изложивший его своим сообщникам, непременно гений! Я не стыжусь сознаться вам, господа, что я боюсь!

— Вы боитесь! — с изумлением вскричали авантюристы.

— Да, — задумчиво повторил Оливье. — Боюсь, потому что из толпы окружающих нас пигмеев встал гигант, который жаждет только одной власти. Я давно слежу за ним, у него все заранее рассчитано, и всякое человеческое чувство ему чуждо. Им кончается этот век и начинается новый. Мы, выросшие в старых законах, инстинктивно становимся его врагами, иначе и быть не может, он всех нас подавит собой.

— Полноте, граф, вы преувеличиваете! Епископ Люсонский далеко не гений. Он просто честолюбивый человек.

— Да, капитан, но честолюбив он не для себя, а для Франции. Взгляните повнимательнее вокруг: Генрих Четвертый, Людовик Тринадцатый и Мария Медичи постепенно привели Францию к бездне, в которую она непременно упадет, если ее не спасет железная рука, а этой железной рукой будет Ришелье. После его смерти Франция, не имеющая внутреннего единства, окруженная сильными державами, непременно останется твердой, объединенной, торжествующей.

— Э, граф! — отвечал, посмеиваясь, капитан. — Право, не надо нас изменять ни к лучшему, ни к худшему. Конечно, епископ Люсонский тем опаснее, чем он умнее, но что нам до того, что будет после нас! Теперь везде на первом плане золото и власть, они всем и везде отворяют двери. Будем

жить настоящим, не станем слепо подставлять голову людям, которые первые над нами посмеются. Мы ведь не знаем, лучше или хуже нам будет после смерти? Будем же держаться земли. Утопии хороши, но ведь все герои и философы худо кончили.

— Милый капитан, — сказал, смеясь, Оливье. — Вы рассуждаете по-солдатски!

— Да я солдат и есть и горжусь этим. Меня опыт привел к тому мнению, что в жизни всегда надо плутовать, и тогда только будешь иметь успех. Черт меня побери, если я когда-нибудь переменю мнение! Ты все сказал, крестник?

— Все, — произнес Дубль-Эпе. — И при первом слишком сильном ветре решил утекать.

— И хорошо сделаешь, *morbleu*! Я и сам не дам себя поймать.

— Как же мы решим? — спросил граф.

— Будем действовать крайне осторожно, — проговорил капитан. — И внимательно следить за господами католиками. Я беру на себя миссию сообщать все необходимые сведения, недаром же я приятель господина Дефонкти, черт возьми! Увидим, кто из нас двоих хитрее!

— Так мы возвратимся в Париж?

— Сейчас же, только четырьмя разными дорогами. Сойдемся все опять в «Единороге».

Через пять минут они во весь опор мчались по четырем разным направлениям.

ГЛАВА V

Прошло несколько дней без всякой перемены в жизни наших героев

Капитану Ватану удалось не только отвлечь от себя подозрения Дефонкти, но даже еще больше прежнего войти к нему в милость.

Он делал вид, что серьезно смотрит на свое назначение помощником начальника дозора, и пользовался этим званием.

По его указанию мэтра Барбошона взяли как хитрого, ревностного гугенота, якобы руководившего заговорами под видом смиренного и глуповатого торговца. Бедняга сидел теперь в самой надежной тюрьме Шатле.

Граф дю Люк по-прежнему был грустен и задумчив, часто целыми днями сидел дома, допуская к себе только капитана

и Фаншету Гриппнар, перед которой не боялся давать волю сердечному горю.

Он узнал от нее о приезде графа Гастона де Лерана в Париж, о его болезни и о том, что он живет в «Единороге».

Гастон был красивый, симпатичный молодой человек с милыми приветливыми манерами. Ему очень хотелось видеть графа Оливье, и он явился к нему. Его усадили в кресло, положив больную ногу на стул, на подушку.

Он извинился перед графом, что не был у него сейчас же по приезде, Оливье очень ласково отвечал, что об этом не стоит и говорить.

— Кроме того, что я был бы очень рад вас видеть, — сказал он. — Я, конечно, сильно беспокоился вследствие нашего тяжелого политического положения, о котором ждал сведений от вас. Меня особенно удивляло, почему герцог де Роган не прислал мне с вами какого-нибудь поручения.

— Конечно, это должно было удивлять вас, граф, — отвечал де Леран. — И мне тем более жаль, что я не явился к вам раньше. Право, не знаю, как бы вам это объяснить... Но вы поймете, конечно, и простите, что я всего сказать не могу.

— Ну, я начинаю немного понимать, — проговорил, улыбнувшись, Оливье. — Тут наверняка замешана любовь. Возьмите меня в духовники, милый граф, уверяю вас, я не строг и заранее даю вам отпущение. Ведь я не ошибся, да?

Молодой человек рассмеялся, манера Оливье внушала ему доверие; попросив графа не смеяться над ним, он признался, что совершенно здоров, что вывиха у него никакого нет, что он выпросился у герцогини де Роган ехать в Париж с несколькими молодыми людьми ее штата, которых она посылала туда с важным поручением, но так как ему нужен был предлог остаться в Париже, где была одна молодая, прелестная женщина, которую он боготворил, он нарочно упал с лошади на дороге и сказал, будто бы вывихнул себе ногу.

— Не смейтесь надо мной, граф, — прибавил он. — Любовь — это рай человека, и сами страдания любви, страдания даже от обмана со стороны любимой женщины, сладки, ведь кто-нибудь из двоих любящих должен же быть обманут!

Оливье назвал его сумасшедшим, но все-таки счастливым, потому что он еще не потерял веры в любовь и женщин.

— Однако же вы ведь не станете злоупотреблять своей мнимой болезнью? — поинтересовался он. — И не удержи-

тесь долго в Париже? Теперь обстоятельства наши очень серьезны.

— Напротив, граф, буду злоупотреблять, как только могу, ведь дурно вылеченный вывих может сделать калекой на всю жизнь. Вы ведь не сердитесь на мое безумие, милый граф, не правда ли?

— Да нет же, ребенок вы этакий!

— Ах, граф, жизнь так хороша, когда любишь молодую хорошенькую женщину!..

— Да, но если она вас обманет?

— О, *dame!* Волков бояться — в лес не ходить!.. Зачем об этом думать? Это приносит несчастье.

— Вы прелестный малый!

В это время дверь отворилась и вошел капитан Ватан. После первых приветствий он спросил де Лерана, что с его ногой.

— Вывихнул, милый капитан.

— Капитана тоже можно взять в доверенные, — посоветовал смеясь Оливье.

— Давно ли это с вами случилось? — с удивлением осведомился Ватан.

— Дней десять тому назад.

— Ну, так вы, верно, хорошо умеете ладить с вашим вывихом и оставляете его иногда дома, как вчера, например. В одиннадцать часов вечера вы бежали сломя голову около Королевской площади.

— Те-те-те! — вскричал Оливье.

Де Леран сконфузился.

— Вы славно бегаете, впрочем, — невозмутимо продолжал капитан. — *Morbleu!* Вы буквально перепрыгнули через какого-то буржуа, наклонившегося поискать выпавший у него из рук фонарь.

— Вот, я думаю, перепугался-то бедный! — рассмеялся де Леран.

— А! Так вы сознаетесь?

— *Parbleu!* Да если вы уже все знаете!

— Нет, — лукаво сказал капитан. — Я только многое подозреваю. Однако будем говорить серьезно, я за этим только пришел и очень рад, что встретил вас.

— Что такое? — обеспокоенно полюбопытствовал Оливье.

— Дела продвигаются быстро, — отвечал капитан. — Заговор принимает страшные размеры, первая сходка назначена в субботу, в десять часов, за Бронзовым Конем.

— Какой заговор, капитан?
— Сейчас все вам объясню. Вы придете, Оливье?
— Конечно, мой друг, только надо быть осторожными.
— Да, мы обсудим меры. Можете вы уделить мне сегодня вечером час разговора?

— Извольте, я свободен.

— Господа, — произнес де Леран. — Не буду вам мешать. Он встал.

— Да вы осторожнее вставайте, граф! — заметил со смехом капитан.

Молодой человек погрозил ему.

— Послушайте, — обратился к нему Ватан. — Вы ведь хотите, чтобы все серьезно считали вас больным?

— Конечно.

— Ну, так пойдемте, я вас провожу.

— Придете к обеду, капитан? — поинтересовался Оливье.

— Нет, милый друг, раньше десяти часов меня не ждите.

Они раскланялись, и капитан вышел с де Лераном, взяв его под руку. У дверей комнаты молодого человека Ватан сказал, что ему хотелось бы с ним переговорить.

Они вошли.

— Прежде всего, милый граф, — начал капитан. — Позвольте вам сказать, что я никак не хочу чем бы то ни было оскорбить вас.

— Да я заранее в этом уверен, милый капитан.

— Ах, граф! Мы ведь очень мало знакомы, и в нашем положении огромная разница для того, чтобы между нами могла возникнуть какая-нибудь короткость. Но у меня к вам невольная симпатия, я считаю вас благородным, честным человеком и поэтому отношусь, как к близкому мне.

— Я вам очень благодарен, капитан, и прошу говорить совершенно без церемоний, я вас уважаю и люблю и не обижусь ни на что от вас.

— Извольте в таком случае. Вы приехали в Париж десять дней тому назад. Скажите, зачем вы приехали?

— О! Как вы прямо ставите вопрос, капитан!

— Простите, граф, если вам это неприятно, оставим этот разговор.

— О нет, напротив, продолжайте!

— Извольте. Вы влюблены.

— До безумия.

— Вам отвечают взаимностью?

— Кажется.

— Значит, наверное. Давно это у вас длится?

— Около восьми месяцев...

— Но, бедный молодой человек, влюбившись, вы не подумали...

— Я думал только о том, что любил...

— Конечно, конечно! Заметьте, граф, как ни грубы вам покажутся мои вопросы, я ставлю их в высшей степени осторожно. Я не спрашиваю, кто любимая ваша женщина — замужняя или девушка, вдова или разведенная с мужем, я понимаю, что мужчина должен уважать женщину, которую любит. Эта дама живет, кажется, на улице Серизе.

— Этого я вам не могу сказать, капитан.

— Я и не спрашиваю. Я знаю точно. Случайно проходя мимо одного дома на этой улице, я видел вас на стене садовой ограды, вы собирались перепрыгнуть оттуда.

— А! Но как же я вас не видал?

— Очень просто. Я догадался, что вам не будет приятно, если я вас увижу в такой необыкновенной позе, и отошел в сторону, пока вы не ушли. Теперь я вам объясню, почему затеял с вами этот разговор. Это дело может иметь очень серьезные последствия.

— Но каким образом...

— Пойдите, пойдите. Вы говорили графу дю Люку о вашей любви?

— Да, но, разумеется, не называя имени, просто чтобы объяснить ему мое присутствие в Париже. Вы понимаете, капитан, ведь я не был бы так бессовестен, чтобы рассказывать графу...

— *Morgbleu!* Конечно, понимаю! — вскричал Ватан, встав и крепко сжав обе руки молодого человека. — Хорошо, граф, вы поступили, как благородный человек. Благодарю вас.

— Но мне кажется, капитан...

— Молчите, молчите! Повторяю, вы хорошо поступили. Теперь я всегда готов служить вам. Позвольте мне только попросить вас об одном.

— Все, что от меня зависит, капитан, даю вам честное слово!

— Граф, не говорите больше никогда мне дю Люку о вашей любви, уклоняйтесь от ответа, если он вас будет спрашивать, скажите, что вы поссорились с любимой вами женщиной.

— Извольте, — отвечал удивленный молодой человек.

Еще раз крепко сжав ему руку, капитан поспешно ушел. Де Леран просто не знал, что думать.

*Как к графу дю Люку на Гулянье Королевы
подошла замаскированная дама и что из этого
вышло*

азговор с де Лераном немного рассеял обычную грусть Оливье, придав другое направление его мыслям. Ему вздумалось пойти хоть на несколько часов забыться в кругу беспечных, веселых товарищей.

Тщательно одевшись, к удивлению Мишеля, он отправился к ближайшему банщику. Там ему встретилось много знакомых, сели обедать, а после обеда собрались играть в карты. Но, против своего ожидания, Оливье увидел, что ему скоро все это надоело, и, едва выйдя из-за стола, он потихоньку ушел.

Было еще только половина восьмого, ему не хотелось идти домой в этот чудный, теплый вечер. Оливье, задумавшись, пошел потихоньку к Гулянью Королевы.

Это любимое место загородных прогулок парижан находилось на берегу Сены; тут под тенистыми деревьями много бывало и любовных свиданий, и дуэлей, и убийств.

Оливье пришел туда еще засветло, когда на аллеях почти никого не было.

Граф прилег на каменную скамейку в самом уединенном месте парка, закрыл глаза и задумался. Могло показаться, что он или в обмороке, судя по мертвенной бледности его грустного лица, или спит. Но он не спал. Перед ним медленно проносилось его счастливое прошлое со всеми его радостями и счастьем, вспоминались его дорогая Жанна, ее нежный голос, хорошенькое личико и его маленький Жорж. И слезы текли по лицу Оливье, он и не замечал этого. Вдруг в кустах что-то тихо зашуршало.

Оливье вскочил. Никого...

— Это мне показалось, — прошептал он и через минуту добавил, как часто бывает с людьми, имеющими привычку говорить сами с собой: — Что за чудный вечер! Как, должно быть, хорошо теперь под высокими деревьями Моверского парка!

В эту минуту в двух шагах от графа скользнула и остановилась легкая, грациозная фигура женщины, закутанной в длинную накидку и в маске. Несколько секунд с любопытст-

вом поглядев на грустное лицо графа, она подошла и положила ему руку на плечо.

Оливье вздрогнул и поднял голову.

— Кто вы и что вам угодно? — спросил он.

— Зачем вам знать, кто я, если сердце не подсказало вам моего имени! — жалобно отвечала незнакомка. — Я пришла утешить вас, а может быть, еще увеличить ваше горе; есть раны, которые сильнее растрavляются даже от самого нежного прикосновения и утешения.

— Да, — произнес граф, как бы говоря сам с собой. — Мои раны именно такого свойства! Если вы действительно принимаете во мне участие, сударыня, так уйдите, оставьте меня! Уединение и природа лучше всего облегчают страдания человека.

Он сдержанно поклонился и хотел отойти. Незнакомка остановила его, прося уделить ей несколько минут.

— Сударыня, несмотря на вашу таинственность, я узнал вас! — воскликнул Оливье. — Вы и так отравили мне всю жизнь, прошу вас, сжальтесь надо мной и перестаньте преследовать меня!

— Оливье, — промолвила Диана (как, вероятно, уже догадался читатель), — вся моя вина в том, что я любила и до сих пор люблю вас. Ваша любовь ко мне прошла, женщина в этом случае должна безропотно склонять голову, но никто не может помешать ей сочувствовать любимому человеку и оберегать его.

— Действуйте прямо, сударыня, — с грустной насмешкой сказал граф. — Вы пришли сообщить мне какую-нибудь новую злую весть, говорите же все сразу, это легче. Я, впрочем, надеюсь, что Бог скоро освободит меня от этой невыносимой жизни.

— Знаю, Оливье, вы нарочно приняли участие в деле, за которое можете поплатиться головой.

— Почему вы это знаете?

— Что вам до этого? Я знаю многое, чего вы не знаете, тогда как должны бы знать скорей, чем кто-нибудь, и как вы ни ненавидите меня, клянусь Богом, я спасу вас даже против вашей собственной воли.

— Благодарю вас за такое участие, — колко отвечал Оливье. — Но оставьте его при себе, моей шпаги достаточно, чтобы защитить меня от моих врагов.

— Знаю, что вы очень храбры, граф, но иногда и храбрость не спасает. Не пренебрегайте моими советами, Оливье, ина-

че вы не только сами погибнете, но увлечете за собой и своих друзей.

— Говорите, пожалуйста, яснее, сударыня.

Диана улыбнулась под маской и села на скамейку.

— Сядьте возле меня, — ласково попросила она.

— Позвольте мне остаться стоять.

— Нет, пожалуйста! Вы одни должны слышать то, что я вам скажу.

— Если вы непременно требуете... — произнес Оливье и сел рядом.

— Я вижу, что вам хочется поскорей уйти от меня, Оливье, поэтому буду говорить прямо, только, пожалуйста, не перебивайте. Реформаты в Лангедоке и Гиени восстали против королевской власти. Их вождь Генрих де Роган. Герцог Делафорс передал вам свою власть по управлению делами религии в Париже, пока его нет. Вы все время переписывались с ним, с господином де Роганом и де Субизом, посылали им деньги и людей, в выборе которых не особенно церемонились; вам помогал капитан Ватан. Недели две тому назад господин Дефонкти, бывший начальник дозора, недавно назначенный помощником парижского прево, с несколькими подчиненными пришел в кабачок на Тюильрийской улице, где собрались человек пятнадцать реформатов, но их предупредили, и они успели скрыться, так что в трактире не нашли никого.

— Нет, извините, там нашли меня за завтраком с моими двумя товарищами.

— Да, капитаном Ватаном и пастором Грендоржем. В тот же день утром Грендорж, сержант Ла Прери и еще какая-то подозрительная личность вошли в дом банщика Дубль-Эпе, против Нового моста, завтракали там, и часа через полтора вышли уже без Ла Прери.

— Он, вероятно, ушел раньше.

— Нет, граф, за этим домом зорко следит полиция, потому что там постоянно собираются гугеноты для совещаний; его обыскали весь, а солдата и следов не нашли. Предполагают, как и вы говорите, что он ушел незамеченным, а я уверена, что его убили.

— Этого не может быть, да и при чем же я во всем этом?

— Пастор и подозрительная личность, о которой я говорила, пошли от банщика прямо в другой кабачок у Тюильрийского сада, где вы были в то время.

— Не хотите ли вы сказать, сударыня, что я принимал участие в убийстве, если только оно действительно было? — высокомерно спросил Оливье.

— Нисколько; впрочем, на подобное дело можно смотреть с разных точек зрения. Если Ла Прери убили за шпионство или измену, так это уже называют не убийством, а казнью и не считают злодейством.

— Вы удивительно хорошо знаете все эти тонкости, сударыня, но позвольте прибавить, меня удивляет, по какому праву вы меня так допрашиваете?

— Я не допрашиваю, граф, а предупреждаю, чтобы вы остерегались.

— Благодарю вас за доброе желание, но мне бояться нечего.

— Ошибаетесь, граф, и вам, и друзьям, и сторонникам вашим отовсюду грозит опасность.

— Я, сударыня, живу очень уединенно и не вижу никого, кроме двоих-троих знакомых, которые навещают меня; политикой я вовсе не занимаюсь, а если принадлежу к реформатской церкви, так это еще не значит, что я непременно заговорщик.

— Мое дело вас предупредить, граф, делайте, как знаете, но полиции известно, что гугеноты составляют заговор, который на днях, говорят, приведут в исполнение.

— Моя невинность оградит меня от опасности, сударыня.

— Очень буду рада, — насмешливо произнесла она. — Но если бы вам и удалось выйти сухим из воды, так друзьям вашим не удастся.

— Кого вы называете моими друзьями?

— Капитана Ватана, который следует за вами, как тень. Это довольно подозрительный авантюрист, надо заметить.

— Капитан Ватан честный человек, я его уважаю; кроме того, он, кажется, католик.

— Это меня не касается. Есть еще и другие: граф де Леран, например, барон де Сент-Ромм, герцог де Роган...

— Но к чему вы упоминаете о герцоге? Его даже нет в Париже, и ему нечего бояться своих врагов.

— Полноте, граф! Ведь вам хорошо известно, что это не так.

— Мне, сударыня?

— Конечно! Вы ведь недавно получили от него известие...

— Извините, я не имею чести вести переписку с герцогом де Роганом...

— А!.. Хорошо... так я вам скажу, где он.

— Очень обяжете, — сказал Оливье, холодно поклонившись.

— Герцог де Роган приехал или дня через два придет в Париж... завтра же, может быть.

— Полноте, сударыня! Эти шутки некстати.

— Я вовсе не шучу.

— Но зачем герцогу де Рогану быть в Париже? У него нет никакой цели.

— Как знать! — многозначительно прошептала она. — Любовь ведь не смотрит ни на что.

— Что вы сказали, сударыня? — воскликнул он, задрожав, точно от электрического удара.

— Правду! — твердо отвечала она, глядя ему прямо в лицо.

— Ах, сударыня! Согласившись выслушать вас, я должен был предвидеть, что вы запаслись какой-нибудь гнусной клеветой.

— Я вовсе не хочу клеветать, граф, я только отвечаю на ваши вопросы.

— Послушайте, сударыня! Вы пользуетесь тем, что вы женщина, но это ужасно! Как я вас ни избегаю, вы беспощадно преследуете меня из одного низкого удовольствия раздирать мне душу.

— О, граф! Как вы можете думать, что я хочу мучить вас? Ведь я не перестала вас любить, следовательно, по-прежнему предана вам, и только эта преданность заставляет меня так прямо говорить с вами. Ведь вы сами спросили, зачем герцогу быть в Париже? Вам не нужно было меня об этом спрашивать.

— Хорошо, не спорю, сударыня! Да сохранит вас Бог, — сказал он сдавленным голосом.

— Я раскаиваюсь в своей откровенности с вами, граф, вы приписываете мои слова дурному намерению.

— Прощайте, сударыня, и дай Бог, чтобы навсегда теперь! — вскричал он, с негодованием посмотрев на нее, и ушел, прошептав: — Шипи, ехидна! Тебе никогда не заставить меня столько страдать, сколько ты заставила в эту минуту! Настанет день, я надеюсь, когда я наконец раздамлю тебя!

Молодая женщина со страшной злобой посмотрела ему вслед.

— Уходи, бессердечный! — произнесла она со зловещим смехом. — Я отомщена, потому что нанесла тебе неизлечимую рану!

Едва она успела скрыться в темных аллеях, как кустарники тихо раздвинулись и оттуда вышел капитан Ватан.

— *Morbleu!* — проговорил он, лукаво покручивая усы. — Я, видно, поступил правильно, шпионя за своим другом. Эта женщина ядовитее, нежели я предполагал. Нет, с ней надо покончить! Я займусь этим.

И он ушел, насвистывая.

ГЛАВА VII

Где доказывается, что часто правда бывает ложью

аз утром, в двенадцатом часу, капитан и граф Оливье, совершив довольно длинную прогулку по деревне, вернулись в «Единорог» и позавтракали у себя втроем с Гастоном де Лераном, совершенно оправившимся от ушиба.

— Так вас требуют в полк, милый де Леран? — спросил граф.

— Да, — жалобно отозвался молодой человек. — Я, наверное, там понадобился. Меня вызывает письмом один из моих друзей, барон Филипп де Кастельно-Шалосс.

— Эти Кастельно-Шалосс славное семейство, — заметил капитан.

— Не будет нескромностью спросить, что нового он вам пишет о делах там? — поинтересовался граф.

— О, нисколько! Дела, как видно, запутываются. Королевская армия осаждает Сен-Жан-д'Анжели, который защищает господин де Субиз, город доведен до последней крайности.

— Это неприятно. Впрочем, к счастью, Сен-Жан-д'Анжели не имеет большого военного значения.

— Может быть, но взятие его плохо подействует на наши войска в нравственном отношении.

— А что же герцог де Роган? — осведомился капитан.

— Об этом, господа, никто ничего не знает. Одни думают, что он в Ла-Рошели, другие — что он ездит везде и набирает партизан, чтобы внезапно напасть на королевскую армию.

— Ясно одно, — смеясь, заключил капитан, — что о нем ничего не известно. Не беспокойтесь, господа, он не из та-

ких, чтобы поживать на лаврах! Наверно теперь готовит какой-нибудь приятный сюрприз Людовику Тринадцатому и коннетаблю.

— Дай-то Бог! — вздохнул де Леран. — Теперь, пока королевские войска усиленным маршем идут на Монтобан и грозят занять Кастр, где живет герцогиня...

— Ах, черт возьми! — произнес, посмеиваясь, капитан. — Не думаю, чтобы герцогине понравилось, что ее там будут осаждать, вот в каком-нибудь другом отношении — не стану спорить.

— И вы, капитан, плохо говорите о женщинах? — заметил с улыбкой Оливье. — Ведь вы такой ярый поклонник герцогини?

— И остаюсь им, милый граф. Мои слова доказывают это. Кроме того, сколько мне известно, герцогиня не имеет претензии на репутацию какой-нибудь Лукреции.

— Ах, злой язык! — рассмеялся Оливье. — Вы, наверное, в молодости были несчастливы в любви и вымещаете это теперь на женщинах.

Граф и не подозревал, как больно кольнул капитана, тот побледнел, как смерть, но сейчас же оправился.

— Ошибаетесь, друг, — возразил он, залпом выпив стакан рома. — Я был избалован женщинами. Когда вы едете, господин де Леран?

— Завтра. А вы долго здесь останетесь еще, господа?

— Нет, пожалуй, вместе с вами уедем, — отвечал дюЛюк.

— Как бы это было хорошо! Однако до свидания, завтра я ведь еду до света, надо подготовиться.

— Увидимся, конечно, до отъезда? — поинтересовался граф.

— О да!

— Если вы едете до света, так вам и будить нас не придется, — прибавил капитан. — Мы еще и спать не будем.

Де Леран ушел.

Оливье и капитан долго сидели молча.

Оливье по обыкновению грустно задумался, и капитану никакими шутками не удавалось развеселить его.

— Что вы собираетесь делать сегодня? — любопытствовал граф.

— У меня нет никакого дела, я свободен, как воздух, милый друг.

— Так я вас завербую.

— Извольте. Верно, какую-нибудь засаду затеяли?

— Может быть. Во всяком случае, захватите понадежнее шпагу. Пойдемте сначала побродить по городу, зайдем в театр Марэ...

— Чтобы повторить так хорошо разыгранную вами там в последний раз сцену? — перебил, смеясь, капитан.

— О нет! Тогда я был пьян.

— А сегодня только навеселе, ну, конечно!

— Из театра пойдем в один из трактиров того квартала.

— А! Так у вас там дело?

— Да. Вас это интересует?

— Меня? Нисколько. Я просто иду с вами и помогаю вам, когда это нужно.

— Вы истинный друг, капитан, или лучше я буду ждать вас внизу, в общей зале.

— Хорошо, через пять минут я к вам приду.

Капитан прошел к себе в спальню надеть рапиру.

— Вижу, вижу, молодец! — проворчал он при этом. — Опять ты задумал какую-нибудь великолепную глупость, но капитан Ватан здесь и сумеет помешать тебе! Уж эта мне молодежь! Задал бы и я ходу! Ну, да что об этом думать! Пойду-ка к де Лерану, с ним приятно поговорить.

Но он не достучался. Де Лерана не было дома. Заклучив, что в сущности ему нечего было бы и сказать молодому человеку, капитан подумал, что все к лучшему, и сошел вниз.

— Здравствуйте, капитан, — сказала Фаншета. — Очень рада, что вы пришли.

— Здравствуйте, милое дитя, — отвечал капитан. — Как поживаете?

— Довольно плохо, капитан.

— Что так? Не поссорились ли с мэтром Грипнаром?

— Вот еще новости! — кокетливо воскликнула она. — Нет, капитан, мне очень, очень грустно!

— О, Фаншета! Мне даже страшно стало!

— Вы несносны, капитан, с вами нельзя толком говорить, вы смеетесь надо мной.

— Полноте, что вы, Фаншета! Ведь вы знаете, с каким участием я к вам отношусь.

— Так зачем же вы всегда смеетесь?

— Э, как знать, девочка! Может быть, я смеюсь для того, чтобы не плакать. Ну, поверьте же мне ваши горести...

— О, не обо мне речь!..

— А! Значит, все о нашем приятеле?

— Конечно. Ах, бедный дорогой господин! Уже два-три дня он все бродит около улицы Серизе, а...

— Лучше бы сделал, если бы не ходил туда?

— Да, гораздо лучше... Для всех.

— Разве случилось что новое?

— Ну, да ведь вы знаете!

— Да, *morbleu*! Отлично знаю, но некоторые вещи ускользают от меня.

— Так я вам скажу, он уже несколько дней в Париже...

— Тс-с!.. Молчите, Фаншета!

— А! Так вы знаете?

— Знаю, все знаю, дитя мое!

— Ах, Господи! Господин граф...

— Еще ничего не знает, но о многом догадывается.

— Ах, если он узнает! У него такой странный характер... Ему представится невеста что!

— Ну, не тревожьтесь, дружок мой! Я слежу за ним, как тень. Ему это в конце концов надоест, но тогда он, по крайней мере, скорей на что-нибудь решится... Тс-с! Вот он идет!

— Как вы добры и самоотверженны, капитан!

— *Morbleu*! Да ведь мне больше и делать нечего, — засмеялся он.

Обменявшись приветливыми словами с Грипнаром и его женой, Оливье сделал тихонько знак капитану, и они ушли.

Они пошли в театр Марэ, потом до шести часов просидели в кабачке «Помм-де-Пен». Капитан знал, что графа никогда не надо расспрашивать, если хочешь что-нибудь узнать, и он притворился совершенно равнодушным к делу.

— Славно мы провели день, не правда ли, капитан? — обратился к нему Оливье.

— Да, мой друг, и теперь после обеда особенно хорошо посидеть в зелени. Я бы отсюда не уходил.

— О! Так вы забыли, значит, что нам предстоит еще дело сегодня вечером?

— Не беспокойтесь, граф, когда нужно будет, я пойду за вами, как бы это мне ни было тяжело.

И вы даже не спрашиваете, куда я вас поведу?

— Да мне, право, все равно куда, мой друг.

— Благодарю за такое доверие, мой друг, но считаю своим долгом сказать вам, что собираюсь делать.

— Как хотите, милый друг.

— Вы помните, сегодня утром граф де Леран говорил, что никому не известно, где герцог де Роган?

— Так что ж нам до этого?

— Как что ж до этого? Да ведь герцог...

— Э, Боже мой! Герцог волен делать что хочет, так же как и мы с вами.

— Конечно, милый капитан, но с условием не вредить другим.

— Каждый волен оградить себя от этого.

— Вот это-то я и хочу сделать.

— А?.. Что такое?

— Я вам все скажу, капитан, потому что я знаю то, что никто не знает. Господин де Роган, — сказал он глухим голосом, — со вчерашнего вечера в Париже...

— Да откуда вы знаете?

— Знаю!.. И он приехал ради моей жены! — прошептал сдавленным голосом Оливье.

— Клянусь душой, граф, вы совсем с ума сошли! Какой черт вам нашептывает подобную галиматью!

— Я уверен в том, что говорю, капитан! Через полчаса я покажу вам герцога, поверите вы мне тогда?

— Может быть, граф. Но помните, друг мой, что часто не надо верить даже собственным глазам, правда тогда бывает просто ложью.

— Вы меня наконец взбесите! — вскричал граф, вставая.

— Идете вы со мной?

— Конечно, хотя бы для того, чтобы доказать вам, что вы ошибаетесь.

Они расплатились и вышли из ресторана.

Темнело, и начинал капать дождь. Приятели поспешно пошли к улице Серизе и встали в углублении двери особняка, прямо против дома графини.

Не прошло и пяти минут, как от Королевской площади показался мужчина в надвинутой на глаза шляпе и плотно закутанный в плащ. Подойдя к дому графини, он два раза постучался.

Дверь почти сейчас же отворилась, и явился мэтр Ресту с фонарем в руке.

— Кто вы и что вам угодно? — произнес он, поднимая фонарь.

Незнакомец слегка раскрыл плащ.

— Господин герцог де Роган! — воскликнул ошеломленный мажордом. — О, монсеньор!

— Тс-с! Не называйте меня, — быстро проговорил герцог и вошел.

Дверь сейчас же за ним заперлась

— Ну, убедились? — глухо спросил Оливье капитана.

— Нисколько. Тут, похоже, какая-нибудь тайна, которая объяснится.

— О, да вы наконец смеетесь надо мной, капитан!

— И не думаю, клянусь вам. Что же мы будем делать?

— Подождем, пока он выйдет, и тогда, клянусь Богом, он со мной страшно сочтется!

— Хорошо, подождем! Это, пожалуй, будет лучше всего; может быть, мы увидим тогда, что здесь кроется, и вы убедитесь, что ошибались.

Граф сделал сердитый жест, но промолчал.

Они молча стояли, как призраки, тревожно ожидая, когда выйдет герцог де Роган. Граф мечтал о мести, а капитан ломал себе голову, придумывая, как бы избежать неминуемо готовившейся катастрофы.

ГЛАВА VIII

Недоразумение, которое могло иметь очень неприятные последствия

Тастон де Леран только делал вид, что не знает, где герцог де Роган.

Герцог знал, какой опасности подвергается в Париже, и принял все меры, чтобы, ограждая себя, не подвергать неприятностям своих сторонников и не повредить интересам веры. Де Леран воспитывался у него в доме, был одним из самых близких к нему людей и не раз доказал, что на его скромность можно положиться. Де Роган, не задумываясь, взял его в поверенные. Он сказал ему, что скоро едет в Париж, указал, где остановиться, и велел быть готовым ехать вместе, а главное — хранить все в самой строгой тайне.

Вот почему молодой человек уверил графа дю Люка, что не знает, где герцог.

Расставшись с Оливье и капитаном, он отправился в трактир «Корн-де-Серф», где обыкновенно останавливались извозчики, и спросил господина Поливо, скототорговца, приехавшего накануне вечером.

Ему показали особую комнату наверху, и де Леран отправился туда, герцог ждал его. Он велел молодому человеку пойти к графине дю Люк сказать о его приезде, потом отправиться в Вильжюиф к порученному ему отряду и ждать его там. Де Лерана удивило только, что де Роган велел приготовить трех или четырех лошадей с дамскими седлами.

Молодой человек в четыре часа сходил к графине и при этом не забыл и своих интересов. Прощаясь с Жанной, он успел перекинуться шепотом двумя словами с Бланш де Кастельно. Они любили друг друга, и этих двух слов было достаточно, чтоб уговориться насчет свидания, на которое девушка согласилась.

Исполнив все поручения герцога, молодой человек в восьмом часу снова был на улице Серизе и постучался у боковой калитки сада графини дю Люк. Крошечная ручка отворила калитку, и нежный голос прошептал:

— Ах, Боже мой! Как это я согласилась увидеться с вами? Идите за мной, только тише, иначе я погибла.

Они ушли в густую рощу.

— Зачем это я согласилась пустить вас сюда, Гастон! — вздохнула девушка.

— Не раскаивайтесь в этом, моя дорогая Бланш, — сказал молодой человек, покрывая горячими поцелуями ее руку. — Ведь надо же мне было проститься с вами!

— Проститься! Как так?

— Ах, моя милая голубка! Сегодня ночью я должен уехать.

— Вы уезжаете, Гастон? А что же будет со мной? — протодушно вскричала она.

— Бланш, мне самому это страшно тяжело... Но я повинуюсь приказанию вашего приемного отца, герцога де Рогана.

— Ах, Господи! Мы были так счастливы! Теперь я останусь одна... вы пойдете на войну... вас могут ранить... убить, пожалуй... О, я этого не переживу!

— Дорогая Бланш, успокойтесь! Бог не оставит нас. Герцог помирится с двором и, верно, не откажет мне в вашей руке. Истинная любовь умеет одолевать все препятствия. Будем ждать и надеяться; настоящие минуты наши, станем пользоваться ими и не думать о будущем.

В это время у ворот постучали. Молодые люди вздрогнули.

— Что это? — спросил де Леран.

— Это, видимо, герцог, — поспешно произнесла девушка. — Гастон, я уйду; мое отсутствие может теперь показаться странным. Подождите меня здесь.

— Вы ведь вернетесь?

— Клянусь вам! Не будете скучать?

— Нет, моя дорогая Бланш; я буду думать о вас и не замечу, как пролетит время.

Он поцеловал ей руку, и она убежала, легкая, как птичка.

Действительно, в будуар графини дю Люк вошел герцог де Роган.

Поцеловав в лоб девушку, он почтительно поклонился графине.

Мэтр Ресту подал ему стул и ушел.

— Графиня, — обратился к ней герцог, — я знаю, как неприличен мой приход к вам в такое время. Поверьте, меня глубоко огорчают гнусные подозрения, к которым подали повод услуги, оказанные мне вашей добротой, и прошу простить, что я осмелился явиться сегодня. Но сначала будьте так добры, графиня, прочесть письмо к вам герцогини де Роган.

Он подал ей письмо. Графиня начала читать и с укоризной взглянула на герцога.

— Герцог, вы хотите отнять у меня это милое дитя?

— Прочтите, пожалуйста, дальше, — сказал он, улыбнувшись.

Жанна dokonчила и с улыбкой подняла голову.

— Да, — промолвила она, — соблазнительное предложение; если б я могла, поверьте, не задумалась бы ни минуты. Вы знаете, герцог, мое положение теперь очень странно, и я должна быть крайне осторожна.

— Совершенно понимаю вас, графиня, но надеюсь доказать, что вам даже и бояться нечего.

— Признаюсь, герцог, я была бы этому очень рада; мне жаль расстаться с вашей милой воспитанницей.

— Сейчас я вам докажу, графиня, что вы даже будете неправы, отказавшись от предложения герцогини. Напрасно встревожившись угрожавшей осадой, она прежде всего подумала о том, как бы оградить от опасности Бланш, и отправила ее к вам, как к единственному надежному другу. Вернувшись в Кастр, я увидел то, чего не заметила в своей истинно материнской любви герцогиня: оставляя мадмуазель Кастельно в Париже, она давала королю драгоценный

залог, который господин де Люинь не выпустил бы из рук. Весь род Капельно известен страдальческой участью; я не хочу, чтоб дети моего товарища по оружию, вверенные моей опеке, испытали то же. Мы с герцогиней любим Бланш, как дочь. Вы, графиня, женщина в самом прелестном значении этого слова и поймете деликатность поступка мадам де Роган. Отсюда до Кастра путь далекий, и мне неприлично одному сопровождать Бланш. Но вы, графиня, можете заменить меня в этом случае. Поезжайте всем домом, возьмите с собой всех слуг. В этом ведь уже никто не может увидеть ничего дурного. Кроме того, граф дю Люк через два дня получит приказ ехать в Монтобан к гугенотским войскам, а я совершенно исчезну для вас; мы больше не увидимся. Как видите, графиня, во всем этом нет препятствий, которые вы предполагали; приняв приглашение герцогини, вы окажете ей громадную услугу.

— Герцог, вы действительно замечательно умеете убеждать; я еще раз готова служить вам, но с условием: чтоб мы с вами выехали отсюда не разными дорогами, а чтоб вы постоянно ехали вперед, обгоняя меня, по крайней мере, миль на десять, и, несмотря ни на какую опасность, не возвращались ко мне на помощь; в Монтобане или Кастре я попрошу вас никогда не являться ко мне и не стараться видаться со мной; и, наконец, чтоб муж мой сейчас же получил приказание ехать к вам.

— Даю вам слово, что все это будет исполнено, графиня. Вы поедете отсюда с конвоем из десяти кавалеристов; при каждой остановке число их будет увеличиваться, пока наконец не составит пятьдесят человек; их возглавит граф де Леран. С таким конвоем вам бояться нечего.

— В таком случае я еду, герцог.

Бланш пришла в восхищение, что не расстанется с графиней, которую очень полюбила, и скоро опять увидится со своей приемной матерью.

— А теперь, графиня, позвольте переговорить с вами окончательно о всех необходимых подробностях ваших сборов.

Бланш воспользовалась случаем попроситься пойти кое-что приготовить для себя к отъезду, так как выехать назначено было в три часа ночи, и убежала к нетерпеливо ожидавшему ее де Лерану.

— Победа, победа, милый Гастон! — вскричала она, подбегая к нему, вся запыхавшись. — Мы едем все вместе!

Он решительно ничего не мог понять и как будто остолбенел.

— Мне некогда объяснять вам всего, — торопливо сказала девушка; я спешу вернуться к герцогу; уходите скорее, Гастон; мы через несколько часов увидимся.

— Бланш, милая, я с ума схожу! Что вы мне такое говорите?

— Некогда, некогда объяснять, Гастон! Поезжайте в Вильжюиф, там все узнаете.

— Как! Вы сами гоните меня! — говорил де Леран, все-таки ничего не понимая.

— Да, да! Скоро мы опять увидимся, только уходите быстрее.

Они молча, торопливо пробирались к боковой калитке. Де Леран думал, что в доме подозревают его присутствие, и повиновался Бланш, не желая подвергать ее даже самому легкому огорчению.

Они подошли наконец к калитке; девушка осторожно отперла ее.

— Уходите, друг мой, а главное, скорей возвращайтесь!

— Вы хотите, чтоб я вернулся? — спросил он вне себя от изумления.

— Да, да, вы вернетесь; только умоляю вас, уходите скорей! Скоро все узнаете.

— Иду, повинуюсь вам, Бланш, но ничего не понимаю! — произнес де Леран, целуя ей руки. — Прощайте!

— Нет, до свидания!

Он еще раз поцеловал ей руку и вышел на улицу. В эту самую минуту на него бросились какие-то двое людей со шпагами в руках. Опасность мигом вернула молодому человеку хладнокровие и присутствие духа. Втолкнув Бланш в сад, он запер калитку и, обернувшись к нападающим, выбил у одного из них шпагу и эфесом так ударил его по голове, что тот упал без памяти. Все это молодой человек сделал молча, чтоб его не узнали. Перепрыгнув через упавшего, он бросился бежать; другой противник слабо преследовал его, скорее как будто для очистки совести, чем из желания действительно догнать.

Но, спасаясь с быстротой оленя, преследуемого охотниками, храбрец не забыл успокоить бедную девушку, которая почти теряла сознание, стоя, вся дрожа, в саду.

— Спасен! — громко крикнул он.

Это слово мигом вернуло силы Бланш, и она ушла домой, благодаря Бога за спасение любимого человека.

Де Леран вскоре исчез в лабиринте бесчисленных переулков, которыми так изобилдовал в то время Париж.

— Молодец! — проворчал, возвращаясь к графу, преследователь молодого человека, в котором читатель, конечно, узнал капитана Ватана. — Ну, вывел нас из беды этот славный де Леран! Пойду теперь помогу бедному графу... От души бы я посмеялся, если б только это не с ним случилось... Ну, послушайте, проходите своей дорогой, — сказал он какому-то человеку, подошедшему к нему слишком близко.

— Ах, это вы капитан! — отвечал тот.

— Граф дю Люк!

— Разве вы меня не узнали?

— Ну, очень рад, что вы на ногах. Вы не ранены?

— Нет, но этот негодяй герцог здорово стукнул меня; до сих пор в ушах звенит. А вам не удалось его нагнать, капитан?

— Легко сказать — нагнать! Славно бы я попался, если б не остерегся! Мне и то едва удалось удрать от целой толпы дворян.

— О, я убью этого мерзавца!

— Этого не случится, если вы будете продолжать действовать так, как сегодня. Горячность, граф, всегда заставляет делать только глупости.

— Благодарю за совет, капитан, жаль только, что вы поздно спохватились дать его.

— Да ведь вы не слушались, когда я говорил вам раньше, ну, я все-таки утешаюсь, что могу посоветовать и попозже.

— Только теперь не станем об этом говорить, капитан!

— Как хотите!

Они вернулись в «Единорог». У крыльца стояли несколько конюхов с лошадьми. В общей зале де Леран и трое или четверо дворян пили вино. Де Леран весело вскочил, увидев графа, но капитан схватил его за руку и крепко сжал ее.

— А, милый де Леран! — воскликнул он и шепотом быстро прибавил: — Ни слова о том, что случилось два часа тому назад!

— Что? — спросил озадаченный де Леран.

— Ни слова! — повторил капитан, выразительно посмотрев ему прямо в глаза.

Де Леран догадался, что тут что-нибудь серьезно, кроме того, и в его собственных интересах лучше было молчать.

Ответив капитану тоже выразительным взглядом, он горячо пожал руку графа, и они стали пить.

Через некоторое время де Леран и его товарищи уехали, а наши друзья пошли к себе наверх.

ГЛАВА IX

Как составлялись заговоры в 1621 году

После описанного нами происшествия граф дю Люк целых два дня не выходил из дому; он был болен и душой, и телом, но больше душой.

Кажется, увидев вышедшего из дома его жены герцога де Рогана, целовавшего ей руки, он бы должен был окончательно убедиться в справедливости своих подозрений. Но на деле вышло не так. Чем больше он начал раздумывать, тем все больше приходил к убеждению, что несправедливо поступил с женой, бросив ее по одному ни на чем не основанному подозрению.

Неужели Жанна могла так вдруг из чистой, честной женщины сделаться обманщицей, отдаться совершенно незнакомому человеку? Да и герцог де Роган не мог в одну минуту изменить высоким правилам чести, которыми всегда отличался, и так низко поступить с человеком, спасшим ему жизнь.

Граф и раньше сознавал в глубине души несправедливость свою к жене, которую всегда любил, а после разлуки полюбил еще больше, но, чтобы оправдать себя в собственных глазах, окружил графиню целой сетью шпионов, от которых узнавал о каждом шаге, каждом движении и слове графини; но он только думал, что это так, на самом же деле люди графини были слишком ей преданы, чтобы выдать ее даже мужу, их любимому господину.

— Нет, — сказал он себе после описанного происшествия у садовой калитки с мнимым герцогом де Роганом, — я совсем сумасшедший! Капитан говорил правду; тут какая-то тайна, которая непременно разъяснится; и я всеми силами помогу этому; поеду к герцогу и попрошу у него объяснения; если он мне в нем откажет, тогда плохо ему придется!

В то время как граф дю Люк, лежа у себя в спальне, пришел к этому заключению, к нему вдруг вошли, несмотря на энергичное сопротивление Мишеля, Ватан, Клер-де-Люнь и Дубль-Эпе.

Капитан сейчас же заметил его бледность и утомленное выражение лица.

Поговорив и спросив о здоровье, они сказали графу, что Дубль-Эпе принес кое-какие известия.

— Расскажи-ка, крестник, — обратился к нему капитан.

— Вчера, — начал молодой человек, — у меня обедали пятеро вельмож: шевалье де Гиз, маркиз де Лафар, граф де Ланжак и граф де Темиль.

— Как! Да ведь господин де Темиль в армии? — удивился граф.

— Нет, граф, он вчера инкогнито приехал в Париж.

— Но кто же был пятый? Вы мне назвали только четверых.

— Пятый, граф, был отец Жозеф, одетый в светское платье. К ним почти вслед за тем присоединился еще граф де Сент-Ирем с сестрой, мадмуазель Дианой. Передам вам вкратце их разговор. Епископ Люсонский послал графа де Темиля в Париж покончить со всеми гугенотами, которые только есть в городе. В провинции дело идет, по-видимому, не так, как здесь; реформаты энергично сопротивляются; королевские войска начинают терпеть поражение. В то же время де Люинь, видимо, надоедает королю и впадает в немилость, а епископ Люсонский быстро идет в гору; поговаривают, что он скоро будет первым министром. Епископ Люсонский убежден, что наступила минута нанести решительный удар, который он так давно готовит. И в это время королевские войска займут Кастр и Монтобан.

— Ну, это не так легко, — заметил капитан.

— Особенно после того, как герцог де Роган подкрепил их, — добавил граф. — Так мятеж не замедлит вспыхнуть?

— Сегодня же ночью, господин граф.

— Как? Уже?

— Да ведь давно все готово. Сегодня вечером в Париж войдет полк швейцарцев; в Луврских казармах уже стоят две роты стрелков и рота карабинеров. Сегодня вечером также будет большая процессия: монахи всех орденов крестным ходом, с зажженными свечами пойдут в часовню Святой Марии, к Новому мосту, в аббатство Сен-Жермен-де-Прэ, останавливаясь на некоторое время у каждой церкви, затем отправятся в собор Нотр-Дам и вернутся оттуда в Сен-Жермен-Л'Осерруа. Это приказал епископ Парижский, чтоб призвать благословение Божие на королевские войска и просить королю помощь для истребления еретиков, смуща-

ющих государство. Между монахами будет много дворян с оружием под рясой.

— Славно придумали! — рассмеялся капитан. — Это похоже на процессию Лиги.

— Да, — отвечал Дубль-Эпе, — только теперь в некоторых местах — например, на Новом мосту, около Бронзового Коня, возле дома Дубль-Эпе, у театра Шута, около улицы Дофина будут стоять дворяне и солдаты, переодетые в разные костюмы, и по данному сигналу бросятся с криком: «Да здравствует Религия!»

— А что будет сигналом?

— Ссора в толпе, которая будет стоять у театра Шута.

— Примем к сведению, — произнес капитан. — Но я во всем этом не вижу участия графа де Сент-Ирема и его милой сестрицы.

— Граф будет у театра Шута, — сказал Дубль-Эпе, — и начнет ссору, а мадмуазель Диана заявила, что берет на себя помешать капитану Ватану и графу дю Люку, если б они вздумали действовать.

— Скажите, пожалуйста! — воскликнул капитан. — Интересно посмотреть, как бы она это устроила!

— Да, — нахмурил брови, граф. — Вы все сказали, Дубль-Эпе?

— Почти, граф. Чтобы представить все это королю в более серьезном виде и оправдать сильные репрессивные меры необходимостью защищаться против насилий гугенотов, будет устроено несколько баррикад и сожжено три-четыре дома.

— Значит, план неприятеля нам известен, — заключил граф. — А какими силами мы располагаем?

— У меня, — доложил капитан, — пятьдесят человек в особняке Делафорса, столько же в особняке Телюссона; наконец, в моем распоряжении от трехсот двадцати до трехсот пятидесяти надежных молодцов, которые должны в очень недолгом времени соединиться под начальством герцога де Рогана.

— А у вас, Клер-де-Люнь?

— Я, граф, предоставляю в ваше распоряжение жителей всех Дворов Чудес в Париже, всех шалопаев и Тунеядцев предместий и всевозможных мошенников. Я и сам не знаю, сколько их, знаю только, что очень много. Им терять нечего; они могут тут только выиграть.

— А я бы посоветовал вам все-таки, Клер-де-Люнь, выбрать из них людей почестнее; все равно их будет больше чем достаточно.

— Согласен с вами, граф, но остальные все равно пойдут за ними; этот народ за милую душу добывает.

— Ну, в таком случае, пусть будет, что будет! План наш должен быть совершенно одинаков с планом наших врагов. Около каждой группы их будет стоять группа наших, которые будут кричать: «Долой католиков!»

— Отлично! — с восторгом вскричал капитан. — И у меня есть своя мысль; не знаю, понравится ли она вам. Я хоть и на сильном подозрении у мессира Дефонкти, но он не взял еще обратно назначения меня начальником двора, и я этим сегодня воспользуюсь: сниму везде, где встречу, маленькие караулы и соединю их в большие; таким образом я ослаблю неприятеля и ударю на него его же собственными силами. Эти полицейские такие глупцы, что, право, ничего и не заметят.

— Ну, уж это вы шутите, капитан!

— Нисколько, милый друг; я ведь знаю солдат: это не люди, а автоматы; если б солдаты рассуждали, так и армии бы не существовало, и побед бы не было.

— Ну, действуйте, как знаете, капитан. Даю вам полную свободу. Я вас больше не удерживаю, господа. Теперь два часа, вам немного остается времени, чтоб принять необходимые меры и не дать неприятелю застать нас сегодня вечером врасплох.

Он встал и проводил их до передней.

— Я вам не все сказал, — шепнул ему на пороге Дубль-Эпе. — Подождите меня, граф, я должен сообщить вам одну вещь наедине.

— Хорошо, — тоже шепотом отвечал Оливье, — когда вы придете?

— Через несколько минут.

И капитан, уже подошедший к входной двери, обернулся к Оливье.

— Милый Оливье, — сказал он, — мне бы хотелось переговорить с вами. Чертовская угроза мадмуазель де Сент-Ирем не выходит у меня из головы.

— Ба! Да неужели вас это может беспокоить?

— Друг мой, я тысячу раз лучше буду иметь дело с десятью мужчинами, чем с одной женщиной.

— Так заходите, мы вместе и пойдем после.

— Хорошо.

Они ушли, а граф вернулся к себе в спальню. Но на пороге он вскрикнул от изумления и почти испуга.

На том самом кресле, где он сидел несколько минут перед тем, сидела теперь прекрасная, спокойная, улыбающаяся Диана де Сент-Ирем.

— Войдите, граф, — произнесла она своим мелодичным голосом. — Неужели мне придется приглашать вас, как гостя?

Он подошел и поклонился, сам не сознавая, что делает. В улыбке, не сходявшей с губ Дианы, было что-то львиное; у графа даже мороз по коже пробежал.

Как она тут очутилась? Зачем?

ГЛАВА X

Каким образом Диана де Сент-Ирем внезапно явилась к графу дю Люку и что из этого вышло

Холодно и молча поклонившись мадмуазель де Сент-Ирем, Оливье, не обращая больше на нее никакого внимания, подошел к стене, снял длинную рапиру и опоясался ею, заткнул за пояс нож и два заряженных пистолета и стал заряжать пицаль.

Девушка тревожно следила за ним глазами.

— Извините, граф, я здесь, — сказала она, видя, что он как будто совершенно позабыл о ее присутствии.

— Знаю, графиня, — хладнокровно отвечал Оливье, продолжая свое дело.

— Скажите, пожалуйста, граф, что же это вы делаете?

— Очень просто — заряжаю пицаль.

— А! — воскликнула она с легкой иронией в голосе. — Я не совсем несведуща в этих вещах, но спрошу у вас одно.

— Что такое, графиня?

— Вы разве кого-нибудь убивать собираетесь?

— В настоящую минуту, я думаю, нет, графиня.

— Как, вы точно не знаете?

— О, графиня! Вы женщина и должны знать лучше, чем кто-нибудь, что на земле ни за что нельзя ручаться.

— Что это, угроза? — спросила она, пристально поглядев на него и привстав.

— Графиня, — холодно проговорил граф, — кто сознает, чего хочет и на что способен, тот не угрожает... а действует.

Настала минута молчания.

Графиня исподлобья следила за графом, как львица, стерегущая добычу, и только по сильно подымавшейся и опускавшейся груди можно было заметить, как она взволнована в душе.

— Ну вот, теперь все готово, — объявил граф, положив возле заряженной пищали еще пару пистолетов.

— Вы кончили ваши воинственные приготовления, граф? — насмешливо поинтересовалась Диана.

— Кончил, графиня.

— Угодно вам теперь уделить мне несколько минут?

Граф обнажил шпагу и, опершись на нее, поклонился с ироничной вежливостью.

— Я к вашим услугам, графиня, — небрежно отозвался он.

— Престранная у вас, признаюсь, манера говорить с дамой, граф.

— Извините, графиня, у всякого свои привычки.

— Да, но в настоящую минуту...

— Извините, графиня, вы столько времени жили в моем доме и не знаете, что мы, дю Люки де Мовер, всегда так разговариваем со своими врагами?

— Как, граф! Вы меня называете своим врагом?

— Да, графиня, самым неумолимым врагом.

— Вы, конечно, шутите?

— Нисколько, графиня; вам стоит немножко подумать и вспомнить, и вы согласитесь со мной.

— Но если бы даже и так, чего я не допускаю, неужели я так опасна, что в моем присутствии надо надевать на себя целый арсенал?

— О, вас лично я не остерегаюсь!..

— Так кого же?

— Убийц, которых вы спрятали, может быть, вот тут... в моем алькове.

— О, граф! Так оскорблять меня!

Граф повернулся и сделал шаг к постели.

— Куда вы идете, граф! — вскричала она, привстав и как будто намереваясь загородить ему дорогу.

— Куда я иду?

— Да!.. Куда вы идете?

— Удостовериться, точно ли вы одни здесь, графиня, и извиниться перед вами, если я ошибся.

— О, напрасно, граф! Вы только нанесете мне лишнее оскорбление, больше ничего! Разве я не давно привыкла к этому?

— О, пожалуйста, графиня, не будем умиляться! Мы друг друга хорошо знаем. Я не стану удостоверяться, есть ли здесь кто-нибудь; я знаю теперь, что мне остается делать.

Графиня как-то странно посмотрела на него и, вдруг бросившись к его ногам, залилась слезами.

— Да, Оливье! Это правда, в твоём алькове спрятаны люди!

— А! Видите, графиня, я знал, что вы наконец задумаете убить меня!

— Оливье! — воскликнула она с надрывающей душу тоской в голосе. — Как ты можешь это говорить? Я хотела убить тебя? Я, которая пришла тебя спасти!..

— Вы лжете!

— Оливье, мужчина, оскорбляющий женщину, — подлец, тем более когда эта женщина была его любовницей!

— Пожалуйста, без громких слов, графиня! Уж теперь-то вам не удастся провести меня.

— Оливье! Презирайте меня, я перенесу это без жалоб, только ради Бога, бегите, спасайтесь! Через час, может быть, будет поздно... Все знают, что вы один из главных реформатских вождей!

Граф с минуту смотрел на нее с холодным презрением.

— Вы все сказали, графиня?

— Все! — прошептала она сдавленным голосом.

— Хорошо; теперь выслушайте меня; мне очень немного надо вам сказать.

— Говорите! — медленно произнесла она, встав с кресла и кинув на него змеиный взгляд.

— Графиня, есть женщины, которые так низко пали, что оскорблению не пробиться до них сквозь слой грязи, которым они покрыты... Вы одна из таких женщин; я не могу оскорбить вас. Я все понимаю. Вам, неизвестно каким образом, удалось пробраться в мой альков, чтоб иметь удовольствие видеть, как меня зарежут на ваших глазах; вы слышали все, что здесь говорилось. Видя, что ваши замыслы открыты, вы хотели ускорить развязку и попытаться обмануть меня. Но, повторяю, вам больше это не удастся. Благо-

дарите Бога, что вы женщина, иначе я воткнул бы вам нож в грудь! Ступайте отсюда!.. Я вас выгоняю! — прибавил он, презрительно оттолкнув ее руку.

Графиня слушала его, бледная, дрожащая, неподвижная, как статуя. Почувствовав его прикосновение, она покачнулась, но сейчас же выпрямилась.

— А! Так-то! — закричала она, пронзительно засмеявшись. — Так ты еще всего не знаешь! Да, я пришла убить тебя, но ты умрешь не сразу, а мучительной смертью, понемногу... Бессердечный, бесхарактерный глупец! Возле тебя были ангел и демон, и ты не сумел выбрать между ними! Пока ты будешь умирать, я расскажу тебе твою жизнь, которой ты не знаешь, укажу сокровища любви и преданности, которые ты безвозвратно потерял, чтобы сделаться добычей женщины, ненавидевшей, презиравшей тебя... Эй! Сюда!.. Попробуй теперь защищаться!

Она вдруг с быстротой молнии обвила его за шею обеими руками, чтоб лишить свободы движений.

Но граф знал, с кем имел дело, и держался настороже. Быстро оттолкнув графиню, он отскочил назад.

На зов Дианы из алькова выскочило человек пятнадцать, вооруженных с головы до ног, ожидая только ее приказания, чтобы броситься на графа.

В эту минуту дверь спальни отворилась, и вошел Дубль-Эпе с рапирой в руке и двумя пистолетами за поясом, а в другие двери просунулось лицо Клер-де-Люня, тоже хорошо вооруженного.

Мишель Ферре поспешно снял со стены рапиру и храбро стал возле графа.

Их было четверо против пятнадцати человек, но каждый из них стоил двоих. Из всего, что попало под руку, Клер-де-Люнь и Мишель Ферре устроили баррикаду.

— А капитан? — спросил граф у Дубль-Эпе.

— Не беспокойтесь, он не заставит себя ждать!

Все это произошло очень быстро.

— Не троньте только эту женщину! — предупредил их граф. — Она принадлежит мне.

— Бейте их насмерть! — крикнула Диана и выстрелила в графа.

Но рука ее дрожала от злости, и пуля засела в потолке. Это послужило сигналом. Вслед за тем раздалось разом восемь выстрелов со стороны осажденных.

Несколько человек графини упали замертво. Осажденные со страхом увидели, что на место убитых явились еще десять свежих человек; убийцы не могли все разом войти в комнату, и часть их спряталась на потайной лестнице.

— Вперед! — воскликнул граф и со своими товарищами перепрыгнул через баррикаду.

Началась страшная битва. Больше всех отличался Дубль-Эпе; он так размахивал своими рапирами, что около него, казалось, летал блестящий круг. Противники были тоже не трусливого десятка и бились мужественно, а Диана, стоя на кровати графа и ухватившись обеими руками за края полога, смотрела на это, точно какой-то злой ангел, парящий над резней.

Это не могло долго продолжаться. Один из бандитов, главарь, по-видимому, пронзительно крикнул, и его ватага отхлынула в альков. И граф со своими помощниками прыгнули за баррикаду. Они все, кроме Дубль-Эпе, были ранены; раны их были не опасны, но кровь текла сильно; они часкоро перевязали их друг другу.

Уже начинало темнеть. Граф дивился, отчего внизу, в гостинице, ничего не слышат и не идут к ним на помощь. Только что он собирался выразить свое удивление Дубль-Эпе, как за стеной послышался шум.

— Ну, опять за работу! — сказал, смеясь, молодой человек.

И действительно, вслед за тем бандиты опять бросились на них с новой силой; но в это же самое время раздался голос капитана:

— Бей их, бей!

И он явился с несколькими вооруженными людьми позади бандитов.

— Сюда, к нам! — закричал дю Люк.

— Идем, идем! — отвечал со смехом капитан. — Никто из вас не убит?

— Нет еще!

— Отлично! Вперед, товарищи! Хорошенько этих поросят!

Началась страшная резня.

Дубль-Эпе первый выскочил из-за баррикады, и, с силой оттолкнув убийц, взбежал по ступеням алькова.

Он бросил шпагу, которую держал в левой руке, схватил Диану за пояс и, оторвав ее от полога, за который она крепко

хваталась в отчаянии, перекинул себе на плечо, размахивая шпагой, быстрым прыжком очутился снова за баррикадой и бросил девушку к ногам графа.

Бандиты были теперь между двух огней и бились уже только для того, чтобы не быть убитыми.

Видя, что нет спасенья, они стали бросаться из окна, но и там их ждали люди Ватана; все брави¹ были перебиты. Из всей шайки осталась цела и невредима одна Диана.

Хорошенькая комната была вся залита кровью, портьеры и занавеси оборваны, мебель переломана.

— Не знаю, как и благодарить вас, капитан! — произнес Оливье, крепко сжав ему обе руки.

— Да за что, милый Оливье? Дело было горячее, но теперь ваши враги перебиты; не станем же об этом больше и говорить!

— Напротив, капитан, об этом надо говорить! Подобный случай в столице Франции непременно должен обратить на себя внимание публики. Нельзя допускать, чтоб в чужую квартиру вламывались разбойники и убивали граждан без всякого повода к этому. За это непременно должно последовать возмездие.

— Parbleu! Его нетрудно и добиться, граф! Ваш враг в ваших руках. Разбойники делали только то, что им велели сделать за деньги. Вот эта женщина им заплатила; она виновата; отправьте ее вслед за ними.

— Вы не думаете, что говорите, капитан; ведь я тогда совершу преступление еще отвратительнее, тем более по отношению к женщине.

— Да разве это женщина? Это дьявол; если вам противно к ней прикоснуться, так предоставьте мне!

Диана, лежавшая до тех пор на полу в бессознательном состоянии у ног графа, вдруг вскочила.

— Кто вам мешает? — вскричала она со зловещим смехом. — Убейте меня! Ведь выйдя отсюда, я всеми силами буду стараться отомстить вам.

— Можете делать, что угодно, сударыня! — с достоинством проговорил Оливье. — Вы женщина, вы теперь одна, вас некому защитить, это не позволит мне причинить вам какой-нибудь вред, тем более что я вас так глубоко презираю. Ступайте! Я вас прощаю и забываю!

¹ Б р а в о — наемный убийца в Италии XVII—XVIII вв.

— Но я не забываю, граф де Мовер! Я добьюсь своего!

— Как угодно, сударыня!

— Только я вас предупреждаю, — объявил ей капитан, так грубо взяв ее за плечо, что она пошатнулась, — если вы мне еще раз попадетесь, я вас раздавлю, как гадину!

Она презрительно посмотрела на него через плечо.

— Нетрудно угрожать тем, кто не может защищаться; но, клянусь вам, я своего добьюсь, и вы пожалеете, что не убили меня сегодня.

— Уходите, сударыня, — повторил граф, — всякую женщину надо щадить, даже такую, как вы!

— Хорошо, я уйду, но прежде отравлю вам сердце! Граф Оливье, покладистый муж погибшей женщины! Ваша жена смеется над вами. Герцог де Роган уже три дня в Париже; он приехал только для того, чтоб увезти вашу жену, они едут теперь в Монтобан. Идите, стучитесь в дом на улице Серизе! Вам не достучаться!

— Лжете! — раздался пронзительный голос мэтра Грипнара. — Графиня Жанна уехала не одна; с ней поехала моя жена. Герцог едет на десять миль впереди. Вот, господин граф, письмо от вашей супруги, в котором она извещает вас о своем отъезде; а вот это от герцога, в котором он, вероятно, объясняет, почему это так случилось. *Sang Dieu!* Если вам угодно простить эту красавицу, так я не прощу ей убытков, которые она мне наделала в моей гостинице! Пусть заплатит!

Граф невольно улыбнулся и, взяв у него письма, положил ему в руку полный кошелек золота.

— Вы славный человек, мэтр Грипнар! — произнес он. — Вот возьмите за убытки. Я найду случай доказать вам свою благодарность. А вас, сударыня, — прибавил он, обращаясь к Диане, — убедительно прошу уйти, вам больше здесь делать нечего.

— Нет, постойте! — сурово вскричал Ватан. — Великодушные хорошо, граф, когда дело не идет о собственной безопасности, а тут ведь мы все поплатимся головами. Макромбиш, Бонкорбо, делайте, что я велел!

Диану мигом связали, заткнули ей рот и унесли.

Граф хотел было броситься ей на помощь, но капитан схватил его за руку.

— Стойте! — крикнул он. — Даю вам слово, что ей вреда не причинят; но теперь это все же одним врагом меньше; у

нас их все-таки еще много осталось. Уже поздно; разве вы забыли, что нас ждут?

Граф помолчал с минуту, опустив голову, потом гордо поднял ее и протянул руку авантюристу.

— Благодарю вас, вы мне напомнили о моей обязанности! — сказал он. — Идемте!

ГЛАВА XI

Как капитану Ватану угрожала петля и как он сам повесил того, кто хотел его вешать

Граф дю Люк, поручив заботам мэтра Грипнара довольно тяжело раненного Мишеля, ушел с капитаном, Дубль-Эпе и Клер-де-Люнем.

Оливье был в затруднительном положении. Люди решившиеся на такое дерзкое дело среди белого дня, на одной из самых многолюдных улиц и прятавшиеся за Диану де Сент-Ирем, должны были иметь большую силу и вполне быть уверенными в безнаказанности.

Дю Люк понимал, что преследовавшие его неприятели повторят попытку, но будут действовать уже осторожнее и заручатся большими шансами на успех.

Капитан Ватан вполне разделял его мнение, а Клер-де-Люнь и Дубль-Эпе, чувствуя, что земля уходит у них из-под ног, только и ждали, как бы стать поскорей в ряды армии де Рогана, где их уже никто не отыщет.

Решили следующее: на рассвете солдаты Ватана и Тунейдцы Клер-де-Люня должны были выехать из города не больше как человека по три через разные заставы и соединиться в маленьком городке Гискаре.

— Там никто и внимания на нас не обратит, — сказал капитан, предложивший его, — а оттуда мы отправимся окончательно в Компьен, где расходятся дороги по всему королевству.

Граф дю Люк прибавил только, чтоб мадмуазель де Сент-Ирем непременно освободили до их отъезда из Парижа.

— Теперь, — продолжал капитан, — мы знаем каждый свое место, и нам остается только отправиться по назначению. Вы, граф, перейдя мост, остановитесь у Бронзового Коня и три раза снимите шляпу; около вас сейчас же соберется пятьдесят человек, которые скажут вам пароль. Я за них отвечаю, как за себя самого... В четыре часа утра, —

прошептал он на ухо Оливье, — я жду вас с лошадьми у Монмартрских ворот.

Они разошлись.

— Да! — проговорил про себя капитан. — Я знаю, где найти своих молодцов; они не тронутся с места, пока не увидят меня; но мне надо кое-что еще разузнать.

Он отправился к реке; там у плота стояла лодочка. Капитан прыгнул в нее, лег на спину и оттолкнулся от берега.

— Жаль, что нельзя заснуть, — посетовал он, — а хорошо бы.

Новый мост представлял в это время преоригинальную картину.

Ночь была тихая, безоблачная, по берегам ни души; окутавший их сумрак только кое-где расступался, давая место беловатым, светлым полосам от луны и звезд.

На самом жемосту кипела жизнь. От зажженных факелов на небе стояло целое зарево; со всех сторон слышались крики, смех, бестолковая, шумная музыка у всех фокусников, стук алебард, которым дозорные отгоняли народ с середины моста; в довершение этого гвалта гудели колокола Нотр-Дамы и других церквей города.

Скоро должна была начаться процессия. Невдалеке от капитана послышался легкий шум.

— Это, похоже, наши, — подумал он и стал прислушиваться.

Действительно, из-за Бронзового Коня по скользким ступеням, которые шли к площадке Нового моста, спускались какие-то люди в надвинутых на глаза шляпах, закутанные в плащи. На площадке они столпились и молча раскланялись друг с другом. Разглядеть их капитан не мог, но ясно слышал, что они говорили.

— Ну, что? — спросил один.

— Все идет хорошо, — отвечал другой. — Все приказания точно выполнены; могут когда угодно начать праздник.

— А дело с дю Люком?

— Не удалось. Бедняги, пришедшие с мадмуазель де Сент-Ирем, все перебиты.

— А сколько же их было?

— Человек пятьдесят, кажется.

— Молодцы! Но куда девалась мадмуазель де Сент-Ирем? Не убили ее, надеюсь?

— Нет! Ее увезли.

— Ну, это ничего! Мадмуазель де Сент-Ирем слишком хороша, чтоб не привыкнуть к таким случайностям.

— Шевалье, вы забываете, кому и о ком так говорите.

— Я думаю, граф, что теперь неудобно называть друг друга по имени и титулу.

— Благодарю за напоминание, но мы возобновим этот разговор в более удобном месте.

— Хорошо, окажу вам эту честь.

— Милостивый государь.

— Господа, господа! Что за споры о пустяках в такое время! Именем короля, прошу вас замолчать!

Спорившие поклонились и замолчали.

— Ну, времени терять нечего, — сказал тот, который их унял, — процессия выходит теперь из Сен-Жермен-Л'Осеруа; меньше чем через двадцать минут она будет на мосту. Не лучше ли было бы нам последить за нашими партизанами?

— Они все на местах и ждут только сигнала.

— Хорошо, я подам его, когда будет нужно.

— А скажите кстати... что, надо всех убивать... и детей, и стариков, и женщин?

— Помните, — был строгий ответ, — что в бунтах больше всего мешают женщины, старики и дети; они бросаются на колени, просят, плачут и заставляют иногда щадить мятежников. Но в приказах его величества, заботящегося о благе государства, сказано, чтоб не щадить никого; следовательно, всякая пощада будет нарушением королевской власти. Убивайте всех! Король не может ошибаться. Щадя бунтовщиков, вы делаетесь их сообщниками.

— Я буду повиноваться, отец мой!

— Без названий! Пора! Остается всего несколько минут.

— Позвольте, если не ошибаюсь, здесь нас слушает кто-то посторонний.

— О! Посмотрим.

Сказавший это взял из-за пояса пистолет и прицелился в лодку, на дне которой лежал капитан.

— Эй, приятель или кто бы вы ни были! — крикнул он. — Причаливайте, если не хотите, чтобы я в вас выстрелил!

Капитан вскочил на ноги.

— Что вам угодно? — очень любезно спросил он.

— Нам угодно, чтоб вы скорей причаливали.

— С удовольствием; очень рад быть в таком приятном обществе.

Капитан одним прыжком очутился между дворянами и развязно поклонился.

— Что вы делали в этой лодке?

— Катался.

— Как?.. Лежа на спине?

— Я мысленно летал в облаках. Я философ-эклектик.

— И шутите вместе с тем?

— Как все люди, испытавшие жизнь и торопящиеся смеяться над ней, чтоб не плакать.

— Но кто же вы такой? Как ваша фамилия?

— По какому праву вы меня об этом спрашиваете? Ведь вы сами надели маску, чтоб не быть узнанным? Вы очень нелогичны!

— Не о логике речь, — сердито вскричал замаскированный, — а о виселице!

— А! Это прескверный род смерти; я бы на вашем месте не выбрал его.

Все расхохотались.

— Я не о себе, а о вас говорю.

— Ах, обо мне! Это другое дело. Извините, милостивый государь, я вашего желания не могу исполнить и не скажу вам своего имени.

— Так вас повесят!

— О! Скоро же вы выводите свои заключения; да с какой же стати вы относитесь ко мне, как к разбойнику? Совершенно не зная меня, вы без обиняков хотите меня повесить и еще в претензии за то, что мне это не нравится.

— Ошибаетесь, капитан, мы хорошо вас знаем, — произнес, подходя, другой замаскированный.

— А! В таком случае вы должны знать, что меня запугать угрозами трудно.

— Любезный капитан, вы прежде всего человек умный и лучше, чем кто-нибудь, понимаете, что в иных обстоятельствах надо уступать силе. Времени нам терять некогда; скажите откровенно: за кого вы? За короля или за реформу?

— Положа руку на сердце, должен вам по совести сказать, что мне на это очень трудно ответить.

— Как так?

— Виноват, прежде позвольте спросить, который час?

— Половина девятого сейчас пробило.

— Ну, так я пропал! — воскликнул капитан, топнув ногой. — Видите ли, я авантюрист, человек без предрассудков

и без всякой предвзятой цели. Между нами, мне очень мало дела и до короля, и до реформы; я вижу во всем этом только хорошее жалованье. Я заключил с реформатами договор, по которому обязуюсь прослужить им известный срок, и сегодня как раз конец этому сроку.

— Так...

— Нет, позвольте... Он кончается ровно в полночь; а до тех пор я не имею права изменять реформатам и не изменяю:

— В таком случае угроза моего товарища будет сейчас же исполнена...

— А! Да вам разве непременно хочется меня повесить?

— Для нас главное — лишить вас возможности нас выдать.

— Ба! Так неужели же вы думаете, что я так прямо и позволю вам это? Черт возьми, я тоже дорожу своей шкурой! Вынимайте шпаги, господа! Предупреждаю, у меня четыре заряда в пистолете, нож и рапира... Ну, рассчитаемся!

Спустившись на последнюю ступеньку, чтоб на него не могли напасть с тыла, он в одну руку взял пистолет, а в другую рапиру.

В эту минуту берега ярко осветились, и раздалось громкое церковное пение.

— Ого! Это что? Крестный ход так поздно вечером! Господи, как жаль, что я не могу участвовать в процессии!

Через перила наклонились несколько человек с факелами.

— Капитан! — закричал один из них. — Что же вы там делаете? Мы ждем вас.

— А! Это ты, Клер-де-Люнь? Я бы давно пришел, да вот эти господа не позволяют. Хотят непременно меня повесить.

— Вот что! — распорядился Клер-де-Люнь. — Эй вы, прицельтесь в них и при малейшем движении убейте, как собак, а мы, братцы, к капитану!

Через перила мигом перекинули несколько веревок, вероятно, заранее приготовленных; человек десять Тунеядцев и Клер-де-Люнь впереди всех быстро соскочили на площадку.

— Ну, мне еще, кажется, не суждено быть повешенным! — вскричал Ватан.

— Господа, господа! — старался утихомирить товарищей один из дворян, становясь перед ними. — Не будем затевать ссоры с этими плутами. Уйдите, нам этого человека всегда легко найти.

— Тем более, прекрасные ночные птицы, что я и сам вас буду отыскивать, — отвечал капитан, — искорейнайду, чем

вы думаете. Ступайте, я дарю вам жизнь! — величественно прибавил он.

— Негодай! — крикнул один из замаскированных и бросился было вперед, но Клер-де-Люнь пригрозил, что убьет его, как собаку, если только он шевельнется.

Дворяне, видя, что приходится уступать силе, бросились в лодку, в которой приплыл капитан, и, перавнявшись с плотом, бегом бросились на берег, где рассеялись в разные стороны.

Тунейдцы между тем вернулись на мост и заняли каждый назначенное место. Капитан, покручивая усы, стал пробираться к театру Шута; и какой-то другой человек протискивался туда же. Ватан узнал Жака де Сент-Ирема и встал за ним.

В эту минуту шум и крик смолкли: на мост вошла процессия. Она была очень длинна; хвост ее еще не выходил из церкви Сен-Жермен-Л'Осерруа. Впереди ехал отряд стрелков, играя на трубах, затем следовали кающиеся, по двадцать пять человек в ряд, со свечами. Священники несли образа и хоругви; множество монахов всех нищих орденов тоже шли с образами и свечами, и вся эта масса нестройно пела псалмы.

Картина была оригинальная, поразительная. Процессия дошла почти до Бронзового Коня, как вдруг граф де Сент-Ирем, быстро надвинув шляпу, презрительно закричал:

— К черту папистов! Да здравствует Религия!

— Хе-хе! — насмешливо заметил капитан. — Это что за нечестивец?

— Долой мессу и римские комедии! — продолжал граф.

— Долой мессу! — прокричали человек двадцать в толпе и стали пробираться к графу.

— Да здравствует месса! — громовым голосом провозгласил капитан. — Да здравствует король! Долой еретиков!

Его возгласы повторила громадная толпа, занимавшая почти всю площадь Дофина.

Живо завязалась драка, к которой присоединились и буржуа, и полицейские, и *tire-laine*.

Процессия была остановлена, разбита; конвоировавшие ее солдаты, из которых многих выбили из седла, не зная, кого слушать, разбежались в разные стороны, так же как и участвовавшие в процессии; народ преследовал их криками, свистом, забрасывал комьями грязи.

Католики, затеявшие новую Варфоломеевскую ночь, сами попались; реформаты с насмешливыми криками «Да здравствует месса!» резали, били их и бросали в реку.

Какой-то человек без плаща и шляпы, со шпагой в руке бежал к площадке моста, ожесточенно отбиваясь от преследовавших его, и быстро спустился по ступенькам.

Но преследователи спустились туда по веревкам.

— В воду нечестивца! — вопили они.

— Стойте! — крикнул капитан. — Этот человек принадлежит мне!.. Граф де Сент-Ирем, — прибавил он, обращаясь к беглецу, остановившемуся, опираясь на шпагу, — полчаса тому назад вы хотели повесить меня здесь, но вам это не удалось; а теперь, клянусь, я вас непременно повешу! Не беспокойтесь, сначала я проткну вас рапирой.

— Нетрудно убить человека, когда вас пятьдесят против одного, — презрительно отвечал граф.

— Ошибаетесь, граф, я не убиваю, я дерусь!.. Эй вы, прочь! Если я буду убит, не задерживайте графа.

Тунеядцы недовольно заворчали.

— Я требую этого! — сказал капитан.

— А я все-таки приготовлю веревку, — хмуро заметил Клер-де-Люнь.

— Как знаешь, братец, это тебе не повредит, — усмехнулся капитан.

Они начали драться с ожесточением. Тунеядцы тревожно следили за дуэлью, которая могла кончиться смертью обоих противников.

Вдруг граф де Сент-Ирем, сделав шаг вперед, выхватил из-за пояса пистолет и выстрелил; пуля пролетела мимо капитана и наповал убила стоявшего позади него Тунеядца.

— Ах, мошенник! — воскликнул капитан и, бросившись на графа, проткнул его рапирой и перерезал ему горло ножом. — Повесьте эту собаку! — приказал он.

Приказание было в ту же минуту исполнено.

— Идемте наверх, ребята, — позвал своих товарищей капитан, — посмотрим, что там нужно сделать.

Наверху по-прежнему продолжалась свалка, и трупы градом сыпались в реку.

Клер-де-Люнь и Тунеядцы с радостью примкнули к дравшимся. Капитана сильно утешала мысль, что он убил Жака де Сент-Ирема, ему жаль было только, что он не мог вслед за братом отправить и сестру, но давал себе слово сделать это при первом удобном случае. Читатель знает, что капитан всегда держал свое слово.

*Как своеобразно Клод Обрио просил графа
дю Люка взять его к себе пажом*

одно чудесное утро в начале июня, в девятом часу, от Компьена ехали двое хорошо вооруженных мужчин. На берегу реки живописно раскинулся городок Гискар. Путешественники въехали в одни ворота и выехали в другие, не останавливаясь.

Едва миновав его последние домики, они увидели шагах в пятистах вправо огромное здание, выходившее фасадом на большую дорогу; у крыльца стояли телеги.

— Вот, кажется, гостиница, которую нам указывали в Компьене, — произнес Оливье (читатель, конечно, узнал в двух путешественниках наших героев).

— Да, это гостиница «Кок-Арди», — подтвердил капитан. — Меня уже, правду сказать, начинает беспокоить, что до сих пор мы не встретили никого из наших.

Они прибавили шагу и вскоре подъехали к крыльцу.

В общей зале пили и ели множество извозчиков, солдат, монахов и буржуа. Немножко поодаль от других аппетитно завтракали двое. Капитан подошел и сел возле одного из них.

— Крестник, ты, может быть, и меня угостишь? — спросил он.

— Ах, крестный! Parbleu! Только вы можете явиться так неожиданно! — вскричал Дубль-Эпе.

Другой путешественник, завтракавший с Дубль-Эпе, был Клер-де-Люнь.

Они объяснили капитану, что все остальные — буржуа, монахи и солдаты, кроме извозчиков, были Тунеядцы, нарочно делавшие вид, что не знают их.

— Теперь нам надо изменить путь, — сказал Клер-де-Люнь, — мы должны дать им пароль и назначить новое место встречи.

— Но я их не знаю, — возразил капитан.

— О, это пустяки! Чего вы не можете сделать, то сделаем мы. Где мы съедемся опять?

— Я думаю, — предложил Оливье, — самое лучшее — деревня Кайлю; там мы будем почти у самого арьергарда нашей армии и пока станем организовываться в окрестных лесах, пошлем гонца сказать герцогу де Рогану о нашем приближении. От Кайлю нам уже надо будет ехать всем вместе, а не врозь.

— Отлично, — согласился капитан, — но отсюда до Кайлю далеко, а твои молодцы, Клер-де-Люнь, если им не дать в руку, пожалуй, так уйдут, что их после и с фонарем не найдешь!

— В этом отношении, капитан, делайте, как знаете.

— Ну хорошо, так я тогда сам все это устрою.

Они кончили завтрак. Капитан шепнул несколько слов Клер-де-Люню, и тот подозвал Макромбиша, одетого толстяком-монахом, и велел ему свести Дубль-Эпе к тому месту, где Тунеядцы стояли лагерем.

— Дубль-Эпе, — прибавил он, — собери десятерых начальников отрядов и вели им как можно скорей явиться сюда; товарищи пусть подождут их возвращения в чаще ивняка.

Дубль-Эпе отправился с «монахом» Макромбишем, набожно раздававшим благословение встречавшимся извозчикам.

Зала гостиницы между тем мало-помалу опустела. Кроме капитана, Оливье и Клер-де-Люня, оставались только еще двое: один, мертвецки пьяный, спал, растянувшись на скамейке, другой — хорошенький, кудрявый, белокурый паж с черными глазами и светлыми ресницами, в потертом костюме пажа и высоких сапогах со шпорами, сидел, облокотившись на стол и опершись подбородком на ладонь, и, казалось, задумался, но на самом деле внимательно слушал разговор путешественников.

— Ну, — произнес капитан, — теперь нам бы надо ехать всем четверым вместе; ведь неизвестно, что может случиться. Как вы думаете, Оливье?

— Мне все равно, я буду делать, что хотите, — отвечал, покачав головой, граф. — У меня какое-то тяжелое предчувствие; точно какая-то опасность ждет меня. Никак не могу отделаться от этого чувства.

— Понимаю, — посочувствовал ему капитан, — и сомной это бывало перед битвой, например, в которой мне приходилось быть раненым. Но ведь, как говорил один мой знакомый турок, «чему быть — тому не миновать».

В эту минуту вошел Дубль-Эпе. Он все устроил, начальники отрядов через пять минут должны были приехать.

— Не пойти ли нам к ним навстречу? — спросил капитан.

— Да ведь они сами сейчас будут.

— В том-то и дело. Нам с ними лучше говорить не здесь, где столько лишних ушей и глаз. Не люблю я, — иронично

прибавил он, — этих пьяных извозчиков, которые спят с открытыми глазами, и пажей, которые притворяются, что мечтают о своей любви, а сами слушают чужой разговор.

Едва успел капитан выговорить эти слова, как спавший извозчик вскочил и побежал к двери. Но паж быстрее молнии бросился загородить ему дорогу и так ловко воткнул в грудь кинжал, что тот и охнуть не успел.

Все это произошло чрезвычайно быстро; никто не успел опомниться.

— Что вы сделали? — вскричал граф, бросившись к пажу.

— Убил этого человека, как видите, — холодно проговорил тот.

— Но зачем?

— Посмотрите на него и увидите, зачем.

— Магом! — воскликнул капитан, взглянув на убитого и сняв с него парик и подвязанную бороду.

— Да, Магом, правая рука Дианы де Сент-Ирем, вашего неумолимого врага! — подтвердил паж.

— Но кто же вы сами такой? — спросил граф.

— Я? Убийца, — признался молодой человек с горькой усмешкой.

Между тем прибежали испуганный хозяин и его прислуга. Граф дал ему кошелек с золотом, сказав, что Магом убит в ссоре и что лучше скорей стащить его в реку, чем дать наехать объездной команде.

Через пять минут труп верного, преданного слуги Дианы был брошен в реку, а пол в зале вымыт, и от преступления не осталось никаких следов. Капитан подозвал пажа и предложил ему стакан вина; тот поблагодарил и залпом выпил.

— Вы так же хорошо пьете, как и владеете кинжалом, молодой человек! — отметил, смеясь, капитан. — Из вас выйдет толк. Теперь потолкуем, хотите?

— С удовольствием, — согласился паж.

— Кто вы такой?

— Я бедный сирота, воспитанный из милости в доме маркизы Барбантан...

— Клод Обрио! — изумился граф. — Теперь я вас припоминаю. А вы, друг мой, узнаете меня?

— О да, господин граф! — отозвался молодой человек с трогательным волнением. — Вы были всегда так добры ко мне, что я не могу вас забыть.

— Но каким образом вы здесь очутились? Вас так все любили у маркиза, особенно он сам и его жена!

— Да, господин граф, — рассказал молодой человек, — маркиз был очень добр ко мне, и я его любил, как отца. Недели две тому назад его разорвал волк на охоте. Не успели его похоронить, как от меня все отвернулись. Маркиза сказала, что я больше не нужен, и только из жалости дала мне рекомендательное письмо к вам; вы теперь единственный мой покровитель.

Капитан и Оливье были тронуты до глубины души тоном искреннего горя, которым Клод произнес эти слова.

Он подал графу письмо маркизы.

— Продолжайте, дитя мое, — ласково сказал Оливье.

— Я поехал в Моверский замок; там мне объяснили, что вы в Париже, на Тиктонской улице, в гостинице «Единорог». Я прибыл в Париж и узнал, что за два часа до моего приезда вы уехали. Добрейший мэтр Гриппнар указал мне, как вас найти, и я отправился. В одном городке, недалеко от Компьена, у меня расковалась лошадь; это было воскресенье, кузнецы отказались работать в праздник; мне было очень досадно на задержку, но нечего делать, пришлось оставаться в гостинице; сквозь тонкую перегородку, отделявшую мою комнату от соседей, я услышал разговор мужчины с женщиной. Мужчину звали Магомом, женщину я узнал по голосу, который часто слышал, бывая с маркизом в Мовере; это была мадмуазель Диана де Сент-Ирем. Магом давал ей слово ехать вслед за вами и найти случай убить вас; сделав ножом отверстие в перегородке, я стал всматриваться в лицо злодея, чтобы узнать его после, а ночью тихонько спустился по лестнице, оседлал лошадь и уехал, хотя бедное животное прихрамывало и ночь была претемная. Сюда я приехал часом раньше и все время следил за ним. Остальное вы знаете, господин граф.

— Спасибо, Клод! — поблагодарил юношу Оливье. — Я не забуду твоей услуги. Теперь ты будешь моим пажом; от тебя зависит не расставаться со мной.

— Благодарю вас, граф; я постараюсь сделаться достойным вашей милости, — отвечал Клод и почтительно поцеловал протянутую ему руку.

— Morbleu! Вы хорошо делаете, Оливье; этот паж прехорошенький; сначала он показался мне немножко подозрительным, но теперь все прошло!

При этих словах паж слегка вздрогнул и как-то особенно посмотрел на капитана Ватана.

— Я полюблю этого ребенка, — продолжал ничего не заметивший капитан. — У тебя хорошие способности, мальчуган, я их разовью!

— Постараюсь следовать вашим советам, капитан, — лукаво согласился паж.

Между тем Макромбиш привел десятерых начальников, разбойников с головы до ног, как это сразу было видно, да еще до того упившихся, что на вопрос заметившего это Клер-де-Люня, в состоянии ли они его понять, все могли ответить только поклоном.

— Ступайте выкупайтесь! — приказал он им.

Они ушли и через несколько минут вернулись в том же порядке, мокрые, как лягушки. Все десятеро храбро окунулись в водопойную для лошадей. Макромбиш тоже окатил себе голову свежей водой. После этого они могли понять, что им говорилось.

— Слушать внимательно! — призвал их Клер-де-Люнь. — Вы сейчас же отправитесь в Кайлю, приедете туда не позже чем через десять дней и остановитесь не в городе, а в соседнем лесу. Кто опоздает хоть на минуту, будет сейчас же без разговоров прогнан; все те, которые приедут ровно в полдень на десятый день, получают по двадцать пистолей. Грабить по дороге позволяется, только без шума и разных крайностей. Поняли?

— Поняли, начальник.

— Каждому из вас дается на дорогу по четыре пистоля...

Они с радостным восклицанием инстинктивно протянули руки.

— Но, — несколько охладил их пыл Клер-де-Люнь, — так как, если вам дать всю эту сумму прямо в руки, вас после поминай как звали, вы получите сейчас по одному пистолю; в Кайлю вам отдадут остальное.

Тунеядцы, видимо, были недовольны, но молчали, зная, что с Клер-де-Люнем ничего не поделаешь. Он отдал кошель с деньгами Макромбишу.

— Не забудьте, — прибавил Клер-де-Люнь, — отдать и солдатам капитана Ватана их долю. Ступайте, я полагаюсь на вас! Чтоб через час здесь ни одного больше не было!

Тунеядцы поклонились и ушли.

— Ну, едем! — сказал капитан. — Расплатись, крестник! Есть у тебя лошадь, мальчуган?

— Есть, — отвечал паж.

— Так ступай за ней — и в путь!

Через несколько минут все пятеро мчались к Компьену.

ГЛАВА XIII

Зачем граф дю Люк уехал из леса Кайлю и отправился в Сент-Антонен

Коннетабль Люинь не отличался блестящими военными способностями; вся его цель состояла в том, чтоб сделать карьеру и нажить состояние. Его слабые, нерешительные действия не могли сильно тревожить де Рогана, известного в то время своим искусством в военном деле.

Когда король отправился с двадцатипяти тысячным войском усмирять восстание в Лангедоке и Гиени, маршал Лесдигьер предлагал ему следующий план: не обращая внимания на мелкие города, идти прямо к трем главным — Монпелье, Монтобану и Тулузе, которые одни могли оказать сильное противодействие, и осадить их, а герцогу Ангулемскому в это время расположиться в окрестностях, чтоб не допускать никакого подкрепления осажденных со стороны гугенотов.

Тогда Монпелье, Монтобан и Тулуза были еще не готовы к осаде, и взять их не представляло труда.

Коннетабль Люинь между тем составил свой план, по которому, напротив, надо было идти медленно, овладевая всеми встречными гугенотскими городами, ставить в них гарнизоны и пробовать заключить договоры с гугенотскими губернаторами. Этот план был внушен ему каким-то кармелитским монахом. Он шел вместе с армией, предсказывая, что в назначенный им день король непременно возьмет Монтобан. Однако это оказалось ложью, и кармелита прогнали.

Герцог де Роган между тем воспользовался глупостями Люиня и успел подготовиться. Он укрепил Монтобан и поручил начальство в нем герцогу Делафорсу.

Таким образом, когда король подошел к Монтобану, город был уже так сильно укреплен, что герцог мог даже предписывать условия королю.

В то время, о котором мы говорим, около Кайлю тянулся громадный лес. Десятого августа, в третьем часу пополудни,

из этого леса крупной рысью выехали два вооруженных всадника на великолепных конях. Один был Оливье, другой — его любимец-паж Клод Обрио.

Уже две недели Тунейдцы стояли в лесу Кайлю, не давая покоя королевским войскам и особенно ловко перехватывая обозы с провиантом.

Клод Обрио сделался общим любимцем. Всякую минуту он готов был и на шалость, и на драку, не рассуждая о последствиях.

Два часа тому назад граф дю Люк получил от де Лектура письмо, в котором говорилось, что герцог де Роган накануне вечером вернулся из Севенн и просит Оливье немедленно приехать; что он постарается выехать к нему навстречу, чтоб длинный путь не показался графу таким скучным.

Оливье, поручив начальство капитану Ватану, поехал один со своим пажом. После разрыва с женой ему ни разу еще не приходилось встречаться с де Роганом, граф глубоко в душе ненавидел его за оскорбления, которые герцог, по его мнению, нанес ему, и оставался в рядах своих единоверцев только для того, чтоб найти случай блистательно отомстить. Теперь он ехал к своему врагу, и, конечно, эта встреча должна была иметь кровавый исход.

Клод Обрио, как все любимцы умевший льстить страстям своего господина, хитростью и ловкостью выпытал кое-что из секретов Оливье.

Графа, когда его не туманила страсть, трудно было обмануть; кроме того, он вполне доверял капитану, и не стоило и пробовать поколебать это доверие.

Клод Обрио имел, по-видимому, какую-то тайную цель; он всячески старался не возбуждать подозрений капитана, проницательности которого особенно боялся; он видел, что при малейшей неосторожности капитан сделается его неуловимым врагом, так как, казалось, постоянно не доверял; так же осторожно молодой человек действовал и по отношению к Клер-де-Люню и Дубль-Эпе.

Во время пути в Сент-Антонен граф, обычно находивший некоторое удовольствие в болтовне пажа и нередко улыбавшийся его остроумным замечаниям, был молчалив и пасмурен. Пажу никак не удавалось развеселить его. Молодой человек вдруг тяжело вздохнул.

— Ах, — произнес он, как будто говоря сам с собой, — какое несчастье, что мы гугеноты!

— Это еще что за новая фантазия? — вскричал с удивлением граф. — Вы раскаиваетесь, что принадлежите к реформатской церкви?

— О да, монсеньор, от всей души!

— Отчего же, скажите, пожалуйста, дрянной мальчишка?

— Оттого что я сделался бы монахом, если бы был католиком, монсеньор.

— Еще не доставало! Вы хотите пойти в монахи? Почему же это?

— Потому что монах пользуется большими выгодами, а я, бедный гугенот, веду монашескую жизнь и выгодами ее не пользуюсь.

Граф с минуту смотрел на него, нахмутив брови.

— Хорошо, милостивый государь! — сказал он. — Если вам так тяжела служба у меня, я сегодня же вечером освобожу вас, можете идти куда угодно.

— О, монсеньор! — воскликнул мальчик, залившись слезами. — Вы хотите удалить меня! Я вас так люблю, так предан вам! О, простите мои глупые слова! Ведь в душе я не думаю того, что сейчас сорвалось у меня с языка. Мне хотелось только развлечь вас, заставить разговориться... Прикажите вернуться в лагерь?

— Нет, останься, — возразил граф, — но другой раз води себя обдуманнее, дитя мое.

— О да, монсеньор! Вам больше не придется делать мне выговора.

— Я надеюсь. Ты еще ребенок, мой бедный Обрио; твои детские огорчения не разбивают тебе сердца, а, напротив, только укрепляют его. Дай Бог, чтоб ты подольше сохранил свою юную беспечность, Обрио! Я уже много страдал и вот что скажу тебе, Обрио: никогда целиком не отдавай сердце женщине; тебе двадцать лет, в этом возрасте женщина всегда кажется ангелом; люби их всех, но не люби ни одной отдельно; если же любишь, держи ее в ежовых рукавицах; тогда она будет тебя любить и гордиться тобой.

— Монсеньор, видно, вы сильно страдали, что так говорите об этих созданиях, сотворенных для нашего счастья?

— Да, я сумасшедший, что говорю тебе подобные вещи. И ты будешь, наверное, поступать так же, как всегда поступают мужчины, и придешь к такому же разочарованию, как я. Я люблю двух ангелов: одному отдал всю жизнь — моей

жене, другую любил, как только может любить брат; и обе женщины насмеялись надо мной, изменили мне...

— О, монсеньор! Вы, конечно, убили этих женщин?

— Нет, Обрио, женщин не убивают! Я расстался с женой, а ту другую... Она так стала мне противна, что я совершенно перестал о ней заботиться и оставил ее в грязи, из которой ей никогда больше не выбраться.

— О!.. — вскричал паж, нервно вздрогнув и сверкнув глазами.

— Тебя это возмущает, дитя? Я страшно отомстил этим женщинам: одну теперь мучает совесть, а другая стала падать ниже и ниже и сделалась презренной куртизанкой.

Паж невольным движением прищпорил лошадь, и та бешено понеслась вперед. Молодой человек с трудом наконец сдержал ее и вернулся к Оливье, громко смеясь.

— Что это с тобой случилось? — спросил удивленный граф. — Я уже думал, что ты сошел с ума.

— Это моя лошадь виновата, монсеньор; не знаю, какая муха ее укусила; она едва не сбросила меня в ров.

Разговор на этом прекратился. Они уже подъезжали к Сент-Антонену. Кругом на каждом шагу видны были страшные следы проходившего королевского войска: деревья везде были срублены, дома и фермы сожжены и разграблены, в рвах и на дорогах валялись трупы мужчин, женщин и детей. На стенах, на которых ясно видны были следы пуль, стояли протестантские караульные с мушкетами или пиками на плече.

Увидев графа и его пажа, они поставили оружие к ноге и крикнули, приказывая им остановиться. Граф поднял кверху навязанный на острие шпаги платок.

Через несколько минут опустили подъемный мост; человек десять всадников выехали из ворот; один из них, по-видимому, начальник, велел им остановиться, подъехал к графу. Оливье просил впустить его в город и сказал свое имя.

— Герцог де Роган с нетерпением вас ожидает, граф, — отвечал офицер.

Это был губернатор Сент-Антонена барон Шарль Бертран де Пенавер.

Они въехали в город.

— Могу я сейчас же видеть герцога? — осведомился Оливье.

— Непременно, граф. Я сам провожу вас в думу, где теперь совет.

— О, так есть новости?

— Новости секретные, граф, но так как герцог все равно вам их сейчас расскажет, я не стану скрывать; об этом, впрочем, кое-что уже знают все. Говорят, вчера из Кастра приехал шпион и донес герцогу, что королевские войска прямо пойдут на Монтобан.

— А разве Клерак сдался?

— Нет еще, но должен будет сдаться, он при последнем издыхании; там почти нет ни куска хлеба. Коннетабль, говорят, оставит там часть войска, а с главными силами пойдет на Монтобан.

В это время они подъехали к думе. Граф соскочил с лошади и, бросив поводья Обрио, пошел за де Пенавером.

ГЛАВА XIV

О чем говорили герцог де Роган с графом дю Люком и что из этого вышло

В думе был совет. Председатель, герцог де Роган, сидел за зеленым столом на возвышенной площадке зала; два кресла справа и слева возле него были незаняты. Он приветливо принял графа дю Люка, посадил его возле себя и нарочно для того, чтоб вполне ознакомить его с положением дела, снова начал речь, которую прервал, когда граф вошел. Он объяснил в этой речи, что положение их вполне благополучно, что у короля нет такого войска, которое могло бы окружить город со всех сторон, и что, следовательно, с восемью тысячами сторонников, набранных им в Севернах, он будет в состоянии противодействовать герцогу Ангулемскому и заставить короля сделать уступки; затем они предпишут ему условия и возвратят протестантам привилегии, данные Генрихом IV.

Речь была встречена громкими рукоплесканиями и благодарностью.

Совет кончился; буржуа и министры разошлись. Оставшись одни с Оливье, губернатором и офицерами своего штаба, де Роган извинился перед ними, прося подождать минуту, пока он скажет наедине два слова графу, и перешел с ним в соседнюю комнату.

— Милый граф, нам с вами необходимо объясниться, откровенно и дружелюбно, — сказал он.

— Да, герцог, — серьезно отвечал Оливье, удивляясь непринужденному тону де Рогана.

— Во всяком деле, граф, лучше всего выяснить все сразу. Выслушайте меня. Вы считаете меня виноватым перед вами, тогда как я нисколько не виноват.

— Герцог, — высокомерно произнес граф, — слова тут излишни; шпага докажет, на чьей стороне право. Я и так проявил слишком много терпения.

— Однако, милостивый государь, позвольте вам заметить, что и я слишком терпеливо вас слушаю.

— Вы? — горячо вскричал Оливье.

— Конечно! В этом деле и моя честь затронута клеветами, которые неизвестно для чего распустили. Как! Я, товарищ по оружию вашего отца, пятидесятилетний человек, вполне занятый политикой, преследуемый, как дикий зверь, приговоренный к смерти, воспользовавшись гостеприимством, оказанным мне в вашем доме, отплачу за это таким низким обманом? И что же употреблю для этого? Письмо от герцогини де Роган к ее монастырской подруге! Да ведь это отвратительное преступление!

— Однако вы явились в мой замок под чужим именем!

— Мне иначе нельзя было поступить; я не свою личную безопасность оберегал, а не хотел скомпрометировать вас, граф. Я ждал вашего возвращения, чтобы сказать вам все наедине; графиня сама удержала меня; я послал де Лектура в Париж к герцогу Делафорсу и ждал ответа. Как только он вернулся, мы сейчас же уехали. Когда Бассомпьер спас меня, дав возможность бежать, переодевшись солдатом, я прямо поехал в Моверский замок. Разве я мог бы поступить таким образом, если бы сознавал себя виноватым в том, в чем вы меня обвиняете? Имя Роганов всегда было и будет честно. Во всем этом, граф, кроется какая-то тайна, чьи-то козни, которые надо обнаружить. Я не под влиянием страсти и сужу хладнокровно и здраво.

— Что вы хотите сказать, герцог?

— То, что, если бы в подобном же случае герцогиня де Роган дала мне вполтину меньше доказательств, нежели дает их вам графиня, я бы давно на коленях молил ее о прощении.

— О графине нам с вами, герцог, нечего говорить; упоминая ее имя, вы только увеличиваете свою вину против меня. Все ведь можно отрицать; это давно известно. У меня столько доказательств вашего обмана, что всякий разговор об этом будет пустой тратой времени. Только наша кровь смоет оскорбление, которое вы мне нанесли, неужели вы откажете мне в этом?

— Нет, граф, хотя мог бы отказать, так как совесть ни в чем не упрекает меня. Но убивать сына своего друга или самому рисковать быть им убитым в такое время, как теперь, я считал бы слишком нелепым. Я буду с вами драться, граф, но при одном условии: чтобы дуэль состоялась не раньше чем по окончании настоящей войны.

— О, герцог!..

— Да, граф. Ваша смерть не повлечет за собой таких последствий, как моя; я как глава протестантской партии не имею права из-за ребячьей вспышки губить людей, которые мне доверились.

Граф с минуту стоял, опустив голову, бледный, весь дрожа и судорожно сжимая в руке рапиру.

Герцог смотрел на него, гордо откинув голову и нахмутив брови.

— Вы правду говорите, герцог, — тихо, но твердо произнес наконец Оливье. — Извините меня, теперь наша личная вражда должна уступить место интересам религии. Когда мы будем драться?

— Тотчас по окончании войны, когда я добьюсь от короля и коннетабля выгодных условий для протестантов.

— Даете слово?

— Даю честное слово, граф де Мовер, я сам приду к вам, не ожидая вторичного вызова с вашей стороны. А теперь не станем показывать никому своей обоюдной неприязни и вернемся к нашим друзьям.

Они вышли в залу совета.

— Господа, нам пора ехать, — сказал герцог. — Я возвращаюсь в Кастр и как можно скорее жду вас, милый граф, с вашими партизанами; вы мне будете там нужны.

— Меньше чем через три дня ваше приказание будет исполнено, герцог.

Де Роган уехал, а граф с губернатором отправились на квартиру последнего, где дю Люку заранее были отведены комнаты.

Но, выйдя садиться на лошадь, Оливье напрасно искал своего паж; Клод Обрио поручил его лошадь одному из солдат губернатора, а сам куда-то пропал.

Через минуту Оливье увидел его; он опрометью бежал держать ему стремя.

— Простите, господин граф, — виновато признался ему паж, — я задержался в трактире с солдатами.

Оливье только молча пожал плечами, и они уехали.

*Что делал Клод Обрио, пока его господин
был в думе*

Как только граф дю Люк вошел в думу, Клод Обрио внимательно осмотрелся кругом и, небрежно подъехав к солдату, державшему лошадь губернатора, заметил ему самым невинным тоном, что очень жарко.

— Да, и пить хочется, — прибавил на ломаном французском языке швейцарец. Они разговорились; Обрио попросил солдата поддержать лошадей, пока он сбегает выпить. Солдат согласился.

Паж бросил ему поводья и пустился бежать; вскоре он скрылся в толпе и, удостоверившись, что за ним никто не следит, пошел обыкновенным шагом. Пройдя несколько улиц и переулков, он подошел к грязному, жалкому домишку и постучался.

Через минуту за дверью послышались тяжелые шаги и сердитый голос произнес:

— Проваливай к черту, кальвинист! Не мешай отдыхать добрым людям!

— Да я от черта и пришел, — отвечал, смеясь, молодой человек.

— А, это другое дело! — уже сказал мягче незнакомец и приотворил дверь. — Есть что-нибудь новенькое?

— Самые свежие новости, — проговорил паж и скользнул в дверь.

Они молча, почти ощупью поднялись по темной лестнице в маленькую каморку. Там сидел другой человек, лицо которого было почти совсем закрыто каким-то тюрбаном.

— Кого привел, Лабрюйер? — спросил он у проводника Обрио.

— Ваше преподобие, — доложил бывший слуга Жака де Сент-Ирема, — это мад...

Здоровый тумак между плеч заставил его остановиться на полуслове.

— Это я, Клод Обрио, отец мой, — представился паж.

— А! Очень рад; долго вы заставили себя дожидаться!

— Всего двадцать минут как я в Сент-Антонене, отец мой.

— Вон отсюда, плут! — грубо крикнул отец Жозеф дю Трамблэ, подняв глаза и увидев зевавшего во весь рот у притолоки двери Лабрюйера.

Слуга покорно ушел и запер дверь.

Уверившись, что дверь плотно заперта, монах подал стул пажу и сел сам.

— Поговорим теперь, дитя мое, — промолвил он. — Вы мне дали блестящие обещания; посмотрим, можете ли и хотите ли вы сдержать их.

— До сих пор я, кажется, все сдержал, отец мой; это мне так дорого стоило, что я могу говорить прямо.

— Знаю о вашем несчастье, — лицемерно вздохнул монах. — Бедный молодой человек теперь перед престолом Всевышнего.

— Я сдержу свои обещания, если и вы сдержите свои, отец мой; ведь теперь я особенно хочу отомстить!

— Понимаю. Чего же вы хотите? Я получил ваше письмо через Лабрюйера и передал его содержание епископу Люсонскому; но во избежание всяких недоразумений повторите еще раз на словах, дитя мое.

— Я обязуюсь, — заявил паж, — заставить графа дю Люка изменить герцогу де Рогану и выдать Монтобан королю, отдать в его руки главных вождей мятежа и сделаю все это через месяц после того дня, когда Монтобан будет осажден. Мне удалось вполне завладеть доверием графа дю Люка; он делает все, что я хочу.

— Неужели?

— Да; посмотрите на меня хорошенько.

— Это правда, — подтвердил монах, покачав головой, — у вас даже голос изменился.

— Теперь я вам повторяю, чего требую от вас. Надо, чтобы после взятия Монтобана королем графа дю Люка непременно впустили в какой-нибудь заговор, осудили на смерть за измену, лишили дворянства и всех прав состояния и казнили; чтобы жену его заключили в монастырь; чтобы я присутствовал при казни графа и имел в руках письменные доказательства, что я один привел его к такому концу; чтобы его конфискованное имущество было отдано мне, так же как и сын его.

— Вы много просите, дитя мое, но это будет исполнено, если вы окажете все обещанные услуги. Вот вам свободный пропуск за линию королевских войск для постоянного сообщения с его преосвященством и тысяча двойных пистолей на необходимые издержки.

Паж лаконично поблагодарил, спрятал деньги и встал.

— Я выйду отсюда первым, — сказал монах.

— Вы мне не доверяете, отец мой?

— Нет, дитя мое, но осторожность никогда не лишняя.

— До свидания.

— До свидания, дитя мое.

Монах ушел.

Паж прислушался с минуту и тихонько свистнул. Явился сияющий Лабрюйер.

— Чему ты так радуешься, бездельник? — спросил паж.

Лабрюйер объяснил, что не терпит монаха, рад-радехонек, что от него избавился, и стал высказывать горькое сожаление о невозможности вести жизнь опять так же, как вел ее у графа Жака.

— Вот теперь он умер, и никто его не помнит. Ах, добрый мой господин! Никто мне его не заменит!

Он счел нужным отереть слезу.

Клод Обрио велел ему замолчать.

— Мне и так давно пора ехать. Слушай и не забудь, что я тебе скажу. Ты свободен?

— Совершенно, господин Обрио!

— Отлично! Вот тебе сто пистолей.

— Приказывайте, мад... монсеньор! Я весь превращаюсь в слух.

— С монахом ты теперь совершенно развязался.

— Слава тебе, Господи!

— Ты знаешь графиню дю Люк?

— Слышал, — фантовато отвечал слуга.

— Я тебя спрашиваю, знаешь ли ты ее?

— К стыду моему, не знаю.

Паж пожал плечами.

— С этим дураком ничего не поделаешь.

— Извините, очень много можно поделать, только надо уметь за меня взяться.

— Ты сейчас же отправишься прямо в Кастр и поселишься на улице Мартруа, в доме против собора; старуху-хозяйку зовут вдова Буавен. Скажи ей: «Я пришел во имя Божие». Она тебе ответит: «Да будет воля Его». А ты скажешь: «Не Его, а ее», — и сделаешь ударение на этом слове. Будешь помнить?

— Не беспокойтесь, не забуду, когда дело идет о моих интересах.

— В этом доме ты будешь жить, как в своем собственном, совершенно свободно. Узнай, в городе ли графиня дю Люк,

и наблюдай за всем, что она делает. Ты будешь давать мне подробный отчет о ее образе жизни. Понял?

— Понял, мад... монсеньор... Ах, нет! Милый друг Клод Обрио.

— Ну, идем! — сказал паж.

Они вышли на улицу, и слуга пошел направо. Как только слуга он скрылся за поворотом на другую улицу, Клод Обрио пустился бежать. Мы видели, однако, что он опоздал.

Сознавая себя виноватым, хотя граф ни слова ему не говорил, молодой человек всю дорогу придумывал, чем бы объяснить свое отсутствие.

Они подъехали наконец к великолепному особняку губернатора. Графа приняли со должным почетом и окружили всевозможной пышностью.

Оставшись вечером один со своим пажом, граф ласково побранил его. Молодой человек извинялся, говоря, что жара и жажда измучили его.

— Как, плут! — воскликнул, смеясь, граф. — Неужели ты ушел со своего места только для того, чтобы напиться?

— Да, монсеньор, откровенно вам признаюсь в этом.

— Parbleu! За это следовало бы...

— Монсеньор, вы не можете упрекать меня больше, чем я сам себя упрекаю. Это была моя первая и последняя вина. Если б вы знали, как мне хотелось пить!

Граф не мог не рассмеяться такому откровенному, наивному признанию.

— Ну, не будем больше об этом говорить! — весело произнес он. — Как знать, какая злодейская тайна скрывается под твоим откровенным признанием?

— О, монсеньор! Неужели вы сомневаетесь в вашем слуге? — вскричал, невольно вздрогнув, паж.

— Нет, дитя, — ласково отвечал Оливье. — Кому же я мог бы доверять, если бы даже твой нежный возраст не ограждал тебя от подозрений? Ступай спать. Я сам разденусь.

Молодой человек почтительно поклонился и ушел.

— Какой демон внушает ему эти мысли! — подумал он. — Надо остерегаться!

Неизвестно, спал ли паж в эту ночь в отведенной ему комнатке, но на другое утро он со светом встал, осмотрел лошадей, дал им корму и отправился к дверям графа ждать его пробуждения.

Через несколько минут раздался свисток Оливье. Клод Обрио вошел.

Оливье кончал одеваться. Он был бледен и расстроен и, видимо, не спал ночь, но говорил спокойно, даже слегка улыбался.

— Ну, Клод, — весело объявил он, — готовь лошадей; мы сейчас едем; да узнай, встал ли наш хозяин; надо поблагодарить его и проститься.

Но губернатор уже сам входил к нему в комнату и, простившись с ним, проводил его до городских ворот; там они расстались, и граф галопом помчался в Кайлю, куда прибыл в восемь часов вечера.

ГЛАВА XVI

Как началась осада Монтобана

былось все, что предвидел герцог де Роган. Де Люинь настаивал теперь, чтобы не начинать осады Монтобана, потому что армия слишком ослабела; но все остальные генералы и маршал Лесдигьер были против него.

Король беспокоился, видя, что лето кончается, а ничего еще серьезного не сделано, и семнадцатого августа королевская армия выступила. Король приехал в местечко Пикеко, и осада сейчас же началась.

Так как коннетабль отменил первое распоряжение о том, чтобы герцог Вандомский привел набранное им семитысячное войско, королевские войска не могли окружить Монтобан со всех сторон. Тогда город не выдержал бы.

Атак было назначено три.

Коннетабль сильно рассчитывал на сведения, доставляемые перебежчиками, и надеялся, что один вид королевских войск сейчас же заставит протестантов сдаться. Но д'Орваль, губернатор Монтобана, поймал изменников и велел их повесить на валу.

Один выход из города был не занят осаждающими, и де Роган несколько раз приезжал в Монтобан инкогнито ободрить жителей и удостовериться, может ли город хорошо сопротивляться.

Между тем первый порыв радости протестантов при виде беспрестанных ошибок королевской армии утих, а дальнейшие действия королевского войска были энергичнее и пра-

வில்нее. Протестанты надеялись на искусство одного де Рогана из всех своих генералов, но сильно опасались, чтобы в минуту крайности он не бросил их и не укрепился в Кастре или Монпелье.

Де Роган заметил это и, созвав в думе самых значительных буржуа Монтобана, стал ободрять их и уверять, что он слишком далек от мысли бросить город.

Решив доказать им на деле, что они ошибаются, он велел сейчас же начать отделявать огромный особняк на соборной площади и готовить его к приезду хозяев, а сам уехал, обещая скоро вернуться.

Между тем королевские войска все теснее и теснее охватывали город; скоро должна была прекратиться всякая возможность выйти оттуда. Герцог Лесдигьер энергично подводил к городу траншеи, а коннетабль де Люинь трусливо прятался за прикрытиями.

Де Роган знал все, что делается в королевской армии, от шпионов и от людей, беспрестанно являвшихся из города в лагерь.

Грабеж, убийства и зверства не прекращались в течение всего этого времени. В описываемую нами эпоху во время мирных переговоров резались и бились, как во время битвы, вешали пленных начальников и заживо надевали на острие шпаги жителей, не щадя ни пола, ни возраста.

В то время как Бойе, один из адъютантов де Рогана, с графом дю Люком и другими смелыми военачальниками отвлек герцога Ангулемского ложной атакой занимаемой им позиции, в город въехал де Роган с герцогиней и огромным запасом провианта. Приехали с герцогиней также и Бланш, и графиня дю Люк; дам конвоировало человек двадцать отважных дворян, в числе которых были братья Кастельно и де Леран.

Жанне поневоле пришлось уехать из Кастра, так как там она была бы слишком одинока и в случае взятия города оказалась бы в руках врагов, а это была слишком страшная перспектива.

Герцог де Роган просил жену убедить ее ехать с ними в Монтобан; во избежание всяких толков графиня поместилась не в особняке де Рогана, а в соседнем доме; он имел внутреннее сообщение с комнатами герцогини, так что подруги всегда могли видеться.

С Жанной приехал также и Роберт Грендорж. В Кастре по приказанию Жанны для нее наняли еще четверых слуг, в их

числе — огромного детину с ленивым лицом, его звали дю Тальи, а мы назовем его настоящим именем — Лабрюйер. Он бы ни за что не уехал из Кастра, если бы не боялся Клода Обрио, обещавшего отыскать его, где бы он ни был, и повесить в случае неисполнения его приказаний.

Осада между тем продолжалась; роялисты заперли город со всех сторон.

На своем военном совете они решили прежде всего взять предместье Виль-Бурбон. Но это оказалось нелегким делом. Герцог де Майен, неопытный в военном деле, велел обстреливать предместье и, решив, что по нему выпущено достаточное число ядер и пуль, начал атаку, хотя многие более опытные офицеры предвидели, что она не удастся.

Граф де Теминь бросился с мушкетерами за траншеи.

Протестанты выставили к ретраншементам Тунеядцев. Те, сделав залп, скрылись за ретраншементы.

— Вперед! Холодным оружием! — крикнул де Теминь.

Мушкетеры бросились вперед, повторяя крик; их встретил новый залп протестантов.

Ряды осаждающих разом поредел.

— Вперед! — снова вскричал де Теминь, подняв над головой шпагу, но вдруг пошатнулся и упал мертвым.

Мушкетерами овладел панический страх; не подобрав даже тело своего генерала, они повернули назад и побежали.

Протестанты преследовали их свистками.

— Ко мне, дворяне! — закричал де Майен.

Собрались человек триста дворян-волонтеров и бросились вперед с возгласом «Да здравствует король!»

Положение роялистов становилось критическим, из трехсот их осталось девяносто семь, и те все были ранены.

Герцог Лесдигьер велел отступать. Де Майен, боясь за свою оплошность, скрепя сердце повиновался.

Девяносто семь человек дворян, построившись сжатой колонной, распустив знамя, с обнаженными шпагами, гордо и медленно пошли обратно в лагерь.

Герцог Делафорс и граф д'Орваль запретили стрелять по ним и вместе со своими дворянами, сняв шляпы, прокричали:

— Да здравствует король!

Отступавшие обернулись, тоже сняли шляпы и повторили то же самое.

Таким образом друзья и недруги обменялись любезностями; дворяне-роялисты восстановили честь мушкетеров и хотя не выиграли битвы, но совершили геройский подвиг.

*Где мэтр дю Тальи, Алиас Лабрюйер,
становится интересным*

Главная квартира герцога была в Кастре; туда отправляли и рекрутов, которых набирали и обучали.

Раз утром герцог поехал подкараулить и перехватить обоз с провиантом и боевыми припасами, о котором его предупредили. На дороге ему попались двое всадников, между которыми ехал, по-видимому, пленный.

— А! Это вы, капитан Ватан! — приветствовал герцог. — Как поживает граф дю Люк?

— Он здоров, монсеньор, — отвечал капитан, — и прислал нас к вам вот с этим плутом...

— Что это за человек?

— Не знаю, монсеньор; похож на изменника. Сегодня ночью мы перехватили богатый обоз провианта, посланный герцогом Ангулемским королевской армии.

— Значит, моя сегодняшняя прогулка закончена, — весело произнес герцог, — я ведь тоже караулил этот обоз. Много убито?

— Нет, монсеньор, всего двое-трое. Овладев обозом, мы увидели убежавшего опрометью человека. Мы его хотели повесить, но он сказал, что ушел из Монтобана с письмом от графа д'Орваля и герцога Делафорса к вам.

— Надо это разъяснить.

— И граф дю Люк думает так же, монсеньор.

— Пойдемте, господа, — пригласил их герцог, — сейчас все это объяснится.

Они вошли за де Роганом в его особняк. Герцог привел их в свой кабинет; сев к столу, он внимательно посмотрел на хитрое лицо незнакомца и велел ему подойти.

— Кто ты такой? — спросил он.

— Монсеньор, я честный человек.

— Не торопись заявлять о своей честности; это незаметно по твоей физиономии. Отвечай только на мои вопросы. Кто ты такой?

— Я бедняк, монсеньор, из здешних, меня зовут дю Тальи; месяца два тому назад графине дю Люк угодно было нанять меня в слуги.

— Как же ты очутился здесь?

— Три дня тому назад, монсеньор, господин граф д'Орваль искал смельчака, хорошо знающего дороги в этой стороне, чтобы послать его с письмом к вам. Я вызвался; герцог дал мне пятьдесят пистолей и сказал, что письмо к вам очень важно. Я только успел миновать передовые посты герцога Ангулемского, как увидел несшихся за мной всадников и, конечно, побежал от них. Почтенный капитан схватил меня и хотел повесить; я сказал ваше имя, монсеньор, и вот меня к вам привели.

— Так ты хорошо знаешь дороги?

— Я здесь вырос, монсеньор.

— Если ты правду говоришь, тебе бояться нечего, — сказал герцог, — напротив, ты заслуживаешь награды и получишь ее. Но все-таки надо принять меры предосторожности.

На свисток вошел офицер.

— Любезный де Молоз, — распорядился герцог, — задержите этого человека; но пусть с ним обходятся хорошо и не отказывают ему ни в чем необходимом.

— Будьте спокойны, монсеньор, мы за ним присмотрим.

— Ступайте за этим офицером, — приказал герцог дю Тальи, — я вскоре вас извещу.

Герцог прочел письмо, отданное ему дю Тальи, перечитал его и спрятал в портфель с ключом, который всегда имел при себе. Капитан Ватан заметил, что у него при этом хмурились брови и лицо приняло озабоченное выражение.

— Я думаю, капитан, мы сделали выгодную поимку.

— В каком смысле, монсеньор? Этого плута повесят?

— Напротив; он ничего не солгал.

— Так вы считаете его честным человеком?

— Да.

— Это меня удивляет, монсеньор; у него на лице написано: петля.

— Это правда, милый капитан, новедь для такого ремесла святых нельзя брать.

Поговорив с ним еще некоторое время, де Роган предложил ему вместе позавтракать, но капитан попросил позволения съездить к графу дю Люку, чтобы пригласить его через три часа быть на совете.

Капитан ушел.

В назначенный час собрался совет под председательством герцога де Рогана. Секретарем был де Лектур.

— Господа, — объявил герцог, — я буду иметь честь сообщить вам содержание письма, присланного мне господином Делафорсом, так как предметом нашего сегодняшнего собрания будет именно обсуждение фактов, указанных в этом письме.

Герцог Делафорс писал, что им пришлось выдержать атаку роялистов со стороны Вилль-Бурбона; но что они отбили ее, не потеряв ни одной позиции; что королевская армия сильно терпит от заразы вследствие гниения непогребенных трупов, и солдаты мрут там, как мухи; но что и положение протестантов в Монтобане нехорошо; если герцог де Роган не пришлет им подкрепления из восьми или десяти отрядов пехоты, им придется броситься на роялистов и погибнуть, не принеся никакой пользы интересам религии.

— Как вы думаете поступить в этом случае, господа? — спросил де Роган. — Я бы хотел знать ваше мнение.

Граф дю Люк отвечал, что не только честь, но и интересы религии приказывают немедленно послать помощь протестантам.

Остальные члены совета подтвердили мнение графа. Оливье прибавил, что теперь остается только решить, как велико может быть подкрепление, которое надо послать протестантам, а это решить может только герцог де Роган, так как ему известно, какими силами он располагает. Герцог поблагодарил членов совета и отвечал, что в Монтобан отправятся одиннадцать отрядов под начальством де Бофора, адъютантом которого он назначает графа дю Люка.

— Туда ведут две дороги из Сент-Антонена, — прибавил герцог, — через Грезинский лес, представляющий хорошие прикрытия и места для засады; но эта дорога немного дальше; другая же, прямее и короче, вся открыта.

Де Бофор выбрал последнюю.

— Королевские войска, узнав о посланном вами подкреплении, наверняка пойдут Грезинским лесом, — пояснил он, — чтобы засечь там и напасть на нас. Им не придет в голову, что мы решились идти открытой дорогой.

Совет разошелся.

В тот же вечер дю Тальи был отправлен в Монтобан с письмом, извещавшим герцога Делафорса и губернатора, что им идет подкрепление.

Бывший слуга графа де Сент-Ирема украл лошадь и помчался в Сент-Антонен, но, не доезжая Кастра, свернул в

сторону, вправо, и скрылся в лесу. Остановившись через четверть часа у полуразрушенной хижины угольщика, он свистнул. Из дверей показалась стройная фигура Клода Обрио.

— Ну что? — воскликнул паж, не дав ему сойти с лошади.

— Возвращаюсь с письмом в Монтобан, — сообщил запыхавшийся дю Тальи.

— От кого письмо?

— От герцога де Рогана к господину Делафорсу, кажется, очень важное; герцог наказывал мне беречь его.

— А! Давай!

— Но я чувствую веревку на шее.

— И еще сильнее почувствуешь, если не будешь мне повиноваться.

— Но...

— Давай, дурак! Получишь десять пистолей, и я отдам тебе письмо в целости.

Паж презрительно бросил ему деньги. Дю Тальи подал письмо. Обрио ушел в хижину и через четверть часа вышел оттуда.

— Бери твое письмо, — сказал он, — не стоило платить за него, оно самое пустое.

— Ну, уж в этом я не виноват! Теперь мне можно ехать, мад... милый друг Клод Обрио?

— Нет, постой! Вместе поедем.

— А ваш господин-то?

— Он послал меня с поручением, которое должно меня задержать три дня. Впрочем, тебе выгоднее ехать со мной; у меня есть бумага на свободный проезд через линии королевских войск.

— О, так я не отказываюсь!

— Знаешь ты прямую дорогу отсюда в Монтобан?

— А вы спешите?

— Очень.

— Не беспокойтесь; если у вас надежная лошадь и может безостановочно делать большие расстояния, мы завтра вечером будем на месте.

— Так едем!

Паж вскочил на лошадь, которую прятал в кустах, и на другой день после заката солнца они подъехали к линии королевских войск. Благодаря бумаге Клода Обрио их пропустили.

— Теперь слушай! — проговорил паж, когда они остановились на расстоянии ружейного выстрела от заставы Сент-Антонена. — Очень может быть, что тебе дадут еще письмо к герцогу де Рогану; не вози его туда, пока не покажешь мне, а то плохо тебе придется!

— О, не беспокойтесь! Все это слишком выгодно для меня; если война протянется месяца три, я сделаюсь богатым и вернусь к своему очагу с состоянием, нажитым в поте лица.

— Значит, решено?

— Клянусь честью!

Паж пожал плечами и отвернулся от Лабрюйера. Тот поехал в Монтобан, а Клод Обрио вернулся в лагерь и отправился прямо в Пикеко, где была главная квартира короля.

Отыскав дом епископа Люсонского, он постучался и спросил отца Жозефа, сделав при этом, вероятно, условный знак, потому что слуга почтительно поклонился и пропустил его.

ГЛАВА XVIII

Как протестанты доставили подкрепление в Монтобан

тец Жозеф писал, когда к нему вошел Клод Обрио. Сейчас же оставив перо, он лукаво посмотрел на молодого человека.

— А! Это вы, дитя мое! Очень рад. Я не верил, когда мне о вас доложили.

— Отчего же, отец мой? — поинтересовался паж, слегка нахмутив брови.

— Да я и сам не знаю, почему... мы ведь давно с вами не виделись.

— Ведь мы условились видаться только при крайней необходимости, для сообщения чего-нибудь особенно важного, отец мой.

— Так, так, дитя мое! — продолжал тем же насмешливым тоном монах. — Следовательно, вы пришли сообщить мне особенно важное известие?

— Да, отец мой, если только вы расположены выслушать меня, в чем я сильно сомневаюсь по тому, как вы меня принимаете.

Монах вдруг выпрямился, точно ужаленный.

— Извините, дитя мое, — сказал он, — я очень занят. Вам неизвестно, может быть, что дела короля очень плохи.

— А если я пришел говорить с вами именно по этому поводу?

— О, в таком случае говорите скорей, дитя мое!

— Вы говорите, что дела короля плохи, отец мой? А я вам скажу, что дела протестантов еще хуже.

— Что вы!

— Да; у осажденных нет никаких припасов, нет войска; они просят помощи у единоверцев.

— Вы можете подтвердить это доказательствами?

— Да. Я их купил у человека, которому поручено было доставить их по назначению. Они мне дорого достались. Вот копия с подлинного письма герцога Делафорса к герцогу де Рогану.

Монах стал буквально пожирать письмо глазами.

— А! И им тоже очень плохо, — произнес он с непередаваемым выражением лица.

— Это еще не все, — прибавил паж. — Для одного этого я бы не загнал так свою лошадь.

— Что же еще?

— Прочтите вот это, другое письмо.

— Ого! — воскликнул монах, сверкая глазами. — Это что такое? Сознаюсь, я был неправ, говоря с вами так небрежно. Это очень важные известия. Вы действительно преданный подданный короля.

— Нет, ошибаетесь, отец мой! — вскричал паж, и лицо его исказилось. — Я только... существо, которое мстит за себя!

— Э, что нам до этого за дело, если ваша месть приносит пользу государству! — заключил со зловещей радостью монах. — Вы теперь можете просить у меня все что пожелаете.

— Благодарю и попрошу непременно. Теперь в ваших руках спасение королевской армии. Пользуйтесь. Если подкрепление, идущее к протестантам, будет уничтожено, осажденные принуждены будут сдать; если же ему удастся войти в город...

— Тогда? — спросил монах.

— Ну, тогда вся ваша надежда на меня; я один могу сломить сопротивление мятежников и открыть королю городские ворота.

— А вы ведь хотели, помнится, отдать нам в руки графа дю Люка?

— И мог бы, вероятно, это сделать, но теперь уже не нужно.

— Отчего же?

— Да ведь во втором письме названы офицеры, которые поведут войско в Монтобан...

— Ах, да! Понимаю... де Бофор и дю Люк!.. Ну, ни одному из них не уйти живым, клянусь честью. Чего же вы хотите за такую услугу, дитя мое?

— Ничего!..

— О! Это слишком дорого!

— А я меньше не возьму. Когда я отдам вам в руки Монтобан, тогда мы и сочтемся, отец мой. Согласны?

— Приходится, так как вы требуете. Вы не раскаетесь в своем доверии к королю, дитя мое. Он щедро наградит вашу преданность.

— Благодарю вас и прощайте, отец мой.

— Уже уходите?

— Да, мне ведь надо скорей вернуться к моему благородному господину, графу дю Люку.

Молодой человек ушел. Монах не спускал с него глаз, пока за ним не затворилась дверь.

— Ну, это слишком смышленное орудие, — проговорил он, — которое всегда надо уничтожать, как только оно становится бесполезным. Пойду скорей к монсеньору епископу Люсонскому!

Молодой человек мчался между тем, не останавливаясь, в Сент-Антонен и приехал без всякой помехи.

Граф дю Люк не заметил возвращения, как не заметил и отсутствия своего паж. Он был занят таким серьезным делом, что ему было не до того. Но капитан Ватан все видел. Ему давно казались подозрительными таинственные исчезновения паж, и предлоги, которыми объяснял их молодой человек, не удовлетворяли его.

Он сообщил свои подозрения Клер-де-Люню и Дубль-Эпе, и они втроем стали за ним следить, не показывая вида графу; конечно, капитан ничего не говорил ему, он слишком хорошо знал своего друга, чтобы доверить ему такую вещь.

Одиннадцать отрядов пехоты, посланных на помощь Монтобану, состояли из старых, опытных солдат и разделялись на три части: одной командовал де Сент-Аман, другой — де Бофор, а третьей — граф дю Люк.

Де Бофор хорошо знал, что секретное решение совета, состоявшего больше чем из двадцати человек, не могло остаться тайной; поэтому он приготовился на случай, если бы роялисты узнали о посланном подкреплении.

Ришелье действительно предупредил короля, и королевские войска уже три дня караулили протестантов, чтобы не дать им войти в город.

Де Шеврез, Вандом и Шомберг засели со своими отрядами в Грезинском лесу, рассчитывая напасть на неприятеля, но напрасно прождали.

Де Бофор нарочно посылал отряды то к той, то к другой части королевской армии, и этим совершенно сбил с толку роялистов.

Между ними наконец утвердилось мнение, что протестанты хотят только утомить королевское войско и дать тем временем возможность осажденным перевести дух и восстановить укрепления.

Уверившись через шпионов, что в идущее подкрепление никто больше не верит, де Бофор велел выступать.

Чтобы хорошенько сбить с толку роялистов, он пошел сначала на Кастр и ждал там, как кошка мышь. Серьезно обсудив все дело с де Роганом, он вышел из города, шел всю ночь, потом, дав оправиться войску, к вечеру следующего дня двинулся дальше. В Сент-Антонене еще раз отдохнули и окончательно пошли к Монтобану. По странному случаю за все время этого длинного пути по открытой дороге их никто не потревожил, ни разу им не пришлось сделать ни одного выстрела.

Войско тихо отправилось дальше. Два часа они шли, как вдруг капитан Ватан и Клер-де-Люнь, шедшие впереди разведчиками, наткнулись было на главную часть войска герцога Ангулемского, караулившего протестантов. Капитан успел вовремя броситься в сторону, и его не заметили. Он пошел назад предупредить де Бофора.

Де Бофор велел вернуться в Сент-Антонен; без этого они были бы все изрублены, так как ночь была темная и место неизвестное.

Де Бофор, не желая более подвергаться подобному случаю, послал шпиона к графу д'Орвалю просить дать ему проводника и предупредить о происходившем.

Только на третий день к вечеру явился проводник от д'Орваля. После заката солнца опять отправились в путь.

Проводник, бродя от нечего делать около бивачных огней, встретил вдруг Клода Обрию. Паж сдержал удивленное движение и незаметно сделал ему знак следовать за собой. Они ушли в чащу леса.

— Что это ты тут делаешь, Лабрюйер? — с усмешкой полюбопытствовал молодой человек. — Я думал, что ты в Монтобане.

— Я оттуда, — отвечал бывший слуга, — протестантам понадобились мои услуги, и я решился еще раз пожертвовать им собой.

— Хорошо они тебе за это заплатили?

— Недорого; сто пистолей.

— Отлично! Так ты взялся провести протестантов в Монтобан?

— Да!

— Хочешь заработать еще сто пистолей?

— Еще бы! Особенно если это нетрудно.

— Напротив, очень легко.

— О, так я ваш! В чем дело?

В эту минуту невдалеке послышался довольно сильный шум.

Паж быстро обернулся, стал всматриваться и вслушиваться, но ничего не заметил.

— Пойдем! — произнес он скороговоркой.

Они пошли дальше, продолжая разговаривать между собой.

— Так я получу сто пистолей? — очень внятно спросил Лабрюйер.

— Да тише, болван! — сердито осадил его паж. — Сто пистолей получишь сейчас, а пятьдесят потом.

Едва успели они скрыться в чаще леса, как ветви раздвинулись, и вышел капитан Ватан.

— Странно! — прошептал он, оглядываясь кругом. — Мне показалось, что я сейчас видел здесь этого чертенка-пажа с новым проводником. О чем они могли говорить? Ведь они не знают друг друга... Или слишком хорошо знают. Ну, друг Ватан, смотри в оба! Не знаю, почему мне кажется, что тут непременно при чем-нибудь Диана де Сент-Ирем... Давно что-то не слышать об этой красавице.

Он вышел из лесу, но не успел сделать трех шагов, как столкнулся нос к носу с Обрио. Молодой человек лукаво ему поклонился и, смеясь, повернулся к нему спиной. Капитана это так ошеломило, что он разбил свою трубку.

— Ну, я говорю, что это хорошо не кончится! — пробормотал он и, покачивая головой, вернулся в лагерь.

Войско вскоре двинулось в путь; проводник, замечая, может быть, что за ним следят зорче, нежели бы он хотел, вел правильно; до Монтобана оставалось всего полмили.

Роялисты были совершенно сбиты с толку непонятными действиями протестантов.

Маршал Праслен несколько дней тому назад был ранен, и теперь за него всем распоряжался Бассомпьер, измученный, едва стоявший на ногах от усталости. Он велел построить баррикады на перекрестках всех дорог, которые ему нужно было стеречь. Солдаты засели за баррикадами, тянувшимися вдоль большой дороги, пересекавшей долину Рамье, между Пикеко и Монтобаном.

Праслен настоял, чтобы Бассомпьер лег отдохнуть на несколько часов. Едва успел он заснуть, как его разбудили сказать, что в Монтобан к протестантам идет подкрепление.

Сна как не бывало. Бассомпьер вскочил и отправился к большой дороге, о которой мы говорили, захватив отряд в двести человек; к нему присоединился еще полковник Гесей с двумястами пятьюдесятью швейцарцами.

Оставшись с Пьемонтским полком для защиты дороги, Бассомпьер велел жандармам выступить на тысячу шагов в поле и, узнав о приближении протестантов, послал двести пятьдесят швейцарцев на помощь двум ротам нормандского полка, сидевшим в засаде. Вслед за тем послышались выстрелы протестантов; роялисты отвечали тем же. Отряд графа дю Люка бросился на баррикаду, но не мог взять ее; Бассомпьер приказал бить в барабаны и продолжать продвижение вправо, а швейцарцам — в то же время без шума идти влево.

Капитана Ватана заставил насторожить уши этот барабанный бой посреди ночи.

— Бассомпьер нас атакует, — сказал он Оливье, — это его уловка; но я с этими штуками знаком.

— Что делать? — спросил граф.

— Идите за барабанами; они, наверное, одни там, а швейцарцы стараются обойти нас.

Это подтвердил прибежавший Клер-де-Люнь.

— Через десять минут мы очутимся между двух огней! — воскликнул он.

Протестанты успели свернуть и спаслись. Граф передал команду капитану и поспешил предупредить де Бофора о расставленной западне. Но он опоздал. Отряды де Бофора уже двинулись.

Граф хотел остаться с ним, но де Бофор не позволил.

— Теперь каждый за себя, — возразил он. — Постарайтесь со своими отрядами войти в город, а я наделаю в это

время порядком хлопот роялистам, чтобы они не мешали вам.

Жаль было Оливье бросить его в такой опасности, но делать было нечего.

Пожав ему руку, он уехал.

Между тем солдаты де Бофора шли с криком: «Да здравствует король!» Роялисты, думая, что это их собственные отряды, не мешали им подходить. Все шло хорошо, как вдруг Клод Обрио, проскользнув к проводнику, шепнул:

— Пора!

Сунул ему кошелек с золотом и скрылся.

— Да здравствует де Роган! — вскричал Лабрюйер.

— Стреляй! Это неприятель! — скомандовал Бассомпьер.

Началась резня. Первым был убит Лабрюйер. Четыреста человек легли на месте. Израненные де Бофор и де Пенавер должны были сдать.

Но в то же время семьсот человек графа дю Люка вошли в Монтобан с огромным обозом провианта и боевых припасов.

Таким образом город был все-таки подкреплён во всех отношениях, и задача коннетабля сделалась еще труднее.

ГЛАВА XIX

Где Клод Обрио доказывает, что он тонкий дипломат

осреди всей этой вражды и грохота битв два существа оставались спокойны и равнодушны ко всему, происходившему вокруг них.

Гастон де Леран и Бланш де Кастельнолюбили друг друга и жили только своей любовью. Де Леран делал свое дело на поле битвы, не щадя себя. Он действовал совершенно машинально; душа его была в другом месте.

Молодой человек воспользовался случаем представиться графине дю Люк и признался в любви к Бланш. Жанна сказала герцогине, и, так как де Леран был во всех отношениях прекрасной партией, мадам де Роган не стала мешать влюбленным, напротив, даже помогала им...

Однако же, так как время не соответствовало сердечным делам, она сочла, что лучше будет оставить в тайне свидания Бланш и Гастона, и вот как это устроили: де Леран каждый вечер приходил к графине дю Люк; через минуту после него приходила и Бланш — одна или с герцогиней, проходя секретными коридорами, соединявшими обе квартиры.

Жители Монтобана встретили графа дю Люка, как настоящего победителя, и до самой думы шли за ним, осыпая громкими приветствиями его и его солдат.

По приглашению герцога Делафорса и графа д'Орваля Оливье вошел в думу, где его ждали Дюпюи, первый консул, и самые значительные жители Монтобана. Он дал подробный отчет об экспедиции и в заключение прибавил, что вся честь удачи принадлежит не ему, а капитану Ватану, его адъютанту, что он только следовал его советам.

Такая скромность еще больше возбудила общий восторг.

Дю Люк благодарил. Все, однако, решили, что ему недолго придется остаться у них гостем, так как роялисты уже наверняка больше не покажутся.

— А чтобы показать им, как они ошиблись в расчетах, — сказал Дюпюи, — я велю иллюминировать город; это их просто с ума сведет.

Они разошлись. Делафорс отвел флигель своего особняка графу и его свите. Случай устроил так, что этот особняк был как раз против особняка де Рогана. Оливье, конечно, и не подозревал этого.

Войдя к себе, капитан Ватан и граф нашли готовую закуску, и авантюрист прямо обратился к ней. Они выпили.

— А где же Клер-де-Люнь и Дубль-Эпе? — спросил Оливье.

— Я послал их спать; им необходимо выспаться. А вы хотите спать, Оливье?

— Нисколько.

— Так займемся прелестными дамами-бутылками.

— Вы, верно, что-нибудь хотите сказать мне, капитан?

— Как всегда, граф, а сегодня особенно. Мы ведь здесь в незнакомом месте, где нам придется, может быть, прожить некоторое время, так не худо бы узнать, что за люди нас окружают.

— Да к чему?

— Значит, мы с вами не сходимся в мнении. А вот кстати, вы спрашивали меня о Клер-де-Люне и Дубль-Эпе, а где же ваш паж?

— Да, да! Бедное дитя! Я не видал его с той самой минуты, как нас атаковали роялисты. Только бы его не убили!

— Его-то? — насмешливо переспросил капитан. — Не беспокойтесь! Это чистая саламандра: огонь его не берет; не бойтесь, его не убили!

— Так вы знаете, где он, капитан?

— Я? Может быть. Будьте уверены только, что господин Клод Обрио не даст себя убить, когда имеет в виду кое-что повыгоднее. Вот увидите, он скоро явится к вам свежим и розовым...

— Что это с вами, капитан? — произнес дю Люк, пристально посмотрев на него. — Вы, кажется, подозреваете бедного мальчика.

— Э, милый Оливье, самое лучшее никому на свете не доверять! Вот поживете подольше — увидите. А теперь пойдемте спать, и у вас, да и у меня глаза слипаются.

Они разошлись.

Но капитан пошел не к себе в спальню, а в одну из самых отдаленных комнат, где Клер-де-Люнь и Дубль-Эпе сидели за бутылкой вина.

— Что, ребята, исполнили все мои приказания? — спросил Ватан.

— Исполнили, капитан. Макромбиш и Бонкорбо не спускают глаз с пажа, но сказать вам ничего нового еще не можем; проклятый не возвращался в Монтобан, и они тоже.

— В таком случае спокойной ночи, ребята!

Десять минут спустя все трое храпели так, что стены дрожали.

Проснувшись на другое утро, Оливье увидел, что Мишель Ферре уже готов подать ему платье.

— Что нового, Мишель? — спросил он.

— Ничего, монсеньор... Ах, да! Паж явился; он тут, у дверей.

— А, явился наш беглец! Не ранен он?

— Он-то?... Паж? Нет, монсеньор! Он весел, как зяблик, и не думает даже о том, что ему может достаться за его проделку.

— Молодость, Мишель! Надо извинить его.

— Как угодно, монсеньор; мне все равно.

И Мишель ушел, ворча по обыкновению.

Вслед за ним вошел Клод Обрио — свежий, хорошенький, веселый.

— А, наконец-то явились, милостивый государь! — встретил пажа Оливье, притворяясь, что сердится на него.

— Да, я вернулся, монсеньор, — отвечал паж, лицемерно опуская глаза.

— Можно узнать, где вы были? Разве преданный паж бросает своего господина в битве, не заботясь даже узнать, что с ним?

— Я, конечно, виноват, монсеньор, но, Бог свидетель, я думал сделать лучше.

— Бросив-то меня?

— Я не так выразился, монсеньор.

— Так объясните откровенно, что случилось... Ты ведь знаешь, дитя, — прибавил он, помолчав немного, — что я тебя люблю и ищу только чем бы тебя извинить. Ну, говори!

— Монсеньор, я знаю, что вы всегда были очень добры ко мне; мне только жаль, что я до сих пор не мог доказать вам мою благодарность, но надеюсь, скоро буду иметь эту возможность.

— Что ты хочешь сказать?

— Пока ничего, монсеньор, но потом увидите. Я вам сейчас скажу, для чего я вас бросил, как вы говорите. Когда мы уезжали из Кастра, я заметил одного подозрительного человека; герцог де Роган долго с ним говорил наедине и дал ему кошелек с золотом. С тех пор я все слежу за этим человеком; не понимаю, почему мне показалось, что поручение, данное ему герцогом, должно было касаться вас.

— Меня? Полно, что ты!

— Выслушайте дальше, монсеньор. Этот человек все шел с отрядом господина де Бофора; когда мы подошли к линии королевских войск, я не мог выдержать, монсеньор, отправился отыскивать его и после долгих розысков нашел между множеством трупов, наваленных один на другой. Он уже давно умер; я нашел у него в секретном кармане обрывок письма. Вот он. Прочтите, монсеньор!

Граф с отвращением взял смятый, запачканный кровью листок бумаги и, едва успев пробежать его глазами, побледнел, зашатался и чуть не упал.

Вот что говорилось в письме:

Дорогая моя!

Единственная женщина, которую я люблю! Мне невыносима разлука с тобой, хотя мы виделись всего несколько дней тому назад. Посылаю тебе это письмо с верным человеком; когда ты его получишь, граф дю Люк уже будет в битве. Мне жаль его, бедного; у него прекрасное, благородное сердце, но он слишком поддается ревности. Он еще

молод и не понимает, что женщина, которая любит, не может изменять. У меня с ним был длинный разговор, но не привел ни к чему. Надеюсь при первой встрече лучше это уладить. Если он будет у тебя, обойдись с ним гордо, без презрения и вежливо, но не надменно, а главное, старайся не делать никакого оскорбительного намека, который мог бы повести к ссоре.

С каждым днем люблю тебя больше, потому, конечно, что и ты меня любишь. Весь твой

Генрих де Роган

Р. S. Уже почти запечатал письмо и опять вскрываю. Любовь ведь деспот, требующий рабского повиновения. Не могу выдержать дальше; мне непременно нужно тебя увидеть... для тебя одной, моя возлюбленная, я приеду в Монтобан, для тебя одной... Никого больше не увижу.

Жди меня через три дня после того, как придет подкрепление; я буду в...

Второй страницы не было; но ее, видимо, не оторвали, а отрезали.

— Больше ничего, — прошептал граф.

— Вероятно, — предположил паж, — кто-нибудь другой до меня рылся в карманах убитого крестьянина; торопясь вскрыть письмо, разорвал его и бросил, как ненужное; оттого и эти пятна крови.

— Да! — сказал граф. — Теперь сомневаться больше невозможно. О, герцог де Роган! Вы сожалеете обо мне, бедном, ослепленном ревностью!.. И я не могу отомстить!

— Отомстить всегда можно, монсеньор, — вкрадчиво заметил паж.

— Да, тому, кто довольствуется ударом кинжала; нет, я хотел бы своими глазами увидеть этого человека опозоренным, униженным... Всю жизнь, честь отдал бы за это!

— Успокойтесь, монсеньор, вы говорите в порыве гнева и после, может быть, станете раскаиваться в своих словах.

— Я? Раскаиваться? — с горьким смехом ответил Оливье. — Ты не знаешь, как я ненавижу этого человека! Послушай, дитя мое, твои таинственные исчезновения обратили внимание окружающих, тебя подозревают, но я верю тебе по-прежнему.

— Меня подозревают, монсеньор? — спросил, слегка побледнев, паж.

— Из зависти, может быть, — прибавил граф.

— Монсеньор, клянусь, я оправдаю ваше доверие.

— Верю тебе, и докажу это. Тебе удалось сегодня ночью войти в Монтобан; ты можешь и уйти, когда захочешь?

— Конечно, монсеньор; я ведь проворен и ловок.

— Так ступай в королевский лагерь, попроси провести тебя к коннетаблю и отдай ему письмо, которое я сейчас напишу.

Мальчик покачал головой.

— Меня могут убить и взять письмо, как вы сейчас видели; поверьте мне, монсеньор, лучше не пишите.

Граф пристально посмотрел на него и протянул ему руку.

— Спасибо, Клод; теперь я вижу, что ты мне предан.

Паж поцеловал руку.

— Но мне трудно устроить то, чего бы я хотел, — произнес Оливье.

— Напротив, монсеньор, очень легко. Если угодно, я вам помогу.

— Как же ты это сделаешь?

— Очень просто. Я ведь не более чем паж, незначительный мальчик, которого всегда можно в чем угодно обвинить; у меня все пороки пажа: я люблю выпить, подраться, даже своровать. Вот, например, вы забыли убрать эту дорогую ониксовую печать с вашим гербом; у меня сейчас загорелись глаза; застегивая вам плащ, я тихонько взял ее и спрятал в карман.

Паж подтверждал на деле то, что говорил.

— Что же дальше? — невольно улынувшись, заинтересовался граф.

— Вместо того чтобы сбывать ее ростовщику, — продолжал мальчик, — я отправляюсь в королевский лагерь, являюсь к коннетаблю и говорю: «Господин граф дю Люк де Мовер, мой господин, очень раскаивается в том, что восставал против его величества. Через три дня герцог де Роган инкогнито пройдет в Монтобан. Господин граф схватит его, овладеет Сент-Антоненскими воротами и введет туда войско, которое вам угодно будет послать к нему. Таким образом он отдаст вам в руки главного вождя бунтовщиков и их первую крепость. В доказательство моих слов вот печать с гербом господина графа, которую он поручил мне передать вам». Завтра ночью я к вам возвращаюсь с ответом коннетабля, и, так как в вашем распоряжении около четырехсот преданных вам человек, вы легко сдержите слово, данное господину де Люи-

ню. Заметьте при этом, монсеньор, что в случае, если бы вы передумали, проговорил с оттенком горечи Клод, — вы всегда можете сказать, что печать у вас украдена. Я при вас всего четыре месяца и ничем еще не доказал своей верности, подозрение падет, разумеется, на меня. Я признаюсь, меня приговорят к виселице. Вы дадите меня повесить или простите — как угодно.

— Ты никогда не лишишься моего покровительства, дитя мое, — отвечал граф, дружески положив ему руку на плечо. — Я богат; если нужно будет, я отдам тебе половину моего состояния, но помни, что прежде всего я хочу отомстить.

— И отомстите, монсеньор. Так дадите мне полную свободу действовать?

— Полную.

— Положитесь же на меня и не обращайтесь внимание на то, что я буду делать. До свидания, монсеньор! Вы скоро получите от меня известие.

Еще раз поцеловав руку своего господина, Обрио поспешно вышел.

— О, это письмо! — прошептал граф. — Буду постоянно носить его при себе, чтобы помнить оскорбление, если бы у меня не хватило духу! Ну, — горько прервал себя он, — пойду теперь засвидетельствовать свое почтение герцогу Де-лафорсу.

Едва он успел выйти, как из-за драпировки уборной высунулось хитрое лицо капитана.

— *Morbleu!* — воскликнул он, покручивая усы. — Долго пришлось постоять, но я не жалею! Эта тварь ядовитее, чем я думал. Тысяча чертей! Это не сатана, а мадмуазель де Сент-Ирем в новом виде. Хе-хе! Какая мысль у меня промелькнула!.. Пойду к Макромбишу и Бонкорбо! Честные путешественники теперь, наверное, вернулись.

И капитан величественно вышел из спальни графа.

Где наконец узнают, кто такой был Клод Обрио

ва дня капитан Ватан почти не показывался. Клер-де-Люнь и Дубль-Эпе исчезли совершенно. На второй день капитан таинственно явился в особняк де Рогана и долго говорил с графиней дю Люк.

О чем они говорили — так и осталось неизвестным. Вернувшись домой, капитан узнал, что Клод Обрио довольно долго пробыл, запершись со своим господином, и затем опять ушел из особняка.

Это, видимо, однако же, не беспокоило капитана. Кроме того, солдаты и Тунейдцы Клер-де-Люня исчезли без всякого следа, и все самые храбрые, самые лучшие: наконец и Клер-де-Люнь и Дубль-Эпе пропали.

А между тем служба в Монтобане в это время была не тяжелая; солдат хорошо кормили, и делать им было почти нечего.

Странно, что ни граф д'Орваль, ни герцог Делафорс не тревожились этим. Граф дю Люк тоже как-то странно держал себя; он, казалось, ничего не видел и не слышали даже иногда не отвечал на поклоны.

Часто он целыми часами простаивал перед окнами графини дю Люк, не спуская с них глаз и тяжело вздыхая; когда там все темнело, Оливье задумчиво уходил.

Через три дня после описанного нами разговора графа со своим пажом в осаждающей армии заметили необыкновенное движение; там, видимо, готовились энергично возобновить неприятельские действия, однако же решительного ничего не начинали, только канонада да караулы немножко усилились.

Целый день прошел в постоянном ожидании атаки. Наступила ночь, а с ней увеличилось и беспокойство жителей Монтобана.

Соборный колокол пробил девять. Вся вооруженная масса вдруг как-то дрогнула, точно от электрического удара, и опять все смолкло.

У Сент-Антоненских ворот прохаживался взад и вперед молодой офицер, напевая веселую песенку и представляя собой резкую противоположность грустному настроению жителей Монтобана.

Это был Гастон де Леран. Для него не существовало ни осаждающих, ни осажденных; он думал только о том, что его милая невеста придет, как обещала, рассеять скуку бесконечных часов дежурства. Он не заметил, как на валу показался человек, пошел к бивачному костру, вокруг которого грелись солдаты, но не сел между ними, а опустил поодаль на лафет пушки, куда не достигал свет.

Через несколько минут явился какой-то офицер с несколькими солдатами. Обменявшись паролем с караульным, он подошел к де Лерану и поклонился.

— Здравствуйте, граф! — сказал он.

— А, это вы, капитан Ватан! Здравствуйте, как поживаете?

— Недурно.

— В обход идете?

— Как видите... Брр! Вот ночь-то, а?

— По-моему, отличная, капитан.

— Ну да, вы ведь на седьмом небе, так вам, конечно хорошо. Скажите, пожалуйста, где это граф дю Люк? Битых два часа ищу его и не могу найти. Это прескверно.

— Отчего?

— Так как мы одни, я вам могу сказать.

Капитан искоса хитро взглянул на сидевшего поодаль незнакомого человека.

— Скажите, капитан!

— В совете не совсем спокойны; кажется, чуют измену.

— Что вы?

— Да; говорят, сегодня ночью хотят открыть одни из городских ворот войскам коннетабля.

— Черт возьми! Да неужели это серьезно, капитан?

— Очень серьезно. Прибавляют даже, что откроют именно те ворота, у которых вы дежурите.

— Нет, кроме шуток, капитан! Ведь это прескверно.

— Да уж я тут не виноват.

— Конечно; но эти болваны могли бы выбрать другие ворота, а я именно...

— Что вы именно?

— Ничего, ничего... так. Но при чем же тут граф дю Люк?

— Да ведь он командует нашими отрядами.

— А! Так желаю вам отыскать его, капитан.

Они простились, и капитан ушел. Когда он проходил мимо незнакомца, сидевшего на лафете, тот встал и поспешно пошел к нему навстречу.

— А! Это вы, Оливье! — произнес капитан своим обычным насмешливым тоном.

— Я, мой друг; по некоторым причинам, которые объясню вам после, я хочу остаться здесь всю ночь; замените, пожалуйста, меня при отрядах.

Капитан схватил его за руку и, заставив отойти дальше, к стене, едва слышно скороговоркой шепнул ему на ухо:

— Негодяй Клод Обрио вас выдал; совету все известно, кроме вашего имени; будьте только осторожны, и я за все отвечаю.

— Если так, мне остается только умереть! — с отчаянным жестом воскликнул граф.

— Это никогда не уйдет, — отвечал капитан со своей неизменной насмешливостью.

— О, если бы вы знали, друг мой!..

— Все знаю! — отрывисто проговорил капитан. — Что вы меня, за осла, что ли, считаете? До свидания! Мы играем последнюю партию, которую должны выиграть во что бы то ни стало.

— Что такое?

— Ничего, это я сам с собой по обыкновению разговариваю. Так вы остаетесь тут?

— Не тронусь с места.

— И прекрасно. Мне легче будет найти вас. Все к лучшему!

Капитан ушел. Граф был сильно озадачен.

То, что он видел заставляло его очень крепко призадуматься. У Сент-Антоненских ворот стояли теперь вместо обыкновенного караула четыре роты полка д'Орваля, к которым беспрестанно присоединялись свежие отряды. Измена действительно стала известна, по-видимому, во всех подробностях, и меры были приняты отличные.

Пробило половину десятого; на валу явились несколько человек, направившихся к графу де Лерану. Когда они проходили ближе к Оливье, он разглядел, что это женщины, закутанные в плащи и капюшоны.

Граф де Леран, видимо, с нетерпением их ожидавший, бросился навстречу и очень почтительно раскланялся.

Оливье стал внимательно прислушиваться.

— Милый граф, — сказала дама, голос которой он не узнал (это была герцогиня де Роган), — у вас непростительные требования. В такую страшную погоду вы заставляете дам приходить к вам развеять вашу скуку!

— Герцогиня, — произнес он, — я в отчаянии от этого, но если бы вы знали, как горячо я люблю, вы, такая добрая, простили бы меня!

— Да, и пожалела бы вас, как ты думаешь, Жанна?

— Не будьте строги к бедному молодому человеку, милая Мари, — прозвучал нежный голос Жанны, — вы ведь знаете, что любовь — деспот, требующий повиновения.

Это были подлинные слова письма, которое так недавно читал Оливье; холодный пот выступил у него на лбу.

— О! — прошептал он.

— Жанна! Ты еще злее меня, — промолвила герцогиня, мило погрозив подруге. — Вы не должны бы так говорить; ведь любовные тайны не выдаются.

— О, простите, герцогиня! Я действительно виновата.

— Мне сегодня всем, кажется, приходится прощать! — весело заключила герцогиня. — Ну, миритесь же с этим красавцем, не спускающим с вас глаз, так как ведь от вас зависит его счастье.

Граф дю Люк с отчаянием опустил голову на руки. Он не знал, что и думать. Неужели же его жена была в одно время любовницей и де Рогана, и де Лерана?

Переломив себя, он поднял голову.

Де Леран стоял поодаль, оживленно разговаривая шепотом с мадам дю Люк, возле которой стояла другая дама, вероятно, камеристка, а герцогиня говорила с третьей дамой, тоже, по-видимому, горничной или компаньонкой.

Граф был, как в пытке.

Его жена, святая, чистая женщина, упала так низко!

Эта мысль сводила его с ума.

— О нет! — страдая и сам борясь с собой, решил он. — Этого быть не может! Это не та женщина, которую я так любил! О, прочь, прочь отсюда!

В эту самую минуту раздался залп из всех пушек на траншеях, захлопали выстрелы из ружей, слышались неистовые крики за стеной:

— В город! Да здравствует король!

— А! Значит, я могу честно умереть со шпагой в руке и своей кровью смыть позор! — вскричал, радостно улыбнувшись, граф и бросился туда, где шум был сильнее.

Со всех сторон горячо бились. Городские стены были ярко освещены огнем.

— Да здравствует де Роган и наши права! — кричали протестанты.

Де Леран смело бился на стене, поручив даму, с которой разговаривал, ее спутницам.

Но самая страшная свалка шла за стенами города. Оливье бросился вперед, захватив всех солдат, попадавшихся ему на дороге, и, велев отворить ворота, кинулся в битву с громким криком:

— Роган! Роган! Наши права!

Он вовремя подоспел: реформаты уже изнемогали. Неприятель, охваченный паническим страхом, стал отступать.

Граф принял тогда начальство над войсками и повернул обратно к городу.

В эту минуту примчалось во весь опор человек сто конных.

— Ну, слава Богу! — воскликнул их начальник. — Я поспел вовремя.

Граф узнал де Рогана.

Герцог соскочил с лошади и, обняв Оливье обеими руками за шею, почти насильно поцеловал.

— Вы всегда нас спасаете! Ах, благодарю, тысячу раз благодарю вас! Чем я могу вам за это отплатить?

— Тем, что сдержите данное обещание, герцог.

— Хорошо! Sang Dieu! — с лихорадочным оживлением произнес де Роган. — Пойдемте! Здесь нам больше нечего делать! Роялисты больше не вернутся.

Войдя в город, герцог пошел к валу.

— Куда же вы? — спросил граф.

— К мадам де Роган; они с мадам дю Люк и мадмуазель де Кастельно, моей приемной дочерью, ждут меня тут недалеко, у караула графа де Лерана. Пойдемте, пойдемте, граф!

— Что? Что вы хотите сказать?

— Пойдемте, говорю вам!

Они взошли на вал.

Граф де Леран был слегка ранен, и это делало его счастливым. Он сидел на лафете пушки, и четыре дамы наперебой ухаживали за ним, перевязывая ему рану. За де Роганом и Оливье стояла толпа солдат. Одним словом, вал был заполнен народом.

— На одно слово, герцог, пожалуйста! — сказал граф дю Люк, взяв его за локоть. — Знакомо вам это письмо? — прибавил он, достав из кармана листок бумаги.

— Конечно, граф, — отвечал де Роган, взглянув на обрывок. — Я удивляюсь только, как оно к вам попало.

От множества факелов солдат на валу было светло, как днем.

— Мой паж нашел его у вашего посланного, герцог.

— То есть у одного из моих посланных, потому что я написал три таких письма и отправил с тремя разными курьерами. Это нехорошо с вашей стороны, граф; ведь это письмо к герцогине.

— К герцогине!

— Извините! — прозвучал чей-то насмешливый голос. — Но очаровательный паж, как видно, не отдал вам другую половину письма. Вот она!

Клер-де-Люнь подал графу листок, на оборотной стороне которого, кроме окончания текста, были приписаны следующие слова:

Мадам Мари де Бетюн, герцогине де Роган; курьеру, посланному с этим письмом, велено загнать лошадь, чтобы скорее поспеть в Монтобан; ему надо дать хорошее вознаграждение.

— А теперь, граф, — обратился к нему с улыбкой герцог, — чтобы у вас не оставалось больше ни малейшего сомнения насчет этого письма... Мари, дорогая моя! — он возвысил голос. — Придите-ка сюда, моя душечка!

— Ах, герцог! Милый герцог! — вскричала герцогиня, бросаясь к нему в объятия.

Де Роган крепко обнимал и целовал ее.

— Милая Мари, — спросил он, когда утихло первое волнение, — вы получили письмо, которое я написал вам несколько дней тому назад?

— Иначе разве я была бы здесь, милый Генрих!? — воскликнула она. — Ведь мы назначили свиданье на валу, чтобы скорей увидеться и чтобы вы скорей уверили этого сумасшедшего Гастона де Лерана в вашей согласии на его брак с Бланш!

— Да, душа моя. Сколько у вас дубликатов этого письма?

— Два, милый герцог. Третьего курьера убили или, вероятно, взяли в плен.

— Эти два дубликата, наверное, в вашем кошельке; дайте мне их, пожалуйста.

— О, герцог! — крикнул, протестуя, Оливье.

— Нет, нет, милый граф, мне непременно нужно убедить вас.

— Вот что его убедит лучше всего! — раздался суровый голос. — Надо покончить с этими низостями.

Капитан Ватан втащил за собой какое-то существо в мужском платье, но с лицом женщины.

— Граф дю Люк, вот ваш паж Клод Обрио! Узнаете?

Он грубо толкнул это существо — полумужчину-полуженщину, которое, пошатнувшись, остановилось в двух шагах от графа.

— О! — с ужасом и бешенством закричал Оливье. — Диана де Сент-Ирем? Возможно ли?

Девушка откинула голову и с презрением посмотрела на графа.

— Да, я Диана де Сент-Ирем, — произнесла она, — или ваш паж Клод Обрио. Теперь, когда все знают, что вы изменник, я могу умереть: я отомщена!

— Он изменник?! — вскричала Жанна, бросаясь к мужу. — Он, Оливье?! Ты лжешь, презренная! Он спас всех нас.

— Да, сударыня, — с достоинством подтвердил герцог, — мы обязаны ему тем, что королевские войска не вошли в город.

— О, графиня! — воскликнул Оливье, подойдя к Жанне. Она с улыбкой подала ему обе руки.

— Девушка, — сказал герцог, — все ваши козни, благодарение Богу, рушились. Вы не женщина, с вами и поступят не как с женщиной. Если знаете какую-нибудь молитву, читайте! Через час вы умрете!

— Герцог! — обратилась к нему Жанна, складывая руки и залившись слезами. — Будьте великодушны, прогоните эту презренную; она обличена и не может больше вредить.

— Графиня, ваша честь, честь вашего мужа и моя собственная требуют, чтобы она умерла!

— О, недоставало только сострадания этой дурочки! — со злой улыбкой прошипела Диана. — Да, я адское создание, я хотела погубить всех вас, взведя на каждого небывалые клеветы... Это правда! Я все ставила на карту, чтобы выиграть, проиграла — и плачу. Но я не одна сойду в ад, из которого вышла!

Быстрее молнии выхватив спрятанный на груди кинжал, она кинулась на графа. Но капитан Ватан знал Диану и следил за ее движениями.

Он быстро загородил собой Оливье; удар достался ему прямо в грудь, но в то же время он разбил ей череп рукояткой кинжала.

Оба упали.

— О! — с бешенством крикнула Диана. — Всегда возле него, чтобы спасти его!

— Как ты, — с усилием проговорил капитан, — всегда была против него, ища его гибели!

— Возьмите эту тварь и сейчас же повесьте! — приказал герцог.

Пять минут спустя труп Дианы де Сент-Ирем качался на самой высокой башне Монтобана.

Капитан чувствовал, что силы быстро оставляют его и смерть приближается.

Оливье, Жанна, герцог и герцогиня плакали, стоя на коленях вокруг него.

— Э! — слабо прошептал он, стараясь улыбнуться. — Я умираю, как солдат, с оружием в руках. Благодарю Бога, что он послал мне такую прекрасную смерть! Будьте счастливы, дети, я очень любил вас!.. Фаншета, — едва внятно прибавил он, обращаясь к мадам Грипнар, — поклянись мне... что она никогда не узнает... никогда... слышишь?.. что я был ее отец!

Поднявшись вдруг, он сел, обвел всех каким-то странным взглядом и громко, ясно воззвал:

— В дорогу! Бьют сбор!

И упал навзничь. Все засуетились около него, но все было напрасно. Капитан Ватан умер.

Попытка роялистов овладеть Монтобаном, задуманная Дианой де Сент-Ирем, оказалась последней.

Как известно, заразные болезни подкосили армию коннетабля, он принужден был снять осаду, с реформатами заключили мир.

Через десять дней после снятия осады граф Гастон обвенчался с Бланш.

Граф дю Люк излечился от своей ревности, как говорят мемуары, послужившие источником нашего романа.

Странная вещь! Клер-де-Люнь, вернувшийся в Париж и продолжавший свои скабрзные операции, не был повешен!

Дубль-Эпе женился. Клер-де-Люнь отказался от звания начальника Тунеядцев Нового моста, переехал к своему бывшему адъютанту и нянчился с его детьми, которым, вероятно, внушил некоторые из прекрасных правил, руководивших им всю жизнь.

СОДЕРЖАНИЕ

ТУНЕЯДЦЫ НОВОГО МОСТА

ПРОЛОГ

Истребители	7
-------------------	---

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Утонченные	33
------------------	----

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Буйная жизнь	179
--------------------	-----

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Диана де Сент-Ирем	343
--------------------------	-----

Г.Эмар
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
Т о м 11

Редактор *Е. Маннина*
Художественные редакторы *И. Сайко, С. Шалимов*
Технический редактор *Е. Серегина*
Корректор *В. Лизунова*

ЛР № 030129 от 02.10.91.
Подписано к печати 24.05.93. Формат 84 x 108 1/32.
Бумага офсетная. Печать высокая. Усл. печ. л. 24,36.
Усл. кр.-отт. 24,36. Уч.-изд. л. 26,2. Тираж 50 000 экз.
Заказ 488.

Издательский центр «ТЕРРА». 109280, Москва,
Автозаводская ул., 10, а/я 73.

Отпечатано с оригинал-макета в АООТ
«Ярославский полиграфкомбинат».
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97.

